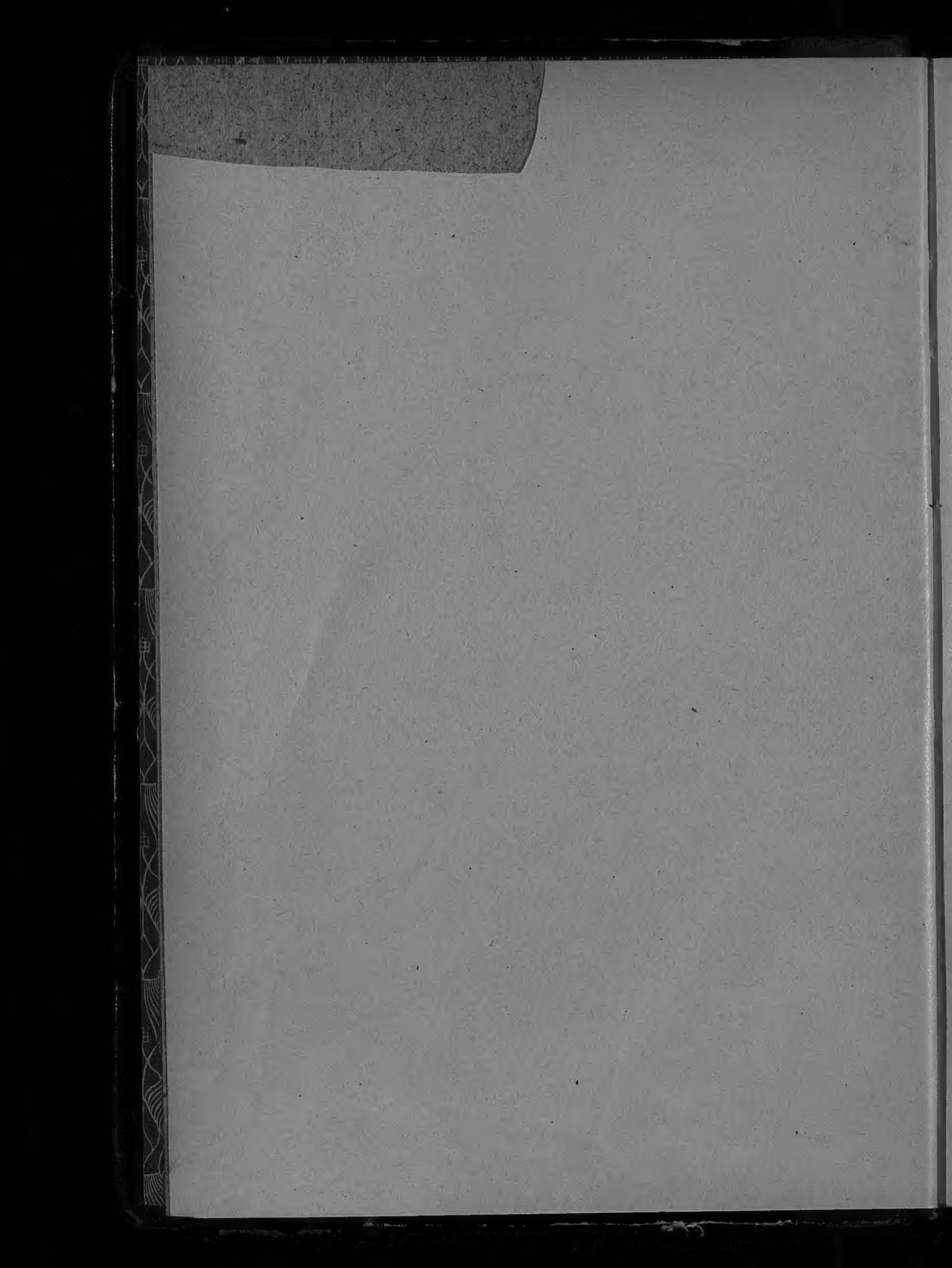
1

ІКИЙ



Л. ТРОЦКИЙ

Ен 171
К 672

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ

(РЕЧИ, СТАТЬИ, ПИСЬМА И ДР. МАТЕРИАЛЫ)

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
1923

ЕН171
К672

Отпечатано в [illegible] типо-
литографии „[illegible]
граф", Мыльников [illegible],
в количестве [illegible] экз.
Главлит № 40[illegible] Москва

СФО
12063

1062516 29/7/8 30 с1.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Французская Коммунистическая Партия является одной из важнейших секций Коминтерна. А, между тем, нет еще такого сборника материалов, по которому партийная масса могла бы поближе познакомиться с развитием и настоящим положением нашей братской партии во Франции. Выпустить в свет такой сборник—цель издания книги „Коммунистическое движение во Франции".

Издательство воспользовалось имеющимся огромным материалом о Ф.К.П. в работах конгрессов Коминтерна и расширенных пленумов его Исполкома. Все эти материалы, за крайне редким исключением, являются результатом труда бессменного докладчика по французскому вопросу—на конгрессах Коминтерна, на расширенных заседаниях ИККИ, в комиссиях—тов. Троцкого. К речам Льва Давидовича по французскому вопросу и решениям, резолюциям и постановлениям по этому вопросу издательство присоединило много его статей, в разное время появившихся в печати, а также и неопубликованные материалы (письма к французским товарищам), которые, по просьбе издательства, тов. Троцкий предоставил в наше распоряжение.

Оригиналы большинства помещенных в настоящей книге материалов писаны или произнесены тов. Троцким на французском языке. Вся работа по проверке перевода, выправке и систематизации материалов выполнена тов. М. Я. Зеликманом, которому, кроме того, принадлежит помещенная в V отделе книги статья о Французской компартии, пояснительный словарчик имен и событий, встречающихся в книге, и все редакционные примечания к тексту.

Издательство „Московский Рабочий".

Москва, апрель 1923 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ИТОГИ ЗАКОНЧЕННОГО ПЕРИОДА.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Материалы настоящего тома, собранные и проредактированные т. М. Зеликманом, охватывают три года из жизни коммунистической партии и других рабочих организаций Франции. Незачем говорить, что собранные здесь документы ни в каком случае не исчерпывают этого периода. Основным содержанием книги, как указано Издательством, являются речи, произнесенные на заседании Конгресов Коминтерна и его Исполнительного Комитета, а также решения, вынесенные Интернационалом по французскому вопросу. Читатель не должен поэтому требовать от книги больше, чем она может дать: это не исторический очерк французского рабочего движения и коммунистической партии, это даже не очерк состояния партии и рабочего класса в настоящий момент, это преимущественно *критическая оценка* нашей французской партии под углом зрения Коммунистического Интернационала. Фактический материал из жизни рабочего движения Франции привлекался постольку, поскольку он нужен был для принципиальной оценки. Этим определяется его неполнота и, в известном смысле, его односторонность. Речи произносились и резолюции писались не для информации обо всех сторонах французского рабочего движения, а для борьбы против его отрицательных сторон. Под этим углом зрения читатель должен знакомиться с собранными здесь материалами, иначе он рисковал бы утратить необхо-

димую перспективу. Нужно, однако, с самого начала сказать, что эта книга предполагает у читателя некоторое, хотя бы элементарное, знакомство с основными фактами французского рабочего движения, с его прошлым, с его традициями.*)

Империалистская Франция — сейчас правящая сила на европейском континенте и очень большая величина за его пределами. Уже это одно сообщает огромное значение французскому пролетариату и его партии. Европейская революция победит окончательно и бесповоротно тогда, когда она овладеет Парижем. Победа пролетариата на европейском континенте почти автоматически решит судьбу английского капитала. И, наконец, революционная Европа, к которой немедленно примкнут закабаленные народы Азии и Африки, сумеет сказать несколько убедительных слов капиталистической олигархии, которая правит в Америке. Главный ключ к европейскому, а в значительной мере и к мировому положению, вручен таким образом французскому рабочему классу.

Коммунистический Интернационал следил с напряженным вниманием за внутренней жизнью французской партии именно потому, что чрезвычайно высоко ставил и ставит ее историческую роль. Французского рабочего обманывали на протяжении всей его истории больше, чем кого бы то ни было другого; тем строже и непримиримее должна быть к самой себе Французская Коммунистическая Партия. В этом отношении достигнуты сейчас крупнейшие успехи, которые можно назвать в известном смысле решающими. Под скорлупой внутренней борьбы фракционных группировок, кружковых столкновений, отколов и исключений совершалось за последние два года действительное прорезывание революционных зубов у французского пролетариата,—а грызть этими зубами ему придется металл могущественнейшего милитаристского государства. Достигнутые на этом, пока

*) Тем читателям, которые хотели бы приобрести такого рода предварительные сведения, мы можем рекомендовать недавно вышедшую в Государственном Издательстве старую книжку Каутского „Республика и социализм во Франции“.

еще подготовительном пути, успехи как бы персонифицируются в выходе из партии Фроссара и во вступлении в партию Моната и Барбюсса.

Фроссар, бывший генеральный секретарь партии и до известной степени вдохновитель, по крайней мере ее официальной политики, возглавлял тот фланг ее парламентского прошлого, который сделал попытку приспособиться к решительному сдвигу пролетарского авангарда влево. Не лишенный известной гибкости и подвижности мысли, находчивости, красноречия—ценных качеств, которые полезны всякому, в том числе и революционеру, но которые для парламентского политика имеют самодовлеющее значение,—Фроссар, повидимому, серьезно вообразил, что при помощи этих качеств он будет до скончания веков лавировать между Коммунистическим Интернационалом и его врагами, прикрываясь авторитетом коммунизма пред рабочими и оберегая французский рабочий класс от „излишеств“ Москвы. Противопоставляя свои дипломатические импровизации, искусные в смысле уклончивости, экивока, двусмысленности и пр., принципиальной линии Коммунистического Интернационала, Фроссар не мог, однако, не запутаться уже на первых шагах. Лучше всего позиция этого человека характеризуется тем, что за несколько часов до выхода из коммунистической партии он сам еще не знал, поедет ли он в Москву для того, чтобы, как член Исполкома, участвовать в направлении политики Коммунистического Интернационала, или же перейдет в стан его врагов.

Индивидуальные особенности Фроссара не должны, однако, скрывать от нас типичности фроссаровщины. В Италии мы имели известный конфликт с тов. Серрати, который вместе со своей фракцией поставил себя на продолжительный срок вне Коммунистического Интернационала. Исключительно бурный характер политического развития Италии ныне снова толкнул фракцию максималистов вместе с ее вождем в сторону Коммунистического Интернационала. Мы надеемся, что слияние произойдет, и на этот раз прочно.

Германии мы имели классический эпизод с Павлом Леви который, выступив против явно ошибочной тактики немец-

кой коммунистической партии в марте 1921 года, в течение нескольких недель успел показать, что ему только не доставало подходящего повода для того, чтобы перейти в лагерь врагов пролетарской революции. В менее яркой и законченной форме, иногда лишь в виде намеков, мы имели сходные явления в чехо-словацкой партии, в норвежской и др.

Особенно поражает, на первый взгляд, то обстоятельство, что во всех этих конфликтах во главе раскольников или колеблющихся оказываются наиболее выдающиеся „вожди", т.-е. лица, которые—по крайней мере внешним образом—возглавляли движение „за Москву" и „за III-й Интернационал": Серрати бесспорный вождь итальянской партии до сентября 1920 года; Павел Леви—председатель германской партии; его подражатель Фрисланд—генеральный секретарь той же партии; Фроссар—генеральный секретарь французской партии и т. д. Уже эта повторяемость свидетельствует, что тут не случайность, а закономерность. Объяснение ее в конце-концов не так сложно. В странах старого капитализма, со старыми социал-демократическими традициями, самое образование коммунистической партии означало разрыв с огромными наслоениями реформистского, националистского, парламентарного прошлого. Но верхний слой социалистов, с именами, авторитетом и пр., всеми корнями уходил в это прошлое. И даже социал-демократы, которые в довоенную эпоху или во время войны стояли в партии на крайней левой, то-есть в оппозиции к официальному социал-демократическому курсу, были в подавляющем большинстве его политическими пленниками, и их оппозиция шейдемановщине и реноделевщине имела ораторский, писательский, формальный, словесный, но не революционный, не действенный характер. Когда после войны в рабочих массах обнаружилось непреодолимое движение влево, к расчету с буржуазией, социал-демократическим оппозиционерам показалось, что наступает *их* время, что масса оправдывает *их* критику и собирается следовать *их* указаниям. Положение и политика этих господ очень напоминали собой положение и политику умеренных либералов во время революций: первое пробуждение народа казалось либералам всегда доказатель-

ством их правоты и силы; но уже на другой день они с ужасом убеждались, что масса, по крайней мере ее революционная часть, не делает столь большого различия между вчерашними господами положения и их умеренными оппонентами. Тогда либералы бросались в объятия реакции...

Тот факт, что половинчатые лидеры социал-демократической оппозиции оказались во главе коммунистических партий, объясняется тем, что подлинно-революционная часть рабочего класса не могла в несколько месяцев ни выдвинуть, ни воспитать новых вождей. И приходится признать как факт, что в течение первых лет Коммунистического Интернационала мы имели во главе ряда его партий либо революционных, но неопытных и недостаточно выдержанных вождей, либо вечно колеблющихся полу-революционеров, обладающих, однако, значительным авторитетом и политической рутиной. Именно отсюда-то и вытекали, а отчасти вытекают и до сего дня,—хотя положение на этот счет стало неизмеримо лучше—внутренние трудности, трения и конфликты в Коммунистическом Интернационале. Полуцентристские вожди больше всего боялись оказаться выбитыми из колеи легальности, прикрытой формальным радикализмом. Поэтому от революционной постановки политических вопросов, от методов действительной подготовки к восстанию пролетариата они отгораживались китайскими ширмами „национальной автономии". Между тем, качественная однородность политики Павла Леви, Фроссара и других свидетельствует, что дело шло не об особенностях национального положения,—которые, конечно, нужно тщательно учитывать,—а о вполне интернациональной тенденции, в духе левого центризма, который готов усвоить внешний ритуал Коммунистического Интернационала, проглотить, не поперхнувшись, двадцать одно и более условий, но под тем единственным условием, чтобы все по возможности оставалось по старому. Фроссар был законченным представителем этого типа. Выход из партии его и его единомышленников есть поэтому чрезвычайно крупная веха на пути создания революционной партии французского пролетариата.

Если сам Фроссар, как мы видели, ни в каком случае не является национальной особенностью, то причину того, как и почему ему удалось столь долго обманывать других и себя самого относительно своего политического назначения, надо действительно искать в особенностях политического положения Франции. В отличие не только от побежденной Германии, но и от полубежденной Италии, победоносная Франция прошла через самые критические послевоенные годы без глубоких политических потрясений. И хотя основные тенденции, ведущие страну к революционной катастрофе, во Франции те же, что и в Германии или в Италии, но проявление их менее резко, менее бурно, более замаскированно. В соответствии с этим, формирование революционного пролетарского авангарда во Франции совершалось, по крайней мере до последних месяцев, замедленным темпом. Внешнее впечатление было такое, как если бы старая социалистическая партия постепенно эволюционировала в коммунистическом направлении, выбросив в Туре за борт явно компрометирующий балласт. По существу же от Реноделя и Лонге отделились в Туре „с болью в сердце" очень многочисленные их единомышленники, надеявшиеся ценой такой жертвы купить себе право на руководящее положение в коммунистической партии, которая, в благодарность за это, не должна была нарушать их добрые старые привычки. Вследствие общей замедленности и консерватизма политической жизни Франции после войны, даже и левое крыло, как оно сложилось в виде комитета III Интернационала внутри социалистической партии, отличалось еще политической неоформленностью и разнородностью состава. И именно этот факт, который не всеми товарищами учитывался с необходимой ясностью, препятствовал до поры до времени более решительным шагам Интернационала против политики Фроссара и К°. Уже в течение 21-го и первой половины 22-го года эта группа дала достаточно поводов для прямого разрыва с ней. Но в тот период такой разрыв не был бы понят массой членов партии, раскол в партии прошел бы по сравнительно случайной линии и, наконец, в лице левой фракции,

Интернационал получил бы очень пеструю группировку, нуждающуюся во внутреннем очищении. Первым делом нужно было, следовательно, обеспечить возможность левым элементам действительно уяснить себе свои задачи, идейно сплотиться, собрать вокруг себя значительную часть партии,—и только после этого подготовительная идейно-критическая и воспитательная работа Интернационала могла быть дополнена более решительными организационными и „хирургическими“ мероприятиями широкого масштаба. И вот в этом смысле замедленность политического развития Франции имела для коммунистической партии и свою положительную сторону. Левое крыло не было поставлено пред крупным политическим испытанием прежде, чем получило возможность серьезно подготовиться к нему. В Италии момент раскола социалистической партии вовсе не был выбран по тактическим соображениям, а был навязан ужасающей капитуляцией руководящих элементов партии в сентябрьских событиях 1920 г. Во Франции момент разрыва с лево-центристами в значительной мере зависел от Коммунистического Интернационала. Правда, некоторые товарищи, прежде всего в самой французской партии, пытались форсировать события, считая, что тактика Исполкома во французском вопросе слишком нерешительна, слишком терпима, даже ошибочна. Независимо от того, были ли действительно совершены какие-либо частные упущения (вероятно, были), мы можем сейчас, обозревая законченный период, сказать с полной уверенностью, что в основном тактика Исполкома была верна не только по методам своим, но и по темпу, который отвечал *внутреннему ритму развития пролетарского авангарда во Франции*. Именно благодаря этому соответствию наша французская партия, после глубокого и острого внутреннего кризиса и изгнания чужеродных элементов, сохранила в своих рядах подавляющее большинство членов, весь партийный аппарат и центральный орган (L'Humanité), значение которого во Франции неизмеримо важнее, чем в какой бы то ни было стране. Нужно отметить, что в этом отношении французская партия и Интернационал многим обязаны т. Марселю

106851G
СПб 19063

БИБЛИОТЕКА

Кашену, у которого были с Интернационалом свои недоразумения, но который в решительную минуту, не колеблясь, занял свой пост в лагере революции.

Хирургическая операция, предпринятая 4-м конгрессом, была, несомненно, трудна и казалась некоторым товарищам даже слишком рискованной: речь шла об окончательном и бесповоротном, притом единовременном, разрыве партии с буржуазным общественным мнением и его наиболее двусмысленными учреждениями, в виде франк-масонства, лиги защиты прав, радикальной печати и пр. Когда эта хирургическая операция благополучно близилась к концу, Фроссар, все еще продолжавший колебаться, огляделся вокруг себя и убедился, что в *этой* партии ему делать нечего. И в ту же дверь, через которую, вместе с масонами, лигерами и пр. вышел Фроссар, в партию вошли два человека: Монат и Барбюсс.

Вхождение Моната столь же мало является личным эпизодом, как и уход Фроссара. Монат ярче и непримиримее, чем кто бы то ни было, представлял во время и после войны традиции революционного синдикализма эпохи его расцвета. Недоверие к „политике", к „партии" составляло важнейший элемент этих традиций. Для недоверия было достаточно исторических оснований. За все эти годы Монат был верным другом русской революции, не дрогнув ни разу в самые трудные дни. К французской коммунистической партии он присматривался, однако, с острой подозрительностью, держась в стороне от нее. И только, когда партия делом показала, что не остановится пред самыми суровыми мерами для укрепления своего пролетарского состава и революционного характера, Монат попросил выдать ему партийный билет. Это более, чем личный „жест". Он знаменует, что партия пробила скорлупу недоверия у целого слоя революционных французских рабочих. Внутренние трения в партии, пополняемой элементами разного политического воспитания, по всей вероятности, еще будут, но подлинный пролетарский характер партии отныне обеспечен, а, значит, обеспечено и ее революционное будущее.

Вхождение Барбюсса имеет более индивидуальный характер. Барбюсс не представляет какой-либо довоенной революционной традиции. Но зато он лучше всего воплощает собою возмущенную совесть поколения войны. В качестве председателя революционного союза бывших воинов, Барбюсс сохранял до последнего времени свою формальную независимость от коммунистической партии, отражая этим глубоко-революционное, но неоформленное возмущение рабочих и крестьянских масс послевоенного периода. Когда же политические отношения определились, когда декламаторы пацифизма и дилетанты революции вернулись к старым буржуазным яслям, Барбюсс вошел в дверь партии и сказал: „Я здесь!“ Он свидетельствует этим, что для всего мыслящего, честного и возмущенного, что осталось от поколения войны, нет другого духовного исхода, кроме коммунистической партии. Под сдержанной лирикой письма Барбюсса в „L'Humanité“ чувствуется подлинная революционная страсть. Мы приветствуем французскую партию с этим завоеванием!

Едва Фроссар со свитой успели оказаться по ту сторону порога, как события, связанные с Руром, поставили партию пред серьезными политическими испытаниями. И партия показала, что, освободившись от чужеродных элементов, она тем самым окрепла и выросла на целую голову. Обрушившиеся на нее репрессии только укрепляют ее моральную спайку.

Главные трудности, разумеется, еще впереди. Но одно можно сказать с твердой уверенностью: во Франции существует, живет, борется и растет подлинная коммунистическая партия.

Л. Троцкий.

25 марта 1923 г.

I.

ДО ОСНОВАНИЯ Ф.К.П.

ПИСЬМО К ФРАНЦУЗСКИМ ТОВАРИЩАМ *).

Лорио, Росмеру, Монату, Перика.

Дорогие друзья!

Пишу каждому из вас в отдельности, ибо с каждым из вас связан личной дружеской связью, и пишу всем вместе, ибо со всеми вами нас соединяет общая идея, общее знамя. Несмотря на блокаду, при помощи которой господа Клемансо, Ллойд-Джордж и другие пытаются отбросить Европу в средневековое варварство, мы внимательно следим отсюда за вашей работой, за ростом идей революционного коммунизма во Франции. И я лично с радостью узнаю каждый раз, что вы, дорогие друзья, стоите в первом ряду того движения, которое должно возродить Европу и все человечество.

Сейчас наша Советская республика переживает момент наивысшего напряжения своих сил для того, чтобы окончательно ликвидировать военные покушения на пролетарскую революцию. Мы имели за последние два месяца значительные неудачи на нашем южном фронте, особенно на Украине. Но позвольте сказать вам, дорогие друзья, что в настоящий момент Советская республика крепче, чем когда бы то ни было.

Мы разбили Колчака. Русская и иностранная буржуазия, в том числе и ваша французская, надеялась короновать Колчака в Кремле короной самодержцев. Войска Колчака подходили к Волге. Сейчас армии Колчака разбиты и рассеяны. С начала мая до сегодня (1-е сентября) красные войска на восточном фронте с боем прошли пространство свыше тысячи километров. Мы вернули советской революции Урал с его промышленностью и пролетарским населением. Мы

---

*) Подпись т. Троцкого оставлена лишь под его письмами к французским товарищам. Весь остальной материал, собранный в этой книге и принадлежащий т. Троцкому, как автору (статьи, письма ИККИ к Ф.К.П., резолюции и постановления, разработанные и внесенные т. Троцким), помещен, естественно, без подписи.

Редакция.

создали таким образом вторую базу для дела коммунистической революции.

Разгром армии Колчака дал нам возможность сосредоточить наши силы и наши резервы на южном фронте против генерала Деникина. В течение последних дней мы перешли в наступление на всем южном фронте. Это наступление уже дало результаты. На некоторых крайне важных направлениях враг отброшен на сто километров и более. Наши силы и наше вооружение совершенно достаточны для того, чтобы победу над Деникиным довести до конца, т.-е. до полного искоренения южной контр-революции.

Остается западный фронт, имеющий сейчас на карте нашей революционной стратегии лишь третьестепенное значение. Польская шляхта может иметь здесь временные мародерские успехи. Мы смотрим без большой тревоги на временное продвижение слабых польских войск. Когда справимся с Деникиным, — а этот день близок, — мы навалимся тяжелыми резервами на западный фронт.

Лорд Черчиль, как сообщают газеты, хвалился, что против России им мобилизовано 14 государств. Но это 14 географических названий, а не 14 армий. Деникин и Колчак предпочли бы вместо 14 союзников получить 14 хороших корпусов. Но, к счастью, ни Клемансо, ни Ллойд-Джордж уже не в силах этого сделать. И в этом ваша несомненная заслуга.

Я вспоминаю первый период войны, когда господа Ренодель, Жуо и компания предсказывали, что победа Англии и Франции будет победой западной демократии, торжеством принципа самоопределения национальностей и пр. и пр. Мы с вами с презрением отметали эти мелко-буржуазные иллюзии, отравленные империалистическим шарлатанством.

Группа Жана Лонгэ считала, что можно исправить ход мировой истории, проделывая политику Реноделя с примечаниями, оговорками и экивоками. Отвратительная ложь социал-патриотизма Реноделя и других обнаружилась до конца. Империалистическая Франция является стержнем мировой контр-революции. Традиции великой французской революции, обрывки демократической идеологии, республиканской фразеологии—все это в сочетании с опьянением победой используется для поддержания и укрепления позиций капитала против бушующих волн социальной революции.

Если Франция стала оплотом капиталистической контрреволюции, то течение Реноделя является сейчас более реакционной силой во Франции, чем французский клерикализм. Ренодель же немыслим без Лонгэ. Ренодель слишком откровенен, слишком прямолинеен, слишком циничен в сво-

ей социальной реакционности. Жан Лонгэ, который по всем основным вопросам поддерживает неприкосновенность капиталистического порядка, тратит главную свою силу и изобретательность на то, чтобы эту работу прикрыть обрядами и славословием социалистического и даже интернационалистического культа.

Переход Мерргейма на сторону наших врагов не показался мне неожиданным: и в первый период войны Мерргейм не шел с нами, а ковылял за нами. Мы живем в такую эпоху, когда лучше иметь открытых противников, чем сомнительных друзей.

Люди этого типа оказались у нас в решающую минуту почти все по ту сторону баррикады. Свою измену делу рабочего класса они прикрывали фразами о „демократии". Мы уяснили себе и другим, что в эпоху социальной революции формы и обрядность буржуазной демократии являются такой же ложью, как международное право в эпоху империалистической войны. Там, где два непримиримых класса вступили друг с другом в последний бой, нет третейского судьи, который мог бы разрешить их тяжбу. Отбросив условную фальшь демократического парламентаризма, мы создали подлинную демократию рабочего класса в виде его советов. В строительство новой жизни Советская Россия вовлекла миллионы рабочих и крестьян. Среди неслыханных препятствий трудовые массы России создали свою Красную Армию. Вождями ее на всех полях сражения являются пролетарии Петрограда и Москвы. Крестьяне Урала, Сибири, Дона, Украины встречают эту армию, как избавительницу. Комиссары наших батальонов и полков являются в то же время носителями коммунистической культуры, строителями новой жизни в освобожденных местах.

Экономический продовольственный кризис нами не преодолен только потому, что главные силы и средства страны поглощаются войной, которую зверски навязывает нам английский и французский капитал. Мы надеемся в ближайшие месяцы справиться с нашими врагами,—тогда все силы и все средства страны, весь энтузиазм и пыл передового пролетариата будут направлены на пути нового хозяйственного строительства.

Мы справимся с хозяйственной разрухой и недостатком продовольственных средств, как мы справились с Колчаком, как справимся с Деникиным. Наши победоносные батальоны в степях Сибири и на путях к Туркестану порождают взрыв революционного энтузиазма в среде угнетенных народов Азии. И в то же время мы ни на минуту не сомне-

ваемся, что близок час решительной помощи с Запада, близок час социальной революции во всех странах Европы.

Чем глубже торжество милитаризма, вандализма и социал-предательства буржуазной Франции, тем суровее будет восстание пролетариата, тем решительнее его тактика, тем полнее его победа.

В наших временных неудачах и в наших решающих успехах мы ни на минуту не забываем о вас, дорогие друзья. Мы знаем, что дело коммунизма во Франции находится в честных и твердых руках.

Да здравствует революционная пролетарская Франция!

Да здравствует мировая социальная революция!

Л. Троцкий.

Петроград
1 сентября 1919 г.

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЦИАЛИЗМ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Внутреннее положение во Франции полно глубочайших противоречий. Эти противоречия кажутся подчас даже загадочными: мы слишком мало получаем сведений, чтобы разобраться во всех зигзагах внутреннего развития Франции. В течение последних недель радио приносили нам вести о стачках, демонстрациях, волнениях, о наростающем революционном прибое. В то же время последние радиограммы сообщают о полной победе империалистской реакции на парламентских выборах. Явное противоречие на первый взгляд! А между тем, это противоречие как нельзя лучше объясняется теорией коммунизма (марксизмом) и как нельзя ярче подтверждает ее правильность.

Парламентаризм—оружие буржуазного господства. Парламентаризм тем более оказывается пережившим себя, чем глубже мы входим в эпоху пролетарской революции. По мере того, как рабочее движение во Франции принимает форму первых этапов гражданской войны, средства и орудия парламентаризма все открытее становятся достоянием капиталистических клик, аппаратом их классовой самообороны.

Победа клемансистской реакции на выборах—не опровержение близости пролетарской революции во Франции, а, наоборот, самое яркое ее подтверждение. Вместе с тем эти

дополняющие друг-друга контрасты: рост реакции в парламенте, рост восстания на улице,—являются неопровержимым доказательством того, что во Франции, в стране так-называемой „демократической республики", господство пролетариата осуществится не через посредство механизма буржуазной демократии, а в форме открытой классовой диктатуры, тем более беспощадной, чем неистовее будет сопротивление победоносной империалистской буржуазии.

* * *

В какой мере революционная Франция политически и организационно подготовлена к пролетарской диктатуре?*).

Необходимо сразу признать огромные трудности, которые предстоит в этом отношении преодолеть. Франция была искони страной социалистических и анархических сект, враждовавших между собой на поле рабочего движения. Единство социалистической партии было достигнуто и обеспечено после жесточайших междоусобий всего лишь за несколько лет до империалистской войны. И правый фланг и левый одинаково дорожили этим единством. Между тем, на опыте войны обнаружилось, что французская партия, как и французские синдикаты (профессиональные союзы), насквозь разъедена соглашательством, шовинизмом и всеми реакционными мелко-буржуазными предрассудками, какие только существуют на свете.

Французский пролетариат имеет славное революционное прошлое. Он одарен от природы и от истории превосходным боевым темпераментом. Но в то же время он знал слишком много поражений, разочарований, измен и предательств. Единство социалистической партии и синдикальной организации было его последней великой надеждой до войны. Крушение этой надежды болезненно отозвалось на сознании передовых рабочих и привело пролетарское движение Франции к длительному параличу. И сейчас, когда свежие, политически еще мало искушенные массы напирают на устои буржуазного общества, несоответствие между старой организацией и объективными задачами движения обнаруживается во всей своей силе. Отсюда вытекает не только

*) Мы пользуемся в дальнейшем полученной нами пачкой революционно-синдикалистского еженедельника „La Vie Ouvrière" за июнь—сентябрь. Во главе этой газеты стоят наши французские друзья Монат и Росмер, ни минуты не опускавшие своего знамени в эпоху величайшего распада и ренегатства так называемых „вождей".

вероятность, но неизбежность могущественных массовых движений прежде, чем новая организация окажется подготовленной для руководства ими.

Совершенно очевидна необходимость заблаговременно создавать опорные организационные пункты на местах, обладающие всей необходимой самостоятельностью, не связанные дисциплиной старых политических или профессиональных организаций, способные в любой момент стать во главе движения. Наши французские товарищи этим именно и поглощены. Если в первое время революционные группировки окажутся слишком слабыми для подлинного руководства движением, то они затем, после первого революционного прибоя, быстро пополнятся, усилятся, укрепятся в самой борьбе.

Насколько можно судить издалека, в этой двойной задаче—строить организацию почти заново и в то же время руководить быстро развертывающимся движением масс—и состоит главная трудность революционной работы во Франции в настоящий момент.

„Стачки вспыхивают,—говорит мужественный революционный синдикалист Монат,—со всех сторон". А внутренняя несостоятельность „не позволяет Всеобщей Конфедерации Труда руководить ими". Нужен новый аппарат. Но движения нельзя отсрочить до того момента, когда будет создана необходимая организация руководства. С другой стороны, стихийно возникающие стачки, которые имеют тенденцию превратиться в решающие революционные события, не могут привести к победе без подлинной революционной организации, такой, которая не лжет пролетариату, не обманывает его, не прячется от него, не пускает ему пыли в глаза, не предает его за кулисами парламентаризма или экономического соглашательства, а непреклонно ведет до конца. Такую организацию еще только нужно создать. „Куда мы идем? От недовольства к недовольству, от забастовки к забастовке, от стачки полуэкономической, полуполитической к стачке чисто политического характера. Идем прямо к низвержению буржуазии, то-есть к революции. Недовольные массы большими шагами продвигаются по этому пути". Так пишет газета Моната и Росмера („La Vie Ouvrière").

Задача революционных представителей французского пролетариата состоит в том, чтобы с центральным ядром коммунистов (как социалистического, так и синдикалистского происхождения), хотя бы и небольшим по численности, но ясно сознающим цели движения, тесно связать всех тех новых вождей, которые выдвигаются в процессе стачек,

демонстраций и всех вообще проявлений подлинного массового движения. Задача состоит в том, чтобы, не пугаясь трудностей, брать на себя уже сейчас руководство стихийно возникающим движением и укреплять на этой почве собственную организацию, как аппарат прямого восстания пролетариата.

Это предполагает, в свою очередь, полный разрыв с дисциплиной контр-революционных организаций, какими по существу, т.-е. в отношении основной задачи движения, являются партия Реноделя-Лонгэ и синдикаты Жуо*)-Мергейма**).

Если 21 июля, когда была назначена стачка протеста против вмешательства Антанты в русские дела, рабочие массы откликнулись очень скупо, то винить в этом приходится не их. В течение нескольких последних лет рабочих вообще, а французских в особенности, обманывали с таким напряжением, с такой дьявольской изобретательностью и с такими трагическими последствиями, как никогда. Те вожди, которые заученными фразами звали рабочих к борьбе против капитала, осенью 1914 года открыто надели на себя в большинстве своем ливрею империализма. Официальные организации синдикатов и партии, с которыми передовые рабочие привыкли связывать идею освобождения, стали орудием капитала. Этот факт не только создал для рабочего класса невероятные организационные затруднения, но и стал причиной глубокой идейной катастрофы, от которой тем труднее оправиться, чем большую роль играла старая организация в жизни передовых слоев пролетариата.

Рабочий класс героически стремится ныне подняться после падения, выпрямиться после удара. Отсюда небывалый приток в синдикаты. Но в то же время идейно обезоруженный, политически растерянный рабочий класс с трудом вырабатывает себе новую ориентацию. И этот труд не облегчается, а до последней степени затрудняется, если революционные вожди слишком долго задерживаются на переходной позиции, не выступают пред массой с необходимой самостоятельностью и решительностью, а стушевываются на основном фоне старой партийной и синдикальной организации.

---

*) Жуо—главный секретарь Всеобщей Конфедерации Труда (т.-е. Центрального Совета Профсоюзов); бывший революционный синдикалист, антимилитарист, с 1914 г.—ренегат, патриот.

**) Меррге́йм—секретарь синдиката (профсоюза) металлистов, в начале войны—правый циммервальдец, ныне—собрат Жуо.

Чем бы ни вызывалось сохранение единства старой организации, революционная масса недоумевает, когда те, которые ее призывают к революции, продолжают оставаться за одним столом с теми, которые ее обманывали и особенно тяжко и позорно предали во время войны. Революционной массе дорого ее собственное единство в борьбе, но вряд ли ей легко понять единство революционных борцов с кликой Жуо-Меррге́йма и Реноделя-Лонгэ*).

* * *

В условиях настоящей эпохи лозунг сохранения единства вытекает из психологии официальных руководителей организаций, председателей, секретарей, парламентариев, редакторов, вообще чиновников старого аппарата синдикальной и парламентской рабочей демократии, которые чувствуют, как почва у них уплывает из-под ног. Пролетариат же может ныне либо окончательно разложиться, дробясь и выделяя из себя на верхах привиллегированных нахлебников торжествующего империализма, либо сплотиться в восстании против капитала. Рабочему классу нужно единство его революционной борьбы, его классового восстания, между тем, единство переживших себя организаций, чем дальше, тем больше стоит поперек дороги единству революционного восстания пролетариата. Выбитым войной из равновесия массам нужны теперь более, чем когда-либо, ясные идеи, отчетливые лозунги, прямая дорога, непреклонные руководители. Между тем, тактика, основанная на сохранении единства старых организаций, порождает каррикатурный парламентаризм внутри рабочих организаций со старыми правлениями—как бы „министерствами", с оппозицией, с сохранением уставной законности, с официальными запросами, вотумами доверия и пр. и пр. Коммунистическая оппозиция, связывающая себя с соглашателями единством организации, ставит себя тем самым в основных вопросах в зависимость от воли соглашательского большинства и расходует свою энергию на приспособление к синдикальному и партийному „парламентаризму". Мелкие факты и инциденты внутренней организационной борьбы получают при этом непропорциональное значение за счет основных вопросов революционного движения масс.

---

*) Ренодель—вождь бывшего большинства французской социалистической партии, крайний патриот; Лонгэ — вождь бывшей оппозиции в партии, „умеренный" патриот, голосовавший, однако, за военные кредиты. Ныне фракция Лонгэ господствует в партии.

* * *

Каррикатурный „парламентаризм“ внутри рабочих организаций влечет за собой дальнейшие последствия. Секретари и председатели, министры-социалисты, журналисты и депутаты обвиняют оппозицию в том, что она стремится захватить их кресла и портфели. Оппозиция оправдывается и расписывается нередко в „уважении“ к деятелям противной стороны, старательно подчеркивая, что ведет борьбу против „принципов“, но не против „лиц“. Это ведет, в свою очередь, к упрочению соглашателей на занимаемых ими постах.

В „La Vie Ouvrière“ от 24 сентября по поводу конгресса союза металлистов говорится, что вотум доверия был дан не политике соглашательского правления, а явился выражением личного доверия и личных симпатий к секретарям. Другими словами, это был вотум мещанского сантиментализма, а не мужественной классовой политики. Т. Керен убедительно доказывает в своей статье, что сами голосовавшие, и особенно стоящие за ними массы, духом своим целиком со сторонниками III Интернационала. Если они тем не менее голосовали за резолюцию доверия правлению, то только потому, что сознание их убаюкивается ложными рассуждениями о необходимости борьбы против идей, а не против лиц. Ведь своей резолюцией доверия Меррге́йму они оставили на ответственном месте человека, который проводит идеи оппортунизма, соглашательства, прислужничества капиталу.

На конгрессе работников почты и телеграфа соглашательская политика правления была одобрена 197 голосами против 23, при 7 воздержавшихся. Член правления, интернационалист Виктор Ру (Roux) пишет, что значительное число конгрессистов просто относилось с личной симпатией к секретарю союза, соглашателю Бордересу (Borderes), которого моральная ценность-де неоспорима. „Я сам признаю, — говорит автор, — что он оказал огромные услуги организации в трудные времена“... и пр. и пр. („La Vie Ouvrière“, 15 сентября).

Жуо, Ренодель, Лонгэ, Меррге́йм и все им подобные, независимо от оказанных ими в прошлом „услуг“, чувствуют себя ныне составной частью буржуазного строя и являются на деле его важнейшей опорой. По всему смыслу своей деятельности они заинтересованы в том, чтобы представить рабочему классу любую уступку буржуазии в преувеличен-

ном виде, ибо это ведь плоды их классовой дипломатии. Критикуя капитализм, они прихорашивают его, и последний их вывод, после всех ораторских упражнений, сводится к необходимости приспособления, т.-е. подчинения господству капитала.

Основное преступление верхов правительственного синдикализма Альфред Росмер вполне правильно видит в том, что вожаки его „заменяли прямое действие рабочего класса ходатайствами пред правительством". Этой контр-революционной тактики нельзя, однако, изменить „ходатайствами" пред социал-империалистами профессионального и политического движения. В то время, как Жуо, Ренодель, Меррґейм и Лонгэ занимаются убеждением капиталистов и буржуазных депутатов в необходимости уступок рабочему классу, подлинные представители этого последнего не могут расходовать своего времени на убеждения Реноделя и Лонгэ в необходимости революционной борьбы. Чтобы сбросить с своей шеи капиталистов и буржуазных депутатов, рабочему классу нужно выкинуть из своей организации Реноделей и Лонгэ.

Борьба против них должна вестись не в форме семейной перепалки, академической дискуссии, а в таком виде, чтобы она соответствовала глубине самого вопроса, чтобы пропасть, отделяющая нас от социал-империалистов, представилась сознанию масс во всей своей неизмеримости.

Наша задача состоит в том, чтобы использовать до конца потрясающие уроки империалистской войны. Мы должны провести в сознание масс опыт последнего периода и заставить их понять, что в рамках капитализма дальнейшее существование для них невозможно. Мы должны пробужденную ненависть масс к капиталу, капиталистам, капиталистическому государству, его органам, довести до высшего революционного напряжения. Мы должны сделать ненавистными в глазах массы не только капиталистов, но и всех тех, кто защищает капитализм, кто замаскировывает его язвы, кто смягчает его преступления.

„Массы будут отныне знать,—пишет Монат после неудачного выступления 21-го июня,—что нельзя более колебаться и обольщать себя ложными надеждами, и что они должны беспощадно очистить личный состав синдикатов". („La Vie Ouvrière" от 25-го июня).

Борьба против ложных принципов неизбежно означает в политике борьбу против людей, которые эти принципы олицетворяют. Возрождение рабочего движения означает изгнание из его среды всех тех, которые опорочили себя изменой, предательством, которые подорвали в рабочей мас-

се веру в революционные лозунги, т.-е. в ее собственную силу. Снисходительность, сантиментальность и мягкость оплачиваются в такого рода вопросах ценою кровных интересов пролетариата. Пробужденные массы требуют, чтобы говорили громко, чтобы вещи назывались своими именами, чтобы в политике не было неопределеленных полутонов, а ясные, отчетливые водоразделы, чтобы изменники подвергались бойкоту и травле, чтобы место их заняли беззаветно преданные делу революционеры.

Т. Луиза Сомоно (Saumoneau*) рисует следующую картину борьбы за влияние идей III Интернационала во время нынешней избирательной кампании: „Пропаганду, которая должна развернуться как внутри организаций, так и вне их, в массах, мы легче всегда поведем на больших публичных избирательных собраниях... Сопротивление против революционного Интернационала имеет свою главную опору в старых кадрах, которые так плохо умели руководить кораблем нашей партии во время войны. Великое усилие труда и воли должны сделать наши молодые товарищи, полные пламени и революционного рвения, чтобы приобрести некоторые практические навыки и познания, необходимые для хорошего функционирования организаций. Эти познания достаточно легко усваиваются, а между тем, в нынешних условиях борьбы они служат прикрытием для всяких ничтожеств и обеспечивают в наших организациях гибельное влияние высохших живых мертвецов. Нужно, чтобы повсюду молодые силы воодушевляли революционный класс, поднявшийся за дело III Интернационала, нужно, чтобы они повсюду утвердились и заменили, хотя бы и опрокидывая их вниз головой,—всех тех, которые отягчены четырьмя годами отречения от социалистической жизни“... Из этих слов совершенно ясно видно полное понимание необходимости, борясь против реакционных идей, опрокидывать вниз головою людей, которые воплощают застой и смерть революционного движения.

* * *

Обанкротившиеся „вожди“ социализма и синдикализма, вчерашние революционеры фразы, сегодняшние смиренные капитулянты, винят в своем ренегатстве не себя, а... пролетариат.

---

*) Т. Сомоно ведет неутомимую агитацию идей III Интернационала; вместе с т. Лорио стоит во главе коммунистов партийно-социалистического, а не синдикалистского происхождения. Между коммунистами—синдикалистами и коммунистами—социалистами тесная связь. Лорио и Сомоно сотрудничают в „La Vie Ouvrière“.

Бидегарре (Bidégarrey), секретарь федерации железнодорожников, на лионском конгрессе обвинял во всем происшедшем рабочие массы. „Правда, численный состав союзов возрос. Но среди синдицированных слишком мало синдикалистов (т.-е. сознательных революционеров). Люди заботятся только о своих непосредственных интересах. Всякий человек,—философствует Бидегарре,—имеет в себе маленькую свинью, которая дремлет."

Ружи, лиможский делегат, точно так же обвиняет во всем пролетариат. Это его вина: „Масса недостаточно просвещена. Она пришла в союз только ради увеличения заработной платы."

Меррге́йм, секретарь металлистов, хвалится с трибуны своей „спокойной совестью." Он, видите ли, шел в Циммервальд, как на вне-синдикальное предприятие. Это было, так сказать, маленькое пацифистское паломничество, для очистки совести. Он, Меррге́йм, боролся. Но он не мог пробудить масс. „Нет, не я предал рабочий класс, рабочий класс предал меня." Буквально!

Синдикалист Дюмулен (Dumoulin), „честный" ренегат типа Меррге́йма, в начале войны циммервальдец, а ныне достойный соратник генерального секретаря Жуо, заявлял на турском конгрессе учителей, что Франция не готова для революции: масса еще „не созрела." Мало того, Дюмулен обрушился даже на интернационалистов-учителей, обвиняя их... в отсталости пролетариата,—как будто воспитание трудящихся масс создается жалкой буржуазной школой для детей пролетариата, а не могущественной школой жизни, воздействием патронов (хозяев), администрации, церкви, буржуазной печати, парламентариев и „дурных пастырей" синдикализма.

Ренегаты и дошедшие до полного падения трусы и скептики повторяют эту фразу без конца: „массы не созрели". Какой отсюда вывод? Только один: отказ от социализма, и отказ не временный, а полный. Ибо если массы, прошедшие долгую подготовительную школу политической и синдикальной борьбы, прошедшие затем школу четырехлетней бойни, не созрели для революции, то когда же и как они созреют? Не думают ли Меррге́йм и другие, что победоносный Клемансо создаст в стенах капиталистического государства сеть академий социалистического воспитания масс? Если капитализм воспроизводит из поколения в поколение цепи наемного рабства, то пролетариат в глубоких своих толщах несет с собой из поколения в поколение тьму и невежество. Если бы пролетарские массы могли достигнуть высокого духовного расцвета при капитализме, то капита-

лизм не был бы так плох и не было бы нужды в социальной революции. Именно потому пролетариату необходима революция, что капитализм держит его в духовной кабале. Под руководством передового слоя недозрелые массы созреют во время революции. Без революции они впадут в прострацию, и все общество загниет.

Новые миллионы рабочих вливаются в профессиональные союзы. В Англии великий прилив удвоил число членов трэд-юнионов, которое достигает в настоящее время цифры в 5.200.000 душ. Во Франции число членов синдикатов возросло с 400.000 человек накануне войны до двух миллионов. Какие изменения вносит этот рост числа организованных рабочих в политику синдикализма?

„Рабочие идут в синдикаты исключительно ради непосредственных материальных выгод",—отвечают соглашатели. Эта теория фальшива с начала до конца. Великий прилив рабочих в профессиональные союзы вызван не мелкими, повседневными вопросами, а колоссальным фактом мировой войны. Рабочие массы, не только верхние слои, но и глубочайшие низы, взбудоражены величайшей исторической встряской. Каждый отдельный пролетарий почувствовал, как никогда, свою беспомощность пред могущественной империалистской машиной. Стремление к связи, к объединению, к сосредоточению сил поднялось с небывалой силой. Отсюда—устремление миллионов рабочих в профессиональные союзы, или в советы депутатов, т.-е. в такие организации, которые не требуют политической подготовки, а являются наиболее общим и непосредственным выражением классовой борьбы пролетариата.

Утратив веру в пролетарские массы, реформисты, типа Мерргейма-Лонгэ, должны искать точки опоры в среде „просвещенных" и „гуманных" представителей буржуазии. И, действительно, политическое ничтожество этих людей убийственнее всего сказалось в факте их почтительного восторга пред „великим демократом" Вильсоном. Люди, считающие себя представителями рабочего класса, могли всерьез верить, что американский капитал поставит во главе своего государства человека, с которым может идти рука об руку европейский рабочий класс. Эти господа, очевидно, ничего не слыхали о действительных причинах вмешательства Америки в войну, о бесчестных происках американской биржи, о роли Вильсона, которому сверх-капиталисты Соединенных Штатов поручили лозунгами фарисейского пацифизма прикрывать их кровавое живодерство. Или они полагали, что Вильсон сможет пойти против капиталистов и осуществить свою программу наперекор воле миллиарде-

ров? Или они считали, что словом пастырского убеждения Вильсон заставит Клемансо и Ллойд-Джорджа заняться освобождением мелких и слабых народов и установлением всеобщего мира?

Уже совсем недавно, т.-е. после отрезвляющей школы версальских „мирных“ переговоров, Мерргейм на лионском конгрессе обрушился на синдикалиста Лепти (Lepetit), который позволил себе—о, ужас!—непочтительно отозваться о Вильсоне. „Никто не имеет права,—заявил Мерргейм,—оскорблять Вильсона на синдикальном конгрессе“. Что из того, что совесть Мерргейма спокойна? Если его низкопоклонство не оплачено американскими долларами,—а мы охотно допускаем, что это так,—оно остается все тем же презренным низкопоклонством бескорыстного лакея пред могущественным „демократом“ милостью доллара. Нужна поистине последняя степень духовной приниженности, чтобы переносить надежды рабочего класса на праведников буржуазии. „Вожди“, способные на такую политику, не могут иметь ничего общего с революционным пролетариатом. Они должны быть беспощадно извергнуты вон. „Люди, которые совершили все это,—сказал Монат на лионском конгрессе синдикалистов,—недостойны более оставаться истолкователями мыслей французского рабочего движения.“

* * *

Французские парламентские выборы лягут глубоким рубежом в политическом развитии Франции. Смысл этих выборов в устранении промежуточных политических группировок. Буржуазия через посредство парламента передала власть финансовой олигархии, эта последняя поручила генералам завоевать для нее землю; выполнив свою кровавую работу, генералы, совместно с биржевиками, использовали парламентский аппарат, чтобы мобилизовать вокруг себя всех эксплоататоров, хищников, всех алчущих и жаждущих добычи, всех устрашенных революционным пробуждением масс.

Парламент становится политическим штабом контр-революции. Революция выходит на улицу и стремится создать свой вне-парламентский штаб.

Устранение промежуточных, средних группировок в стране (радикалов и радикал-социалистов) неизбежно приводит к тому же внутри рабочего движения. Лонгэ и Мерргейм жили надеждой на „просвещенные“ реформистские силы буржуазного общества. Крах этих последних обрекает

на политическую смерть течение Лонгэ и Мерргейма, ибо с исчезновением предмета исчезает и его тень.

Многочисленные оттенки от Реноделя до Лорио, от Жуо до Моната в самый краткий срок выйдут в тираж. Останутся две основные группировки: клемансисты, с одной стороны, революционные коммунисты—с другой.

О дальнейшем, хотя бы только формальном, сохранении единства в партийной и синдикальной организации не может быть и речи.

Пролетарская революция должна создать и создаст свой центральный политический штаб из объединенных социалистов и синдикалистов революционно-коммунистического направления.

Обескураженный, окончательно сбитый с толку русской и германской революцией, Каутский все свои надежды возлагал на Францию и Англию, где победить должна гуманность в облачении демократии.

На самом деле, мы видим, как там, на верхах буржуазного общества, у власти побеждает самая чудовищная, опьяненная шовинистическим угаром реакция, с оскаленной челюстью и налитыми кровью глазами. И навстречу ей поднимается пролетариат, готовый беспощадно отомстить за все свои прошлые поражения, унижения и страдания.

Схватка будет не на жизнь, а на смерть. Победа останется за рабочим классом. Пролетарская диктатура разметет навозную кучу буржуазной демократии и очистит путь для коммунистического строя.

20 ноября 1919 г.

ЖАН ЛОНГЭ.

Дорогой друг! Счастливый случай и вошедшая в пословицу любезность Жана Лонгэ доставили мне стенографический текст речи, которую социалистический депутат произнес 18 сентября истекающего года во французской палате прошлого состава. Речь озаглавлена: „Против империалистского мира—за революционную Россию“. На полчаса брошюра погрузила меня в атмосферу французского парламента эпохи упадка буржуазной республики и заставила вспомнить о том освежающем презрении, с каким Маркс отзывался об искусственной атмосфере парламентаризма.

Чтобы сразу подкупить противников, Жан Лонгэ начинает с напоминания своим „коллегам“ о том чувстве меры

и о той любезности, которые никогда не покидали его в настоящем собрании. Он присоединяется полностью и целиком „к столь справедливым соображениям, которые были здесь поддержаны нашим коллегой Вивиани, с его чудесным красноречием“. Когда Лонгэ пытается пустить в ход ланцет своей критики, наиболее наглые крикуны империализма пытаются сразу заткнуть ему глотку именем Эльзас-Лотарингии. О, предупредительность составляет главную черту Жана Лонгэ! Из предупредительности он стремится, прежде всего, найти общую почву с противником. Эльзас-Лотарингия! Разве Лонгэ не сказал только что, что он сам находит в мирном договоре ряд счастливых параграфов? „Тут только что сделали намек на Эльзас-Лотарингию. Мы все согласны на этот счет“. И Жан Лонгэ моментально прячет в жилетный карман свой критический ланцет, который удивительным образом похож на инструмент для чистки ногтей.

В своей критике мирного договора Лонгэ исходит из такого понятия о нации, какое дал не кто иной, как Ренан, этот реакционный иезуит без бога. От Ренана, который должен обеспечить общую почву с националистическим парламентом, Лонгэ переходит к освободительному принципу самоопределения наций, который был „выдвинут русской революцией и воспринят президентом Вильсоном“. „Именно этот принцип, господа, да, почтенный высокий принцип Ренана, Ленина и Вильсона“ Жан Лонгэ хотел бы видеть воплощенным в мирном трактате. Но, „в известном числе случаев (так и сказано: в известном числе случаев) принцип самоопределения наций остался в мирном договоре неосуществлен“. Это обстоятельство огорчает Лонгэ.

Куртуазного оратора перебивают, его называют адвокатом Германии. Жан Лонгэ энергично обороняется против обвинения в том, что он является защитником Германии, т. е. раздавленной и угнетенной страны, против Франции, в лице ее правящих палачей. „Моими друзьями в Германии— восклицает Лонгэ—были те, которые восставали против кайзера, претерпели годы тюрьмы и среди которых несколько отдали свою жизнь за дело, которое мы защищаем“. О каком именно „деле“ идет речь,—о „восстановлении попранного в 1871 г. права“ или о разрушении буржуазного строя,— Лонгэ не говорит. Трупами Либкхнета и Люксембург он отбивается от атак французских империалистов. Если при жизни герои германского коммунизма были укором всем Лонгэ, состоявшим пайщиками империалистического блока, на одном крыле которого стоял русский царь, то после смерти они как раз хороши для того, чтобы мнимой дружбой с ними импонировать французским рабочим, а их героиче-

ское мученичество кидать, как умилостивительную кость, разъяренным псам французского империализма.

И сейчас же после этой операции Жан Лонгэ обращается в сторону „красноречивой речи нашего друга Вандервельде". Я подсчитываю: три строки текста отделяют упоминание о мученических образах Либкнехта и Люксембург от ссылки на „нашего друга Вандервельде". Там, где жизнь разверзла пропасть, не оставив между Либкнехтом и Вандервельде ничего, кроме презрения революционера к предателю, там куртуазный Лонгэ одним объятием дружбы охватывает и героя и ренегата. Мало этого. Для того, чтобы легализовать свое уважение—в парламентском смысле слова—к Либкнехту, Лонгэ призывает в свидетели королевского министра Вандервельде, который признал,—а кому же лучше это знать, чем Вандервельде?—что два человека спасли честь немецкого социализма: Либкнехт и Бернштейн. Но ведь Либкнехт считал Бернштейна жалким подхалимом капитализма. Но ведь Бернштейн считал Либкнехта сумасшедшим и преступником. Что из этого? На подмостках издыхающего парламентаризма, в искусственной атмосфере лжи и условности, куртуазный Жан Лонгэ без усилий сочетает Либкнехта, Вандервельде и Бернштейна, как он только что объединил Ренана, Ленина и Вильсона.

Но парламентские приказчики империализма не спешат становиться на общую почву, которую удобряет своим красноречием Лонгэ. Нет, они не хотят уступать из своих позиций ни пяди. Каковы бы там ни были отзывы Вандервельде о Либкнехте и Бернштейне, но ведь бельгийские социалисты голосовали за мирный трактат. „Скажите, господин Лонгэ, да или нет, голосовали ли бельгийские социалисты за мирный трактат? (Очень хорошо! Очень хорошо!)". Сам Жан Лонгэ собирается, для запоздалого ремонта своей социалистической репутации, голосовать против трактата, появление которого он подготовил всем своим поведением. Поэтому он просто-напросто не отвечает на вопрос: да или нет? Голосовали ли бельгийские „друзья" за подлый, бесчестный, насквозь пропитанный жестокостью, жадностью и низостью Версальский договор? Да или нет? Жан Лонгэ молчит. Раз факт не назван с парламентской трибуны, он почти не существует. Жан Лонгэ не обязан цитировать бесчестные поступки своего „красноречивого друга Вандервельде", раз он имеет возможность цитировать его стилизованные речи.

А затем...Вандервельде! Бельгия! Нарушение нейтралитета! „Тут мы все едины". Мы все клеймим это попрание независимости маленькой страны. Правда, немцы протестовали

с опозданием. Увы, таков ход истории. „Лишь медленно, лишь постепенно,—меланхолически поясняет Лонгэ—пробуждается совесть изнасилованного и обманутого народа. И разве не также было у нас 47 лет тому назад, после империи? В тот момент, когда бдительные приказчики капитализма насторожились, ожидая, не скажет ли Лонгэ: „Разве наш собственный народ не терпит ваше господство до сего дня, разве он не обманут вами, не попран, не придавлен? Разве он не превращен вами в международного палача? Разве была эпоха, разве был народ, который волею и насилием своего правительства играл бы в истории более позорную, преступную, палаческую роль, чем та, которую играет сейчас порабощенный народ Франции?“—В этот самый момент куртуазнейший Жан Лонгэ простым оборотом речи сбросил с плеч французского народа 47 лет, чтобы преступную клику насильников, обманывающую и попирающую народ, открыть не в победоносном правительстве Клемансо, а в давно низвергнутом и превзойденном в подлости правительстве Наполеона III.

И снова в руке депутата безвредный карманный ланцет. „Вы поддерживаете Носке и его 1.200.000 солдат, которые могут завтра создать кадры великой армии против нас“. Поразительное обвинение! Почему представителям биржи не поддерживать Носке, германского будочника биржи? Они связаны союзом ненависти против революционного пролетариата. Но этот вопрос, единственно реальный, не существует для Лонгэ. Он пугает своих коллег тем, что армия Носке выступит „против нас“. Против кого? Носке душит Люксембург, Либкнехта и их партию. Против нас—против французских коммунистов? Нет, против Третьей Республики, против общего государственного предприятия Клемансо-Барту-Бриана-Лонгэ.

Опять Эльзас-Лотарингия. Опять „на этот счет мы все едины“. Разумеется, прискорбно, что не был проведен плебисцит. Тем более, что „нам“ совершенно нечего было опасаться плебисцита. Впрочем, ближайшие выборы заменят плебисцит. А тем временем Мильеран произведет надлежащую патриотическую, очистительную, воспитательную работу в Эльзас-Лотарингии, чтобы будущий „плебисцит“ мог окончательно примирить куртуазное правовое сознание Лонгэ с фактами политики Фоша-Клемансо. Лонгэ умоляет только об одном,—чтобы очистительная работа совершалась с чувством меры, дабы не „уменьшить глубоких симпатий Эльзас-Лотарингии к Франции“. Немножко гуманизировать Мильерана,—и все будет к лучшему в этом лучшем из миров.

Французский капитал захватил Саарский угольный бассейн. Здесь нет „восстановления нарушенного права“, и ни один прожженый репортер не открыл здесь „глубоких симпатий“. Тут открытый дневной грабеж. Лонгэ огорчен. Лонгэ опечален. Помимо гуманитарной стороны дела, „уголь Саарского бассейна, говорят нам техники, не лучшего качества“. Разве нельзя было в самом деле—укоряет Лонгэ—получить у распятой Германии необходимый „нам“ уголь в Рурском бассейне, несравненно лучшего качества и без парламентских трудностей по части национального самоопределения? Господин депутат, как мы видим, не лишен практического смысла.

Конечно, Жан Лонгэ интернационалист. Он признает это сам. А кому же это лучше знать? Но что такое интернационализм? „Мы никогда не понимали его в смысле унижения отечества, а наше собственное достаточно прекрасно, чтобы не иметь надобности противопоставлять себя интересу какой бы то ни было другой нации“. (Хор друзей: „Очень хорошо! Очень хорошо!“). Этому прекрасному отечеству, находящемуся в распоряжении Фоша-Клемансо, интернационализм Лонгэ ни в коем случае не мешает пользоваться доброкачественным рурским углем. Требуется лишь соблюдение форм той парламентской округленности, которая, как видите, вызывает одобрение всех наших друзей.

Жан Лонгэ переходит к Англии. Если для оценки политики собственной страны он выдвинул авторитет Ренана, то и на арене великобританской политики Жан Лонгэ появляется в совершенно респектабельном обществе. Так как приходится упомянуть об Ирландии, то „не позволено ли будет воззвать к памяти великих государственных людей Англии: Гладстона и Кемпбель-Баннермана? Если бы Англия дала свободу Ирландии, тогда ничто не помешало бы этим странам объединиться в федеративном союзе“. Обеспечив, по методу великого Гладстона, благополучие Ирландии, Лонгэ наталкивается на новые затруднения: у самой Франции есть не одна Ирландия. Лонгэ называет Тунис. „Вы позволите мне, господа, напомнить вам, что эта страна принесла ради Франции благороднейшие и величайшие жертвы в течение этой войны. Из 55.000 бойцов, которых Тунис дал Франции, около 45.000 убитых и раненых—таковы официальные цифры. И мы имеем право сказать, что эта нация... своими жертвами завоевала для себя право на большую справедливость и большую свободу“. (Хор друзей: „Очень хорошо! Очень хорошо!“). Несчастные, жалкие арабы Туниса, брошенные рукой французской буржуазии в огненную печь войны, черное пушечное мясо, которое—без проблеска

идей—погибало на Марне и на Сомме, наравне с импортированными испанскими лошадьми и американскими буйволами,—это отвратительнейшее пятно в подлой картине мировой бойни изображается Жаном Лонгэ, как высокая и благородная жертва, которая должна быть увенчана даром свободы. После расслабленной болтовни об интернационализме и самоопределении право арабов Туниса на клок свободы рассматривается, как подачка на чай, которую бросает своим рабам сытая и великодушная биржа по ходатайству одного из своих парламентских маклеров. Где же границы политического падения?

Но вот мы подходим к России. Тут Жан Лонгэ, с отличающим его тактом, отвешивает для начала низкий поклон в сторону самого Клемансо. „Разве мы здесь единодушно не аплодировали Клемансо, когда он с трибуны этой палаты прочел нам параграф относительно упразднения позорного Брест-Литовского мира?“ При упоминании о Брест-Литовском мире Жан Лонгэ выходит из себя. „Брест-Литовский мир это памятник зверства и бесчестия прусского милитаризма“. Лонгэ мечет громы и молнии. Немудрено: парламентские молнии против давно сметенного революцией Брест-Литовского мира составляют такой благоприятный, такой счастливый фон для деликатных критических операций депутата над миром Версальским.

Жан Лонгэ за мир с Советской Россией. Но, разумеется, не в каком-либо компрометирующем смысле. Нет, Лонгэ твердо знает хороший путь к миру. Это путь самого Вильсона, который посылал в Советскую Россию своего уполномоченного Буллита. Смысл и содержание миссии Буллита теперь достаточно известны. Его условия представляли собой усугубленное воспроизведение брест-литовских параграфов Кюльмана и Чернина. Тут было и расчленение России и ее жестокое экономическое ограбление. Но... выберем другую тему для разговора. Вильсон, как известно, за самоопределение наций, а Буллит... „Я рассматриваю господина Буллита, как одного из наиболее прямых, наиболее честных, наиболее благонамеренных людей, каких я когда-либо встречал“. Как отрадно узнать у Лонгэ, что праведники еще не перевелись на содержании у американской биржи, и что во французском парламенте еще существуют депутаты, которые знают истинную цену американской добродетели.

Отдав дань признательности Клемансо и Буллиту за их доброту к России, Лонгэ не отказывает в поощрении и республике советов. „Никто не поверит тому,—говорит он,—чтобы советский режим держался в течение двух лет, если

бы он не имел за собой глубоких масс русского народа. Он не мог бы построить армию в 1.200.000 солдат, руководимых лучшими офицерами старой России, сражающихся с энтузиазмом волонтеров 1793 г.“ Этот момент речи есть кульминация Лонгэ. Упоминая об армиях Конвента, он утопает в национальной традиции, покрывает ею все классовые противоречия, объединяется с Клемансо в героических воспоминаниях и в то же время дает историческую формулу косвенного усыновления советского государства и советской армии.

Таков Лонгэ. Таков официальный французский социализм. Таков парламентаризм Третьей Республики в своем наиболее „демократическом“ выражении. Условность и фраза, дряблость и уклончивость, куртуазная ложь, доводы и приемы мелкого адвоката, который, однако, подмостки своей трибуны всерьез принимает за арену истории. Теперь, когда класс открыто идет на класс, когда исторические идеи вооружены до зубов и решают свою тяжбу сталью, каким оскорбительным издевательством над нашей эпохой являются „социалисты“ типа Лонгэ. Мы его только что видали: он кланяется направо, расшаркивается налево, молится великому Гладстону, который обманывал Ирландию, склоняется пред своим физическим дедом Марксом, который презирал и ненавидел лицемера Гладстона, восхваляет царского наперсника Вивиани, первого министра-президента империалистской войны, сочетает Ренана с русской революцией, Вильсона с Лениным, Вандервельде с Либкнехтом, подводит под „право народов“ фундамент из рурского угля и тунисских костей и, проделывая все эти невероятные чудеса, пред которыми глотание зажженной пакли является детской забавой, Лонгэ остается самим собой, куртуазным воплощением официального социализма и увенчанием французского парламентаризма.

Дорогой друг! С этим затянувшимся недоразумением пора кончить. Пред французским рабочим классом стоят слишком большие вопросы. слишком великие задачи, и стоят они слишком остро, чтобы можно было дольше терпеть сочетание презренного лонгетизма с великой реальностью пролетарской борьбы за власть. Нам больше всего нужны ясность и правда. Нужно, чтобы каждый рабочий ясно понимал, где друг, где враг, где надежный соратник, а где подлый изменник. Либкнехт и Люксембург—наши, а Лонгэ и Вандервельде должны быть беспощадно отброшены в ту грязную буржуазную кучу, из которой они тщетно пытаются выкарабкаться на социалистическую дорогу. Наша эпоха требует полновесных мыслей и слов, как предпосылки

полновесных действий. Нам не нужны более обветшалые декорации парламентаризма, его светотени, его оптический обман. Пролетариату Франции нужен ясный и мужественный воздух пролетарской улицы, отчетливая мысль в голове, твердая воля в сердце и—винтовка в руке.

Покончить с лонгетизмом есть неотложнейшее требование политической гигиены. И если я откликался на речь Лонгэ с чувством, для которого нет подходящего названия на куртуазном языке парламентаризма, то теперь, в конце моего письма, я с радостью думаю о той великолепной очистительной работе, которую произведет в насквозь проплеванном здании буржуазной республики пламенный французский пролетариат, когда он, наконец, приступит к разрешению своей последней исторической задачи.

Л. Троцкий.

18 декабря 1919 г.
Москва.

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

А. УСЛОВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

I.

Социал-патриоты и их буржуазные вдохновители указывают на то, что руководители 3-го Интернационала (иногда: „Москва“, „большевики“) предъявляют диктаторские требования другим партиям об исключении своих членов, изменении тактики и пр., в качестве условий для вступления в состав 3-го Интернационала.

Социалисты центра (каутскианцы, лонгетисты) повторяют эти обвинения в слегка ослабленном и разжиженном виде, пытаясь задеть за живое национальные чувства рабочих отдельных стран, путем возбуждения в них подозрения, будто кто-то пытается командовать ими „извне“.

На самом деле в такого рода обвинениях и инсинуациях выражается буржуазно-злостное искажение или мещанско-тупоумное непонимание самой сущности Коммунистического Интернационала, который не является простой совокупностью существующих в разных странах рабочих и социалистических объединений, но представляет собою целостную и самостоятельную международную организацию, пре-

следующую определенные, точно формулированные цели определенными революционными средствами.

Организация каждой страны, входя в состав 3-го Интернационала, не только подчиняет себя его общему, бдительному и требовательному руководству, но и сама приобретает право принимать активное участие в руководстве всеми остальными частями Коммунистического Интернационала.

Вхождение в Интернационал преследует не цели международного этикета, а революционно-боевые задачи. Оно ни в каком случае не может поэтому основываться на недомолвках, недоразумениях или неясностях. Коммунистический Интернационал с презрением отбрасывает те условности, которые сверху донизу опутывали отношения внутри 2-го Интернационала и покоились на том, что вожди каждой национальной партии притворялись, будто не замечают оппортунистических и шовинистических заявлений и действий вождей других национальных партий, в расчете на то, что последние отплатят им той же монетой. Взаимоотношения национальных „социалистических" партий являлись только жалким отражением взаимоотношений буржуазных дипломатий в эпоху вооруженного мира. Именно поэтому в тот момент, когда капиталистические генералы отбросили капиталистическую дипломатию, условно-дипломатическая ложь „братских" партий 2-го Интернационала сменилась открытым милитаризмом его вождей.

3-й Интернационал является организацией революционного действия международного пролетарского восстания. Те элементы, которые заявляют о своей готовности вступить в 3-й Интернационал, но в то же время восстают против навязывания им „извне" условий, тем самым показывают свою полную непригодность и несостоятельность с точки зрения принципов и методов действий 3-го Интернационала. Создание международной организации борьбы за диктатуру пролетариата возможно лишь при том условии, если в состав Коммунистического Интернационала будут допускаться только такие коллективы, которые проникнуты действительным духом пролетарского восстания против господства буржуазии, и которые поэтому сами заинтересованы в том, чтобы в их среде и в среде других сотрудничающих с ними политических и профессиональных коллективов не находили себе места не только изменники и предатели, но и безвольные скептики, элементы вечных колебаний, сеятели паники и идейной смуты. Достигнуть этого нельзя без постоянного и упорного очищения своих рядов от ложных идей, ложных методов действия и от их носителей.

Те условия, которые 3-й Интернационал ставит и будет ставить каждой вступающей в его ряды организации, служат этой именно цели.

Повторяем, Коммунистический Интернационал не есть совокупность национальных рабочих партий. Он есть коммунистическая партия международного пролетариата. Немецкие коммунисты имеют право и обязаны ребром поставить вопрос о том, на каком основании Турати входит в их партию. Русские коммунисты имеют право и обязаны, при рассмотрении вопроса о вступлении независимых германских социал-демократов и Французской Социалистической Партии в 3-й Интернационал, ставить такие условия, которые, с их точки зрения, обеспечат нашу международную партию от разжижения и распада. Всякая вступающая в состав Коммунистического Интернационала организация получает, в свою очередь, право и возможность активного воздействия на теорию и практику русских большевиков, германских спартаковцев и пр. и пр.

II.

В своем исчерпывающем обращении к Германской Независимой Партии, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала принципиально отождествляет немецких независимцев с французскими лонгетистами. Это безусловно правильно. Но сейчас, когда вопрос о Французской Социалистической Партии ставится более практически, необходимо, наряду с основными чертами сходства, установить и различия.

Тот факт, что Французская Социалистическая Партия, как целое, обнаружила стремление к 3-му Интернационалу, сам по себе возбуждает совершенно естественные опасения с самого начала. Опасения эти могут только усилиться, если конкретнее сопоставить положение социализма во Франции с положением его в Германии.

Старая немецкая социал-демократия раскололась сейчас на три части: 1) открытую правительственную шовинистическую социал-демократию Эберта-Шейдемана; 2) „независимую“ партию, официальные вожди которой пытаются держаться в рамках парламентской оппозиции в то время, как массы рвутся в открытое восстание против буржуазного общества, и 3) коммунистическую партию, как составную часть 3-го Интернационала.

При рассмотрении вопроса о вступлении независимой партии в 3-й Интернационал, мы, прежде всего, устанавли-

ваем указанное выше несоответствие между линией официальных вождей и стремлениями масс. Это несоответствие есть точка приложения нашего рычага. Что касается социал-демократии Шейдемана, которая ныне, с образованием чисто-буржуазного правительства, переходит на полуоппозиционное положение, то у нас не может даже возникнуть вопроса о принятии этой партии в 3-й Интернационал или о каких-либо переговорах с нею. Между тем, Французская Социалистическая Партия отнюдь не является организацией, равноценной немецкой независимой партии в ее нынешнем состоянии, так как никакого раскола во Французской Социалистической Партии не произошло, и французские Эберты, Шейдеманы и Носке сохраняют в ней все свои ответственные посты.

Во время войны поведение вождей Французской Социалистической Партии не было ни на иоту выше поведения наиболее патентованных немецких социал-предателей. Классовая измена здесь, как и там, имела одну и ту же глубину. Что касается форм ее выражения, то на стороне французской партии она была еще крикливее и пошлее, чем в лагере Шейдемана. Но в то время, как германская независимая социал-демократия под давлением масс порвала со своими Шейдеманами,—господа Тома, Ренодель, Варрен, Самба и пр., по прежнему, остаются в рядах Французской Социалистической Партии.

Самым существенным, однако, является действительное, фактическое, практическое отношение руководителей официальной Французской Социалистической Партии к вопросу о революционной борьбе за захват власти. Руководимая лонгетистами Социалистическая Партия не только не готовится к этой борьбе всеми мерами агитации и организации, открыто или тайно, но, наоборот, в лице своих представителей внушает массам ту мысль, что настоящая эпоха экономического расстройства и разорения неблагоприятна для господства рабочего класса. Другими словами, Французская Социалистическая Партия, руководимая лонгетистами, навязывает рабочим массам пассивную и выжидательную тактику, внушает им ту мысль, будто бы буржуазия, в эпоху империалистских катастроф, способна вывести страну из состояния хозяйственного хаоса и нищеты и тем подготовить „благоприятные“ условия для диктатуры пролетариата. Незачем говорить, что если бы буржуазии удалось то, что ей ни в коем случае не может удасться, т. е. хозяйственное возрождение Франции и Европы,—то у Французской Социалистической Партии оказалось бы еще меньше поводов, возможностей и интереса, чем теперь, призывать проле-

тариат к революционному ниспровержению буржуазного господства.

Другими словами, в основном вопросе руководимая лонгетистами Французская Социалистическая Партия играет контр-революционную роль.

Правда, в отличие от партии Шейдемана, Французская Социалистическая Партия вышла из состава 2-го Интернационала. Но если принять во внимание, что этот выход был предпринят без вреда для единства с Реноделем, Тома и всеми прочими прислужниками империалистической войны, то станет совершенно очевидным, что для очень значительной части представителей официального французского социализма выход из 2-го Интернационала не имеет ничего общего с отречением от его методов, а является простым маневром с целью дальнейшего обмана трудящихся масс.

За время войны Французская Социалистическая Партия с таким упорством противопоставляла себя кайзерскому социализму Шейдемана, что сейчас не только для Лонгэ, Мистраля, Пресмана и других сторонников центра, но и для Реноделя, Тома, Варрена оказалось чрезвычайно неудобно оставаться в кругу 2-го Интернационала с глазу на глаз с Эбертом, Шейдеманом и Носке, как со своими ближайшими единомышленниками. Таким образом, выход из кухни Гюисманса диктовался официальному французскому социализму преемственностью его патриотической позиции. Правда, он сделал все, чтобы своему патриотическому отказу от немедленного сотрудничества с Носке и Шейдеманом придать вид жеста, продиктованного также и интернационализмом. Но фразеология страсбургских резолюций не может не только отменить, но и смягчить значение того факта, что в состав страсбургского партийного большинства не входят французские коммунисты, зато входят все отъявленные шовинисты.

Независимая партия Германии, противостоящая, как организация, патриотической социал-демократии, вынуждена вести с ней открытую идейную и политическую борьбу в печати и на собраниях и тем самым, несмотря на архиоппортунистический характер своих газет и вождей, содействует революционизированию рабочих масс. Во Франции, наоборот, мы наблюдаем за последнее время возрастающее сближение бывшего большинства с бывшим лонгетистским меньшинством и устранение между ними всякой серьезной идейно-политической и организационной борьбы.

При этих условиях вопрос о вступлении Французской Социалистической Партии в 3-й Интернационал представляет еще больше трудностей и опасностей, чем вступление немецкой независимой социал-демократии.

III.

Французской Социалистической Партии, поскольку она ныне практически ставит вопрос о своем вхождении в Третий Интернационал, мы должны поставить совершенно ясные и отчетливые вопросы, определяемые изложенными выше соображениями. Только прямые и отчетливые ответы, подтвержденные „партией", т.-е. на деле соответственной ее частью, смогут придать реальное содержание вопросу о вхождении партии французских социалистов в международную коммунистическую организацию.

Эти вопросы примерно таковы:

1. Признаете ли вы, по прежнему, для социалистической партии долг национальной защиты в отношении к буржуазному государству? Считаете ли вы допустимым прямо или косвенно поддерживать французскую буржуазную республику в ее возможных военных столкновениях с другими государствами? Считаете ли вы допустимым вотирование военных кредитов как в нынешнее время, так и в случае новой мировой войны? Отказываетесь ли вы категорически от предательского лозунга национальной обороны? Да или нет?

2. Считаете ли вы допустимым участие социалистов, как в мирное, так и в военное время, в буржуазном правительстве? Считаете ли вы допустимой прямую или косвенную поддержку буржуазного правительства социалистической фракцией парламента? Считаете ли вы возможным далее терпеть в рядах вашей партии негодяев, которые продают свои политические услуги капиталистическим правительствам, организациям капитала, капиталистической прессе, в качестве ответственных агентов разбойничьей Лиги Наций (Альбер Тома), редакторов буржуазной прессы (А. Варрен), адвокатов или парламентских защитников капиталистических интересов (Поль Бонкур) и пр. и пр? Да или нет?

3. В виду грабительского и разбойничьего насилия французского империализма над рядом слабых народов, и в особенности—над отсталыми колониальными народами Африки и Азии, считаете ли вы вашей обязанностью непримиримую борьбу с французской буржуазией, ее парламентом, ее армией в вопросах мирового грабежа? Обязуетесь ли всеми доступными вам средствами поддерживать эту борьбу везде, где она возникает, и, прежде всего — в форме открытого восстания угнетенных колониальных народов против французского империализма? Да или нет?

4. Считаете ли вы небходимым немедленно открыть систематическую и беспощадную борьбу против официального французского синдикализма, который ориентировался целиком в сторону экономического соглашательства, сотрудничества классов, патриотизма и проч. и систематически подменяет борьбу за революционное экспроприирование капиталистов путем диктатуры пролетариата программой национализации железных дорог и шахт капиталистическим государством? Считаете ли вы долгом социалистической партии — рука об руку с Лорио, Монатом, Росмером и др. — поднять в рабочих массах энергичную агитацию за очищение французского профессионального движения от Жуо, Дюмулена, Мерргейма и других изменников рабочего класса? Да или нет?

5. Считаете ли вы возможным терпеть в рядах социалистической партии проповедников пассивности, которые парализуют и разлагают революционную волю пролетариата, внушая ему мысль, будто бы „настоящий момент" не благоприятен для его диктатуры? Считаете ли вы своим долгом, наоборот, раскрыть пред рабочими массами тот обман, в силу которого „настоящий момент" в истолковании агентов буржуазии всегда оказывается пригодным только для господства буржуазии: третьего дня—потому, что Европа переживала период могущественного промышленного подъема, который уменьшал число недовольных; вчера—потому, что дело шло о национальной обороне; сегодня—потому, что приходится залечивать раны, нанесенные подвигами национальной обороны; завтра—потому, что восстановительная работа буржуазии вызвала новую войну, а вместе с ней—и долг национальной обороны? Считаете ли вы, что социалистическая партия должна немедленно приступить к действительной идейной и организационной подготовке революционного натиска на буржуазное общество с целью овладения в кратчайший срок государственной властью? Да или нет?

Б. ГРУППИРОВКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И ЗАДАЧИ ФРАНЦУЗСКОГО КОММУНИЗМА.

I.

В эпоху, предшествовавшую войне, Французская Социалистическая Партия являлась на своих руководствующих верхах наиболее полным и законченным выражением всех отрицательных сторон 2-го Интернационала: постоянного стремления к сотрудничеству классов (национализм, участие

в буржуазной прессе, голосование кредитов и доверия буржуазным министерствам и пр. и пр.); пренебрежительного или безразличного отношения к социалистической теории, т.-е. к основным социально-революционным задачам рабочего класса; суеверного преклонения пред идолами буржуазной демократии (республика, парламент, всеобщее избирательное право, ответственность министерства и пр. и пр.); показного, чисто декоративного интернационализма при чрезвычайной национальной ограниченности, мещанском патриотизме и, нередко, грубом шовинизме.

II.

Наиболее яркой формой протеста против этих сторон социалистической партии являлся революционный французский синдикализм. В виду того, что практика парламентского реформизма и патриотизма прикрывалась обрывками лжемарксистской теории, синдикализм пытался свою оппозицию парламентскому реформизму подкрепить анархической теорией, приспособленной к методам и формам профессионального движения рабочего класса.

Борьба против парламентского реформизма превратилась в борьбу не только против парламентаризма, но и против „политики“ вообще, в голое отрицание государства, как такового. Синдикаты (профсоюзы) были провозглашены единственной законной и подлинной революционной формой рабочего движения. Парламентскому представительству и закулисному заместительству рабочего класса противопоставлялось прямое действие рабочих масс, причем неоформленному, инициативному меньшинству, как органу этого прямого действия, отводилась решающая роль.

Эта краткая характеристика синдикализма свидетельствует, что он стремился дать выражение потребностям надвигавшейся революционной эпохи. Но основные теоретические ошибки (ошибки анархизма) делали невозможным создание прочного идейно-спаянного революционного ядра, способного на деле противостоять патриотическим и реформистским тенденциям. Социал-патриотическое падение французского социализма совершалось параллельно с падением социалистической партии. Если на крайнем левом фланге партии знамя восстания против социал-патриотизма подняла небольшая группа во главе с Лорио, то на крайнем левом фланге социализма та же роль выпала на долю небольшой вначале группы Моната—Росмера: между обеими этими группами вскоре установилась необходимая идейная и организационная связь.

III.

Выше мы указали, что бесформенное и бесхребетное лонгетистское большинство партии сливается с ее реноделевским меньшинством.

Что касается так-называемого синдикалистского меньшинства, которое на последнем конгрессе синдикатов в Лионе достигало по некоторым вопросам третьей части общего числа делегатов, то оно представляет собой еще крайне неоформленное течение, в котором революционные коммунисты стоят рядом с анархистами, не порвавшими со старыми предрассудками, и с „лонгетистами" французского синдикализма (соглашателями). В этом меньшинстве еще весьма сильны анархистские суеверия против захвата государственной власти, причем у многих под такими суевериями скрываются простой страх пред революционной инициативой и отсутствие воли к действию. Из среды этого синдикалистского меньшинства была выдвинута идея всеобщей стачки, как средства для осуществления национализации железных дорог. Программа национализации, выдвинутая совместно с реформистами, как лозунг соглашения с буржуазными классами, по существу противопоставляется, как общенациональная задача, чисто классовой программе, т.-е. революционной экспроприации железнодорожного и иного капитала рабочим классом. Но именно соглашательски-оппортунистический характер лозунга, навязанного всеобщей стачке, парализует революционный порыв пролетариата, вносит неуверенность и шатания в его среду и заставляет его отступать в нерешительности пред применением одного из таких крайних средств, как всеобщая стачка, которая требует от него величайших жертв, во имя чисто реформистских, радикально-буржуазных целей.

Только ясная и отчетливая постановка революционных задач коммунистами может внести необходимую ясность в само синдикалистское меньшинство, очистить его от предрассудков и случайных попутчиков, а главное—дать отчетливую программу действия революционным пролетарским массам.

IV.

Такие чисто интеллигентские группировки, как „Clarté", являются очень симптоматичными для предреволюционной эпохи, когда небольшая, лучшая часть буржуазной интел-

лигенции, предчувствуя приближение глубочайшего революционного кризиса, отшатывается от насквозь прогнивших господствующих классов и ищет для себя новой идейной ориентации. По своей интеллигентской природе такого рода элементы, естественно склонные к индивидуализму, к обособлению в отдельные группировки на основании личных симпатий и взглядов, неспособны ни выработать, ни тем более применять определенную систему революционных воззрений и поэтому сводят свою работу к отвлеченной, чисто идеалистической пропаганде, окрашенной в коммунизм, разбавленный чисто гуманитарными тенденциями. Искренно сочувствуя коммунистическому движению рабочего класса, такого рода элементы нередко, однако, отшатываются от пролетариата в наиболее острый момент, когда оружие критики сменяется критикой оружия,—чтобы затем снова вернуть пролетариату свои симпатии, когда он получит возможность, захватив в свои руки власть, развернуть свое культурное творчество. Задачей революционного коммунизма является выяснение передовым рабочим чисто симптоматического значения такого рода группировок и критика их идеалистической пассивности и ограниченности. Передовые рабочие ни в коем случае не могут группироваться в качестве хора при интеллигентских солистах,—они должны создать самостоятельную организацию, которая совершает свою работу независимо от приливов и отливов симпатий к ним даже лучшей части буржуазной интеллигенции.

V.

В настоящее время во Франции, наряду с коренным пересмотром теории и практики французского парламентского социализма, необходим решительный пересмотр теории и практики французского синдикализма, дабы пережившие себя предрассудки его не спутывали развития коммунистического революционного движения.

а) Совершенно очевидно, что дальнейшее „отрицание" политики и государства со стороны французского синдикализма было бы капитуляцией перед буржуазной политикой и капиталистическим государством. Государство недостаточно отрицать, — им нужно овладеть для того, чтобы его преодолеть. Борьба за овладение аппаратом государства— есть революционная политика. Отказаться от нее — значит отказаться от основных задач революционного класса.

б) Инициативное меньшинство, которому синдикалистская теория вручала руководство, ставя его фактически над

массовыми профессиональными организациями рабочего класса, не может оставаться бесформенным. Если же правильно организовать это инициативное меньшинство рабочего класса; если связать его внутренней дисциплиной, отвечающей неумолимым потребностям революционной эпохи; если вооружить его правильной доктриной, научно-построенной программой пролетарской революции,—то мы получим не что иное, как коммунистическую партию, стоящую над синдикатами, как и над всеми другими формами рабочего движения, идейно-оплодотворяющую их и направляющую всю их работу.

в) Синдикаты, группирующие рабочих по производствам, не могут стать органом революционного господства пролетариата. Таким аппаратом служить инициативному меньшинству (коммунистической партии) могут только советы, охватывающие рабочих всех районов, всех отраслей промышленности, всех профессий, и тем самым выдвигающие на передний план основные, общие, т.-е. социально-революционные интересы пролетариата.

VI.

Отсюда вытекает железная необходимость создания французской коммунистической партии, которая должна целиком растворить в себе как революционное крыло нынешней социалистической партии, так и революционный отряд французского синдикализма. Партия должна создать свой собственный, совершенно самостоятельный, строго централизованный аппарат, независимый как от нынешней социалистической партии, так и от C. G. T. и местных синдикатов.

Нынешнее положение французских коммунистов, которые, с одной стороны, являются внутренней оппозицией C. G. T., а с другой—социалистической партии, превращает французский коммунизм, как бы в несамостоятельный фактор, в своего рода негативное дополнение существующих основных органов (партии и синдикатов) и лишает его необходимой боевой силы, непосредственной связи с массами и руководящего авторитета.

Из этой подготовительной стадии французскому коммунизму необходимо выйти во что бы то ни стало.

Путем выхода является немедленный приступ к построению централизованной коммунистической партии и прежде всего — немедленное создание в главных центрах рабочего движения ежедневных газет, которые—в отличие от нынешних еженедельных — были бы не органами внутри-организационной критики и отвлеченной пропаганды, а орга-

нами непосредственного революционного возбуждения и политического руководства борьбой пролетарских масс.

Создание боевой коммунистической партии во Франции, есть сейчас вопрос жизни и смерти для революционного движения французского пролетариата.

22 июля 1920 г.

ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКОМУ СИНДИКАЛИСТУ О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогой друг!

У Вас большие сомнения относительно III Интернационала в виду его политического и партийного характера. Вы опасаетесь, как бы французское синдикальное движение не попало на буксир к политической партии. Позвольте мне высказать свои соображения об этом предмете.

Прежде всего, я должен сказать, что французское синдикальное движение, о независимости которого Вы заботитесь, уже сейчас целиком находится на буксире политической партии. Конечно, ни Жуо, ни его ближайшие помощники (Дюмулен, Мерргейм и другие) не являются пока-что депутатами и формально не входят ни в одну из парламентских партий. Но это только простое разделение труда. По существу дела, Жуо в области синдикального движения ведет ту самую политику соглашения с буржуазией, которую французский социализм типа Ренодель-Лонгэ ведет в парламентской области. Если бы потребовать от правления нынешней социалистической партии, чтобы она дала программу Всеобщей Конфедерации Труда и определила ее руководящий личный состав, нет никакого сомнения в том, что партия одобрила бы нынешнюю программу Жуо-Дюмулена-Мерргейма и оставила бы этих господ на их нынешних постах. Если бы послать Жуо и К° в парламент, а Реноделя и Лонгэ поставить во главе Конфедерации Труда—от этого перемещения решительно ничего не изменилось бы во внутренней жизни Франции или в судьбе французского рабочего класса. Вы, разумеется, и сами не станете этого отрицать. Но именно отмеченные обстоятельства указывают, что дело не в парламентаризме или антипарламентаризме и не в формальной партийности. Старые этикетки стерлись и не отве-

чают новому содержанию. Антипарламентаризм Жуо, как две капли воды, похож на парламентский кретинизм Ренодeля. Сколько бы нынешний официальный синдикализм не отрицал—по традиции—партию, партийную политику и проч. буржуазные партии Франции в глубине души не могут желать себе лучшего представителя во главе французского синдикального движения, чем Жуо, как они не могут желать лучших „социалистических" парламентариев, чем Ренодель-Лонгэ. Конечно, они их бранят. Но это делается для того, чтобы не пошатнуть окончательно их позиции в рабочем движении. Суть дела не в парламентаризме и не в синдикализме,—ибо это только форма,—а в содержании той политики, которую авангард рабочего класса проводит через синдикаты, как и через парламент. Подлинно коммунистическая политика, т.-е. политика, направленная на ниспровержение господства буржуазии и ее государства, будет находить себе революционное выражение во всех областях жизни рабочего класса, во всех организациях, учреждениях и органах, куда проникают его представители: в синдикатах, на массовых митингах, в печати, в партийных коммунистических организациях, в тайных революционных кружках, действующих в армии или подготовляющих восстание, наконец, на парламентской трибуне, если передовые рабочие пошлют в парламент действительно революционного представителя.

Рабочий класс имеет своей задачей отбросить буржуазию от власти, разрушить ее аппараты угнетения и насилия, создать органы своей, рабочей диктатуры для подавления сопротивления буржуазии и для скорейшего преобразования всех общественных отношений в духе коммунизма. Кто под предлогом анархизма отрицает эту задачу,—диктатуру пролетариата,—тот не революционер, а мелко-буржуазный брюзга. Ему не место в нашей среде. Об этом, впрочем, речь у нас будет еще впереди.

Итак, задача пролетариата состоит в том, чтобы при помощи революционной диктатуры уничтожить буржуазный строй. Но в самом рабочем классе существуют, как вы знаете, разные уровни сознательности. Задача коммунистического переворота во всем своем объеме ясна только наиболее сознательному революционному меньшинству пролетариата. Сила этого меньшинства состоит в том, что, чем тверже, решительнее и увереннее оно действует, тем более поддержки встречает оно со стороны многочисленных и более отсталых рабочих масс. Но для того, чтобы миллионы рабочих, которые искусственно удерживаются капитализмом, церковью, демократией и проч. в тине предрассудков, не

сбились с пути и нашли настоящее выражение своему стремлению к полному освобождению, необходимо, чтобы рабочий класс во всех областях своей жизни находил во главе себя лучших, наиболее сознательных своих представителей, которые всегда остаются верны своему знамени и готовы отдать свою жизнь за дело рабочего класса.

Вы, революционные французские синдикалисты, правильно подошли к вопросу, когда констатировали, что одних синдикатов, охватывающих широкие рабочие массы, недостаточно для революции, что необходимо инициативное меньшинство, которое воспитывало бы эти широкие массы и давало бы им в каждом конкретном случае определенную программу действий.

Чем же должно быть это инициативное меньшинство? Ясно, что оно не может группироваться по профессиональному или локальному признаку. Дело идет не о передовых металлистах, железнодорожниках или столярах, а о наиболее сознательных пролетариях во всей стране. Они должны объединиться, выработать определенную программу действий, сковать свое единство твердой внутренней дисциплиной и, таким образом, обеспечить свое руководящее влияние на всю борьбу рабочего класса, на все его организации и, в первую очередь, на его профессиональные союзы.

Как же вы назовете это инициативное меньшинство пролетариата, объединенное коммунистической программой и стремящееся вести рабочий класс на открытый приступ капиталистической крепости? Мы называем это коммунистической партией.

— Но эта партия не имеет в таком случае,—скажете вы,—ничего общего с нынешней французской социалистической партией?

— Совершенно верно. Именно для того, чтобы провести резкое различие, мы говорим не о социалистической, а о коммунистической партии.

— Однако, вы все же говорите о партии.

— Да, о партии. Разумеется, можно не без успеха доказывать, что само слово „партия“ сильно скомпрометировано парламентариями, профессиональными болтунами, мелко-буржуазными шарлатанами и проч. и проч. Но ведь это относится не только к партии. Мы уже согласились с вами, что профессиональные союзы (французские синдикаты, английские трэд-юнионы, немецкие Gewerkschaften) достаточно скомпрометированы той позорной ролью, какую они, в лице своих вождей, играли во время войны и в большинстве своем еще играют сейчас. Однако, это еще не основание отказываться от слова „синдикат“. Но вы согласи-

тесь, что суть не в терминологии, а в сущности дела. Под именем коммунистической партии мы разумеем объединение пролетарского авангарда во имя диктатуры пролетариата и коммунистической революции.

За аргументами, направленными против политики и партии, часто скрывается анархическое непонимание роли государства в классовой борьбе. Прудон говорил, что мастерская (l'atelier) заставит исчезнуть государство. Это верно лишь в том смысле, что общество будущего будет грандиозной мастерской, освобожденной от государственного начала, потому что государство означает принудительную организацию классового господства, а при коммунизме не будет классов. Но весь вопрос состоит в том, на каком пути мы придем к коммунистическому обществу? Прудон думал, что мастерская будет путем ассоциации постепенно вытеснять капитализм и государство. Это оказалось чистейшей утопией: мастерскую вытеснила могущественная фабрика, а над нею поднялся монопольный трест. Французские синдикалисты думали, а отчасти думают и сейчас, что синдикаты, как таковые, уничтожат капиталистическую собственность и разрушат буржуазное государство. Но это не верно. Синдикаты являются могущественным аппаратом всеобщей стачки, потому что пути и методы всеобщей стачки совпадают с путями и методами синдикальных организаций. Но для того, чтобы стачка стала действительно всеобщей, необходимо „инициативное меньшинство", которое бы изо дня в день, из часу в час вело революционную воспитательную работу в массах.

Это меньшинство, очевидно, должно группироваться не по цеховым или профессиональным признакам, а на основании определенной программы пролетарского революционного действия. Это, как мы уже сказали, и есть коммунистическая партия.

Но всеобщая стачка, которую можно лучше всего провести через аппарат синдикатов, недостаточна для низвержения буржуазного господства *). Всеобщая стачка есть средство обороны, а не наступления. Нам же нужно опрокинуть буржуазию, вырвать из ее рук аппарат государства.

---

*) Нужно, однако, сказать, что история знала всеобщие стачки, проведенные при полном почти отсутствии профсоюзов (октябрьская стачка 1905 г.). С другой стороны, попытки французских синдикатов провести всеобщую стачку заканчивались до сих пор неудачей именно вследствие отсутствия во Франции руководящей революционной организации (коммунистической партии), которая изо дня в день, систематически подготовляет восстание пролетариата, а не пытается просто время от времени импровизировать декоративное выступление масс.

Буржуазия в лице своего государства опирается на армию. Только открытое восстание, в котором пролетариат сталкивается лицом к лицу с армией, нанося контр-революционным ее элементам жестокие удары и увлекая за собой лучшую ее часть,—только такое открытое восстание пролетариата способно сделать его господином положения в стране. Но для восстания необходима энергичная, напряженная подготовительная работа: агитационная, организационная, техническая. Нужно изо дня в день разоблачать преступления и подлости буржуазии во всех областях общественной жизни: международная политика, колониальные зверства, внутренний деспотизм капиталистической олигархии, низость буржуазной прессы—все это должно составлять материал действительно революционного обличения со всеми вытекающими революционными выводами. Эти темы шире синдикальной организации и ее задач. Наряду с этим необходимо создавать организационные опоры для восстания пролетариата. Нужно, чтобы в каждом местном синдикате, на каждом заводе, в каждой мастерской была группа рабочих, тесно связанных единством идей и способных в решительную минуту своим единодушным выступлением увлечь за собой массу, указать ей правильный путь, уберечь ее от ошибок, обеспечить победу. Нужно проникнуть в армию. В каждом полку должна быть тесно сплоченная группа революционных солдат, готовых и способных в минуту столкновения с народом перейти самим и призвать весь полк перейти на сторону рабочих. Эти группы революционных пролетариев, сплоченных идейно, связанных организационно, могут действовать с полным успехом лишь как ячейки единой централизованной коммунистической партии. Если нам удастся иметь в различных правительственных, в том числе и военных, учреждениях наших верных друзей, открытых или тайных, которые были бы в курсе всех дел, всех замыслов и махинаций правящих клик и осведомляли бы нас своевременно обо всем, это, разумеется, принесло бы нам только пользу. Равным образом, мы только усилили бы себя, если бы нам удалось отправить в парламент буржуазии хотя бы горсть верных и преданных делу коммунистической революции рабочих, тесно связанных с легальными и нелегальными организациями нашей партии, безусловно подчиненных партийной дисциплине, играющих роль разведчиков революционного пролетариата в парламенте—в одном из политических штабов буржуазии—и готовых в любой момент сменить парламентскую трибуну на баррикаду.

Конечно, дорогой друг, это не Ренодель, не Самба, не Варрен. Но ведь мы знаем Карла Либкнехта. Он тоже был

членом парламента. Капиталистическая и социал-патриотическая сволочь заглушала его голос. Но несколько слов обличения и призыва, которые ему удавалось бросить через головы германских насильников, пробуждали сознание и совесть сотен тысяч немецких рабочих. Из парламента Карл Либкнехт вышел на Потсдамскую площадь, призывая пролетарские массы к открытой борьбе. С площади он попал в каторжную тюрьму, из тюрмы на баррикады революции. Он, пламенный сторонник советов и диктатуры пролетариата, считал затем необходимым участвовать в выборах в немецкое учредительное собрание. В то же время он организовал коммунистов-солдат. Он пал на своем революционном посту. Кто такой Карл Либкнехт? Синдикалист? Парламентарий? Журналист? Нет, он революционер-коммунист, который находит себе дорогу к массам через все препятствия. Он обращается к синдикатам, обличая немецких Жуо и Мерргеймов. Он руководит работой партии в войсках, подготовляя восстание. Он издает революционные газеты и воззвания, легальные и нелегальные. Он проникает в парламент, чтобы служить там тому же делу, которому в другие часы дня служит в подполье.

До тех пор, пока цвет французского пролетариата не создаст себе централизованной коммунистической партии, он не овладеет государственной властью, не уничтожит буржуазную полицию, буржуазную военщину и частную собственность на средства производства. А без этого... мастерская не уничтожит государства. Кто этого не понял после опыта русской революции, тот вообще безнадежен. Но и после того, как победоносное восстание пролетариата отдаст в его руки государственную власть, он вовсе не сможет немедленно ликвидировать государство, передав распорядительную власть синдикатам. Синдикаты организуют верхи рабочих по профессиям и производствам. Власть же должна выражать собою революционные интересы и потребности рабочего класса в целом. Вот почему органом пролетарской диктатуры являются не синдикаты, а советы, которые выбираются всеми трудящимися, в том числе миллионами таких рабочих, которые никогда не принадлежали к союзам и которые впервые пробуждены революцией. Но мало создать советы. Нужно, чтобы советы вели определенную революционную политику. Нужно, чтобы они твердо отличали врагов от друзей. Нужно, чтобы они были способны к решительным, а если потребуют обстоятельства, то и к беспощадным действиям. Буржуазия, как показывает опыт русской революции, а также венгерской и баварской, вовсе не складывает оружия после своего первого пораже-

ния. Наоборот, как только она убеждается, как много она потеряла, ее отчаяние удваивает и утраивает ее энергию. Режим советов означает режим суровой борьбы с контрреволюцией, своей и иностранной. Кто же даст советам, избираемым рабочими различных уровней сознательности, ясную и отчетливую программу действий? Кто поможет им разобраться в запутанной международной обстановке и найти правильный путь? Очевидно, только наиболее сознательные, наиболее опытные передовые пролетарии, тесно связанные единством программы. Это и есть коммунистическая партия.

Некоторые простаки (а, может быть, хитрецы), с ужасом указывают на то, что у нас, в России, партия „командует" советами и профессиональными союзами. „Французские синдикаты,—говорят иные синдикалисты,—требуют самостоятельности и не потерпят, чтобы ими командовала партия". А как же, дорогой друг,—повторяю я снова—французские синдикаты терпят тот факт, что ими командует Жуо, т.-е. прямой агент французского и американского капитала? Формальная самостоятельность французских синдикатов не предохраняет их от того, что ими командует буржуазия. Такую самостоятельность русские синдикаты отвергли. Они низвергли буржуазию. Они достигли этого тем, что выгнали из своей среды господ Жуо, Мерргеймов, Дюмуленов и поставили верных, испытанных и надежных борцов, т.-е. коммунистов. Таким путем они обеспечили не только свою самостоятельность от буржуазии, но и свою победу над ней.

Совершенно верно, что наша партия руководит профессиональными союзами и советами. Всегда ли это было? Нет, свое руководящее положение партия завоевала в постоянной борьбе против мелкобуржуазных партий—меньшевиков, социалистов-революционеров и против беспартийных, т.-е. отсталых или беспринципных элементов. Правда, разбитые нами меньшевики говорят, что мы обеспечиваем свое большинство путем „насилия". Но каким образом трудящиеся массы, которые низвергли власть царя, затем власть буржуазии, власть соглашателей, несмотря на то, что в их руках был аппарат государственного насилия, не только терпят теперь „насильственную" власть коммунистической партии, руководящей советами, но все в большем и большем числе вступают в наши ряды? Объясняется это исключительно тем, что в течение последних лет русский рабочий класс проделал огромный опыт и на деле имел возможность проверить политику разных партий, групп, клик, сверить их слова с их делами и, таким образом, придти в последнем счете к тому выводу, что единственной партией, которая

оказалась верной себе во все моменты революции, во время неудачи, как и во время успехов, была и остается коммунистическая партия. Вполне естественно, если каждое избирательное собрание рабочих и работниц, каждая профессиональная конференция выбирают коммунистов на наиболее ответственные посты. Этим и определяется руководящая роль коммунистической партии.

Сейчас революционные синдикалисты, или, точнее, коммунисты, как Монат, Росмер и другие, составляют меньшинство в рамках синдикальных организаций. Они находятся там в оппозиции, критикуют и обличают махинации правящего большинства, которое проводит реформистские, т.-е. чисто буржуазные тенденции. В таком же положении находятся французские коммунисты в рамках социалистической партии, проводящей идеи мелко-буржуазного реформизма.

Разве у Моната и Жуо есть общая синдикальная политика? Нет, это—враги. Один служит пролетариату, другой проводит в замаскированном виде буржуазные тенденции. Разве у Лорио и Реноделя-Лонгэ общая политика? Нет, один ведет пролетариат к революционной диктатуре, другой подчиняет трудящиеся массы национальной буржуазной демократии.

А чем отличается политика Моната от политики Лорио? Только тем, что Монат действует преимущественно на синдикальной почве, Лорио—преимущественно в политических организациях. Но это лишь простое разделение труда. Действительно революционный синдикалист, как и действительно революционный социалист, должны объединиться в коммунистическую партию. Они должны перестать быть оппозицией внутри чужих организаций. Они обязаны, в качестве самостоятельной организации, стоящей под знаменем III Интернационала, стать лицом к лицу с широкими массами, давать ясные и отчетливые ответы на все их запросы, руководить всей их борьбой, направляя ее на путь коммунистической революции. Синдикальные организации, кооперативные, политические, пресса, нелегальные кружки в армии, парламентская трибуна, муниципалитеты и пр. и пр.—все это лишь различные организационные формы, практические методы, разные точки опоры. Борьба остается единой по своему содержанию, на какую бы область она ни распространялась. Носителем этой борьбы является рабочий класс. Его руководящий авангард—коммунистическая партия, в которой действительно-революционные синдикалисты должны занять почетное место.

Ваш *Л. Троцкий.*

Август 1920 г.

ВЕРЖА—ЛЕПТИ—ЛЕФЕВР.

В сентябре прошлого года три революционера, три молодых француза, утонули в холодных водах севера на пути между Россией и Норвегией. Гражданская война охватывает весь мир, и ее трагические эпизоды развертываются не только на суше, но и на воде.

За эти годы каждый из нас терял в бою не мало друзей. Число таких потерь огромно во всех странах и каждый день продолжает расти. И, однако, смерть Лефевра, Лепти и Вержа выделяется даже и на фоне нашего времени исключительностью своей обстановки, своим—если будет позволено сказать—трагическим романтизмом.

Из трех погибших товарищей,—столь различных между собою и в то же время столь родственных в основном,—я меньше всего знал Вержа. Я его видал только в Москве, притом бегло, и один лишь раз я говорил с ним несколько подробнее. От него исходило обаяние простоты и честности. Он приехал, чтобы видеть своими глазами, чтобы узнать, чтобы бороться. Насколько мне показалось, Вержа—не тип энтузиаста. Несмотря на молодость в нем чувствовалась спокойная уверенность, которая зорко глядит вокруг себя, отличает мелкое от важного, поверхностное от основного, и которая не нуждается в пылкости, чтобы в решительную минуту проявить высокое мужество. Такие люди нужны французскому пролетариату.

Лепти я знал еще по Парижу. Его небольшая приземистая фигура, умное отчетливое лицо, зоркий взгляд исподлобья сразу выделяли его. Металлический голос заставлял его слушать. Этот землекоп был сделан из прекрасного боевого материала!.. Яркая индивидуальность, Лепти в то же время воплощал в себе важнейшие черты французского и особенно парижского пролетариата. В нем сидел прирожденный революционный вождь, который ждал своего часа, чтобы развернуться. Во Франции было и есть не мало даровитых рабочих, которые поднимались на спине пролетариата наверх, превращались в выскочек буржуазного парламентаризма или прирученного синдикализма и, рука об руку с адвокатами и журналистами, предавали рабочий класс. Лепти сосредоточивал в себе возмущение обманутых масс не только против капиталистического класса, но и против его бесчисленных агентов в самом пролетариате. Лепти ничего не хотел брать на веру. Он несомненно был пламен-

ной натурой, но замкнутой и недоверчивой. Слишком много раз обманывали тех, кого он представлял! Он приехал в Советскую Республику со своим запасом недоверия, со своим взглядом исподлобья и с жаждой узнать, чтобы действовать. Он все осматривал дважды и трижды, проверял и снова спрашивал и снова проверял. Лепти считал себя анархистом. Его анархизм не имел ничего общего с той салонной, поповско-интеллигентско-индивидуалистской болтовней, которая так широко распространена во Франции. Его анархизм был выражением—теоретически неверным—глубокого, истинно пролетарского возмущения против мерзости капиталистического мира и против подлости тех социалистов и синдикалистов, которые ползают пред этим миром на коленях. Но именно потому, что в основе этого его анархизма лежала неразрывная связь с массами и готовность бороться до конца, Лепти, ходом вещей, ходом борьбы, ходом собственной мысли должен был бы неизбежно придти к диктатуре пролетариата и к Коммунистическому Интернационалу,— если бы его не поглотили на пути волны Северного океана.

Лефевр был интеллигентом и, если не ошибаюсь, из вполне буржуазной семьи. Это—чистый тип революционного энтузиаста. С ним я также познакомился только в Москве, во время 2 конгресса, но наблюдал его близко, так как приходилось с ним работать в комиссии по парламентаризму. Вспоминаю, между прочим, как на одном из комиссионных заседаний, в дискуссии с итальянским коммунистом Бордига, Лефевр, признавши, что в нашу эпоху парламентаризм не может иметь решающего значения, прибавил, нежно, как всегда, глядя сквозь свои большие роговые очки: „И все же нельзя отрицать выгоды и удовольствия от возможности сказать в парламенте Мильерану на расстоянии одного метра от его лица: вы негодяй“. Лефевр всегда волновался, всегда опасался во время конгресса кого-нибудь или что-нибудь упустить, чего-либо недослышать или кому-нибудь чего-либо необходимого не сказать. И он одинаково стремился впитать в себя все, что мог дать ему конгресс и в то же время высказать свои мысли, надежды и ожидания... Уже на второй или третий день конгресса я увидал Лефевра в русской косоворотке. Он стремился внешним образом запечатлеть свое доверие к Советской России и свою связь с нею. Он не искал проверки, как Лепти. Он принадлежал в прошлом не к тому классу, которого обманывали, а к тому классу, который обманывал. Но он порвал со своим классом до конца. И он стал рядом с Лепти. Правда, Лепти смотрел на него немножко исподлобья. Но они сошлись бы месяцем раньше

или позже. Они сошлись бы на боевых постах пролетарской диктатуры,—если бы предательская волна не поглотила тот челн, в котором эти трое—Лефевр, Лепти и Вержа—пытались пересечь линию империалистской блокады.

Столь различные по происхождению и индивидуальностям, эти три борца останутся навсегда соединенными вместе в памяти французского и международного пролетариата: они шли в конце-концов одним и тем же путем к одной и той же цели и погибли на одном и том же этапе. Мы их не забудем.

26 февраля 1921 г.

II

ОТ ОСНОВАНИЯ Ф. К. П. ДО НОЯБРЯ 1921 г.

(ПОСЛЕ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА).

ТАКТИКА ПАРТИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЕВОМУ БЛОКУ *).

Товарищи, я записался, чтобы сделать несколько замечаний о позиции Французской Коммунистической Партии. Но, выслушав красноречивые слова нашего молодого друга Лапорта, а также люксембургского и венгерского товарищей, я должен, прежде всего, ответить им.

Что сказал нам в своей горячей речи товарищ Лапорт? Он сказал, что во Франции был критический момент,—момент мобилизации призывных 21-го года, когда партия совершенно не выполняла своего революционного долга. Партия должна была потребовать от призывных 21-го года, чтобы они отказались повиноваться приказу о мобилизации. Но это означает, тов. Лапорт, что призывные 21-го года отказываются...

Голос с места:—Речь идет о призывных 19-го года.

Троцкий:—Я не вижу тут никакого различия, потому что речь идет во всяком случае о 200.000—150.000 человек. Итак, вы требуете, не правда ли, чтобы они отказались повиноваться приказу о мобилизации. Приказ о мобилизации, насколько я понимаю, вещь весьма серьезная. После приказа, напечатанного на бумаге, появляются на сцену жандарм и полицейский. Если партия говорит молодому рабочему:—„Ты не должен являться", то партия должна также сказать: „В ту минуту, когда к тебе явится жандарм, ты должен сделать то-то и то-то, т.-е. ты должен вооружиться палкой, камнем или револьвером и силой сопротивляться выполнению этого приказа". Или же партия скажет: „Пусть твоя оппозиция будет платонической. Когда жандарм появится и положит тебе руку на плечо, ты пойдешь за ним". Тов. Лапорт не сказал нам, какую тактику он предлагает партии.

Лапорт:—Лишь бы партия настояла на своем.

Троцкий:—Итак, в конце концов, дело идет о том, чтобы произвести революцию против капиталистического государ-

---

*) Речь т. Троцкого на заседании И.К.К.И. от 16 июня 1921 г. *Прим. ред.*

ства во время мобилизации. Но как теория, так и опыт говорят мне, тов. Лапорт, что *произвести революцию является долгом рабочего класса, а не класса призывных 19-го года.* Вы говорите, что партия в момент мобилизации должна была сказать классу призывных 19-го года: „Так как рабочий класс не произвел революции до сих пор, то произвести ее должен ты, маленький класс призывных 19-го года". Да, это так, тов. Лапорт. Но вот вы говорите, что условий для революции нет налицо—не только для революции класса призывных 19-го года, но и для всей рабочей революции. Выходит, следовательно, что революция невозможна.

У вас был три раза повод для революции, потому что под знаменами три класса призывных. Но правительство требует теперь четвертого. Вы говорите, что пребывание под знаменами трех классов можно терпеть, что из-за этого не делают социальной революции. Но теперь, когда речь зашла о четвертом классе,—о, теперь мы сделаем революцию!. Успокойтесь, дорогой тов. Лапорт, я отлично понимаю ваши чувства, я их понимаю, но горячих революционных чувств еще мало, нужна соответствующая экономическая и политическая обстановка и ясная революционная мысль, без которых можно время от времени делать революционные попытки, но нельзя достичь победы. А во Франции мы хотим сейчас иметь не только отдельные революционные выступления, безусловно необходимые, но также и победу над французской буржуазией.

Вы говорите, что в тот момент, когда президентом республики был издан приказ о мобилизации, наступила пора призвать рабочих к революции. Но вы должны доказать нам, что в тот момент, когда президент республики подписал приказ о мобилизации призывных 19-го года, наступил срок социальной революции во Франции, обусловленный всем экономическим и политическим положением, настроением рабочего класса, силами партии и ее организацией. Вы говорите, что все это вас не интересует. Единственно, что вас интересует, это приказ о мобилизации. Но нет, революция не делается таким способом. И к тому же, каков был бы результат, спрашиваю я себя, если бы партия действительно последовала вашему совету?

Призывается класс 19-го года—150.000 молодых людей. Допустим, что из них отказались бы явиться 5.000 или, быть может, 10.000, а, может быть, и половина,—это были бы наиболее храбрые, 5% из этих наиболее отважных расстреляли бы. Остальные явились бы на призыв. Каков был бы результат? Он был бы гибелен для партии, потому что партия доказала бы этим, что она поистине партия револю-

ционно-словесной демагогии, так как в тот момент, когда у нее еще нет сил произвести революцию, в этот критический момент она обращается к молодежи, выбирает из этой молодежи наиболее смелых молодых людей и говорит капиталистическому государству: „убей их!"—Вот и все. Я не вижу других последствий, какие могли бы явиться в результате подобного поведения.

А люксембургский товарищ был еще гораздо более суров. Простите меня, но он мне показался несколько националистически настроенным. Он спрашивает: что сделала французская партия в тот момент, когда французские войска заняли Люксембург? Но ведь для того, чтобы воспрепятствовать занятию Люксембурга французской армией, нужно было сделать революцию. А разве у французских рабочих только один этот повод к революции? Почему именно из-за Люксембурга должен французский рабочий начать свою революцию? Я этого не понимаю. Французский рабочий видит, проходя по улице, безработных, проституток и французских шпиков. Он встречает на улице три повода для революции. А вернувшись домой, он находит там еще тысячи других. Я спрашиваю себя, знает ли, как следует, французский рабочий (французы вообще неважные географы, а французский рабочий в особенности)—знает ли он, как следует, где находится Люксембург. Я в этом сомневаюсь. И вот потому, что французы захватили эту маленькую страну, заняли Люксембург, местоположение которого ему совершенно неизвестно, поэтому—говорят ему—ты должен сделать революцию. Почему? Потому что наш товарищ является люксембуржцем. Но это скорее националистическое основание, чем революционное и коммунистическое. Я мог бы спросить: а что сделал французский пролетариат, когда Лорио и Монат были в тюрьме? Почему он тогда оставался равнодушным? Ведь это тоже был повод для революции. Почему же вы выбрали как раз этот пример? Потому что он вас задевает. Вы видели французского пехотинца в красных штанах, и это несколько расстроило ваши нервы. Почему же они не делают революции?—восклицаете вы. Так не работают на пользу революции.

Люксембургский товарищ сказал, что французы испытывают страх пред действием. Когда речь идет об индивидуальном действии, можно, конечно, испытывать индивидуальный страх, можно быть человеком, лишенным смелости, и это, разумеется, весьма плачевное положение. Но здесь речь идет не о личной смелости, а о смелости политической, о необходимости предвидеть последствия данного действия. Люксембургский товарищ поддерживал тезис тов. Лапорта

но он не проанализировал, не оценил его последствий. Да, мы должны подготовлять во Франции революцию пропагандой, агитацией, действием. Но, товарищи, подготовлять революцию и произвести революцию в тот момент, когда издается приказ о мобилизации призывных 19-го года,—это две совершенно различные вещи.

Я могу согласиться с тем, что в момент мобилизации Центральный Комитет партии не сделал все, что нужно. Но нужно сначала проанализировать, что он сделал в смысле пропаганды, в смысле организации масс, в смысле демонстрации протеста в парламенте и на улице. Можно утверждать, что Центральный Комитет и вся партия в целом могли сделать гораздо больше, чем они фактически сделали. Я это вполне допускаю, потому что я не удовлетворен французской партией в том виде, как она существует сейчас, и тов. Лорио это прекрасно знает. Но я считаю, напр., совершенно неуместным предложение люксембургского товарища об исключении из партии тов. Фроссара, в назидание для всей партии. Замечу в скобках: когда Фроссар и Кашен приехали сюда, я отнесся к ним столь же скептически, как многие другие товарищи, и, может быть, даже больше. Я жил в Париже и немножко знаю парламентско-социалистическую среду. Я наблюдал вблизи поведение французской партии во время войны или, вернее, в начале войны. И поэтому я был настроен довольно пессимистически по отношению к этим двум товарищам. Но, насколько мне известно их поведение со времени II-го конгресса Интернационала, оно меня удовлетворяет. За это время они послужили Коммунистическому Интернационалу, это факт. Они—конечно, при поддержке со стороны более решительных товарищей,—откололись от центристов. Они содействовали созданию коммунистической партии. Это факт и большой факт.

На этой базе нужно теперь работать. Нужно дать партии более отчетливую, более революционную позицию. Но, когда, в промежутке между двумя конгрессами, эта партия еще только создается, говорить в этот момент об изгнании из нее тех, кто содействовал ее возникновению,—нет, это недопустимо, в особенности, когда об этом говорят товарищи, не бывшие на II-ом конгрессе. Ваше негодование, т.т. люксембуржцы, заводит вас слишком далеко. Но вернемся к вопросу о том, благоприятно ли настоящее положение во Франции для революции или же нет.

Голос с места:—Нет, но для активного выступления...

Троцкий:—Для какого активного выступления? Речь идет об отказе повиноваться приказу о мобилизации.

Но в случае отказа повиноваться приказу о мобилизации может итти речь лишь о таком активном выступлении, которое партия пролетариата может себе позволить только тогда, когда рабочий класс находится накануне революции. Только в этом случае призванные новобранцы могут отказаться от явки на призыв, только в такой исторический момент, когда весь класс, к которому принадлежит партия, уже вовлечен в решительное революционное движение. Если вы скажете, что этот решительный момент уже наступил, вы тем самым скажете, что поведение Центрального Комитета партии неправильно. Почему? Потому что революция уже у ворот, и остается только раскрыть их, а эти люди сидят у себя в бюро редактируют пропагандистские и агитационные листки и занимаются вопросами организации и создания касс, вместо того, чтобы раскрыть ворота пред революцией.

Однако, я осведомлен о положении во Франции. В настоящий момент Европа и весь мир расшатаны в экономическом отношении. Настроение рабочего класса по существу глубоко революционно. В самый короткий срок ситуация может стать революционной. Но что мы видели во Франции? В течение этих лет Франция была самой реакционной страной, страной, наиболее отравленной иллюзиями войны, иллюзиями победы, иллюзиями надежд на материальные плоды побед. Это наиболее отравленная страна.

Голос с места:—Да, это так!

Другие голоса:—Совершенно верно!

Троцкий:—Разумеется, революционная Франция также сильна—своим темпераментом, волей своих наиболее передовых элементов, вами. Да, вы тоже часть французского рабочего класса. Я это отлично вижу, тов. Лапорт, я знаю немножко французский пролетариат, с его темпераментом, с его волей в решительный момент. Я очень хорошо представляю его себе. Партия откололась от реформистов всего лишь несколько месяцев тому назад, ее позиция пока еще нерешительна. Но партия со своим аппаратом представляет собою настроение класса, у которого нет достаточной воли, чтобы произвести революцию... И если бы мы тогда, при таком настроении французского пролетариата, стали бы утверждать, что революция во Франции близка, то теперь торжествовали бы шовинисты. Надежды, порожденные войной, еще не были оставлены.

Непрерывный грабеж Германии дал, правда, меньше, чем расчитывали, но тем не менее награбленное является как бы частичной уплатой той громадной суммы, которую надеются получить. Буржуазный класс еще находится во власти

этой надежды. Он делает также уступки рабочим, расчитывая найти компенсацию на спине немецкого народа. Таково положение во Франции. Это — наиболее реакционная из стран победительниц.

Мы имели революции в Германии и в Австро - Венгрии, мы имели вполне революционное положение в Италии в тот момент, когда полиция и капиталистическое государство были там совершенно деморализованы. Во Франции нет ничего подобного, ее режим был наиболее стойким, она наиболее энергично управлялась волей правящего класса, который до сих пор чувствует себя торжествующим. Только в настоящий момент начинает наблюдаться некоторый отлив. Я имею в виду радикалов и радикал-социалистов на дополнительных выборах. Оппозиция выступает весьма нерешительно в лице радикалов и радикал-социалистов. Это значит, что политическая эволюция Франции, как я ее себе представляю в целом, обнаруживает уклон к радикализму и лонгетизму, к радикал-лонгетистскому блоку.

Если наступят какие-нибудь совершенно неожиданные события, могущие привести к революции, тем лучше,—но мы должны готовиться к положению, не совсем благоприятному для нас. И все-таки, если то движение, о котором я только что говорил, действительно обозначится, то это не будет несчастьем для нас. Когда у власти будут стоять радикалы и лонгетисты, мы будем единственной партией революционной оппозиции. Положение будет для нас совершенно ясным. Мы будем критиковать и разоблачать лонгетистов, эти крайне-левые элементы правящей буржуазии, и в то же время вовлекать массы во все более энергичные действия, сообразуясь с интересами нашего класса, продиктованными данной ситуацией.

Всего, конечно, нельзя предвидеть; но вот как я себе представляю положение во Франции. Оно представляется мне по существу революционным, потому что французская экономика совершенно расстроена. Материальные основания общества потеряли свое равновесие, т.-е. Франция крайне обеднела в своих производительных силах, как и побежденная страна, но в то же время она ведет такой образ жизни, как если бы она была самой богатой и могущественной страной в мире. Тут есть противоречие, которое очень ярко обнаруживается фактом падения французского франка. Вам этот факт хорошо известен по личному опыту; французский франк потерял часть своей покупательной способности; этот победоносный франк, сохранивший лишь небольшую часть своей ценности, воплощает в себе противоречие между образом жизни всего буржуазного общества и бедностью,

лежащей в основании этого общества. И это противоречие должно неминуемо вскрыться и для сознания рабочего класса и доказать ему, что это общество катится в пропасть.

Положение, таким образом, превосходное, и нужно обладать лишь французской сообразительностью, чтобы использовать все его возможности. Но в таких условиях с нашей стороны было бы самоубийством дать себя увлечь частичными выступлениями, хотя и решительными по своему размаху и методу. Не знаю, достаточно ли ясно я выражаю мою мысль. Отказ призывных 19-го года повиноваться приказу о мобилизации был бы частичным выступлением, вызванным вполне случайными условиями, ненаходящимися в непосредственной, интимной связи со всей эволюцией французской политики, а между тем это выступление потребовало бы применения самых решительных методов,—методов социальной революции. Это противоречие могло бы нас убить.

Я не хочу сказать, что я удовлетворен поведением Французской Коммунистической Партии. Нет, я им неудовлетворен, потому что в настоящем положении нужна прежде всего отчетливость позиции, потому что прежде, чем делать революцию, нужно ее хотеть, нужно понимать ее условия, создать такое положение, чтобы было возможно ее сделать. Но я хочу заметить, что если товарищи, выступившие с критическими замечаниями, самым определенным образом и хотят революции, то они зато не вполне определенно представляют себе условия этой революции.

Если же мы возьмем только что образовавшуюся партию, ее Центральный Комитет и парламентскую фракцию, то мы должны будем констатировать довольно неопределенную волю к революции, и тов. Лапорт имеет в этом отношении громадное преимущество. Я это говорю серьезно, без малейшей иронии, потому что это совершенно правильно. Если бы вы сказали, что Центральный Комитет партии не проявил достаточно определенной революционной воли, что были критические моменты, когда он мог сделать больше, чем сделал, вы были бы правы, но дело было не в том призыве, о котором вы нам говорите. Приведу пример из „Temps". Я прочел в этой газете статьи провинциальных корреспондентов, подписанные неизвестными мне инициалами, но, насколько я вижу, инспирированные Мильераном и всей его реакционнейшей кликой. В этих статьях отражается фашистское настроение, влияющее на политическую и социальную жизнь страны. Вы, французы, должны быть готовы к очень критическому положению, потому что буржуазный мир прекрасно сознает сейчас свое классовое положение. Буржуазный орган констатирует: „нам предстоит пережить весьма опас-

ные критические минуты. И необходимо тотчас же создать соответствующее настроение умов. Нужно его организовать, развить в каждом сознание этого факта, чтобы каждый знал свой долг и свое место и был готов, по первому сигналу, выступить в бой и уничтожить анархистские элементы, руководимые московскими агентами". Такова основная мысль этой статьи. Статья прекрасно написана, мысль развита в ней превосходно.

Я, разумеется, думал, что на следующий же день найду в „L'Humanité" по крайней мере три статьи против этой одной с таким приблизительно призывом: „Рабочие, на вас готовится нападение. По примеру фашистов, образуется боевая организация французской буржуазии, вооруженная арсеналами, револьверами, ружьями. Рабочие, мы должны в свою очередь создать боевую организацию. Мы должны иметь тайную разведку, которая осведомляла бы нас об арсеналах, боевых организациях и т. д. врага". Это было бы небольшое, но серьезное начало,—не неопределенный, ничем неподготовленный призыв к молодым новобранцам. Я перелистывал „L'Humanité", искал—и ничего не нашел. Статья в „Temps" прошла незамеченной. Разве это не доказывает, что все внимание партии не направлено на наиболее существенные факты, на факт подготовления гражданской войны? Революционное внимание поверхностно; а это весьма опасно, когда политическая мысль партии поверхностна, как это каждый день обнаруживает „L'Humanité".

Я не могу привести других примеров, но у меня имеется целая коллекция газетных вырезок, относящихся к последнему съезду партии. Интересующимся я мог бы представить еще целый ряд подобных примеров. Парламентские отчеты говорят о позиции различных партий, среди них есть и такая, которая называется коммунистической. Конечно, она отличается некоторым оттенком. Речи коммунистов считаются более красноречивыми, чем речи лонгетистов. Это не всегда соответствует действительности, но это, во всяком случае, только оттенок. Невидно той бездны, которая должна быть вырыта нашей прессой, нашими речами, между коммунистической партией и всем буржуазным обществом. Этой бездны невидно. Что же касается до рабочих, которые поддерживают „L'Humanité", то они в конце концов скажут: „Что же вы там делаете? Почему вы не говорите о коммунизме? Вместо коммунизма мы видим только смутные тени, чуть-чуть более окрашенные, чем тени лонгетистов, но по существу такие же".

Разумеется, развитие революционной ситуации будет ускорено нашим вмешательством, нашим влиянием, нашими кон-

грессами. Но необходимо иметь в виду и оценить по достоинству еще и следующий факт: позиция партии по отношению к синдикалистам, на мой взгляд, совершенно неправильна. Вопрос об отношениях между партией и синдикатами является в настоящее время важнейшим во Франции. Существуют синдикаты, и существуют французские синдикалисты. Французские синдикалисты—это партия, которая сама себя не понимает, которая смешивает себя с синдикатами, потому что носит то же название; а между тем синдикаты—это рабочие организации, охватывающие всех рабочих, без различия взглядов и направления,—рабочих социалистов, коммунистов, беспартийных,—организованных для экономической борьбы. Но у синдикатов есть известное направление, известная программа, и вокруг этой программы и некоторых товарищей, ее представляющих, группируется партия, которая пользуется синдикатами, как сферой своего влияния.

И вот существует два вопроса: вопрос об отношениях между партиями и синдикатами и вопрос об отношениях между коммунистической партией и синдикалистской партией в синдикатах. Небольшие группы в синдикатах, а также и социал-синдикалистская партия заявляют,—что они не хотят слиться с коммунистической партией по нескольким основаниям. Некоторые из этих оснований были и остаются ложными. Они не хотят слиться с партией, они скрываются за автономией синдикатов. Мы не хотим, чтобы синдикаты подчинились партии,—восклицают они,—что в действительности означает: „я не хочу, чтобы моя партия слилась с другой. Мы будем защищать независимость синдикатов!“ Это весьма искреннее заблуждение, но все-таки заблуждение, которое нужно разоблачить самым дружеским образом, потому что среди французских синдикалистов есть превосходные революционные элементы, а во французских синдикатах есть французские рабочие. Поэтому нужно действовать искусно, но все-таки нужно открыто сказать правду.

И вот я должен сказать, что Французская Коммунистическая Партия не всегда имеет смелость выступить против синдикалистов. Она верна жоресистской традиции—щадить синдикаты, обходя их молчанием, как в доме повешенного не говорят о веревке. Не говоря ни о его недостатках, ни о его достоинствах, объявляют, что синдикат есть рабочая организация, с которой нужно поддерживать дружественные отношения—и только. И действительно, в эпоху Жореса, когда в партии преобладал дух реформизма, оппортунизма и национализма, а синдикалисты были представителями подлинной революционной тенденции, за этой дипломатической осторожностью жоресистов скрывался законный страх.

Ибо в тот момент, когда жоресисты сказали бы: „Синдикалисты, вы сделали такие-то ошибки", синдикалисты могли бы представить им в ответ еще гораздо более длинный список ошибок. Но теперь нам необходимо выяснить пред рабочим классом наше отношение к французским синдикалистам.

А между тем, я еще ни разу не нашел в „L'Humanité" ни одного критического слова о синдикалистской доктрине. У синдикалистов я не нахожу ничего, кроме амьенской хартии. Если не по своему темпераменту, то по своей идеологии они превратились в восстановителей*). Я отлично помню, как по вопросу о возобновлении международных отношений мой старый друг Бурдерон всегда говорил: „Главное, не стремитесь к III-му Интернационалу". Он, Бурдерон, хотел возврата к Интернационалу в том виде, в каком он существовал к 31-му июля 1914 года. Что говорят нам синдикалисты? Они говорят: „Вы нам твердите о диктатуре пролетариата, о советах, а мы желаем вернуться к амьенской хартии. Но, боже мой! После амьенской хартии была война, была революция в России, половина или треть революции в Германии, великое движение в Италии. Считается ли амьенская хартия с этими событиями? Нисколько. Наоборот, мы, марксисты, разве мы не пересмотрели и не исправили во многих пунктах нашу программу? Мы ее пересмотрели и исправили, тогда как французские синдикалисты хотят во что бы то ни стало вернуться к амьенской хартии. Это напоминает одну старую песенку Беранже.

Я утверждаю, что если коммунистическая партия начнет в своей прессе открытую дружественную дискуссию с синдикалистами, то это будет очень хорошо. Наш друг Монат, которого я люблю и высоко ценю, не высказывается определенно по этим вопросам. Он молчит, а наш товарищ Лорио поддерживает его в этом молчании. Он делал это в тюрьме, а в тюрьме, действительно, необходимо сохранять дипломатические отношения, потому что дискуссия оканчивается там плохо. Но, когда выходишь из тюрьмы и возвращаешься—вы в партию, он в синдикаты,—тогда необходимо начать дискуссию. И я уверен, что в тот момент, когда такие товарищи, как Монат,—а их много среди синдикалистов,—вступят в партию, настанет большой революционный подъем, весьма полезный и для партии и для синдикатов. Но сейчас этот вопрос остается открытым, он не только не

---

*) Т.-е. они проникаются той идеологией, представители которой проповедуют восстановление довоенных рабочих объединений — II Интернационала и амстердамского объединения профсоюзов. *Прим. ред.*

разрешен, но даже не приступлено к его разрешению. И в этом я вижу недостаток смелости.

Я мог бы, товарищи, привести еще большое количество фактов о положении партии, из которых видно, что партия не на высоте своей задачи, но в то же время я утверждаю, что в настоящую минуту Французская Коммунистическая Партия находится, быть может, в наиболее благоприятном положении во всей Европе. Почему? Потому что развитие во Франции гораздо более медленно, но и гораздо более показательно для рабочего класса. Великая иллюзия войны и победы, успехи лонгетистов—это как бы приготовительный, затем первый, второй, третий классы, которые проходятся медленно. Создающаяся коммунистическая партия, с точки зрения французских условий, очень сильна, потому что во Франции партии обычно не насчитывают много членов. Но их политическое влияние очень велико, и партия с 120.000 членов является во Франции величиной весьма значительной.

Мы наблюдаем подъем радикально-оппозиционной, лонгетистской волны. Но завтра она спадет, и мы останемся единственной оппозиционной партией. В Италии была аналогичная революционная эпоха, когда революционные идеи были еще менее ясны, когда Коммунистический Интернационал встречал еще меньше понимания. В Германии были революционные периоды, когда коммунистической партии почти не существовало; существовали лишь большие партии социал-демократов и независимых. Германская коммунистическая партия создалась и окрепла после великих битв и великих решений германского рабочего класса В Германии уже есть большая революционная воля, но есть также некоторый скептицизм и некоторая утомленность в известных кругах рабочего класса. Во Франции не было революционных боев. Но там есть недовольство, которое все время накапливается. Ситуация выясняется с каждым днем. Там есть коммунистическая партия, которая создалась накануне первого великого революционного события во Франции и которая основывается на всем опыте, накопленном Коммунистическим Интернационалом в течение трех послевоенных лет.

Таково положение, исключительно благоприятное для Французской Коммунистической Партии, и вот почему я думаю, что тов. Рейнольд не предложит на голосование свое предложение об исключении тов. Фроссара. Но, если бы кто-нибудь и сделал такое предложение, оно было бы, я надеюсь, отвергнуто всеми голосами. Французской Коммунистической Партии мы скажем дружески, но энергично: мы не требуем от вас, чтобы вы предпринимали революционные действия, не отдав себе отчета в том, благоприятна ли обста-

новка или нет. Необходимо, конечно, проанализировать сначала эту обстановку. Но мы требуем от вас, чтобы вы порвали не только формально, но и по существу, с вашей прежней позицией, с вашими прежними отношениями и связями с капиталистическим обществом и парламентом. Ваши манеры, ваша парламентская любезность означают не что иное, как недостаток воли и революционной определенности.

Мы требуем от вас, чтобы ваша революционная воля нашла себе выражение в вашей прессе, в парламенте, в синдикатах, повсюду—и чтобы в конце концов она нашла свое высшее выражение на баррикадах Парижа. Вот что мы должны теперь требовать от вас, не назначая определенных сроков, не говоря, что это должно произойти завтра. Не на завтра требуем мы от вас французскую революцию, но мы требуем, чтобы завтра же Французская Коммунистическая Партия проявила волю к ней. (Аплодисменты).

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ МОНАТУ.

Мой дорогой друг!

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам горячий привет и высказать по поводу положения дел во французском синдикализме некоторые свои личные соображения, которые, как я надеюсь, вполне согласуются с руководящей линией 3-го Интернационала в целом.

Я не скрою от Вас, что чувство радости, какое испытываем мы все, наблюдая возрастающий успех революционного синдикализма, сопровождается глубоким беспокойством по поводу дальнейшего развития идей и отношений во французском рабочем движении. Сегодня революционные синдикалисты всех течений являются еще оппозицией и сплачиваются воедино именно своим оппозиционным положением. Завтра, с того момента, как вы овладеете Всеобщей Конфедерацией Труда,—а мы не сомневаемся, что этот день близок,—вы встанете перед основными вопросами революционной борьбы. И вот именно здесь открывается область серьезного беспокойства.

Официальной программой революционного синдикализма является амьенская хартия. Для того, чтобы сразу как можно резче формулировать свою мысль, я скажу прямо, что *ссылка на амьенскую хартию есть не ответ, а уклонение от ответа.* Для всякого мыслящего коммуниста совершенно ясно, что французский довоенный синдикализм был глубоко значительным и важным революционным течением. Амьенская хартия была чрезвычайно ценным доку-

ментом классового движения пролетариата. Но этот документ исторически ограничен. С того времени произошла мировая война, создалась Советская Россия, по всей Европе прошла могущественная революционная волна, вырос и развился 3-й Интернационал. Старые синдикалисты и старые соц.-демократы разбились на два и даже на три враждебных лагеря. Новые вопросы гигантского размера встали перед нами, как практические вопросы дня. В амьенской хартии на эти вопросы ответа нет. Когда я читаю „La Vie Ouvrière", я и там не нахожу ответа на основные вопросы революционной борьбы. Неужели же ныне, в 1921 году, наша задача состоит в возвращении на позиции 1906 года, в „восстановлении" (réconstruction) довоенного синдикализма? Эта позиция принципиально очень похожа на позицию политических „восстановителей (réconstructeurs), которые мечтают вернуться к „чистому" социализму, каким он был до военного грехопадения. Эта позиция бесформенна, она консервативна и грозит стать реакционной.

Как Вы представляете себе руководство синдикалистским движением с того момента, когда в ваших руках будет большинство во Всеобщей Конфедерации Труда? Синдикаты охватывают в своих рядах партийных коммунистов, революционных синдикалистов, анархистов, социалистов и широкую беспартийную массу. Разумеется, всякий вопрос революционного действия в последнем счете должен быть проведен через весь синдикальный аппарат, охватывающий сотни тысяч и миллионы рабочих. Но кто будет учитывать революционный опыт, анализироват его, делать из него необходимые выводы, формулировать определенные предложения, лозунги, методы борьбы и проводить их в широкие массы. Кто будет руководить? Думаете ли вы выполнять эту работу в качестве кружка „La Vie Ouvrière"? В этом случае можно с уверенностью сказать, что рядом с вами возникнут другие кружки, которые под знаменем революционного синдикализма будут оспаривать ваше право на руководство. А затем—как быть с многочисленными коммунистами в синдикатах? Каковы будут отношения между ними и вашей группировкой? В руководящих органах одного синдиката могут преобладать партийные коммунисты, в органах другого синдиката — революционные синдикалисты, стоящие вне партии. Предложения и лозунги группы „La Vie Ouvrière" могут разойтись с предложениями и лозунгами коммунистической организации. Эта опасность глубоко реальна, она может стать фатальной, и через несколько месяцев после нашей победы в синдикальном движении она может вернуть господство Жуо, Демулена и Мерргейма.

Я хорошо знаю предубеждение против „партии“ и против „политики“ в среде французских рабочих, прошедших анархо-синдикалистскую школу. Я совершенно согласен с тем, что нельзя одним резким ударом сломить эти настроения, которые вполне оправдываются прошлым, но являются крайне опасными для будущего. В этом вопросе я вполне могу понять *постепенность* перехода от старой разобщенности к полному слиянию революционных синдикалистов и коммунистов в единой партии. Но нужно ясно и твердо поставить перед собой эту цель. Если в партии имеются еще центристские тенденции, то они имеются и в синдикальной оппозиции. Дальнейшее воспитание и идейное очищение необходимы и здесь и там.—Дело вовсе не идет о подчинении синдикатов партии, а об объединении революционных коммунистов и революционных синдикалистов в рамках одной партии и о согласованной централизованной работе всех членов этой объединенной партии внутри синдикатов, которые остаются при этом автономными, организационно независимыми от партии. Дело идет о том, чтобы действительный авангард французского пролетариата сплотился во имя своей основной исторической задачи — завоевания власти—и под этим знаменем вел бы свою линию внутри синдикатов, этих основных, решающих организаций рабочего класса в целом.

Есть известная психологическая трудность в том, чтобы переступить порог партии после многолетней революционной борьбы вне партии. Но это значит останавливаться перед формой, нанося величайший ущерб существу. Ибо я утверждаю, что вся Ваша прошлая работа была не чем иным, как подготовкой к созданию коммунистической партии пролетарского переворота. Довоенный революционный синдикализм был эмбрионом коммунистической партии. Возвращаться к эмбриону было бы чудовищным движением назад. Наоборот, активное участие в построении настоящей коммунистической партии означает продолжение и развитие лучших традиций французского синдикализма.

Каждому из нас приходилось в эти годы отказываться от одной, уже устаревшей, части своего прошлого, чтобы спасти, развить и обеспечить победу той части прошлого, которая выдержала испытание событий. Такого рода внутренняя революция нелегка. Но только этой ценой приобретается право на действительное участие в революции рабочего класса.

Дорогой друг! Я считаю нынешний момент решающим надолго судьбу французского синдикализма, а стало быть и французской революции. В этом решении Вам принадле-

жит значительное место. Вы нанесли бы жестокий удар тому делу, одним из лучших работников которого Вы являетесь, если теперь, когда нужно окончательно выбирать, Вы повернулись бы спиной к коммунистической партии. Я не сомневаюсь, что этого не будет.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь горячо Вам преданным.

Л. Троцкий.

13 июля 1921 года.

ПИСЬМО КАШЕНУ И ФРОССАРУ.

Дорогие друзья!

Я пользуюсь случаем, чтобы в этом личном письме попытаться устранить некоторые возможные недоумения и недоразумения, вытекающие из крайне плохих связей между Парижем и Москвой. Со времени революционных событий в Германии в марте этого года, когда немецкая буржуазная пресса стала повторять, что мартовское движение вызвано приказом Москвы, в виду наших внутренних затруднений, у меня и, насколько я знаю, у других товарищей, возникло опасение на счет того, не вызовут ли эти слухи тревоги в среде других коммунистических партий Европы. Можно надеяться, что 3-й конгресс рассеял на этот счет какие бы то ни было сомнения и опасения. Самые эти опасения, поскольку они кое-где возникали (может-быть, и во Франции), могли питаться только недостаточной взаимной осведомленностью. Совершенно очевидно, что если бы мы даже стояли на точке зрения интересов только Российской Советской Республики, а не европейской революции, то и тогда мы должны были бы сказать, что действительную помощь нам могут оказать не частичные, тем более, искусственно вызванные восстания, а только революционная победа пролетариата в Европе. Поэтому интересы России требуют только тех движений, тех восстаний, какие вытекают из внутреннего развития европейского пролетариата. Уже это одно исключает возможность каких бы то ни было авантюристских „указов“ из Москвы. Но Москва вовсе не стоит на „московской“ (moscovite) точке зрения. Русская Советская Республика есть для нас только точка отправления для европейской и мировой революции. Интересы последней

являются для нас во всяком крупном вопросе решающими. Надеюсь, что 3-й конгресс не оставил на этот счет места никаким сомнениям.

Насколько можно судить на большом расстоянии, политическая подготовка Франции к революции происходит с превосходной планомерностью. У вас явно надвигается эпоха керенщины, режим радикально социалистического блока, как первая смутная реакция против военной эпохи. Французская керенщина, в которой соединятся раздражение и отчаяние мелкого буржуа, эгоизм крестьянина, который не хочет платить за разбитую посуду войны, консерватизм более привиллегированного рабочего, который надеется удержать для себя положение, созданное войной, и проч. и проч.,—французская керенщина будет означать чрезвычайную расшатку государственного аппарата. Между империалистскими кликами и их кандидатами в Галифэ, с одной стороны, и нарастающей пролетарской революцией, с другой, станет временно в виде буфера беспомощный блок радикалов и социалистов—Кайо, Лонгэ и компания. Это будет великолепное вступление в пролетарскую революцию. Если издыхающий национальный блок успеет ввести свой закон против коммунистов, можно будет только благодарить судьбу за такой подарок. Полицейские и административные преследования, аресты и обыски будут весьма полезной школой для французского коммунизма накануне его вступления в фазу решающих событий. По „L'Humanité" мы с большим интересом и вниманием следим за тем, с какой энергией вы развиваете кампанию против закона Бриана-Барту. Если вы сорвете это предприятие, авторитет партии сильно вырастет. Если закон будет все же введен, это опять-таки послужит нам на пользу.

Поскольку „L'Humanité" отражает линию руководящих кругов партии представляется ясным, что эта линия становится все более радикальной и решительной. К сожалению, по „L'Humanité" труднее судить о настроении более широких кругов рабочего класса. Так, в „L'Humanite" почти нет писем рабочих, корреспонденций с фабрик и заводов и других документов, непосредственно отражающих повседневную жизнь масс. Чрезвычайно важно было бы как для французского, так и для мирового коммунизма более точное выяснение того, какие круги пролетариата читают „L'Humanité" и что именно они читают в газете. Правильная сеть рабочих сотрудников и корреспондентов станет в известный момент аппаратом революционного восстания и будет проводить в массу лозунги и директивы своей газеты, придавая стихийному движению то единство, которого ему так часто

недоставало в прошлых революциях. Революционная газета не может висеть над массой, она должна иметь многочисленные корни в самой массе.

Вопрос об отношении партии к рабочему классу есть, прежде всего, вопрос об *отношении партии к синдикатам.* Насколько можно судить отсюда, это сейчас самый острый и самый тревожный вопрос французского рабочего движения. Группа „La Vie Ouvrière" представляет драгоценную часть французского рабочего движения уже по одному тому, что она сплотила довольно значительное число надежных, преданных, испытанных работников. Но, еслибы эта группа—чего я не думаю—продолжала отстаивать свою обособленность и замкнутость, ей грозила бы опасность превратиться в секту и оказаться тормазом дальнейшего развития синдикатов и партии. Своей нынешней бесформенной политикой в отношении синдикатов—в духе статьи Вердье—партия содействует консервированию слабых сторон „La Vie Ouvrière" и задерживает развитие ее сильных сторон. Партия должна поставить себе задачу *завоевания синдикатов изнутри.* Дело идет не о том, чтобы лишить синдикаты автономии и подчинить их партии (это вздор!), а о том, чтобы коммунисты стали внутри синдикатов лучшими синдикальными работниками, завоевали бы доверие масс и получили решающую роль в синдикатах. Само собою разумеется, что коммунисты в синдикатах действуют, как дисциплинированные члены партии, проводя ее основные директивы. Необходимо во что бы то ни стало иметь в Центральном Комитете партии несколько рабочих-коммунистов, играющих видную роль в синдикальном движении. Необходимо, чтобы коммунисты, работающие в синдикальном движении, периодически собирались и обсуждали методы своей работы под руководством членов Центрального Комитета партии.

Разумеется, мы должны поддерживать самые дружественные отношения с революционными синдикалистами, стоящими вне партии, но в то же время нам необходимо уже сейчас создать в синдикатах свои чисто партийные ячейки, которые могут затем объединяться в смешанных ячейках с анархо-синдикалистами. Только при условии сплоченности и дисциплинированности коммунистических ячеек в синдикатах, распыленные анархо-синдикалистские элементы будут к нам все более и более примыкать, убеждаясь на опыте, как необходимы дисциплина и централизованное единство руководящей линии, *т.-е. партия.*

Если мы будем просто замалчивать наши разногласия с синдикалистами и анархистами, то эти разногласия могут

затем обрушиться на нас в виде катастрофы в решающий момент.

Я прошу вас отнестись доброжелательно к тому, что я с такой свободой высказываю свои мысли по поводу положения дела во Франции, которое вам известно лучше, чем мне. Моим оправданием служит, с одной стороны, свежий опыт русской революции, с другой стороны—мой глубокий интерес к вопросам французского рабочего движения. Я разделял с некоторыми близкими товарищами сожаление о том, что вас обоих не было на конгрессе. Нельзя ли надеяться на то, что либо вы оба, либо по одиночке, найдете возможным побывать в Москве еще до ближайшего конгресса французской партии? Нет никакого сомнения в том, что ваше свидание с новым Исполкомом Коминтерна принесло бы большую пользу обеим сторонам, устранив возможность всяких недоумений, и еще больше укрепило бы организационную и идейную связь между нами.

Жму ваши руки и сердечно приветствую вас.

Л. Троцкий.

14 июля 1921 г.

О ЦЕНТРАЛЬНОМ ОРГАНЕ ПАРТИИ—„L'HUMANITÉ" *).

Дорогой товарищ!

Согласно выраженному Вами желанию я более детально формулирую свой взгляд на „L'Humanité".

1. Очень важное место во французской коммунистической газете занимают парламентские отчеты. Не потому, чтобы мы—подобно реформистам—считали участие в парламенте основным или особенно важным методом борьбы рабочего класса, но именно потому, что, отводя парламенту и парламентаризму то место, которое они действительно занимают в нынешнем обществе, должны рассеять как предрассудки парламентарного реформизма, так и анти-парламентские суеверия анархизма. Задача парламентских отчетов состоит в том, чтобы показать рабочим действительную роль парламента и представленных в нем партий. Между тем, этот отдел поставлен в „L'Humanité", на мой взгляд, в корне неправильно. Дебаты излагаются в легкой журналистской форме шуток, намеков и проч. Никогда не указывается, к какой партии принадлежит оратор, интересы какого класса или

---

*) Настоящее письмо адресовано т. Люси Лесьяг. *Прим. ред.*

части класса он представляет, никогда не вскрывается классовый характер защищаемых идей, никогда речь или предложение не сводятся к их существу, а все растворяется во внешних противоречиях, в игре словами, шутках и проч. Я не сомневаюсь, что из 100 рабочих, которых Вы остановите на улице у выхода из фабрики и которым прочитаете парламентский отчет из „L'Humanitè", 99 не поймут и ничему не научатся, а сотый, может быть, и поймет кое-что, но тоже ничему не научится. Нельзя писать в рабочей газете о парламенте и об его внутренней борьбе в стиле журналистов, разговаривающих между собой в курительной комнате парламента.

В этой области особенно необходимы ясность, отчетливость, популярность. Я вовсе не хочу сказать, что нужно давать сухие резюмэ дебатов с подстрочными примечаниями об ораторах и партиях, Наоборот, отчеты должны иметь живой агитационный характер. Но это значит, что автор должен ясно представлять себе своего читателя и должен ставить своей задачей вскрыть пред этим читателем классовое существо парламентской работы и махинаций. Иной раз достаточно из целой речи вырвать два слова, чтобы охарактеризовать не только оратора, но и его партию. Нужно повторять, подчеркивать, настаивать, еще раз повторять и еще раз подчеркивать, а не порхать журналистски по поверхности парламентских дискуссий.

2. Отношение „L'Humanité" к диссидентам слишком неопределенное и временами прямо неправильное: раскол слишком серьезная вещь, и раз мы признали раскол неизбежным, то нужно, чтобы масса поняла его во всем его значении. Нужно беспощадно разоблачать политику диссидентов. Нужно сделать их вождей и их прессу смешными и ненавистными в глазах массы. Таким путем широкая партийная масса достигает гораздо большей политической отчетливости и ясности. В номере от 17 апреля этого года т. Launat занимает в отношении к диссидентам совершенно неправильную позицию. Он выражает пожелание, чтобы текст законопроекта Поля Бонкура появился скорее, дабы можно было проверить, действительно ли разногласия так непримиримы, как утверждает Блюм. Вся статья, как и некоторые другие на эту тему, написана в таком духе, как если бы у нас с лонгетистами была не непримиримая политическая борьба, а просто товарищеская дискуссия. Это в корне неправильно. Разумеется, нам необходимо оторвать от лонгетистов идущую за ними часть рабочих. Но мы достигнем этого только беспощадной кампанией против лонгетизма во всех его проявлениях.

3. Я прочитал статью т. Фроссара в номере от 5 мая: „Sang froid et discipline". По существу статья совершенно правильна, поскольку она говорит, что делать и как делать. Но она недостаточна, ибо не дает выхода тому чувству протеста, которое охватило лучшие элементы рабочего класса. Тон самой газеты был недостаточно тверд и энергичен. Газета не дополняла парламентской фракции, выступления которой были чрезвычайно слабы и даже принципиально неправильны. Не берусь высказаться с определенностью, но, вероятно, возможны были такие формы протеста, которые не ангажировали бы партию на решительные действия. Никакого указания в этом смысле в „L'Humanité" не заключалось.

4. В номере от 3 апреля помещена передовая статья „Христианство и социализм". Статья находится в вопиющем противоречии с марксизмом, пытаясь обосновать социализм общими местами евангелия. Автор ссылается на Советскую Россию, где церковь терпима, и требует, чтобы французская Коммунистическая Партия подражала в этом отношении советской республике. Но здесь чудовищное смешение понятий. Советская республика есть государство, которое вынуждено терпеть в своих рядах предрассудки и их организованное выражение — церковь. Коммунистическая партия есть добровольный союз единомышленников, и она не может терпеть в своих рядах пропаганды христианского социализма и предоставлять для такой пропаганды страницы центрального органа, да еще в виде передовых статей. Партия может мириться с тем фактом, что отдельные члены ее, особенно рабочие и крестьяне, еще не освободились от религиозных предрассудков, но партия, как партия, в лице своих руководящих органов обязана вести реальную просветительную работу. Во всяком случае мы не можем мистикам-интеллигентам позволять эксплоатировать партию, как аудиторию для их религиозных бредней. Такого рода элементы в решительную минуту в 9 случаях из 10 отдадут предпочтение своей христианской половине и станут тормазом революционного действия.

5. Люксембургские товарищи жаловались на безучастие партии к военным насилиям французского правительства над люксембургскими рабочими. Я нашел в „L'Humanité" по этому поводу только одну статью тов. Виктора Мерик. Несомненно, что именно в этом вопросе можно и должно было развернуть гораздо большую агитацию.

6. Колониальные вопросы в слишком слабом тоне отражаются на страницах „L'Humanité". Между тем, отношение к колониальному рабству является действительным испыта-

нием для революционности пролетарской партии. Передовая статья в номере от 20 мая по поводу мнимого заговора в Индо-Китае написана в демократическом, а не в коммунистическом духе. Нам необходимо пользоваться всеми случаями для внедрения в сознание рабочих права колоний на восстание и отторжение от метрополии. Мы при всех случаях обязаны подчеркивать, что долг рабочего класса поддержать колонии в их восстании против метрополии. Социальная революция не только в Англии, но и во Франции означает не только восстание пролетариата, но и восстание колониальных народов против метрополии. Всякая неопределенность в этом отношении становится источником и прикрытием шовинизма.

7. В ряде статей и особенно заметок наблюдается неосторожное обращение с понятиями: отечество, республика, любовь к своей стране и проч. проч. Именно во Франции точность терминологии, строго выдержанный классовый характер политической фразеологии важнее, чем где бы то ни было.

8. Я не стану приводить многочисленных примеров крайней неопределенности и прямо нерешительности линии „L'Humanité" в отношении к синдикализму. Ряд статей в корне нарушает основные принципы марксизма и коммунизма. Коммунисты пишут статьи, целиком направленные против линии партии. Печатаются резолюции синдикалистов без всяких комментариев. Несомненно, „L'Humanité" должна в настоящий период открыть свои столбцы для дискуссии по вопросу о профсоюзах, давая возможность высказаться и другой стороне. Но голос редакции должен раздаваться во всех случаях, иначе читатель безнадежно дезориентируется и запутывается. Дискуссия по этому вопросу, особенно во Франции, неизбежно примет характер пестрой разноголосицы. Отсюда может проистечь величайшая смута при нерешительности редакции. Наоборот, при твердом курсе редакции масса выберет принципиально правильную и строго выдержанную коммунистическую линию, отбросив путаницу, недоговоренность, противоречивость всех остальных.

9. „L'Humanité" охотно печатает фотографии немецких и английских министров, в том числе немецких социал-демократов и пр. Я думаю, что было бы желательно заменить их портретами коммунистов. Нужно сближать коммунистические партии друг с другом, в том числе и персонально.

10. В заключение пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить свой восторг перед Вашим Гасье.

С товарищеским приветом *Л. Троцкий.*

Москва, 23 июля 1921 года.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ОТ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА.

Дорогие товарищи!

Мы считаем необходимым сделать из постановлений последнего конгресса некоторые выводы в отношении коммунистических партий отдельных стран.

1. Крайне необходимо установить более правильные частые сношения между вами и Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. Необходимо возложить на определенных товарищей пересылку нам всей выходящей во Франции коммунистической литературы. Необходимо посылать нам периодические отчеты о жизни партии и о французском рабочем движении в целом. Необходимо, наконец, доставлять для нашего журнала „Коммунистический Интернационал" статьи, посвященные выяснению очередных вопросов французского коммунизма.

Основные директивы в области тактики французской коммунистической партии даны в соответственной резолюции конгресса. Мы здесь хотели бы лишь с большей ясностью и откровенностью, чем это можно сделать в предназначенных для печати тезисах, высказаться прежде всего по поводу парламентской политики партии. Разумеется, парламентская работа не имеет решающего значения, но она имеет огромное *симптоматическое значение*: по ней можно судить о степени отчетливости и ясности революционной линии партии, об ее способности сопротивляться буржуазным влияниям и разговаривать с пролетарской массой через голову парламентского большинства. Во Франции революционная отчетливость парламентской тактики необходима более, чем где бы то ни было, ибо анархически настроенные элементы рабочего класса судят о партии прежде всего по ее парламентской деятельности. Преодолеть предрассудки тех, которые отрицают необходимость и полезность партии, можно, только превратив парламентскую фракцию в инструмент действительно революционной политики рабочего класса. Этого сейчас, к сожалению, еще нет у вас.

Итак, безусловно недостаточна была парламентская политика нашей фракции во время последнего обострения франко-германских отношений. Выступление тов. Кашена давало повод к такому истолкованию, будто Французская

Коммунистическая Партия отстаивает англо французский союз, как устой европейского мира против авантюристской политики Бриана. Между тем, совершенно очевидно, для разоблачения авантюризма правящей клики нет надобности затушевывать тот факт, что англо-французский союз является фактором не мира, а грабежа, разбоя и новых войн. Разрыв между Англией и Францией означал бы только новую комбинацию в тех же целях. После успокоительных заверений Бриана коммунистическая фракция внесла резолюцию, которая ограничивалась требованием освобождения призывных 1919 года. В данных условиях это означало, что фракция становится на почву правительственной политики, одобряя его выжидательный курс и требуя только сделать частный практический вывод из общих посылок. Большей принципиальной тактической ошибки партия не могла сделать при таких условиях. Обязанностью фракции было разоблачить в резолюции новую фазу англо-французского грабежа и указать, что выжидательный характер бриановской политики есть только подготовка к новым кровавым насилиям. В такой связи требование освобождения призыва 1919 г. получило бы совершенно другое освещение.

2. В ряде других вопросов фракция слишком мало или вовсе не обнаруживала своего лица, и в глазах посторонней публики она растворялась в „крайней левой". В смысле парламентского маневрирования и приспособления к аудитории и внешних ораторских эффектов диссиденты будут иметь неизбежный перевес над нами, ибо они являются партией адвокатов и депутатов par excellence. Тем важнее для нас ребром ставить вопрос, противопоставляя себя при каждом подходящем случае лонгетистам, прямо и открыто обличая их с парламентской трибуны и формулируя резкие и отчетливые лозунги, доступные самым широким массам рабочего движения.

Вместе с тем необходимо добиться, чтобы парламентские отчеты „L'Humanité" дополняли, освещали и уточняли выступления наших депутатов. Не будет никакого вреда, наоборот, будет только польза, если в отдельных случаях „L'Humanité" будет прямо указывать на ошибку того или другого выступления коммунистического депутата. Буржуазная пресса будет злорадствовать, но рабочая масса увидит, что наши депутаты не боги, что они стоят под контролем партии. Это будет иметь только воспитательное значение.

Нынешние парламентские отчеты „L'Humanité" насквозь пропитаны духом кулуаров парламента и потому совершенно недоступны рабочей массе.

3. Резкое выступление товарищей Моната и Монмуссо против резолюции московского конгресса о взаимоотношениях между партией и профсоюзами вызвано в значительной мере тем, что французские синдикалисты никогда не слышали со стороны французских коммунистов открытой критики их воззрений. Установилось молчаливое соглашение, в силу коего все вопросы синдикального движения превратились как бы в идейную монополию революционного синдикализма. Как бы в уплату за это, синдикалисты со своей стороны совершенно не касались деятельности партии и особенно ее парламентской деятельности. Такое механическое разделение может стать гибельным для революционного движения во Франции. Рабочий класс представляет собою единство. Пролетарская революция становится тем более возможной, чем более это единство проявляется во всех областях классовой борьбы пролетариата. Нужно требовать от синдикалистов пред лицом рабочей массы, чтобы они открыто высказывались о политике партии, об ее отрицательных сторонах,—нужно заставить их разъяснять, почему они не вступают в коммунистическую партию в то время, как коммунистическая партия обязывает всех своих членов вступать в синдикаты. Нужно со всем вниманием прислушиваться к критике синдикалистов, ибо, как показало прошлое, они отражают в значительной мере настроения и взгляды довольно широких революционных групп пролетариата. Но в то же время нужно открыто критиковать ограниченность позиции революционного синдикализма.

Постоянные ссылки на амьенскую хартию, отказ примкнуть к Красному Интернационал упрофсоюзов, апелляция к новому конгрессу профсоюзов, который должен создать более „широкий“ Интернационал,—все это представляет собою повторение тактики лонгетистов, которые также солидаризировались вначале с Москвой, затем поставили задачей „реконструировать“ прошлое, отказались примкнуть к Интернационалу, намеревались создать более „широкий“ Интернационал и окончили тем, что создали маленький Интернационал $2^1/_2$. Если бы Монат и Монмуссо продолжали упорствовать в своей нынешней позиции, то дело закончилось бы несомненно образованием маленького синдикального Интернационала $2^1/_2$—между Амстердамом и Москвой. На все эти опасности нужно теперь указать совершенно открыто. Нужно устно и печатно разъяснять широким рабочим массам смысл резолюций, принятых московскими конгрессами по поводу профессиональной работы. Можно и должно допустить дискуссию по поводу вопроса о взаимоотношении партии и синдикатов на страницах партийной

печати. Особенно важно вовлечь в эту дискуссию революционных синдикалистов. Но ни в каком случае недопустимо оставлять массу без руководства. Точка зрения Коммунистического Интернационала должна неизменно из номера в номер противопоставляться заявлениям, статьям, резолюциям революционных синдикалистов, поскольку эти документы расходятся с решениями Интернационала.

4. Основная задача — завоевать рабочую массу. Передовая часть рабочей массы сосредоточена в профсоюзах. Поэтому профсоюзы должны явиться в ближайший период важнейшей ареной согласованной, организованной деятельности партии.

Нужно взять на учет коммунистов в профсоюзах, держать их в связи между собою и под контролем и руководством ближайшей партийной организации. Местные партийные организации должны находить постоянное руководство в вопросах профессиональной тактики со стороны Центрального Комитета.

В виду этого представляется целесообразным создание при Центральном Комитете особой постоянно действующей комиссии по вопросам профессионального движения. Эта комиссия может быть составлена из нескольких членов Центрального Комитета, близко знакомых с профессиональными вопросами, и из нескольких рабочих коммунистов, работающих преимущественно или исключительно в синдикатах. Все вопросы профессионального движения должны проходить через эту Комиссию. Вопросы особой важности, или вопросы, вызывающие внутри комиссии разногласие, должны передаваться на рассмотрение Центрального Комитета. Комиссия организует в Париже ряд совещаний, конференций коммунистов, работающих в синдикатах, для освещения внутренней жизни в синдикатах, идейных группировок, способов и методов агитации и организации и проч. На такого рода конференции желательно было бы допускать с совещательным голосом революционных синдикалистов, дабы они на практике поняли, что коммунистическая партия представляет собой организацию пролетарского авангарда, которая имеет своей задачей завоевать руководство во всех областях жизни и борьбы рабочего класса.

Нужно во что бы то ни стало воспитать коммунистов, работающих в синдикатах, в том убеждении, что они и в синдикатах остаются членами партии и выполняют ее основные директивы. Коммунисты, которые упорствуют в своем заблуждении, будто бы в синдикальной работе они независимы от партии, должны быть в виде общего правила исключены из партии.

5. Нужно уже сейчас подбирать рабочих коммунистов, способных занять ответственные посты в синдикатах после частичного или полного овладения ими. Намеченные товарищи должны посвятить главные свои усилия практическому изучению синдикальной работы.

6. В соответствии с резолюциями последнего конгресса необходимо внести серьезные и глубокие изменения в организационный аппарат партии и в его методы работы.

Мы полагаем, что эту реорганизацию нужно начать с самого Центрального Комитета, использовав время, остающееся до конгресса, для тщательной подготовки такой реорганизации.

Центральный Комитет необходимо:

а) приблизить как можно более к массам,

б) составить из товарищей, которые посвящают свои силы главным образом партийной работе.

Примерно говоря, не менее одной трети членов Центрального Комитета должны быть профессиональными работниками партии, состоящими на ее жаловании и находящимися целиком в ее распоряжении. Наряду с ними нужно поставить членов Центрального Комитета, работающих преимущественно в синдикатах в качестве профсоюзных служащих. В виду исключительной важности синдикального вопроса, нужно постараться, чтобы около одной трети Центрального Комитета состояло из таких работников. При таких условиях в Центральном Комитете будет не больше одной трети товарищей, которые большую часть времени отдадут парламентарной деятельности или личной работе. Мы выражаем наше твердое убеждение, что только подобный состав Центрального Комитета со значительным процентом рабочих может обеспечить партийному центру действительное руководство движением. Необходимо сейчас же приступить к отбору подходящих товарищей, к намечению необходимых кандидатур, так как без этой тщательной подготовительной работы съезд не даст в этом отношении необходимых результатов.

7. При нынешнем положении федераций партия лишена непосредственного руководства. Центральный Комитет из Парижа не может руководить местной работой во всей ее конкретности. Местных комитетов, как выборных, постоянно действующих органов, не существует. Совершенно очевидно, что без постоянно действующих местных комитетов партия недееспособна. В составе каждого местного комитета должна быть опять-таки часть товарищей, все силы которых находятся в распоряжении партии.

Несомненно, что в лице секретарей и казначеев партии к нам перешло в наследство от старой партии значительное число лиц, которые оказались коммунистами только потому, что большинство членов партии высказалось за III Интернационал. Эти партийные чиновники старого типа слишком часто оказываются неспособными понять характер и задачи новой эпохи и новой работы. Необходим подбор новых работников, в том числе из среды коммунистической молодежи.

В каждом комитете должны быть товарищи, способные жертвовать личными интересами для партийной работы и подавать в этом отношении пример другим. Нужно, чтобы члены партии в деле распространения литературы, агитации и пропаганды и проч. проявляли ту самоотверженность и энергию, какая соответствует подготовке предстоящих нам в более или менее близком будущем решающих боев.

8. Внутренняя жизнь партии должна находить гораздо более отчетливое и деловое отражение на страницах „L'Humanité". Нужно открыто критиковать недостатки местной работы, сурово осуждать тех членов партии, которые, прикрываясь коммунистическим знаменем, в местной работе проявляют величайший оппортунизм и идут на любые сделки с сильными мира сего. Только бдительная строгость партии в отношении к своим парламентским депутатам, муниципальным советникам и проч. может обеспечить ей доверие и уважение рабочего класса.

9. Необходимо решительно положить конец такому положению, при котором члены партии по соображениям материальной заинтересованности или из политических видов создают газеты и журналы, не стоящие под контролем партии и сплошь да рядом направленные против партии. Сознательно или полубессознательно, прикрываясь своей близостью к коммунизму, такого рода издатели, редактора, журналисты эксплоатируют в пользу своего частного предприятия авторитет партии и революционный подъем рабочих масс, чтобы затем в решающий момент борьбы повернуть все свое влияние против коммунистической партии. В этой области политическая целесообразность диктует партии твердую, решительную линию поведения.

10. Значительный успех одного из таких явно вредных изданий, „La Vague", свидетельствует, между прочим, о том, как сильно широкие круги рабочих, солдат, крестьян, стремятся находить в газете и журнале отражение своей жизни, своих переживаний, мыслей и проч. Необходимо во что бы то ни стало приблизить партийную прессу, и в том числе „L'Humanité", к жизни трудящихся масс. Нужно создать

широкую сеть корреспондентов с фабрик, заводов, из отдельных районов и т. д. Корреспонденции эти можно и должно сжимать, сокращать, комментировать, но нужно, чтобы рабочие массы находили свое отражение в своей газете.

11. Установление полного взаимного понимания и тесной связи нового Исполнительного Комитета с Центральным Комитетом Французской Коммунистической Партии мы считаем важнейшим условием успеха дальнейшей работы. Мы настоятельно просим поэтому тов. Фроссара, как секретаря партии, и тов. Кашена, как председателя парламентской фракции, прибыть в ближайший срок—вместе, или если это трудно, то поодиночке—в Москву для обсуждения ряда вопросов, теснейшим образом связанных с ближайшим конгрессом Французской Коммунистической Партии.

Высказавши со всей свободой свой взгляд на задачи Французской Коммунистической Партии, мы ни на минуту не сомневаемся, что вы со своей стороны усмотрите в нашей критике только то, выражением чего она является на самом деле, т.-е. наше глубокое и искреннее стремление помочь всем, чем только возможно, Французской Коммунистической Партии—одной из важнейших секций Коммунистического Интернационала.

Примите наш братский привет и пожелание успеха.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

26 июля 21 г.

ФРАНЦУЗСКИЙ СИНДИКАЛИЗМ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

Мы печатаем ниже обстоятельную беседу, которую вел с сотрудником „La Vie Ouvrière“ т. Росмер. „La Vie Ouvrière“—руководящий орган группы революционного синдикализма, вдохновителями которой были Пьер Монат и Альфред Росмер. Справа к этому ядру примыкали: секретарь союза металлистов Меррге́йм и заместитель главного секретаря конфедерации Дюмулен. Оба последних заняли в начале войны интернационалистско-пацифистскую позицию, недостаточность которой обнаруживалась тем резче, чем дальше развивались политические события. В настоящее время Меррге́йм и Дюмулен являются самыми злостными ренегатами и наемными лаятелями против Советской России. Монат и Росмер пронесли знамя революционного синди-

кализма незапятнанным через все испытания последнего семилетия.

Теоретически Росмер, как и Монат, исходили из анархической доктрины. Они были ближе к Бакунину и Прудону, чем к Марксу. Но бакунизм, переставший быть голым бунтарством, примененный к классовой борьбе пролетариата и к его экономической синдикальной организации, чрезвычайно далеко отошел от своего первоисточника. Анархизм превратился в синдикализм. Если этот последний сохранил в себе очень много анархических неправильностей, искажений перспективы, непонимания основного взаимоотношения между экономикой и политикой, то, с другой стороны, французский синдикализм, развивавшийся в борьбе с адвокатским социализмом, парламентским соглашательством, депутатским карьеризмом, сыграл, несомненно, очень плодотворную роль в истории французского рабочего движения и сгруппировал вокруг своего знамени много ценнейших элементов французского рабочего класса.

Связанные в течение долгого времени тесным братством по оружию, Монат и Росмер были в течение последних полутора лет разъединены территориально и отчасти идейно.

Монат в числе других руководителей Комитета Третьего Интернационала, сыгравшего решающую роль в повороте французского движения на новые рельсы, был привлечен республикой Бриана—Мильерана к ответственности по обвинению в заговоре против буржуазного господства. Долгий ряд месяцев Монат провел в тюрьме вместе с Лорио, Суварином, Монмуссо и др. Росмер избег тюрьмы только потому, что во время арестов находился уже по пути в Россию. Он прибыл к нам перед вторым конгрессом Коммунистического Интернационала. Его главной задачей было: видеть, понять, связать воедино, объяснить. Он был все время самым внимательным и вдумчивым наблюдателем нашей жизни, нашей внутренней и международной политики. При нем прошло не мало событий: война с Польшей, поход на Варшаву, отступление, война с Врангелем, победа, ряд зигзагов международной политики, новый экономический курс, стратегический поворот на 3-м международном конгрессе... Наблюдая эти события, принимая активное участие в выработке тактических методов и политических оценок, Росмер без труда освободился от частных пережитков анархической доктрины, как и всем нам от многого приходилось освобождаться за эти годы, переучиваясь и доучиваясь в борьбе. Революционный синдикализм Росмера естественно развился в революционный коммунизм.

Пьер Монат, остававшийся во Франции, притом преимущественно в тюрьме, занял гораздо более выжидательную позицию по отношению к методам и доктрине русской революции, оставаясь в то же время ее неизменным другом. В то время, как Росмер, на основании опыта русской революции, признал необходимость руководящей коммунистической партии, сочетающей в себе весь опыт рабочего класса и направляющей все области его борьбы, Монат в этом основном вопросе не сказал еще решающего слова *). Решения первого международного конгресса профессиональных союзов в Москве по вопросу о взаимоотношении профсоюзов и партии имели своим защитником на конгрессе Росмера и встретили довольно резкую оппозицию со стороны Моната.

В очерченных условиях возвращение Росмера в Париж имеет серьезное значение для дальнейшего развития идей и группировок во французском рабочем движении. Первая политическая беседа Росмера, печатаемая нами ниже, помещена в виде передовой статьи в „La Vie Ouvrière", которая целиком отражает ныне позицию Моната с ее сильными и ее слабыми сторонами.

В немногих словах, которыми редакция сопровождает заявления Росмера, мы слышим пока только беглые намеки на разногласия и предстоящие тактические споры. За первой беседой должна будет последовать вторая и третья. Возвращение Росмера ускоряет процесс самоопределения французского революционного синдикализма. Последнему придется поставить все точки над i. Мы хотим надеяться, что он их поставит там, где следует.

9 ноября 1921 г.

ПОСЛЕ ПЯТНАДЦАТИ МЕСЯЦЕВ ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИИ РОСМЕР ВЕРНУЛСЯ И РАССКАЗЫВАЕТ О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ.

Мы долго ждали Росмера. Проходили недели. Он не возвращался. Ему было трудно вырваться из этой русской среды, в которой он провел эти пятнадцать богатых событиями месяцев. Мы так и думали. Наконец, он приехал. Физически он совсем не переменился, сказать по правде, похудеть ему было бы трудно: тщедушный перед своим отъездом, он вернулся скорее несколько окрепшим. Главное, у него и тон и вид полны решительности, какой у него не знали раньше. Быть может, русская революция наэлектризовала

*) Тов. Монат уже вступил в ряды Ф. К. П. *Прим. ред.*

его душу и тело? Конечно, начнутся споры по вопросам тактики. Но, сначала, надо от души обняться, поговорить. В мае 1920 г. Росмер был по дороге в Россию, когда в Вене он узнал о „заговоре“ *). Не следовало ли вернуться, вместо того, чтобы продолжать дорогу? Товарищи из „центра“ ему написали, чтобы он ехал дальше. В продолжении 15 месяцев связь с ним была почти порвана. Изредка, совсем изредка письмо или несколько строчек. В то время, как он жил там и принимал участие в работе русской революции, в то время, как он озирал мир с высоты этой обсерватории, мы оставались здесь, погруженные в нашу повседневность. В связи с этим, наше единомыслие не могло не быть нарушенным. Мы остались теми же, какими были 15 месяцев тому назад, по крайней мере, мы так полагаем. Он же видел столько вещей, он чувствовал пламя настоящей революции. Каково теперь это пламя? Следует объяснить нам это. Еще более важно, чтоб он объяснил нам и нашим читателям, что такое русская революция и каков урок, какой в ней заключается для каждого революционера. Кратковременное пребывание в стране, где происходит революция, может дать повод только для поспешных суждений. Росмер был свидетелем и наблюдателем, который в продолжение пятнадцати месяцев наблюдал, как друг, жадными глазами. Понимают только то, что любят. Отвести настоящее место несовершенствам и ошибкам можно только, если видишь все в целом. Он имел время наблюдать таким образом. Он первый французский революционер, который имеет возможность сообщить результаты своих наблюдений после 15 месяцев пребывания там.

БУДЕТ ЛИ ПОБЕЖДЕН ГОЛОД?

Само собой разумеется, мы его засыпали вопросами. Сначала по поводу тревожного положения, вызванного голодом. Приведем его слова.

Голод, который обрушился на миллионы обитателей губерний Поволжья после почти полного неурожая, является новым и тяжелым испытанием для Советской России. Нашим русским товарищам пришлось встретиться со всевозможными трудностями в их и без того громадной работе. Уже урожай прошлого года был недостаточен, из-за засухи. В этом году был на Волге полный неурожай. Благодаря невероятным усилиям, Советская Россия сумела

*) Обвинение в заговоре революционной группы, к которой принадлежал Росмер (Монат, Лорио, Суварин и др).

собственными силами справиться с первой тяжелой частью задачи, поставленной голодом. Более половины территории, засеваемой обыкновенно, было обсеменено. Теперь нужно кормить население до будущего урожая. Если помощь не придет извне, то этой зимой мужчины, женщины и дети будут тысячами умирать там в цынге и тифу. Советская Россия сама себе пришла первая на помощь. Но в то же время она не поколебалась обратиться с призывом ко всем желающим помочь—в России и вне ее. Квакеры, у которых уже был в Москве некоторый аппарат, откликнулись. Затем откликнулся Гувер. Что же касается Нансена, то он напрасно обегал свет, чтобы отыскать пять миллионов фунтов стерлингов, которых было бы достаточно, чтобы сохранить жизнь голодных людей до весны. У буржуазии империалистической войны солидное сердце. Ее не тронешь такими пустяками. В голоде она увидела только удобный случай, чтобы свергнуть советскую власть. Но, как всегда, когда дело касается Советской России, она ошиблась. Ей казалось, что советская власть настолько ослаблена голодом, что достаточно слабого толчка, чтобы ее свергнуть. И она приказала Польше начать нападение. Но Польша, обычно покорная приказаниям Парижа, на этот раз не послушалась: она имела возможность ближе наблюдать события и была лучше информирована. И соединенное нападение Франции и Англии—секретные инструкции Польше и нота Керзона—на этот раз не удалось. Русский мужик совсем не так глуп, как это воображают цивилизованные обитатели Запада, которые из всего русского никогда ничего не знали, кроме названий рент, акций и купонов. Приволжский крестьянин отлично понимает, что в неурожае виноваты не коммунисты, а солнце, которое сожгло в мае посевы. И он сумел оценить помощь, которую ему принесла советская власть. Перед громадностью несчастья, которое обрушилось на него, его охватывала растерянность, он терял всякую надежду. Но вот приходит помощь, и он видит, что этот новый режим, на который он иногда жалуется, сумел совершить чудо, вывезти из других частей России семена для посева и дать ему их. Все, посетившие места неурожая, констатируют увеличение популярности советской власти у крестьян. Так, например, Артур Рэнсом опубликовал много любопытных проявлений этого в своих интересных корреспонденциях в „Manchester Guardian“.

Мы не прерывали Росмера, даже не высказав ему нашего удивления по поводу того, что Россия смогла, предоставленная собственным силам, сделать так много.

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА.

Мы задали ему другой вопрос. Что такое, собственно, значит эта новая политика, и каковы ее результаты?

В том, что называют новой политикой, следует различать две различные стороны. Во-первых, крестьяне. Вполне очевидно, что политика обыкновенной и безоговорочной реквизиции не могла продолжаться бесконечно. Это грубый и примитивный прием, который может найти себе оправдание только в обстоятельствах, вынуждающих его применение. Все пришли к той мысли, что в этом году следует заменить реквизицию натуральным налогом. Гораздо сложнее вопрос, касающийся промышленности и городских рабочих. Советская власть взяла в свои руки огромную область—всю промышленность, переданную Высшему Совету Народного Хозяйства. Война, блокада, изоляция России увеличили трудности. Действительно, нужно припомнить, что Россия, которая получала из Германии громадное количество машин и предметов мануфактуры, находится в блокаде с августа 1914 г., и только несколько месяцев, как явилась возможность сношений, зачастую очень затрудненных, с внешним миром. Советская власть решила сократить государственную промышленность. Она оставляет себе наиболее оборудованные фабрики, снабжение которых продуктами первой необходимости и топливом обеспечено. Остальные же отданы частным предпринимателям. Многие из фабрик взяты различными советскими учреждениями, которые обеспечивают их эксплоатацию. Когда я уезжал из России, число фабрик, отданных частным предпринимателям, было весьма невелико, особенно в Московской губернии. Я могу сейчас указать только на самое существенное; к этой теме, конечно, еще придется вернуться. Я хочу только указать на недоразумение, вытекающее из слова „уступки". Многие полагают, что советская власть, в связи со своей новой политикой, делает уступки капиталистам для собственного удовольствия. В таком случае, нельзя сказать, чтобы последние очень торопились воспользоваться теми подарками, которые им намереваются делать. В действительности же дело идет не об уступках, делаемых капиталистам, но о *приспособлении развития русской революции к состоянию рабочего движения вне России.*

КРАСНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПРОФСОЮЗОВ.

Из важных общих вопросов, обратимся теперь к Красному Интернационалу профсоюзов, которым мы особенно интересуемся. Если не фактически, то морально мы являем-

ся его сторонниками. Действительно ли крепок и жизненен Интернационал после своего первого конгресса?

Несомненно, Красный Интернационал силен,—заявляет Росмер,—и первый конгресс для тех, кто его подготовил, явился неожиданным успехом. Около 400 делегатов явились в Москву изо всех концов мира. Они представляли все оттенки рабочего движения, начиная от самых старых организаций, кончая самыми молодыми, возникшими сейчас же после войны в новых формах, новые союзы Германии, канадское движение, возникшее из стачки Winnipeg и известное под именем „One big Union" и т. д., и т. д. Красный Интернационал профсоюзов ясно понимает, какую работу он должен исполнить, чтобы дать пролетариату то, чего тот ждет от него. Дело идет о создании центра международной информации и действия. Пролетарии различных стран часто ничего не знают друг о друге. Они не знают друг друга, между ними нет связи. Их движения, независимо от величины и характера, происходят обособленно. Еще ни разу не было, ни до войны, ни после нее, действия, предпринятого действительно в международном масштабе. Солидарность рабочего класса, не знающая границ, хотя о ней и много говорят, не имеет своего органа и вследствие этого не имеет возможности проявиться. Я знаю, что существует Амстердам. Но кроме Амстердама есть и Женева. И Амстердам и Женева это одна и та же политика. Реформистские лидеры очень возгордились некоторыми уступками, сделанными буржуазией сейчас же после империалистической войны, а именно восьмичасовым рабочим днем. Но буржуазия сделала эти уступки исключительно под угрозой революции и чтобы попытаться ее предотвратить. В настоящее время, когда угроза революции, как будто, потеряла свою силу, когда рабочая масса удерживается ее вождями в границах законности, буржуазия вновь приобретает уверенность в себе и в своей миссии, и первым ее делом будет взять то, что она уступила под влиянием страха. Перед этим общим наступлением буржуазии рабочие всех стран остались без защиты, их лидеры усвоили точку зрения буржуазии. Британские углекопы начали борьбу и храбро держались в продолжении 13 недель. Они остались одинокими и были побеждены. Где же был амстердамский Интернационал во время этой великой битвы? Никто этого не знает. Занять место этого ослабевшего Интернационала, делать работу, которую не может и не хочет он делать, создать орган, необходимый, чтобы вооружить рабочих в предстоящей великой борьбе, сделать их способными отра-

зить наступление буржуазии и вести их к победе—вот цель Красного Интернационала профсоюзов. Всего этого, разумеется, мы хотим вместе с Красным Интернационалом. Но почему не сделать вступление в него более доступным? Наверное, вы были удивлены нашей резолюцией C. S. R.?

Позиция, занята C. S. R., нас, конечно, очень удивила и глубоко огорчила, отвечает Росмер. Том Манн, старый друг нашего движения, Андрейчин, более молодой, но не менее преданный друг, и испанские товарищи, подавленные жестокими репрессиями, все нам об этом тотчас же написали. Я считаю, что ваше поспешное решение было большой ошибкой. Вы взяли только одно из принятых конгрессом предложений, составлявшее лишь часть его общей работы, и неточно истолковали его. На конгрессе мы должны были примирить коммунистические и синдикалистские элементы, мы всегда были озабочены тем, чтобы построить дом, в котором одинаково могли бы обитать те и другие. Нам казалось, что мы этого достигли, когда было получено сообщение о вашем решении. Следует, однако, объясниться. Мы представим на ваше рассмотрение общую картину работ и решения конгресса, и я убежден, что недоразумение, вызванное вашей декларацией, будет улажено. Национальный Комитет Генеральной Конфедерации Труда Испании, несмотря на кампанию, которая велась против наших друзей, поддержал занятую ими позицию, предоставив неправильно информированным союзам окончательное утверждение. В Германии свободный рабочий союз Гельзенкирхена, Всеобщий Союз работников и две других организации земледельцев и служащих, голосовали на конгрессе за вступление в Красный Интернационал профсоюзов, и вне революционного рабочего блока остаются только синдикалисты (локалисты), которых война ничему не научила, и которые являются в настоящее время той же маленькой, незначительной группой без влияния, какой они были перед войной.

ПЛАН РОСМЕРА.

У нас еще будет случай об этом поговорить. Каковы твои планы? Каким образом ты думаешь использовать для нас твое пятнадцатимесячное пребывание в России?

Конечно, я многое видел и многое узнал в продолжение моего пребывания в России. И, естественно, моим первым делом будет рассказать все, что я увидел и узнал. Мне кажется, что теперь, когда есть гораздо большие возможности информации, о русской революции знают меньше, чем тогда, когда она была отрезана от всего мира, и только время от вре-

мени, после долгих промежутков, до нас доходили отрывочные сведения. Я видел там много приезжих и видел, каким образом они производят свои наблюдения. Одни из них искали только подтверждения своим теориям, другие находили, что рабочая революция—это очень трудное дело, третьи, наконец, были искренно разочарованы, очутившись перед действительностью, отличной от той, какую они себе вообразили. Дело в том, что русской революции нужен от нас теперь не неопределенный энтузиазм, который был естественен вначале, она требует от нас, чтобы мы целиком примкнули к ней. Только под этим условием мы сумеем принести ей нашу помощь и воспользоваться ее великими уроками. Русские рабочие борются в продолжение четырех лет столько же за самих себя, сколько и за нас. Ценою невероятных страданий они отразили и победили контрреволюцию. Трудности, которые им еще предстоит преодолеть,—огромны, и если мы ограничимся ролью сочувствующих зрителей, то мы недостойны их героизма.

III.

ГОД КРИЗИСА:

НОЯБРЬ 1921 г. — НОЯБРЬ 1922 г.

(ОТ III ДО IV КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА).

МАРСЕЛЬСКОМУ СЪЕЗДУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ.

Дорогие товарищи!

Коммунистический Интернационал шлет братский привет своей французской секции, собравшейся на съезд!

Вот уже год, как на Турском съезде вы сделали необходимое усилие для ликвидации „социализма“ эпохи войны и высвобождения себя из объятий реформизма путем присоединения к Коминтерну. Товарищи, вас покинувшие, те, о которых, пожалуй, многие из вас вначале сожалели, тоже положили конец двусмысленности. Они утверждали, что вопреки их выходу из партии они останутся революционерами, друзьями и защитниками русской революции, но их оппозиция коммунистическим принципам, поставившая их вне объединенной партии, не замедлила превратить их в явных контр-революционеров, повторяющих клевету, обрушиваемую капиталистической печатью на русскую революцию; они стали защитниками контр-революционных социал-демократов, стоящих в рядах самых яростных врагов рабоче-крестьянской революции. Партия диссидентов все более и более подпадает под влияние и политическое руководство Реноделя, Грумбаха и Блюма, т.-е. тех, кто во время войны предал французский рабочий класс и международный социализм, тех, кто ни на иоту не отказался от политики сотрудничества с буржуазией и заставляет служить французскую партию связующим звеном между венским Интернационалом и II Интернационалом королевских министров.

Тур и произведенный им раскол, энергичная чистка — были необходимым и роковым результатом реагирования и гнева рабочего класса на военный социализм и реформизм, изменивший его интересам. Но Тур был в то же время ис-

ходным пунктом новой эпохи в истории французского революционного движения, так как на нем родилась коммунистическая партия.

От Турского съезда нас отделяет год. Среди французских революционеров уже не найдется никого, кто бы пожалел о происшедшем расколе и произведенной чистке. Но необходимо бросить взгляд не только на путь, пройденный врагами коммунизма, но и посмотреть, что сделано коммунистической партией в первый год ее деятельности. Коминтерн радостно приветствует результаты ваших усилий, направленных к перегруппировке и реорганизации ваших федераций в целях построения крупной партии в составе 130.000 членов и широкого развития и процветания вашей печати. Пред лицом империализма и реакции, для которой прочнейшей цитаделью в мире служит французская буржуазия, только компартия и ее печать могут организовать сопротивление. В течение этого года партии удалось реально усилить свое влияние на массу французского пролетариата и мелкого крестьянства.

Радуясь достигнутым результатам, мы тем не менее не закрываем глаз на слабости и пробелы, проявившиеся в течение этого первого года. В отличие от II Интернационала, Коминтерн не довольствуестя посылкой поздравлений и приветствий своим секциям. Долг его—братски указывать им на их слабости и стараться, в процессе тесной совместной и согласованной работы, положить этим слабостям конец, руководясь единственно интересами всемирной революции. По отношению к французской партии, Коминтерн всегда считался со своеобразными условиями ее эволюции и средой, в которой ей приходится бороться. Оценивая произведенную в этот первый год работу, мы не забываем и того состояния, в котором партия очутилась после турского раскола; мы знаем, что партия, подвергшаяся в период войны такому отклонению, не становится коммунистической внезапно — в силу проголосованной съездом резолюции. Турское голосование свидетельствовало о воле партии стать партией коммунистической. Этот первый год должен был знаменовать непрерывное усилие, постоянную работу с целью придания партии коммунистического характера. Произведенные партией усилия были громадны, но еще недостаточны. Нам хочется совместно с вами найти причины этой слабости; мы уверены, что Марсельский съезд искренно хочет продолжать дело, столь энергично начатое в Туре, и очень будет считаться с указаниями Интернационала, дабы усилить коммунистический характер и политику партии.

Партия страдала от слабого руководства. Центральный Комитет был поглощен целым рядом текущих административных обязанностей и не занимался твердым политическим руководством партией, не направлял изо дня в день ее мысли и многообразной деятельности, не создал коллективного сознания. Партия страдала от отсутствия политики аграрной, политики профсоюзной, политики избирательной. Центральный Комитет откладывал рассмотрение и разрешение всех этих вопросов до Марсельского съезда, боясь, чтобы федерации не обвинили его в диктаторстве в случае, если он сам их разрешит. Между тем, всякому революционеру ясно, что в компартии Центральный Комитет, будучи избран съездом, облекшим его доверием, должен обладать широчайшими полномочиями, дабы направлять политику партии в духе тезисов и резолюций, принятых на национальных и международных съездах. Необходимо, чтобы, начиная с Марсельского съезда, Центральный Комитет держался более твердой линии и стал подлинно руководящим политическим органом, контролирующим и вдохновляющим печать, руководящим парламентской работой, изо дня в день занимающим определенную позицию по всем политическим внутренним и международным вопросам. Мы считаем целесообразным переложить мелкие административные обязанности на административный секретариат, а внутри Центрального Комитета выделить бюро в составе, по меньшей мере, 5-и членов, основной обязанностью которых было бы текущее руководство мыслью и деятельностью партии.

На ряду с осуществлением более твердого руководства необходимо развить в партии дух большей дисциплины. Коммунисты должны чувствовать себя в первую очередь членами партии и в качестве таковых действовать во всей своей общественной и частной жизни.

Вопрос о профсоюзной политике партии несомненно— наиболее важный и щепетильный из вопросов, стоящих пред Марсельским съездом. Партия не сумела разрешить его в первый год своего существования. Коммунистическая партия, если только она хочет быть авангардом и творцом социальной революции, не может игнорировать профсоюзного вопроса. Нет такого рабочего вопроса, который бы не был ее собственным. Итак, она должна наметить свою линию поведения в вопросах профсоюзного характера. Она должна громко провозгласить пред лицом рабочего класса свое право и обязанность заниматься этими вопросами. Она должна потребовать от своих членов, чтобы они были коммунистами в профсоюзах, как и в партии. Коммунистическая партия не должна терпеть того обстоятельства, что

члены ее поддерживают политику Жуо и амстердамского Интернационала. Тем, кто согласен с Жуо, она должна сказать, что их место в партии Реноделя, Альберта Тома и Лонгэ. Равным образом, партия должна энергично бороться с идеями анархистов и просто синдикалистов, отрицающих роль партии в деле революции. Ясно и отчетливо она должна возвестить, что и она, и Коминтерн стремятся не к подчинению профсоюзов партии, но к тому, чтобы все члены партии участвовали в работе и борьбе профсоюзного меньшинства. Постоянно находясь в курсе развития профессионального движения во Франции, партия должна искать способов самого тесного сотрудничества с теми из синдикалистов, кто подверг глубокому пересмотру свои революционные идеи на основании истории последних лет. В процессе братских обсуждений с ними всех революционных проблем, партия должна стараться, чтобы они уточнили свое теперешнее понимание и побороли бы старые пережитки анархо-синдикалистской мысли. Мы не сомневаемся, что партия, выявляя себя в качестве подлинно революционной коммунистической партии, не только привлечет к себе сочувствие и доверие широких пролетарских масс Франции, но также и товарищей синдикалистов-коммунистов, еще недоверчиво к ней относящихся. Она завоюет их своей решительной, чуждой оппортунизма политикой. Проект тезисов по профсоюзному вопросу, выработанный Центральным Комитетом, знаменует лишь первый шаг в деле выяснения этого основного вопроса. Те, кто говорят, что экономическая борьба не касается партии,— или полные невежды, или люди, желающие поглумиться над коммунизмом. Партия должна впитать в себя все лучшие элементы рабочего класса, а что касается идейной стороны, то она должна быть вдохновителем всех форм пролетарской борьбы, в том числе, конечно, и борьбы экономической. Профсоюз, как таковой, не подчиняется партии, как таковой. В этом смысле профсоюзы независимы. Но коммунисты, работающие внутри профсоюзов, должны действовать всегда в качестве дисциплинированных коммунистов.

В силу целого ряда обстоятельств, в настоящее время вне рядов французской компартии стоит еще много ценных революционных элементов, считающих себя синдикалистами. Рано или поздно нам нужно притти к соглашению с ними, объединиться в рядах единой коммунистической партии. Но мы не можем и не должны поощрять синдикалистских предрассудков в вопросах партии и политического выступления.

В период пребывания делегации коммунистической партии в Москве на III конгрессе Исполком обращал ее вни-

мание на необходимость установления контроля Центрального Комитета над неофициальной партийной печатью. Исполком имел при этом, главным образом, в виду „Vague“ Бризона и „Journal du Peurle“ Фабра: оба они проводили политику, несогласную с политикой партии и Коминтерна. На II международном конгрессе было принципиально постановлено, что ни один член партии не может претендовать на мнимую свободу печати для издания органов, неподлежащих абсолютному политическому контролю со стороны партии. С единодушного согласия французской делегации в Москве Исполком принял по этому поводу резолюцию, послав ее Центральному Комитету коммунистической партии. Но и по сей день Исполком не получил еще по этому вопросу никакого официального ответа от Центрального Комитета партии. Он просит Марсельский съезд дать ему от имени партии ответ по этому вопросу, который он считает одним из самых элементарных вопросов коммунистической дисциплины, подлежащих разрешению центрального комитета партии.

Промедление с разрешением этой проблемы тем более достойно сожаления, что с момента посылки этой резолюции вокруг „Journal du Peuple“ выкристаллизовалось оппортунистическое течение, сожалеющее по поводу произведенного в Туре раскола и по сей день оплакивающее уход диссидентов и Серрати и даже проповедующее открытое сотрудничество с буржуазными партиями в форме левого блока. Неудивительно, что проводящие враждебную коммунистическим принципам политику товарищи чувствуют себя задетыми нашей резолюцией и стараются свалить ответственность на французских представителей в Исполкоме. Надеемся, что собравшийся в Марселе съезд партии выразит ясно свое отрицательное отношение к подобной политике и призовет эту группу товарищей к коммунистической дисциплине.

Мы считаем необходимым, чтобы французская партия старалась установить более тесную и постоянную связь с фабрично-заводским пролетариатом. Слишком часто партийная печать носит характер скорее фрондирующий и бульварный, чем подлинно революционный и пролетарский. В Центральном Комитете тоже слишком незначительное количество заводских рабочих. Мы считаем необходимым, чтобы при выборах Центрального Комитета рабочим элементам было отведено больше места.

Мы хотим заметить также и то, что французская партия всегда стояла как-то в стороне от жизни Интернационала. Надеемся, что в будущем более тесная связь и более частые сношения позволят французской партии принимать более активное и плодотворное участие в жизни Коминтерна в целом. Подобно тому, как мы считаем, что все французские вопросы касаются всего Интернационала, надеемся, что и французский пролетариат будет считать, что все вопросы, касающиеся пролетариата немецкого, русского, американского и пр., суть как бы его собственные вопросы, и что в процессе их обсуждения он станет принимать активное участие в работе и борьбе всех секций Интернационала. Все эти существенные вопросы, значительную часть которых Центральный Комитет, по нашему мнению, должен был уже разрешить в течение истекшего года, будут объектом обсуждения Марсельского съезда. Надеемся, что работа съезда, вдохновляемая единственным и могучим желанием и горячей надеждой на торжество социальной революции, даст новый громадный толчок вашей партии, подведя под нее солидный идеологический фундамент и наметив ясную тактику. После этого первого года стабилизации и организации, Марсельский съезд должен ознаменовать новый крупный этап и стать исходным пунктом напряженной и плодотворной работы широкого коммунистического воспитания, пропаганды наших идей в рабочем классе и крестьянстве; работы по смелому проникновению в капиталистическую и, в частности, в оккупационную армию, которой, быть может, суждено сыграть роль связующего звена между германской пролетарской революцией и готовым следовать за ней французским пролетариатом, внутренней работы по созданию твердого руководства партией и установления дисциплины, радостно и добровольно приемлемой всеми, внешней работы по привлечению широких масс на сторону нашего идеала. Этому году суждено быть также годом яростной борьбы с реформизмом Амстердама, Лондона, Вены, Женевы *), борьбы со всякого рода буржуазными блоками, будь то национальные или левые, борьбы в целях ослабления и ниспровержения самого наглого и преступного империализма. На вашем съезде вы должны ковать оружие и орудия для тех битв и трудов, которые вас ожидают. Коминтерн надеется, что Марсель станет в истории вашей партии датой еще более знаменательной, чем Тур.

---

*) Т. е. с заседающими в этих городах профсоюзными и социалистическими центрами международного характера. *Прим. ред.*

С живейшим интересом следит он за вашей работой, уверенный в том, что французская партия выполнит свой долг в деле освобождения пролетариата.

Да здравствует Французская Коммунистическая партия!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует всемирная революция!

Исполком Коминтерна.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ*).

Товарищи! Я не присутствовал на вчерашнем заседании, но я внимательно прочел две речи, принципиально враждебные намеченной Исполкомом тактике: это—речи т.т. Террачини и Даниэля Рену.

Я согласен с тов. Радеком, сказавшим, что речь тов. Террачини это лишь новое и, признаться, не совсем улучшенное издание тех возражений, которые он приводил против некоторых наших тезисов III конгресса.

Но положение изменилось.

На III конгрессе мы стояли пред опасностью, чтобы итальянская компартия или другие не вступили бы на путь действий, которые могли бы оказаться вредными. Теперь пред нами опасность скорее отрицательного свойства: чтобы она не воздержалась от участия в выступлении, которое может и должно быть весьма полезным рабочему движению.

Всегда могут сказать, что эта опасность отрицательного свойства не столь опасна, как опасность положительная. Да, но в политике время—крупный фактор, и если это время пропустим мы, оно будет использовано другими—против нас.

Товарищ Террачини сказал: „разумеется, мы сторонники массового выступления и завоевания массы". Он вечно повторяет это в своих речах. Но, с другой стороны, он—сторонник общей борьбы пролетариата—оказывается противником единого фронта,—в том смысле, как понимает его Исполком.

Товарищи, когда мы слышим, как представитель пролетарской партии вечно повторяет: „мы сторонники завоевания большинства пролетариата, мы сторонники лозунга «в

---

*) Речь т. Троцкого на заседании расширенного пленума И. К. К. И. 26 февраля 1922 г. *Прим. ред.*

массы»", то нам кажется это запоздалым эхом дискуссий, происходивших на III конгрессе, когда существовала вера в то, что мы целиком вошли в полосу немедленной революции и когда настроений, порожденных в пролетариате войной, настроений общих,—имевших объектом русскую революцию и революцию вообще,—казалось достаточно, чтобы совершить революцию. Но события доказали, что подобная оценка положения была неправильна. На III конгрессе мы этот вопрос обсудили и сказали: „нет, теперь наступает новый этап; буржуазия в данный момент стоит на ногах не совсем твердо, но достаточно твердо, чтобы, стремясь ее свергнуть, заставить нас, коммунистов, поспешить с вопросом о завоевании большинства рабочих".

КАК ЗАВОЕВАТЬ МАССЫ?

Товарищ Террачини теперь повторяет: „мы сторонники действия, которое должно привести к завоеванию массы". Разумеется, но мы уже поднялись чуточку выше и обсуждаем способы, как завоевать эти массы посредством действия. И с этой точки зрения, как завоевать эти массы,—коммунистические партии естественно, логично разбиваются на три категории: партии, находящиеся в начальной стадии своего развития и еще не могущие играть в качестве определенного организма крупную роль в непосредственном выступлении масс. Конечно, у этих партий, как и у всех прочих коммунистических партий, крупное будущее; но в данный момент они не много значат в деле выступления пролетарской массы, потому что еще малочисленны, как организации. Такие партии должны в данный момент бороться за то, чтобы получить точку опоры в рабочем классе, за возможность влиять на пролетариат в период выступления (весьма успешно справляется с этой задачей наша английская партия).

С другой стороны, есть партии, которые вполне овладели пролетариатом. Я полагаю, что тов. Коларов прав, говоря, что так обстоит дело в Болгарии. Что это значит? Это значит то, что Болгария созрела для пролетарской революции, но что международные условия мешают ей совершиться. В подобном случае вопрос о едином фронте не стоит, или почти не стоит.

В Бельгии, например, или в Англии этот вопрос — вопрос борьбы за завоевание места на пролетарском фронте, за влияние на пролетариат, за то, чтобы не быть обособленным от рабочего движения. Между этими двумя крайними полюсами имеются партии, представляющие собой уже

силу, не только идейную, но и количественную, организационную. Так обстоит дело с большинством коммунистических партий. Представляют ли они при этом треть организованного авангарда, четверть, половину или несколько больше—положение в целом от этого не меняется.

Какова их задача? Их задача—завоевать подавляющее большинство пролетариата. С какой целью? Чтобы повести пролетариат к завоеванию власти, к революции. Когда этот момент наступит, мы не знаем. Допустим, через шесть месяцев, или через шесть лет. Быть-может, в промежутке между шестью месяцами и шестью годами—различно для разных стран. Но, говоря теоретически, не исключена возможность, что этот подготовительный период затянется и дольше. И вот, я спрашиваю: что мы будем пока делать? Неустанно бороться, завоевывая большинство, завоевывая сознание всего пролетариата. Но нам это не удастся ни сегодня, ни завтра; пока мы—лишь партия пролетарского авангарда. Но разве борьбу классов надлежит приостановить вплоть до момента, когда мы завоюем весь пролетариат? Вот вопрос, который я ставлю т.т. Террачини и Рену: разве пролетарская борьба за кусок хлеба будет ждать, пока коммунистическая партия при поддержке всего рабочего класса сможет завоевать власть? Нет, она не ждет, она продолжается. Как рабочие, стоящие в рядах нашей партии, так и те, что стоят вне их; как рабочие, стоящие в рядах социал-демократической партии, так и те, что стоят вне ее, более или менее—в зависимости от момента и пролетарской среды—расположены и способны бороться за свои непосредственные интересы, *а борьба за их непосредственные интересы в нашу эпоху большого империалистского кризиса всегда служит началом революционной борьбы.* Это весьма существенно, но здесь это лишь в скобках.

НЕМЕДЛЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Так вот, рабочие, не входящие в нашу партию и не понимающие ее (потому-то они в нее и не входят), желают иметь возможность бороться за кусок хлеба, за кусок мяса. Они видят, что есть партия коммунистов, что есть партия социалистов, и не понимают, почему они разделились; они примыкают к реформистской Всеобщей Конфедерации Труда, к социалистической партии Италии и т. д. или же остаются вне партии. И вот, они говорят, обращаясь к этим организациям или сектам,—не знаю, как они, эти полусознательные рабочие, называют их на своем языке:—„пусть они дадут нам возможность бороться сегодня!“ А мы не можем

им ответить: „но мы уединились, чтобы подготовлять твое будущее, твое великое послезавтра". Они бы нас не поняли, поглощенные сегодняшним днем: ведь, если бы они могли понять этот довод,—в их глазах черезчур мудреный,—они вошли бы в нашу партию. При таком направлении мыслей, пред лицом различного рода профсоюзных и политических организаций, они теряются; они находятся в невозможности действовать непосредственно, сколь бы мало и частично это действие ни было. И вот, к ним подходит коммунистическая партия и говорит: „друзья, мы разъединены; вы считаете это ошибкой, я могу вам объяснить причину этого явления. Не понимаете? Жаль, но мы существуем отдельно, коммунисты, социалисты, а рядом синдикалисты, реформисты и революционные синдикалисты. Мы существуем, как независимые друг от друга организации,—по соображениям, признаваемым нами, коммунистами, достаточными,—и тем не менее мы, коммунисты, предлагаем вам немедленно бороться за кусок хлеба: мы предлагаем это вам и вашим вождям, каждой организации, представляющей собой часть пролетариата. Но это вполне соответствует психологии масс, психологии пролетариата; я утверждаю, что страстно протестующие против этого товарищи (а объясняется это серьезностью и существенностью вопроса) гораздо более отражают мучительный процесс еще свежего раскола с реформистами и оппортунистами, чем мнение широких пролетарских масс. Я прекрасно понимаю, что для журналиста, работавшего в одной редакции „L'Humanité", скажем, с Лонгэ,—и с великим трудом от него отмежевавшегося, вновь обращаться к Лонгэ, звать его на беседу—трудно психологически и морально. Что же касается рабочего класса, французской массы, миллионов французских рабочих, то им, к сожалению, нет до этого дела, потому что они не входят в партию. Но когда им скажут: „мы, коммунисты, берем в свои руки инициативу массового выступления за ваш кусок хлеба", то стали бы рабочие порицать Коминтерн и французскую компартию? Нет, никогда.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ЕДИНОГО ФРОНТА.

Чтобы вам доказать, товарищи, что такого рода взгляды, наблюдаемые во Франции, особенно в ней,—не отражают мнения пролетарской массы, но служат лишь запоздалым эхом, с одной стороны, того, что происходило в старой партии, а с другой стороны—мучительного процесса раскола; чтобы доказать вам это, я приведу выдержки из несколь-

ких статей... Извиняюсь: французские товарищи немножко посмеиваются над нашей страстью к цитатам; один из них очень метко острил по поводу объема наших документальных доказательств. Но ведь ничего иного не остается; цитаты—это высушенные цветы рабочего движения, но для того, кто немножко знаком с ботаникой и видал эти цветы в полях при свете солнца, тот знает, что высушенные экземпляры дают представление о движении.

Я буду цитировать хорошо известного во Франции товарища: это тов. Виктор Мерик. Он более или менее представляет собой оппозицию против единого фронта в понятной для всех форме; прибегая к юмору, он популяризирует идеи оппозиции. То, что он говорит,—шутка, по моему, весьма плохая; но приходится брать ее такой, какова она есть:

„А что, если мы образуем единый фронт с Брианом? В конце концов, ведь Бриан тоже диссидент, диссидент первого налива, диссидент предтеча; но все же происходит из великой семьи“ „(Journal du Peuple“, 13 января).

Так вот, в момент, когда Исполком говорит: вы, французская партия, представляете собой лишь часть рабочего класса, надо изыскивать возможности общего массового выступления,—голос Парижа отвечает:

„А что, если мы образуем единый фронт с Брианом?“

Это можно назвать иронией, и раздается это на страницах газеты, специальность которой — подобного рода ирония, газета эта—„Journal du Peuple“. Но у меня имеется еще одна выдержка того же автора из статьи в „L'Internationale“ — это уже значительно серьезнее — здесь он говорит буквально следующее:

„Да позволено мне будет задать только один вопрос—о, отнюдь не иронизируя“... (Это сам Виктор Мерик говорит: „отнюдь не иронизируя“).

Голоса с мест: На этот раз..... Бывает это не часто.

Троцкий— ... „Да позволено мне будет задать только один вопрос — о, отнюдь не иронизируя. Если это положение будет принято во Франции, а завтра будет опрокинуто министерство Пуанкарэ-Война, и его место займет кабинет Бриана или Вивиани, решительного сторонника мира, разоружения, согласия между народами и признания советского правительства, не следует ли тогда нашим выборным в парламенте подкрепить своим голосованием положение этого буржуазного правительства? А если бы даже — ведь, всяко бывает! — кому-либо из наших был предложен портфель, должен ли он отказаться?“ („L'Internationale“, 22 января).

Ведь это—о, отнюдь не иронизируя!—пишется не в „Journal du Peuple“, а в „L'Internationale“, газете нашей пар-

тии. Видите ли, в глазах Виктора Мерика дело вовсе не в единстве пролетарского действия; все дело во взаимоотношениях Виктора Мерика и того или иного диссидента, диссидента вчерашнего или позавчерашнего. Как видите, аргумент почерпнут из области международной политики. В случае, если бы правительство Бриана было склонно признать советское правительство, то московский Интернационал навяжет нам сотрудничество с этим правительством?

Товарищ Террачини говорил не совсем так, как тов. Мерик; но и он вызвал призрак союза трех держав: держав № 3, 2 и $2^1/_2$ — Германии, Австрии и России, это несколько пахнет тем же.

Товарищ Зиновьев сказал в своей речи на пленуме, а я сказал тоже в комиссии: есть товарищи, которые в наших взглядах, „уклонениях" ищут „государственных оснований". Мы совершаем ошибки, видите ли, не как коммунисты, а как правители русского государства, интересы которого толкают нас прибегнуть к такой тактике. Вот какое обвинение выдвигает в замаскированной форме Виктор Мерик.

КРИТИКА, А НЕ ИНСИНУАЦИЯ.

Надо припомнить наши прения на III конгрессе. Там упоминали, что в Германии правое крыло, и особенно его лакеи, объясняли мартовские события, как результат московского внушения, целью которого было спасти скомпрометированное положение советской власти. И вот на III конгрессе, где порицались кое-какие методы, применявшиеся в этом движении, „крайняя левая" (Комм. Раб. Партия Германии) заявляла, что советское правительство враждебно этому революционному движению, желая на некоторое время отсрочить всемирную революцию, дабы иметь возможность вершить делишки с западной буржуазией.

Теперь то же повторяется по поводу единого фронта.

Товарищи, интерес советской республики не может быть иным, чем интерес всемирного революционного движения. Если эта тактика вредна для вас, братья французы, или для вас, братья итальянцы, значит, она совершенно вредна и для нас. А если вы полагаете, что мы столь поглощены или загипнотизированы своим положением государственных деятелей, что не в состоянии уже понимать необходимостей, диктуемых рабочим движением, тогда надо ввести в устав Интернационала параграф, гласящий, что партия, попавшая в столь „плачевное" положение, когда ей удается завоевать власть, должна быть исключена из рабочего Интернационала (с м е х).

По этому поводу скажу: мне бы хотелось, чтобы вместо подобных обвинений, — не подлинных обвинений, но инсинуаций, которые сочетаются с более или менее официальными и обрядовыми похвалами, расточаемыми русской революции,—нас бы несколько больше критиковали. Если бы Центральный Комитет французской партии послал письмо, где бы он заявил: „вы проводите новую экономическую политику; остерегайтесь, берегитесь, потому что вы зашли слишком далеко в области капиталистических отношений“. Или если бы французская делегация нам сказала: „мы видели смотр войскам; вы чрезмерно подражаете старым военным методам: это может вредно повлиять на рабочую молодежь“. Или если бы, например, вы сказали: „ваша дипломатия черезчур „дипломатична“; она дает интервью и выступает с нотами, которые могут нам сильно повредить во Франции“. Вообще, если бы вы нас открыто критиковали, ставя все точки над i, это были бы подлинные взаимоотношения, к которым мы стремимся. Только не этот отвратительный способ, состоящий в намеках! Все это—между прочим.

САНТИМЕНТАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ.

Использовав артумент из области международной политики, Виктор Мерик прибегает к аргументу сантиментального характера. „Все ж таки, накануне 15 января, когда мы станем поминать двух мучеников, неудобно говорить нам о едином фронте с друзьями Шейдеманов, Носке, Эбертов и других убийц социалистов и рабочих“ („L'Internationale“, 8 января 1922).

Конечно, подобный аргумент может сильно повлиять на рядовых рабочих, обладающих революционным чувством, но не имеющих достаточного политического и революционного воспитания. Об этом уже упоминал тов. Зиновьев в своей речи. А товарищ Тальгеймер сказал: „Товарищи, если по сантиментальным соображениям нельзя усесться за один стол с представителями 2 и $2^1/_2$ Интернационала, то ведь эти соображения имеют больше всего значения для нас, немцев. Но каким образом случилось, что французский коммунист пытается утверждать, что это революционное чувство чуждо немецким коммунистам, что им чужда эта ненависть к предателям и убийцам из II Интернационала?“

Мне кажется, что их ненависть ничуть не меньше литературной, журналистской ненависти Виктора Мерика. Но тактика единого фронта является для них политическим действием, а не моральное сближение с вождями социал-демо-

кратами. Есть еще третий аргумент. Он носит более или менее решительный характер. Попадается он в одной из статей того же автора:

„Сенская федерация только что приняла решение по этому важному вопросу: громадным большинством она отвергла единый фронт. Это попросту означает, что она не может менять каждый год своих суждений. Это означает, что, согласившись на мучительную операцию турского раскола, она отказывается вернуться к старому положению вещей, отказывается взывать к людям, от которых мы отмежевались“ („L'Internationale“, 22 января, 1922).

Вот как рисуют единый фронт. Это якобы возврат к положению, какое было до Тура. И Фабр, гостеприимный Фабр, заявляет, что он вполне согласен с тактикой единого фронта с одной лишь оговоркой,—мне не остается ее комментировать:

„Зачем уничтожили пистолетными выстрелами социалистическое и рабочее единство?“

Итак, все ясно. Если рисовать все дело так, если единый фронт означает возврат к положению, имевшему место до Тура, то это означает—сотрудничество, перемирие, священное единение с диссидентами, реформистами. Констатировав этот, весьма существенный факт, начинают обсуждать, какой тактики держаться: принять или отвергнуть. И вот Мерик говорит: „я вместе с Сенской федерацией отвергаю“. А Фабр говорит: „нет, я принимаю, принимаю“.

Товарищи, даже у Фроссара, этого человека, несомненно представляющего собой крупную политическую величину, у Фроссара, которого мы все знаем и который не склонен подходить к вещам лишь с потешной стороны, мы не находим более веских аргументов. Нет, у него тоже доминирует идея сближения с диссидентами, а не вопрос единого фронта. Но я вас спрашиваю: существует ли для Франции этот вопрос или нет?

Французская компартия насчитывает 130.000 членов; состав партии диссидентов весьма малочисленен; останавливаю ваше внимание на том обстоятельстве, что французские товарищи назвали реформистов „диссидентами“. Почему? Чтобы охарактеризовать их в глазах пролетариата, как нарушителей единого фронта. Диссиденты, т.-е. социал-предатели, подобно тому, как Всеобщая Революционная Конфедерация Труда называется унитарной, чтобы показать, что одной из ее целей, ее основной целью—является обеспечение единства действий пролетариата.

Я мог бы сказать, что ваши методы и ваши действия стоят большего, чем аргументы, которые вы пускаете в ход в борьбе с намеченной Исполкомом Коминтерна тактикой. Итак, партия насчитывает 130.000 членов, а диссиденты—30.000, или 40, или 50.000. Не важно...

Голоса с мест: 15.000. У диссидентов цифры не всегда точны. Их трудно проверить.

Троцкий—Они составляют меньшинство, но меньшинство, которым вовсе пренебрегать нельзя.

А затем есть профсоюзы. Несколько лет тому назад в них насчитывалось 2 миллиона членов. Так, по крайней мере, они утверждали,—статистика французских профсоюзов более внушительна, чем их революционный пыл,—а теперь,—я заимствую цифры из речи тов. Рену:—Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда насчитывает 300.000 членов. Общее количество профессионально-организованных до раскола составляло 500.000.

А ведь рабочий класс—это миллионы.

В партии 130.000 членов.

В революционных профсоюзах—300.000.

В реформистских профсоюзах быть может несколько больше, а быть может несколько меньше 200.000.

Диссиденты—15.000.

Вот каково истинное положение вещей.

Конечно, положение партии весьма благоприятно, это политическая организация, имеющая большой вес, но еще не занявшая господствующего положения. Что представляет собой ныне французская партия? Французская партия—результат кристаллизации того великого революционного роста пролетариата, который был порожден войной, благодаря мужественному поведению товарищей, возглавлявших в ту пору это движение. Они использовали этот порыв, это массовое движение, это кратковременное, но революционное, стихийно-революционное чувство; они его использовали, чтобы преобразовать старую партию и создать коммунистическую партию.

Но революции не произошло. Масса, ожидавшая, что революция разразится не сегодня—завтра, видит, что она не разразилась. В результате—некоторый отлив. Остается в партии лучшая часть пролетариата. Но в широкой массе происходит психологичеткая реакция, отлив. Это выливается в массовом выходе из профсоюзов. Профсоюзы теряют своих членов. Раньше у них были миллионы, теперь их нет. Многие рабочие и работницы побыли там несколько недель,

несколько месяцев и вышли. Идеал революции, конечно, живет в широкой пролетарской массе, но он стал более туманным, менее осуществимым. Коммунистическая партия продолжает существовать со своей доктриной и тактикой. Маленькая же диссидентская группка в эту смутную революционную эпоху утеряла всякий престиж. Допустим, что такое переходное положение продлится еще год, два, три; допустим; мы этого не хотим, но, чтобы правильно представить себе положение, допустим, что во Франции произойдет общее выступление. Как сгруппируются рабочие? Как поступят французские рабочие? Отношение между партией коммунистов и партией диссидентов, это отношение 4 к 1. Если же учесть революционные настроения рабочего класса, смутные революционные настроения, отношение, быть может, будет 99 к 1.

Но вот положение длится, не становясь более устойчивым, и надвигается эпоха новых выборов. Какие мысли придут в голову французскому рабочему? Он скажет себе, что коммунистическая партия,—пожалуй, хорошая партия, что коммунисты—хорошие революционеры, но ведь революции еще нет, и дело касается выборов; на сцене—Пуанкарэ—последнее крупное усилие национализма, зовущего к реваншу, попытка опасного мира, последняя вспышка потухающей лампы.

ЛЕВЫЙ БЛОК И ЕДИНЫЙ ФРОНТ.

В конечном счете, что остается буржуазии? Левый блок. Но для успешности этой политической комбинации надо располагать орудием в самых недрах рабочего класса. Это орудие—партия диссидентов.

Мы в свою очередь располагаем превосходной почвой для пропаганды, которую ведем при помощи „L'Humanité", всей нашей печати, всех наших органов.

Но есть и иные средства. И мы пробуем привести в движение широкую массу путем митингов, великолепных речей французских товарищей, которых, как вы знаете, нельзя упрекнуть в недостатке красноречия. Наступают выборы. Широкая масса французских рабочих, по всей вероятности, будет рассуждать так: „да, парламент левого блока все же предпочтительнее парламента Пуанкарэ, блока национального". Для диссидентов это будет удобным моментом сыграть политическую роль. Их политическая организация немногочисленна, это правда, но реформистам, особенно во Франции, и не надо большой организации. У них имеются газеты, правда, их не очень-то читают, потому что наиболее пассивная, разочарованная пролетарская мас-

са не читает вовсе; она разочаровалась и выжидает событий; она стремится уловить то, что носится в воздухе, не читая.

Читают те рабочие, которые уже завоеваны на сторону революции. И вот, в такой атмосфере маленькое орудие буржуазии, — организация диссидентов, может приобрести крупное политическое значение. Задача наша—заранее развенчать в глазах французского пролетариата идею левого блока. Это весьма существенный вопрос для французской партии. Я не говорю, что левый блок был бы для нас бедой. Это и для нас было бы выгодно, но лишь при одном условии: чтобы пролетариат в нем не участвовал.

Если при таких обстоятельствах вам удастся вызвать их на объяснение посредством письма—открытого или закрытого,—с которым надо обратиться к центральному комитету диссидентов (если таковой существует); если не уточняя форм, не определяя методов, вы разоблачите этого союзника буржуазии, который выжидает, который не хочет слишком себя скомпрометировать и выжидает, найдя приют в редакциях, парламентских клубах, это вам будет весьма выгодно, так как в момент выборов эти диссидентские группировки проявят себя весьма активно и будут давать рабочим всякого рода обещания. Мы сильно заинтересованы в том, чтобы извлечь их из их комнат и убежищ и поставить пред лицом пролетариата на фоне массового действия. Вот как стоит вопрос. Дело совершенно не идет о сближении с Лонгэ. Все это несколько странно, неправда ли, товарищи?

Вот уж 15—16 месяцев, как мы спорим с французскими товарищами; мы им доказали, что надо исключить Жана Лонгэ. А товарищи, которые в ту пору колебались, принимать или не принимать 21 условие, ныне говорят нам: „вы нам диктуете сближение с Жаном Лонгэ". Я вполне понимаю, какое нелепое представление сложится в голове парижского рабочего по прочтении статьи Виктора Мерика. Надо спокойно объяснить ему его ошибку, показать, что дело вовсе не в этом, что дело в извлечении диссидентов из их убежищ, где они подготовляют новое предательство, что необходимо взять их за шиворот и насильно поставить под народное давление, пред лицом пролетариата и вынудить этих господ дать ответ на ясные вопросы, которые мы ставим.

Когда мы слышим, как Террачини говорит, что наши методы действия отличаются от их методов, что мы за революцию, а они против революции, то мы с Террачини совершенно согласны.

Ведь если бы это было ясно всем рабочим, то вопрос о едином фронте и не вставал бы. Разумеется, мы за революцию, а они против; но пролетариат этой разницы не понимает; надо ему ее показать.

Тов. Террачини отвечает: „но ведь это мы и так делаем, в профсоюзах имеются коммунистические ячейки. Профсоюзы имеют громадное значение. Мы это доказываем путем пропаганды".

Наш пленум пропагандировать не воспретит: пропаганда всегда—превосходное орудие, это основа всего; весь вопрос в том, чтобы ее комбинировать и приспособлять к новым условиям и значению партии, как организации.

Вот вам маленький, любопытный инцидент. Тов. Террачини говорит: „призвав пролетариат к общему выступлению, мы при помощи пропаганды завоевали большинство в организациях".

...Большинство — а затем щепетильная рука автора сделала поправку: „почти большинство". Еще в одном пункте мы согласны. Но ведь „почти большинство" означает по-французски, как мне кажется, меньшинство, а по-русски это уж наверно означает меньшинство.

Товарищи, даже и большинство—еще не все.

„У нас большинство: за нами идет $^4/_7$ пролетариата".

Но $^4/_7$ пролетариата это еще не весь пролетариат, и остающиеся $^3/_7$ могут прекрасно саботировать массовое действие. А почти большинство это есть $^3/_7$ рабочего класса. Итак, благодаря пропаганде у нас $^3/_7$, но предстоит еще завоевать $^4/_7$. Это не слишком легкое дело, товарищ Террачини, и полагая, что $^4/_7$ можно завоевать при помощи тех же методов, что и $^3/_7$, вы ошибаетесь: по мере роста партии методы должны меняться. В начале, когда пролетариат видит небольшую непримиримую революционную группу, которая провозглашает: к чорту реформистов, к чорту буржуазное государство—он аплодирует и говорит: „очень хорошо". Но когда он видит, что эти $^3/_7$ авангарда, уже организованые коммунистами, продолжают все те же споры и митинги, то пролетариат начинает скучать. Он скучает, и необходимы новые методы, чтобы доказать, что, поскольку мы уже крупная партия, мы немедленно можем принять участие в борьбе.

Чтобы это доказать, необходимо общее выступление пролетариата; надо его в этом убедить, а не оставлять инициативу другим.

Когда рабочие говорят: „что нам до вашей завтрашней революции! Мы хотим воевать сегодня за сохранение 8-ча-

сового рабочего дня!"—тогда мы должны взять в свои руки инициативу объединения его в сегодняшней битве.

НА ПОЧВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Товарищ Террачини сказал: „не надо уделять чрезмерного внимания социалистам. У нас нет с ними ничего общего. Надо уделять внимание профсоюзам". И он прибавил: „это не ново". Еще на II конгрессе Коминтерна, быть может, несознательно, но говорили: раскол в политических партиях, но единство в профессиональном движении. Я ничего не понимаю. Я подчеркнул это место его речи красным карандашом, а затем синим, чтобы выразить этим мое удивление. На II конгрессе мы, может быть, несознательно...

Террачини: Это было при полемике с Зиновьевым. Я пустил в ход иронию, когда я говорил, вас не было в зале.

Троцкий: Это отложим в сторону и пошлем в конверте Виктору Мерику. Ирония — его монополия.

Голос с места: Как видите, иронию фабрикуют и в Италии и даже в Москве...

Троцкий—К несчастью, да, и это меня ввело в заблуждение. Не производить раскола в профсоюзах? Что это значит? Самое опасное место в речи тов. Рену, которую я прочел с большим интересом и где нашел весьма поучительные вещи для понимания умонастроения, царящего во французской компартии, это его утверждение, что в данный момент у нас не может быть ничего общего не только с диссидентами партии, но и с реформистской Всеобщей Конфедерацией Труда. Вот так неожиданная поддержка самым неуклюжим анархистам Унитарной Всеобщей Конфедерацией Труда! Я позволяю себе заявить, что такое рассуждение неожиданно оказывает поддержку неумелым анархистам из Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда. Как раз в профессиональном движении вы применяли теорию единого фронта. Вы применяли ее успешно, и если у вас ныне 300.000 членов по сравнению с 200.000 у Жуо, то, я уверен, наполовину вы этим обязаны тактике единого фронта, так как в профессиональном движении, где надлежит охватить пролетариев независимо от их взглядов и течений, имеется возможность борьбы за непосредственные интересы. Если бы мы захотели производить в профсоюзах раскол на основе течений, это было бы равносильно самоубийству.

Мы сказали: эта почва — наша. Поскольку мы, как коммунисты, независимы, мы имеем возможность маневрировать, открыто говорить, что думаем, критиковать других; с

этим мы идем в профсоюзы, уверенные, что через определенное время—большинство будет за нас.

Жуо видел, что почва ускользает у него из-под ног. Наш прогноз был совершенно правилен. Единство действий необходимо. Такова была наша тактика. Вы сами истолковали ее, сказав: „когда Жуо начал действовать в духе раскола, революционеры разоблачали его перед лицом массы, как нарушителя единства профессионального движения". Разумеется, в этом—смысл теории единого фронта. Борясь с реформистами, диссидентами, как вы их именуете, синдикалистами-реформистами и патриотами и т. д. надо на них взваливать ответственность за раскол. Надо их постоянно толкать, вынуждать высказываться относительно возможности активной классовой борьбы, заставлять их открыто перед лицом рабочего класса сказать: „нет". А если обстоятельства благоприятны для развития работы в рабочем классе, то следует напирать на диссидентов, чтобы вынудить их двигаться вперед. Сегодня у нас одно положение; два года спустя, быть-может, будет революция. В промежутке движение рабочего класса будет неуклонно расти. Разве вы полагаете, что Жуо и Меррге́йм останутся такими, каковы они теперь? Нет, они будут делать попытки; они сделают один, два шага вперед, а так как найдутся рабочие, которые не пожелают следовать за ними, то в их среде произойдет новый раскол. Этим мы воспользуемся. Эта тактика, разумеется, тактика движения, тактика весьма гибкая, но в то же время весьма энергичная, потому что направляющая линия все та же. И, если вы полагаете, как товарищ Террачини, что стоит наступить крупным событиям и единство действия осуществится само собой, мы ему мешать не будем. Но в данный момент, когда не происходит крупных событий, нет основания делать подобные предложения относительно единого фронта...

Террачини: Я никогда этого не говорил.

Троцкий: Возможно, что я ошибаюсь. Быть-может, сказал это не тов. Террачини; но этот аргумент здесь приводился, я читал его в стенограммах. Говорилось: если события развернутся... Ну, а если не произойдет крупных событий? Я утверждаю, я считаю это аксиомой, что одним из препятствий к наступлению крупных событий, одним из психологических препятствий в пролетариате служит наличие большого количества политических и профсоюзных организаций, в причинах существования которых он не разбирается; он не видит возможности осуществить единое действие. Этот психологический тормоз крайне важен и играет, разумеется, отрицательную роль. Это результат не

нами созданного положения, но мы должны облегчить пролетариату понимание этого положения. Мы предлагаем какой-нибудь организации то или иное немедленное действие; это совершенно соответствует логике вещей. И вот, я утверждаю, что если Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда усвоит тактику пренебрежения Всеобщей Конфедерацией Труда, возглавляемой Жуо, это будет крупнейшей ошибкой, которую мы можем совершить во Франции в данный момент. Если партия эту ошибку совершит, она будет раздавлена под ее тяжестью, потому что 300.000 революционных рабочих в профсоюзах—ведь это минимум, товарищи, 300.000 рабочих—это почти ваша партия, удвоенная при помощи различного рода элементов, вот все. Где же французский пролетариат? Вы мне скажете: „он и не с Жуо". Это так. Но я говорю, что рабочие, не входящие в наши организации, рабочие, более разочарованные или более ленивые умственно, могут быть увлечены нами в момент острого революционного кризиса; но в эпоху тягучую они скорее станут опорой Жуо. Ведь, что такое Жуо? Лень рабочего класса,—вот что он собой представляет. А тот факт, что в ваших рядах стоит лишь 300.000 рабочих, доказывает, что во французском пролетариате этой лени еще достаточно.

Есть еще и другая опасность. Если Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда повернется попросту спиной к реформистской конфедерации и попытается завоевать массы при помощи революционной пропаганды, она может совершить ошибки, подобные тем, которые уже совершило революционное меньшинство.

Вы хорошо знаете, что маневрировать профессиональным движением и профсоюзными выступлениями весьма трудно; приходится постоянно думать о больших резервах отсталой массы, представленной Жуо; пренебрегать же Жуо—значит пренебрегать отсталой рабочей массой.

ВСТРЕЧА ТРЕХ ИНТЕРНАЦИОНАЛОВ.

Вот как ставлю вопрос я:

Неотложный вопрос—конференция трех Интернационалов. Товарищи! Некоторые говорят: „мы не подготовлены к идее международного сотрудничества с теми, кого мы сами разоблачаем, с представителями 2 и $2^1/_2$ Интернационала".

Да, для события такого объема, надо было бы подготовить умы. Правильно. Вопрос этот вызвал живейшее волнение, но какова причина? Она в так-называемой Генуэзской конференции, которая также подкралась незаметно. Когда мы получили обращение, приглашающее лично тов. Ленина,

то это тоже было совершенно неожиданно. И если эта конференция действительно будет созвана и состоится, будь то в Генуе или в Риме, она более или менее определит судьбы мира, поскольку это вообще может сделать буржуазия. Пролетариат будет чувствовать необходимость что-то сделать. Конечно, мы, коммунисты, сделаем все от нас зависящее, при помощи пропаганды, митингов, демонстраций; но ведь не только у коммунистов, а также у рабочих, у рабочего класса в целом, будь то в Германии или во Франции, всюду есть, быть-может, смутное чувство необходимости что-то сделать в смысле направления работ конференции сообразно интересам пролетариата.

И вот, $2^1/_2$ Интернационал созывает по своей инициативе конференцию и приглашает нас на ней присутствовать. Надо решить: поехать или нет. Если мы скажем: вы предатели—то это уже много раз отмечалось и повторялось, и всегда правильно. Прекрасно, но они нам говорят: „мы, представители 2 и $2^1/_2$, желаем оказать давление на дипломатическую буржуазную конференцию, пользуясь голосом всемирного пролетариата; мы приглашаем вас, коммунистов". А мы ответим: „Так как вы предатели, канальи, то мы туда не поедем". Разумеется, наша коммунистическая аудитория будет вполне убеждена, потому что она и так убеждена. Нет надобности убеждать ее заново. А другие,—сторонники 2 и $2^1/_2$ Интернационала, разве среди них нет рабочих? Только этот вопрос и важен. Если вы скажете: „нет, меньшевики всюду утеряли влияние", тогда мне не будет дела до конференции 2 и $2^1/_2$ Интернационала, но заявите это. Нет, рабочих, поддерживающих 2 и $2^1/_2$ Интернационал, к сожалению, больше тех, кто поддерживает III.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Запомнить надо одно: Фридрих Адлер сказал, обращаясь к нам: „приглашаем вас принять участие в конференции, призванной оказать давление на буржуазию, на дипломатию". Они, равным образом, приглашают рабочих всего мира. Если мы ограничимся тем, что вместо ответа повторим: „вы социал-предатели", это будет весьма неискусный ответ. Шейдеманы, Фридрих Адлеры и им подобные обратятся тогда к рабочему классу и скажут: „глядите, коммунисты утверждают, что мы предатели, но в момент, когда мы обращаемся к ним, предлагая им работать с нами в течение короткаго времени, для достижения определенной цели, они отказываются". Так вот, я предпочитаю приберечь пока что прозвище предателей и каналий, чтоб пустить

его в ход после, а если потребуется, то и на самой конференции. Только не теперь, не в ответном письме. Здесь мы не должны говорить: мы отказываемся потому, что вы канальи и предатели. Есть ли совершенная уверенность, что конференция состоится? Не знаю. Некоторые товарищи смотрят более оптимистично, другие менее. Но если она не достигнет цели, то это потому, что шейдемановцы так захотят. Тогда мы извлечем из события урок. „Товарищи,— скажем мы,—ваши 2 и $2^1/_2$ бессильны сделать то, что они предлагали". Рукоплескать нам будут тогда не только наши товарищи, но и часть шейдемановцев станет прислушиваться и скажет: что-то неладно, было предложено соглашение, но немецкие социал-демократы его не захотели. Тогда возобновится борьба между нами и шейдемановцами. Мы поведем ее на более широкой и благоприятной для нас почве.

Не знаю, товарищи, можно ли отложить конференцию; это, несомненно, зависит не от нашего желания. Но это было бы весьма важно для подготовки сознания рабочих. Но нам предлагают устроить конференцию теперь же, раньше, чем состоится генуэзская конференция, и мы должны ответить.

А если даже в Сенской федерации найдется рабочий, который и воскликнет: „Моя партия хочет встретиться с Жуо. Я считаю это недопустимым. Я разрываю свой членский билет"!—мы ему ответим: „Дорогой друг, мы видим, что ты сердишься, потерпи немного". И если он хлопнет дверьми, мы будем весьма сожалеть о его уходе, но виноват будет он. А несколько недель спустя, прочтя сообщение о берлинской конференции и увидев, что Кашен и делегаты других коммунистических партий принимают в ней участие, говорят и действуют там, как коммунисты; увидя, что после конференции продолжается та же борьба, но наши противники оказываются разоблаченными больше, чем до конференции, тогда этот рабочий и другие коммунисты убедятся в нашей правоте, и мы этим достигнем нашей цели. Вот почему я считаю, что пленум должен не ограничиваться обычными ссылками, но единодушно ответить: да, мы, как представители революционных интересов всемирного пролетариата, пред лицом новой попытки 2 и $2^1/_2$ Интернационалов еще раз надуть пролетариат, готовы попытаться открыть ему глаза на преступную политику обоих Интернационалов. (Аплодисменты.)

О ЕДИНОМ ФРОНТЕ.

(К ДОКЛАДУ ПО ВОПРОСУ О ФРАНЦУЗСКОМ КОММУНИЗМЕ).

1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О ЕДИНОМ ФРОНТЕ.

1. Задача коммунистической партии состоит в руководстве революцией пролетариата. Для того, чтобы призвать пролетариат к непосредственному завоеванию власти и осуществить его, коммунистическая партия должна опираться на подавляющее большинство рабочего класса.

До тех пор, пока она этого большинства не имеет, она должна бороться за овладение им.

Она может этого достигнуть только в том случае, если она представляет собою совершенно независимую организацию с ясной программой и со строгой внутренней дисциплиной. Вот почему она должна была идейно и организационно порвать с реформистами и центристами, которые не стремятся к пролетарской революции, не умеют и не хотят готовить к ней массы и всем своим поведением противодействуют такой работе.

Те члены коммунистической партии, которые выражают сожаление о расколе с центристами во имя „единства сил" или „единства фронта", тем самым свидетельствуют, что они не понимают азбуки коммунизма и что они сами оказались в коммунистической партии только по случайности.

2. Обеспечив себе полную независимость при идейной однородности своего состава, коммунистическая партия борется за влияние на большинство рабочего класса. Эта борьба может иметь более быстрый или более затяжной характер в зависимости от объективных обстоятельств и от целесообразности тактики.

Но совершенно очевидно, что классовая жизнь пролетариата на этот подготовительный к революции период не прекращается. Столкновения с промышленниками, с буржуазией, с государственной властью, по инициативе той или другой стороны, идут своим чередом.

В этих столкновениях, поскольку они захватывают жизненные интересы всего рабочего класса или его большинства, или той или другой его части, рабочие массы испытывают потребность в единстве действий — в единстве отпора натиску капитала или в единстве наступления на него. Партия, которая механически противопоставляет себя этой потребности рабочего класса в единстве действий, будет неизбежно осуждена в сознании рабочих.

Следовательно, вопрос о едином фронте, вовсе не есть, по своему происхождению и по своей сущности, вопрос о взаимоотношении между коммунистической парламентской фракцией и социалистической, между центральными комитетами одной партии и другой, между „L'Humanité“ и „Le Populaire“. Проблема единого фронта вырастает из необходимости—несмотря на факт неизбежного в данную эпоху раскола политических организаций, опирающихся на рабочий класс,—обеспечить последнему возможность единого фронта в борьбе против капитала.

Кто не понимает этой задачи, для того партия есть пропагандистское общество, а не организация массовых действий.

3. В тех случаях, где коммунистическая партия является пока еще организацией численно незначительного меньшинства, вопрос об ее поведении на фронте массовой борьбы не может получить решающего практически-организационного значения. В таких условиях массовые действия руководятся старыми организациями, которые в силу своих все еще могущественных традиций продолжают играть решающую роль.

Равным образом проблема единого фронта не возникает в тех странах, где—как, например, в Болгарии — коммунистическая партия является единственной руководящей организацией трудящихся масс.

Там же, где коммунистическая партия является уже большой политически-организованной силой, но не решающей величиной, где она, скажем, организационно охватывает четверть, треть или еще большую часть организованного пролетарского авангарда, — вопрос о едином фронте встает пред ней со всей своей остротой.

Если она охватывает треть или половину пролетарского авангарда, следовательно, другая половина или две трети организованы реформистами или центристами. Совершенно, однако, очевидно, что и те рабочие, которые еще поддерживают реформистов и центристов, заинтересованы в отстаивании лучших материальных условий существования и большей свободы борьбы. Необходимо, следовательно, построить нашу тактику таким образом, чтобы коммунистическая партия, воплощающая завтрашний день всех трех третей рабочего класса, не казалась сегодня — и тем более не являлась на самом деле—организационной помехой в текущей борьбе пролетариата.

Более того, она должна брать на себя инициативу обеспечения единства этой текущей борьбы. Только таким пу-

тем приблизится она к тем двум третям, которые еще не идут за нею, которые еще не доверяют ей, потому что не понимают ее. Только таким путем она завоюет их.

4. Если бы коммунистическая партия не порвала радикально и бесповоротно с социал-демократами, она никогда не стала бы партией пролетарской революции. Она не могла бы сделать первого серьезного шага на пути к революции. Она навсегда оставалась бы парламентским предохранительным клапаном при буржуазном государстве.

Кто этого не понимает, тот не знает первой буквы азбуки коммунизма.

Если бы коммунистическая партия не искала организационных путей к тому, чтобы в каждый данный момент сделать возможными совместные согласованные действия коммунистических и некоммунистических (в том числе и социал-демократических) рабочих масс, она тем самым обнаружила бы свою неспособность — на основе массовых действий — овладеть большинством рабочего класса. Она выродилась бы в общество коммунистической пропаганды, но не развилась бы в партию завоевания власти.

Недостаточно обладать мечом, нужно его отточить; недостаточно его отточить, нужно уметь им действовать.

Недостаточно, отделив коммунистов от реформистов, связать их организационной дисциплиной; нужно, чтобы эта организация научилась руководить всеми коллективными действиями пролетариата во всех областях его жизненной борьбы.

Это вторая буква азбуки коммунизма.

5. Распространяется ли единство фронта только на рабочие массы или же включает также и оппортунистических вождей?

Самая постановка этого вопроса есть плод недоразумения.

Если бы мы могли просто объединить рабочие массы вокруг нашего знамени или вокруг наших практических текущих лозунгов, минуя реформистские организации, партийные или профессиональные, это было бы, конечно, лучше всего. Но тогда не существовало бы и самого вопроса о едином фронте в его нынешнем виде.

Вопрос создается тем, что известные и очень значительные части рабочего класса входят в реформистские организации или поддерживают их. Их нынешний опыт еще недостаточен для того, чтобы выйти из реформистских организаций и примкнуть к нашей. Может быть, как раз после стоящих на очереди массовых действий произойдет в этом

отношении крупная перемена. К этому именно мы стремимся. Но сегодня это еще не так. Сегодня организованная часть рабочего класса разбита на три группы.

Одна из них, коммунистическая, стремится к социальной революции и именно *поэтому* поддерживает по пути всякое движение, хотя бы и частичное, трудящихся против эксплоататоров и буржуазного государства.

Другая часть, реформистская, стремится к примирению с буржуазией. Но, чтобы не потерять влияния на рабочих, она вынуждена, против внутреннего желания своих вождей, поддерживать частичные движения эксплоатируемых против эксплоататоров.

Наконец, третья часть, центристская, непрерывно колеблется между двумя другими, не имея самостоятельного значения.

Таким образом, обстоятельства делают вполне возможными совместные, по целому ряду жизненных вопросов, действия рабочих, объединенных в этих трех организациях, и неорганизованных масс, примыкающих к ним.

Коммунисты, как сказано, не только не должны противиться таким совместным действиям, но, напротив, должны брать на себя их инициативу именно потому, что, чем большая масса вовлечена в движение, тем выше поднимается ее самочувствие, тем она увереннее в себе и тем решительнее она способна итти вперед, как бы скромны ни были исходные лозунги борьбы. А это значит, что рост массовидности движения, революционизируя его, создает более благоприятные условия для лозунгов, методов борьбы и вообще руководящей роли коммунистической партии.

Реформисты боятся потенциальной революционности массового движения; их излюбленной ареной являются: парламентская трибуна, канцелярия трэд-юниона, примирительная камера, передняя министра.

Наоборот, мы, помимо всех других соображений, заинтересованы в том, чтобы извлечь реформистов из их убежищ и поставить их рядом с собою пред лицом борющихся масс. При правильной тактике мы можем только выиграть от этого. Тот коммунист, который сомневается в этом или опасается этого, похож на пловца, который одобрил тезисы о наилучшем способе плавания, но не рискует броситься в воду.

6. Единство фронта предполагает, следовательно, нашу готовность в известных пределах и по определенным вопросам практически согласовывать наши действия с реформист-

скими организациями, поскольку они сегодня еще выражают волю значительных частей борющегося пролетариата.

Но, ведь, мы раскололись с ними? Да, потому что мы расходимся с ними в основных вопросах рабочего движения.

И тем не менее мы ищем с ними соглашения? Да, во всех тех случаях, когда идущая за ними масса готова к совместной борьбе с массой, идущей за нами, и где они, реформисты, вынуждены в большей или меньшей мере стать органом этой борьбы.

Но они скажут, что, расколовшись с ними, мы нуждаемся в них? Да, их болтуны могут это сказать. Кое-кто в нашей собственной среде может этого испугаться. Что же касается широких рабочих масс—даже тех, которые не идут за нами и не понимают еще наших целей, но которые видят две или три параллельно существующие рабочие организации,—то эти массы из нашего поведения сделают тот вывод, что, несмотря на раскол, мы всеми силами стремимся облегчить массам единство действий.

7. Политика, направленная на обеспечение единого фронта, не заключает в себе, разумеется, гарантий действительного единства действий во всех случаях. Наоборот, во многих случаях, может-быть, в большинстве случаев, организационное соглашение будет достигаться только на половину или окажется вовсе не достигнутым. Но нужно, чтобы борющиеся массы всегда имели возможность убеждаться в том, что недостижение единства действий вызвано было не нашей формальной непримиримостью, а отсутствием у реформистов действительной воли к борьбе.

Вступая в соглашение с другими организациями, мы, разумеется, налагаем на себя известную дисциплину действия. Но эта дисциплина не может иметь абсолютного характера. В случае, если реформисты начинают тормозить борьбу к явному ущербу для движения и в противовес с обстановкой и настроениями масс, мы всегда, как независимая организация, сохраняем за собой право довести борьбу до конца и без наших временных полусоюзников.

Из этого может вырасти новое обострение борьбы между нами и реформистами. Но оно уже не будет простым повторением одних и тех же идей в замкнутом кругу, а будет означать—в случае правильности нашей тактики—расширение нашего влияния на новые свежие группы пролетариата.

8. Видеть в этой политике сближение с реформистами можно только с точки зрения журналиста, который думает, что он удаляется от реформизма, когда критикует его в

одних и тех же выражениях, не выходя из редакционной комнаты, и опасается столкнуться с ним пред лицом рабочих масс и дать им возможность оценить коммуниста и реформиста в равных условиях массовой борьбы. В этом будто бы революционном страхе „сближения“ скрывается в сущности политическая пассивность, которая стремится удержать такой порядок вещей, при котором у коммунистов и у реформистов имеются свои строго отмежеванные круги влияния, свои посетители собраний, своя печать и все это вместе создает иллюзию серьезной политической борьбы.

9. Мы порвали с реформистами и центристами для того, чтобы иметь полную свободу критики измен, предательств, нерешительности и половинчатости в рабочем движении. Поэтому для нас безусловно неприемлемы какие бы то ни было организационные соглашения, которые стесняют нашу свободу критики и агитации. Мы участвуем в едином фронте, но не растворяемся в нем ни на одну минуту. Мы оперируем в нем, как самостоятельный отряд. Именно в борьбе широкие массы должны убедиться на опыте, что мы боремся лучше других, что мы яснее видим, что мы отважнее и решительнее. Таким путем мы приблизим час единого революционного фронта под неоспоримым коммунистическим руководством.

II. ГРУППИРОВКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ.

10. Если мы имеем в виду рассмотреть вопрос о едином фронте применительно к Франции, не сходя с почвы сформулированных выше тезисов, вытекающих из всей политики Коммунистического Интернационала, то мы должны спросить себя, имеем ли мы во Франции такое положение, когда коммунисты представляют из себя, с точки зрения практических действий, незначительную величину (quantité negligeable); охватывают ли они, наоборот, подавляющее большинство организованных рабочих или же занимают среднее положение: достаточно сильны, чтобы их участие в массовом движении получило крупное значение, но недостаточно сильны, чтобы сосредоточить в своих руках неоспоримое руководство?

Совершенно неоспоримо, что мы имеем пред собою во Франции именно этот третий случай.

11. В партийной области перевес коммунистов над реформистами является подавляющим. Коммунистическая ор-

ганизация, коммунистическая пресса несравненно многочисленнее, богаче и жизненнее, чем организация и пресса так-называемых социалистов.

Однако, этот подавляющий перевес далеко еще не обеспечивает Французской Коммунистической Партии полного и неоспоримого руководства французским пролетариатом, поскольку в нем чрезвычайно сильны антиполитические и антипартийные тенденции и предрассудки, ареной действия которых являются преимущественно профессиональные союзы.

12. Величайшей особенностью французского рабочего движения является тот факт, что профессиональные союзы долго были оболочкой или прикрытием для своеобразной антипарламентарной политической партии под именем синдикализма. Ибо, сколько бы революционные синдикалисты ни отмежевывались от политики или от партии, они никогда не смогут опровергнуть того, что сами они являются политической партией, стремящейся опереться на профессиональные организации рабочего класса. У этой партии имеются свои положительные, революционные, пролетарские тенденции, но и свои крайне отрицательные черты: отсутствие действительно законченной программы и оформленной организации. Организация синдикатов ни в каком случае не совпадает с организацией синдикализма. В организационном смысле синдикалисты представляют собой неоформленные политические ячейки, вкрапленные в синдикаты.

Вопрос осложняется тем, что синдикалисты, как и все другие политические группировки рабочего класса, после войны разбились на две части: реформистскую, которая поддерживает буржуазное общество и тем самым вынуждена работать рука об руку с парламентарными реформистами, и революционную, которая ищет путей опрокинуть его и тем самым, в лице своих лучших элементов, движется в сторону коммунизма.

Именно стремление сохранить единство фронта внушило не только коммунистам, но и революционным синдикалистам совершенно правильную тактику борьбы за единство синдикальной организации французского пролетариата. Наоборот, с инстинктом банкротов, которые чувствуют, что пред лицом рабочей массы, в действиях, в борьбе им не выдержать соревнования с революционным крылом, Жуо, Мерргейм и компания встали на путь раскола. Колоссальной важности борьба, которая развертывается сейчас во всем синдикальном движении Франции, борьба между реформи-

стами и революционерами, является для нас в то же время борьбой за единство синдикальной организации и синдикального фронта.

III. СИНДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕДИНЫЙ ФРОНТ.

13. Именно французский коммунизм в отношении идеи единого фронта находится в исключительно благоприятном положении. В рамках политической организации французскому коммунизму удалось овладеть большинством старой социалистической партии, после чего оппортунисты ко всем своим прочим политическим квалификациям прибавили еще качество „диссидентов", т.-е. раскольников. Наша французская партия использовала этот факт в том смысле, что усвоила за социал-реформистской организацией название диссидентов (раскольников), выдвигая, таким образом, на первый план нарушение реформистами единства действий и единства организации.

14. В области синдикального движения революционное крыло его и, прежде всего, коммунисты не должны скрывать ни от себя, ни от противников всей глубины разногласий между Москвой и Амстердамом,—разногласий, которые отнюдь не являются простыми оттенками в рядах рабочего движения, а представляют собою отражение глубочайшего противоречия, раздирающего все современное общество, т.-е. противоречия между буржуазией и пролетариатом. Но в то же время революционное крыло, т.-е. прежде всего сознательные коммунистические элементы, ни в каком случае не выдвигали, как сказано, тактики выхода из профессиональных союзов или раскола профессиональной организации. Такой лозунг характеризует сектантские группировки локалистов, К. А. Р. D. некоторых „либертерских", анархистских группок во Франции, которые никогда не имели влияния на широкие рабочие массы, не имеют ни надежды, ни стремления завоевать это влияние, а ограничиваются небольшими собственными церквами со строго отмежеванными приходами. Действительно революционные элементы французских синдикалистов инстинктивно чувствовали, что завоевать французский рабочий класс на почве синдикального движения можно только, противопоставляя революционную точку зрения и революционные методы реформистским на почве массового действия и охраняя в то же время в наивысшей мере единство этого действия.

15. Система ячеек в синдикальной организации, принятая революционным крылом, означала не что иное, как наи-

более естественную форму борьбы за идейное влияние и за единство фронта без нарушения единства организации.

16. Подобно реформистам социалистической партии, реформисты синдикального движения взяли на себя инициативу раскола. Но именно опыт социалистической партии внушил им, в значительной мере, тот вывод, что время работает на пользу коммунизма и что противодействовать влиянию опыта и времени можно, лишь форсируя раскол. Мы видим со стороны правящей клики C. G. T. целую систему мер, направленных на то, чтобы дезорганизовать левое крыло, лишить его тех прав, которые предоставляются ему статутами синдикатов, и, наконец, путем прямых исключений,—вопреки всем статутам и правилам—формально поставить его вне синдикальной организации.

С другой стороны, мы видим, как революционное крыло отстаивает свое право на почве демократических норм рабочей организации и всеми силами противодействует насаждаемому сверху расколу апелляцией к низам в пользу единства синдикальной организации.

17. Каждый сознательный французский рабочий должен знать, что, когда коммунисты составляли в социалистической партии шестую или третью часть, они не пытались отколоться, находясь в полной уверенности, что большинство партии уже в ближайший период последует за ними. Когда реформисты оказались сведенными к одной трети, они откололись не питая никакой надежды снова завоевать большинство пролетарского авангарда.

Каждый сознательный французский рабочий должен знать, что, когда революционные элементы встали пред проблемой профессионального движения, они, в тот период еще ничтожное меньшинство, разрешили ее в смысле работы в общих организациях, будучи уверены, что опыт борьбы в условиях революционной эпохи быстро толкнет большинство синдицированных рабочих на сторону революционной программы. Когда же реформисты увидели рост революционного крыла в синдикатах, они, не питая никакой надежды справиться с ним на почве соревнования, прибегли немедленно к методам исключения и раскола.

Отсюда вытекают выводы величайшей важности:

Во-первых, уясняется вся глубина разногласий, отражающих, как сказано, противоречие между буржуазией и пролетариатом.

Во-вторых, лицемерный „демократизм“ противников диктатуры разоблачается до конца, так как не только в рамках государства, но и в рамках рабочей организации они не

склонны мириться с методами демократии, когда она поворачивается против них, и либо откалываются сами, как диссиденты в партии, либо исключают других, как клика Жуо—Дюмулена. Было бы, поистине, чудовищно полагать, что буржуазия согласится когда-либо разрешить борьбу с пролетариатом в рамках демократии, если даже агенты буржуазии в синдикальной и политической организации не согласны разрешать вопросы рабочего движения на почве добровольно принятых ими норм рабочей демократии.

18. Борьба за единство синдикальной организации и синдикального действия и впредь останется одной из важнейших задач коммунистической партии,—борьба не только в смысле постоянного стремления объединить все большее число рабочих вокруг программы и тактики коммунизма, но и в том смысле, что на пути к осуществлению этой цели коммунистическая партия как непосредственно, так и через коммунистов в профессиональных союзах, будет—при всякой подходящей ситуации—на деле стремиться к тому, чтобы сводить к минимуму те помехи, какие раскол организации ставит рабочему движению.

Если бы раскол C. G. T. на ближайший период закрепился, несмотря на все наши усилия восстановить единство, это вовсе не значило бы, что C.G.T. Unitaire, независимо от того, окажется ли за ней в ближайшее время половина или более половины синдицированных рабочих, будет вести свою работу, игнорируя попросту существование реформистской C. G. T. Такая политика чрезвычайно затрудняла бы—если не исключала бы вовсе—возможность согласованных боевых действий пролетариата и в то же время чрезвычайно облегчала бы реформистской C. G. T. возможность играть в интересах буржуазии роль „Гражданской Лиги“ (La Ligue Civique)*) по отношению к стачкам, манифестациям и проч., давая ей в то же время видимость права ссылаться на то, что революционная C. G. T. провоцирует нецелесообразные выступления и должна нести за них ответственность целиком. Совершенно очевидно, что во всех тех случаях, где это будет допускаться обстоятельствами, революционная C. G. T., считая необходимым провести какую-либо кампанию, будет открыто обращаться к реформистской C. G. T. с конкретными предложениями и требованием конкретного плана согласованных действий, нажимая на нее давлением общественного мнения рабочих

---

*) Буржуазно-штрейкбрехерская организация во Франции.

и разоблачая пред этим общественным мнением каждый ее неверный и уклончивый шаг.

Таким образом, даже в случае закрепления раскола синдикальной организации методы борьбы за единый фронт сохраняют все свое значение.

19. Можно, следовательно, констатировать, что по отношению к важнейшей области рабочего движения—синдикатам—тактика единого фронта требует только более последовательного, более настойчивого, более решительного проведения тех методов, при помощи которых уже велась с нашей стороны до сих пор борьба с Жуо и К°.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ЕДИНСТВО ФРОНТА.

20. В партийной плоскости с самого начала представляется очень значительная разница с синдикатами в том отношении, что перевес коммунистической партии над социалистической, как в отношении организации, так и в отношении печати, является подавляющим. Можно, следовательно, предположить, что коммунистическая партия, как таковая, способна обеспечить единство политического фронта и что у нее поэтому нет побудительных причин адресоваться к организации диссидентов с какими-либо предложениями конкретных действий. Такого рода постановка вопроса, строго деловая и законная, основанная на оценке соотношения сил, а не на словесном радикализме, должна быть оценена по существу.

21. Если принять во внимание, что коммунистическая партия насчитывает 130.000 членов, а социалисты—30.000, то огромные успехи коммунистической идеи во Франции станут очевидными. Однако, если принять во внимание отношение этих чисел к численности рабочего класса в целом, наличность реформистских профессиональных союзов и антикоммунистических тенденций в революционных союзах, то вопрос о гегемонии коммунистической партии в рабочем движении предстанет пред нами, как очень трудная задача, далеко еще не разрешенная нашим численным перевесом над диссидентами. Эти последние, при известных условиях, могут оказаться гораздо более значительным контр-революционным фактором внутри рабочего класса, чем это может представляться, если судить только по слабости их организации, по ничтожеству тиража и идейного содержания их органа „Populaire“.

22. Чтобы оценить положение, нужно отдать себе ясный отчет в том, как оно сложилось. Превращение большинства

старой социалистической партии в коммунистическую явилось результатом той волны недовольства и возмущения, которая была порождена войной во всех странах Европы. Пример русской революции и лозунги III Интернационала как бы намечали путь выхода. Буржуазия, однако, продержалась в течение 1919—1920 гг. и, при помощи комбинированных средств, установила на послевоенных основах некоторое равновесие, которое подтачивается ужасающими противоречиями и идет навстречу могущественной катастрофе, но которое сохраняет относительную устойчивость на сегодняшний день и ближайший период. Русская революция, отбиваясь от величайших трудностей и препятствий со стороны мирового империализма, лишь медленно, ценою чрезвычайного напряжения всех сил, могла осуществлять свои социалистические задачи. В результате—первый прилив неоформленных, некритических, революционных настроений сменился неизбежным отливом их. Под знаменем коммунизма сохранилась только наиболее решительная, отважная и молодая часть мирового рабочего класса.

Это не значит, разумеется, что те широкие круги пролетариата, которые оказались разочарованы в своих надеждах на непосредственную революцию, на близкие радикальные перемены и проч., вернулись целиком на старые, довоенные позиции. Нет, их недовольство глубже, чем когда бы то ни было, их ненависть к эксплоататорам острее. Но в то же время они политически дезориентированы, не видят путей борьбы и поэтому пассивно выжидательны—при возможности резких колебаний в ту или другую сторону, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства.

Этот большой резервуар пассивных и дезориентированных может, при известной комбинации, быть широко использован диссидентами против нас.

23. Для того, чтобы поддерживать коммунистическую партию, нужна вера в революционное дело, активность, преданность. Для того, чтобы поддерживать диссидентов необходимы и достаточны дезориентированность и пассивность. Совершенно естественно, когда революционная, активная часть рабочего класса выделяет из себя гораздо больший процент членов коммунистической партии, чем пассивная, дезориентированная часть выделяет из себя в партию диссидентов.

То же самое относится и к печати. Элементы индиферентные читают мало. Ничтожеством своего тиража и своего содержания „Populaire“ отражает настроение известной части рабочего класса. Тот факт, что в партии дисси-

дентов господствует полное засилье профессиональной интеллигенции над рабочим, ни в каком случае не находится в противоречии с нашим диагнозом и прогнозом: ибо пассивные, отчасти разочарованные, отчасти дезориентированные рабочие массы как раз служат, особенно во Франции, источником питания политических клик, состоящих из адвокатов и журналистов, реформистских знахарей и парламентских шарлатанов.

24. Если рассматривать партийную организацию, как активную армию, а неорганизованную рабочую массу, как резервы, и если принять, что наша активная армия в 3—4 раза сильнее активной армии диссидентов, то, при известной комбинации событий, может оказаться, что резервы распределятся между нами и социал-реформистами в гораздо менее выгодной для нас пропорции.

25. Идея „левого блока" висит во французской политической атмосфере. После нового периода пуанкаризма, который является попыткой буржуазии преподнести народу разогретое блюдо иллюзий победы, весьма вероятна пацифистская реакция в широких кругах буржуазного общества, т.-е. прежде всего среди мелкой буржуазии. Надежды на всеобщее умиротворение, соглашение с Советской Россией, получение из нее на льготных условиях сырых материалов и платежей, уменьшение ноши милитаризма и проч., словом, иллюзорная программа демократического пацифизма может на известный период стать программой левого блока, который придет на смену блоку национальному.

С точки зрения развития революции во Франции такая смена режимов будет шагом вперед лишь при условии, если пролетариат в минимальной степени окажется захваченным иллюзиями мелко-буржуазного пацифизма.

26. Реформисты-диссиденты явятся агентурой левого блока среди рабочего класса. Их успех будет тем больше, чем в меньшей степени рабочий класс в целом будет захвачен идеей и практикой единого рабочего фронта против буржуазии. Дезориентированные войной и медленностью революции рабочие слои могут поставить ставку на левый блок, как меньшее зло, считая, что они при этом во всяком случае ничем не рискуют, и не видя сейчас других путей.

27. Одним из надежнейших средств противодействия настроениям и идеям левого блока в рабочем классе, т.-е. блока рабочих и известной части буржуазии против другой части буржуазии, является настойчивое, решительное культивирование идеи *блока всех частей рабочего класса против всей буржуазии.*

28. В отношении к диссидентам это значит, что мы не должны позволять им безнаказанно занимать в вопросах рабочего движения уклончиво выжидательную позицию и, при платонических заявлениях симпатий рабочему классу, пользоваться покровительством его буржуазных угнетателей. Другими словами, мы можем и должны во всех подходящих случаях предлагать диссидентам определенную форму содействия стачечникам, локаутированным, безработным, инвалидам войны и пр. и пр., регистрируя пред лицом массы их ответы на наши точные запросы и, таким образом, противопоставляя их известным частям политически индиферентной или полуиндиферентной массы, на которую они надеются при известных обстоятельствах опереться.

29. Такого рода тактика тем важнее, что диссиденты находятся в несомненной и тесной связи с реформистской C. G. T., представляя вместе с ней два крыла буржуазной агентуры в рабочем движении. Мы и на синдикальном и на политическом поле одновременно наступаем на эту двуединую агентуру, применяя одни и те же тактические методы.

30. Безукоризненная и агитационно крайне убедительная логика нашего поведения такова: „вы, реформисты синдикализма и социализма,—говорим мы им пред лицом массы—раскололи синдикаты и партию во имя идей и методов, которые мы считаем ошибочными и преступными. Мы требуем от вас, чтобы вы, по крайней мере, в частных, неотложных, конкретных задачах борьбы рабочего класса, не ставили палок в колеса и делали бы возможным единство действий. В данном конкретном случае мы предлагаем вам такую-то программу борьбы“.

31. Также и в отношении парламентской и муниципальной деятельности мы могли бы не без успеха применить указанный метод. Мы говорим массам: „диссиденты раскололи рабочую массу, ибо они не хотят революции. Расчитывать на их содействие пролетарской революции было бы безумием. Но мы готовы были бы, в парламенте или вне парламента, войти с ними в известные практические соглашения, если в тех случаях, где нужно выбирать между известными интересами буржуазии и определенными требованиями пролетариата, они на деле согласились бы поддержать эти последние. Диссиденты могут только в том случае оказаться способными на такие действия, если откажутся от связи с партиями буржуазии, то-есть от левого блока и его буржуазной дисциплины“.

Если бы диссиденты были способны принять эти условия, их рабочие сторонники быстро растворились бы в коммунистической партии. Но именно поэтому диссиденты не

пойдут на эти условия. Другими словами, на ясно и отчетливо поставленный вопрос, выбирают ли они блок с буржуазией или блок с рабочим классом—в конкретных и точных условиях массовой борьбы,—они вынуждены будут ответить, что предпочитают блок с буржуазией. Такой ответ не может пройти для них безнаказанно в среде того пролетарского резерва, на который они расчитывают.

V. ВНУТРЕННИЕ ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

32. Очерченная политика предполагает, разумеется, полную организационную независимость, идейную ясность и революционную твердость самой коммунистической партии.

Так, например, нельзя с полным успехом вести политику, расчитанную на то, чтобы сделать в рабочем классе ненавистной и презренной идею левого блока, если в рядах нашей собственной партии имеются ее сторонники, осмеливающиеся открыто защищать эту очередную программу буржуазии. Безусловное и беспощадное изгнание из партии с позором тех, кто выступает за идею левого блока, является само собою разумеющеюся обязанностью коммунистической партии. Это очистит нашу политику от элементов двусмысленности и неясности, привлечет внимание передовых рабочих к остроте вопроса о левом блоке и покажет, что коммунистическая партия не шутит в вопросах, угрожающих революционному единству действий пролетариата против буржуазии.

33. Те, которые идею единого фронта пытаются использовать для агитации в пользу объединения с реформистами и диссидентами, должны быть беспощадно выброшены из нашей партии, так как они являются агентурой диссидентов в наших рядах и обманывают рабочих относительно причин раскола и истинных виновников его. Вместо того, чтобы правильно поставить вопрос о возможности тех или других практически согласованных действий с диссидентами, несмотря на их мелко-буржуазный и по существу контр-революционный характер, они требуют от нашей собственной партии отказа от ее коммунистической программы и революционных методов. Изгнание таких элементов беспощадно и со срамом лучше всего покажет, что тактика единого рабочего фронта ничем не похожа на капитуляцию или примирение с реформистами. Тактика единого фронта требует со стороны партии полной маневренной свободы, гибкости и решимости. А это возможно только при том условии, если партия ясно и отчетливо в каждый данный момент заявляет, чего она хочет, к чему стремится и авторитетно, пред ли-

цом массы, комментирует свои собственные шаги и предложения.

34. Отсюда вытекает полная недопустимость того, что отдельные члены партии выпускают, за свой собственный страх и риск, политические издания, в которых они свои лозунги, методы действий, предложения противопоставляют лозунгам, методам действий и предложениям партии.

Под прикрытием коммунистической партии и, стало-быть, в той среде, которой импонирует коммунистическое прикрытие, то-есть в рабочей среде, они изо дня в день распространяют идеи, нам враждебные, или сеют смуту и скептицизм еще более вредные, чем ясно враждебные нам идеологии.

Такого рода органы, вместе с их издателями, должны быть раз навсегда поставлены вне партии, и вся рабочая Франция должна узнать об этом из статей, беспощадно обличающих мелко-буржуазных контрабандистов под коммунистическим знаменем.

35. Из сказанного вытекает также полная недопустимость того, чтобы в руководящих изданиях партии появлялись наряду со статьями, защищающими основные положения коммунизма, статьи, оспаривающие эти положения или отрицающие их. Совершенно недопустимым является продолжение того режима партийной печати, при котором читающая рабочая масса, в качестве передовиц своих руководящих коммунистических органов, находит статьи, пытающиеся вернуть нас на позиции слезливого пацифизма и проповедующие рабочим расслабляющую ненависть к революционному насилию пред лицом торжествующего насилия буржуазии. Под видом борьбы с милитаризмом таким путем ведется борьба с идеями революции и восстания.

Если после опыта войны и всех за ней последовавших событий, особенно в России и Германии, в коммунистической партии еще сохранились предрассудки гуманитарного пацифизма и если партия считает полезным, в интересах окончательной ликвидации этих предрассудков, открыть по этому вопросу дискуссию, то, во всяком случае, в этой дискуссии пацифисты не могут выступать со своими предрассудками, как равноправная величина, а должны быть строго осуждены авторитетным голосом партии, в лице ее Центрального Комитета. После того, как Центральный Комитет признает дискуссию исчерпанной, всякие попытки распространения расслабляющих идей толстовства и других видов пацифизма должны несомненно влечь за собой исключение из партии.

36. Можно, однако, сказать, что до тех пор, пока работа по очищению партии от предрассудков прошлого и по ее внутреннему сплочению незакончена, было бы опасно ставить партию в такое положение, при котором она слишком близко соприкасалась бы с реформистами и националистами. Но такая точка зрения была бы ошибочна. Нельзя, разумеется, отрицать того, что переход от широкой пропагандистской работы к непосредственному участию в движении масс таит в себе для коммунистической партии новые трудности, а, следовательно, и опасности. Но было бы совершенно неправильно полагать, будто партия может подготовиться ко всем испытаниям без такого прямого участия в борьбе, без прямого соприкосновения с врагами и противниками. Наоборот, только таким путем может быть достигнуто действительное, необманчивое внутреннее очищение и сплочение партии. Очень возможно, что те или другие элементы партийной и синдикальной бюрократии почувствуют себя ближе стоящими к реформистам, от которых они случайно оторвались, чем к нам. Утрата таких попутчиков будет не минусом, а плюсом, и она сторицей возместится притоком к нам тех рабочих и работниц, которые сегодня еще идут за реформистами. В результате партия станет более однородной, более решительной и более пролетарской.

VI. ЗАДАЧИ ПАРТИИ В СИНДИКАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ.

37. Первостепенным по важности, далеко превышающим все остальные задачи коммунистической партии Франции, является установление безусловной ясности в синдикальном вопросе.

Разумеется, подлежит безусловному отвержению и разоблачению распространяемая реформистами легенда о планах организационного подчинения синдикатов партии. Синдикаты объемлют рабочих разных политических оттенков и беспартийных, атеистов и верующих, тогда как партия объединяет политических единомышленников на основе определенной программы. У партии нет и не может быть никаких орудий и способов извне подчинить себе синдикаты.

Партия может завоевать влияние на жизнь синдикатов лишь постольку, поскольку ее члены работают в этих синдикатах и проводят там партийную точку зрения. Влияние их на синдикаты естественно зависит как от их численности, так и особенно от того, в какой мере они правильно,

последовательно и целесообразно применяют принципы партии к потребностям синдикального движения.

Партия имеет право и обязана поставить себе задачей добиться на указанном пути *решающего влияния* в синдикальных организациях. Достигнуть этой цели она может при том условии, если работа коммунистов в профсоюзах будет целиком и полностью согласована с принципами партии и протекать под ее неизменным контролем.

38. Необходимо поэтому, чтобы сознание всех коммунистов окончательно очистилось от реформистских предрассудков, которые рассматривают партию, как политическую парламентскую организацию пролетариата и только. Коммунистическая партия есть организация пролетарского авангарда для идейного оплодотворения рабочего движения и руководства им во всех его областях—в первую голову, в синдикальной. Если синдикаты являются неподчиненными партии, а вполне автономными организациями, то коммунисты в синдикатах не могут претендовать ни на какую автономию в своей синдикальной деятельности, а должны быть проводниками программы и тактики своей партии. Самому строгому осуждению подлежит поведение тех коммунистов, которые не только не борются внутри синдикатов за влияние идей партии, но противодействуют такой борьбе во имя совершенно ложно применяемого ими принципа „автономии". На самом деле они таким путем содействуют решающему влиянию на синдикаты отдельных лиц, групп и клик, не связанных ни определенной программой, ни партийной организацией и использующих неопределенность идейных группировок и отношений для того, чтобы удержать в своих руках организационный аппарат и обеспечить независимость своей клики от действительного контроля рабочего авангарда.

Если партия должна в своей деятельности внутри синдикатов проявлять величайшую внимательность и осторожность по отношению к непартийным массам и их добросовестным и честным представителям; если партия должна на почве совместной работы систематически и тактично сближаться с лучшими элементами синдикализма—даже с революционными анархистами, которые способны учиться,—то, с другой стороны, она не может терпеть дольше в своей среде тех мнимых коммунистов, которые пользуются званием членов партии только для того, чтобы тем увереннее проводить антипартийное влияние в синдикатах.

39. Партия должна через свою печать, через своих пропагандистов и через своих членов в синдикатах подвергать постоянной и систематической критике недостаточность

революционного синдикализма для разрешения основных задач пролетариата. Партия должна неутомимо и настойчиво критиковать слабые теоретические и практические стороны синдикализма, выясняя в то же время лучшим его элементам, что единственно правильным путем для революционного влияния на синдикаты и на все рабочее движение в целом является вхождение революционных синдикалистов в коммунистическую партию, их участие в разработке всех основных вопросов движения, в учете опыта, в определении новых задач, в очищении самой коммунистической партии и в усилении ее связи с рабочими массами.

40. Совершенно необходимо провести во Французской Коммунистической Партии перепись всех членов, для определения социального положения (рабочий, служащий, крестьянин, интеллигент и проч.), отношения к синдикальному движению (состоит ли членом профессионального союза, участвует ли в собраниях коммунистов, революционных синдикалистов, проводит ли там решения партии относительно профессиональных союзов и проч.), отношение к партийной печати (какие читает партийные издания) и проч.

Перепись необходимо провести так, чтобы главные результаты ее можно было учесть до предстоящего IV международного конгресса.

2 марта 1922 г.

НАЧАЛО КРИЗИСА *).

Товарищи! Комиссия, избранная для изучения французского вопроса, проработала всю истекшую неделю и приняла резолюцию единогласно. Факт принятия этой резолюции всеми членами комиссии имеет политическое значение, так как дело касалось не общих вопросов, как таковых, но в первую очередь изучения кризиса, переживаемого ныне французской партией, и изыскания средств и способов, наиболее подходящих для разрешения его.

Наша партия,—я говорю о коммунистической партии в целом,—развивается не в слишком спокойную и монотонную

---

*) Речь, произнесенная т. Троцким на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1922 г. *Прим. ред.*

эпоху. На монотонность в данную эпоху никак не пожалуешься.

Социальная конъюнктура усложняется: положение, соотношение политических сил в национальном и международном масштабе претерпевает внезапные изменения. Партии приходится приспособляться к требованиям, диктуемым этими, я бы сказал, спазматическими изменениями социального и политического развития. Вот чем объясняется кризис коммунистической партии и вот почему, помимо чьей-либо воли, он столь остр и имеет столь крупное значение.

Бывало это несколько раз и в нашей русской партии. Одна из выделенных настоящим пленумом комиссий изучает теперь русский вопрос*); я глубочайше убежден, что происходящее в русской партии не знаменует кризиса в ней, но лишь пережиток кризиса, уже минувшего. На 3-ем конгрессе мы изучали кризис германской партии, а нынешний пленум очутился перед лицом кризиса партии французской.

Товарищи! Французская партия, как и многие другие, сложилась, с одной стороны, из более или менее тесной группы сторонников III Интернационала, объединившихся в специальный комитет, с другой стороны—из широкого течения внутри старой партии.

РАСКОЛ.

Турский съезд знаменовал этап, решительный момент в истории развития французского коммунизма; то был раскол с реформистами, с патриотами. Формально ответственны за раскол они, потому что они очутились в меньшинстве и вышли из партии. Но, конечно, ответственность политическую, а не формальную, мы берем на себя, так как это—раскол между реформизмом и пролетарской революцией, течениями абсолютно непримиримыми.

Но было бы в корне ошибочно допустить, хотя бы в теории, что после раскола—этого основного факта, знаме-

---

*) Речь идет о выделенной расширенным пленумом Исполкома Коминтерна комиссии для разбора заявления, поданного 22-мя членами Р. К. П. (б.), принадлежавшими к так называемой „рабочей оппозиции". Это заявление, как и решение комиссии, было своевременно опубликовано.

Прим. ред.

нующего рождение Французской Коммунистической Партии— революционная коммунистическая партия в том виде, какой она должна быть в момент завоевания власти, была уже создана во Франции.

Нет, после раскола оставалось еще проделать большую работу по организации, чистке, воспитанию, отбору.

Турский съезд можно рассматривать, как принципиальное и организационное выявление воли французского пролетариата, высказавшегося за революцию, за диктатуру, за завоевание власти. Пред французским пролетариатом стоит крупная историческая задача: создать, при крайне изменяющемся положении, орудие, вполне пригодное для выполнения этой исторической задачи. Проблемы создания такого идеологического и организационного орудия разрешаются не мирным и прямым путем, но путем потрясений и кризисов, крупных и мелких. Это абсолютно неизбежно. Кризис, как таковой, отнюдь не знаменует болезни партии. Он лишь показывает, что партия живет и развивается. Способность партии этот кризис преодолеть является лучшим свидетельством того, что она здорова. А мы все в комиссии были того мнения, что твердая воля и способность французской компартии идти вперед совершенно неоспоримы.

КРИЗИС.

В чем состоит этот кризис? Марсельский съезд был вторым этапом, весьма знаменательным этапом революционного движения Франции. Марсельский съезд принял две резолюции капитальной важности: 1) резолюцию по вопросу о профессиональном движении и взаимоотношении между партией и профсоюзами, т.-е. между авангардом и французским пролетариатом; 2) резолюцию по аграрному вопросу, т.-е. по вопросу о взаимоотношениях между партией и мелким французским крестьянством. Эти два вопроса: вопрос пролетариата и вопрос мелкого крестьянства имеют основное значение для проблемы французской революции.

Марсельский съезд решил их в духе коммунистическом, в духе революционном, дающем нам возможность двигаться вперед, руководясь определенными, ясно очерченными принципами. И тем не менее на этом же съезде всплыл организационный кризис; в первую очередь нам надлежит выяснить, является ли этот кризис идейным или это—кризис лиц.

Комиссия отмела в сторону все вопросы личного характера; так поступим мы и здесь. Не потому, чтобы личные вопросы были ниже достоинства коммунистической партии: хорошо ли, плохо ли, но политика делается людьми—каждое течение представлено людьми; каждый человек имеет свой характер, зачастую плохой: яростные стычки происходят как при наличии принципиальных разногласий, так и при отсутствии их.

Но то обстоятельство, что некоторые инциденты, происходившие в момент избрания членов Центрального Комитета, приобрели политическое значение для партии, доказывает, что партия, ее сознательная часть, учуяла в атмосфере какую-то опасность.

В нормальную, в мирную эпоху кризис подготовляется медленно, элементы кризиса накопляются постепенно, всегда имеется достаточно времени, чтобы разобраться в содержании кризиса, определить, охарактеризовать его.

В эпоху, подобную нашей, кризис подкрадывается подобно ночному вору. В начале чувствуется, что кое-что неладно, как-то не по себе, а затем начинаешь подходить к вопросу с принципиальной точки зрения.

Товарищ Сутиф поможет нам разобраться в положении. Вот что сказал он на Марсельском съезде, судя по отчету „L'Humanité",

„Оратор указал, что за время, протекшее с Турского съезда, течения оформились, но тревожиться по этому поводу не следует: это свидетельствует лишь о жизнеспособности партии. Помимо всего прочего, ведь такие течения имеются и в самом Коминтерне. Там, как и здесь, есть своя оппортунистическая правая и центр".

К этим словам товарища Сутифа я бы прибавил, что наличие течений еще не доказательство жизнеспособности партии; ни кризис, ни наличие течений сами по себе еще не доказывают, что партия живет и развивается. Но жизнеспособность компартии явствует из способности отстоять и утвердить революционное течение, взяв верх над течениями оппортунистического и экстремистского свойства в плохом смысле этого слова, каковые время от времени наблюдаются в нашем Интернационале.

Весьма естественно, что после Турского съезда, после решительного и безвозвратного раскола с реформистами, после этого коренного события, реформистские течения и оттенки не могут свободно развиваться во французской

компартии. Но оппортунизм внутри революционной партии всегда надвигается подобно маленькому облачку, подобно пятнышку, он нащупывает, выглядывает,—есть ли оппозиция, сопротивление. Если он на сопротивление не наталкивается он расплывается подобно масляному пятну и может принять характер воистину опасного недуга, особенно в такую эпоху, как наша, когда, как я уже сказал, положение быстро меняется, воздвигая пред нами все новые и новые трудности и требуя от нас, как партии, умения свободно маневрировать при чем ноги и колена наши не должны быть связаны теми, которые зовутся нашими друзьями, но которые по существу являются нашими врагами.

ПРАВОЕ ТЕЧЕНИЕ.

Мы имели уже повод констатировать, что правое крыло французской компартии, — а объясняется это его историей и Турским съездом,—не представляет собой ни широкого, ни определенного, ни организованного течения; это—течение в периоде формации, или, если хотите, возрождения. Оно выявляется в нескольких жизненно важных для французской партии вопросах, а именно в вопросе о милитаризме. Нападают, например, на товарища Кашена за то, что он потребовал вооружить рабочих. Его атакуют, заявляя: „Наша платформа—разоружение, абсолютный пацифизм“.

В моем распоряжении несколько речей и статей, принадлежащих членам французской компартии. Не желая утомлять вас цитатами—они всегда скучны—я все же позволю себе привести несколько мест, касающихся одного вопроса; смысл, содержащийся в этих цитатах, показывает, насколько обоснована наша глубокая тревога.

Вот, например, статья, появившаяся даже на страницах „Internationale“:

„Есть превосходные товарищи, дивящиеся тому, что кое-кто из нас по-прежнему верен былому антимилитаризму, целиком и безоговорочно враждебен любой системе вооружения“.

Прежде всего, не понимаем, о каком милитаризме идет речь: если взять хотя бы Жореса, то он был за „новую армию“, за милицию, за вооружение народа. Его позиция тесно связана с могучей демократической идеологией, но он никогда не был защитником туманного, путаного и санти-

ментального пацифизма, отвергающего самое применение оружия.

„Двух милитаризмов,—продолжает наш автор,—не существует, имеется лишь один“.

Итак, один из членов нашей партии, а именно товарищ Рауль Верфей, ненавидит милитаризм, „каков бы ни был цвет, в который он окрашен, потому что он уничтожает личность“. Не думайте, товарищи, что я говорю так в качестве защитника нашей Красной армии; если бы все сводилось к критике „русского милитаризма“, „красного милитаризма“, то статьи парижского „Internationale“, были бы отвратительны, но безобидны и безвредны для французского пролетариата. Но это было бы так лишь в том случае, если бы французскому пролетариату не нужна была революция, если бы он уже ее совершил и обеспечил.

К сожалению, дело обстоит вовсе не так.

В той же самой статье говорят, что „применение насилия можно оправдать сложившимися обстоятельствами, но что оно противоречит, как доктрине, так и морали нашей партии“. Да, товарищи, может случиться, что мы вынуждены прибегнуть к методам насилия, противоречащим, как морали, так и доктрине Верфея.

А вот еще весьма убедительный аргумент: „Нам возразят, что революции нужна армия. Но революцию было бы еще легче совершить, если бы армии вовсе не существовало“ (продолжительный смех).

Вот вам и разоружение противника! Перед этим аргументом противник обезоружен!

Но, товарищи, это случай не единичный. По тому же вопросу, на страницах того же партийного органа имеется еще статья тов. Виктора Мерика, посвященная милитаризму. Судя по его словам, он приводит несколько доводов против милитаризма, против „любого милитаризма“. Отметив необходимость революции, он пишет: „Констатировать и сожалеть об этой суровой необходимости—одно“.

Констатировать и сожалеть об этой суровой необходимости, значит, он готов был бы, быть-может, и применить насилие. Но он прибавляет: „Допускать его a priori, методически подготовлять, *хотеть*—другое“.

Вот так постановка вопроса!

Мы говорим и повторяем, что есть только одна возможность освободить пролетариат—это свергнуть буржуазию,

вырвать у нее власть, овладеть этой властью, разоружив буржуазию и вооружив себя. Подготовительная работа партии и должна, без сомнения, состоять в том, чтобы развить и воспитать в пролетариате сознание того, что победить буржуазию можно лишь путем революционного насилия.

НЕОБХОДИМОСТЬ НАСИЛИЯ.

Разве товарищи Мерик и Верфей считают, что французскому пролетариату свойственен избыток революционного насилия, применяемого против буржуазии? Или они полагают, что французский пролетариат—кровожаден, что его нужно дисциплинировать, немножко обуздать при помощи нашей морали и священного писания, проповедующего гуманное отношение к врагу? Но в действительности существует обратное. В самом деле вся история III республики свидетельствует о том, что разгром Коммуны повлек не только физическое, но и моральное разоружение пролетариата. Атмосфера, создаваемая общественным мнением буржуазии, ставит себе задачей отравлять сознание пролетариата гипнозом легальности. Легальность служит прикрытием грубому насилию буржуазии.

Что же остается делать нам? Мы должны показать пролетариату, что легальность лишь маска буржуазного насилия, которое можно сломить в свою очередь лишь посредством насилия; что необходимо подготовляться, надо в этом духе себя воспитывать, если хочешь победы. Нужна готовность прибегнуть к средствам революцинного насилия, а пролетариату говорят: „быть-может, печальный случай заставит тебя когда-нибудь прибегнуть к насилию, но наше святое учение и святая мораль это воспрещают". Пропагандируя подобную „революционную" мораль сеют лишь смуту и неурядицу.

Читая эти статьи, я случайно набрел на резолюции съезда анархистов, в которых, понятно, говорится: „анархисты не стремятся к власти, они остаются врагами любой диктатуры, каковой бы она ни была,—правой или левой, буржуазной или пролетарской, они враги милитаризма,—независимо от его цвета, какой он принимает—как буржуазного, так и пролетарского". Но ведь это—та же самая идеология.

Я процитировал вам двух хорошо известных товарищей, Верфея и Мерика, и, поскольку я понимаю, они подвергают

критике резолюцию, вынесенную федерацией молодежи. Мы немного поспорили на III конгрессе с представителем федерации молодежи, но данная резолюция вполне правильна. Она констатирует необходимость борьбы с милитаризмом, но в то же время она требует вооружения пролетариата.

Еще до статей тт. Верфея и Мерика мы ознакомились с программной речью по тому же вопросу, произнесенной тов. Жоржем Пиок на партийном съезде. Приведу несколько выдержек, по-моему, весьма характерных. Вот что говорил тов. Пиок:

„Народы воюют не только из-за непосредственных интересов. Они объявляют друг другу войну, а страсти заставляют ее длиться. Не признавая этой истины, вы основали бы общество, в котором война не будет исключена".

Итак, война не есть продукт общественного строя, это—явление психологическое, она порождается страстями, и необходимо перевоспитать человека, чтобы общество, даже коммунистическое общество, не создавало бы войн.

„Вместо того, чтобы хулить войну, вы начинаете хулить мир и пацифизм".

Наша борьба с сантиментальным пацифизмом кажется тов. Пиоку борьбой против мира и прославлением войны, а затем и „единственно глубокий и полезный антимилитаризм, это тот, который будет продуктом воспитания детей".

Чтобы кончить, приведу еще положение—наиболее характерное: „что касается дезертирства из армии, оратор не может его ни советовать, ни отсоветовать. Это дело совести. Что же касается войсковых ячеек, то он считает это опасным софизмом".

И эта речь была произнесена на съезде коммунистической партии!

Нам говорят: „война—явление скорее психологического порядка. Надо с колыбели воспитывать детей в духе чистого и абсолютного антимилитаризма, в духе хулимого вами—красными милитаристами—пацифизма; только таким путем придем мы к обществу, не знающему войны. А в настоящее время допустимо, пожалуй, и дезертирство, но это—дело личной совести, я же не могу ни советовать, ни отсоветовать. А войсковые ячейки что такое? Ячейки, это коммунистическая работа в армии. Это—опасный софизм".

Товарищи, мы прекрасно знаем товарища Пиок. Это хороший поэт, писатель, мы его уважаем, я это говорю со-

вершенно искреннно. Но я ведь говорю не о тов. Пиок, а о секретаре Сенской федерации. А Сенская федерация—наиважнейшая федерация партии. Хорошо зная. что идеи тов. Пиок исключительно личного свойства, я спрашиваю себя, товарищи, какой отклик, какое эхо пробудит это в умах коммунистической или полукоммунистической рабочей молодежи, которой говорят, что красный „милитаризм", насилие, убийство и пролитие крови не соответствуют коммунистическим принципам? Не помню точно, в речи ли тов. Пиок или в статье тов. Верфея, но в одной из них говорится, что убийство и пролитие крови не соответствуют коммунистическим принципам.

Что это значит, товарищи? А партия, что же такое партия? Партия — это организация осознанной ненависти к буржуазии. А ненависть является разве коммунистическим принципом? Я полагаю, что коммунистический принцип—братство, но коммунистическая партия есть организация ненависти рабочего класса против буржуазии. Если же хотеть бороться с буржуазией при помощи чувств, которые будут достоянием лишь нового общественного строя, — не знающего буржуазии, — то этот общественный строй никогда не наступит.

Что такое партия? Партия, товарищи, это—организация, ставящая себе целью борьбу с другими организациями. А взаимная борьба людей—разве коммунистический принцип? Что такое коммунизм, не как идеал будущего, но как нечто существующее ныне? Разреши́те мне вам сказать — это армия в состоянии борьбы. Нынешний коммунизм—это не коммунистический принцип, это нечто в корне противоположное коммунистическому принципу пацифистов.

ПУТАНИЦА.

Понятия, которых я только-что коснулся, могут внести лишь крайнюю путаницу в сознание молодого поколения французского пролетариата, это признали все товарищи французской делегации. Мы беседовали, обсуждали и пришли к выводу, что не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значения подобных выступлений в партии и что партия должна быть настороже во избежание возможной опасности, отсюда проистекающей.

Я не стану приводить цитат, рисующих оборотную сторону этих течений; укажу лишь, что они проявляются в различных областях,—в вопросе профессионального движе-

ния, в вопросе взаимоотношений между партией и профсоюзами, а также в вопросе партийной дисциплины. Тов. Пиок говорит даже, что пользоваться словом „дисциплина", как термином военным, должно быть навеки воспрещено в коммунистической среде. Конечно, в данном случае речь идет о форме выражения, но под этим кроется определенная тенденция, направленная против поведения партии, обусловленного демократическим централизмом, установленным нашими национальными и международными уставами.

Комиссия констатировала отсутствие осязаемой разницы между большинством партии, определившимся на Марсельском съезде, и той группировкой, которую мы могли бы обозначить названием, „более левой", „стоящей левее". Оценка этих реформистских, пацифистских и прочих выступлений не вызвала существенных разногласий внутри комиссии. Если разногласия и были, то они касались лишь оттенков. Одни говорили: „не следует их преувеличивать", другие отвечали: „не следует ими пренебрегать". Комиссия—не потому, чтобы она пошла на компромисс, но потому что это соответствует действительности и правильно понятому интересу партии,—сказала: „не следует ни пренебрегать, ни преувеличивать значения этого течения, но надо быть настороже и во-время изолировать".

ПОВЕДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕЛЕГАТОВ.

Вам известно, что во время Марсельского съезда четыре товарища вышли из Центрального Комитета партии и что это было началом нынешнего кризиса. В момент ухода этих товарищей,—членов комитета III Интернационала, — правые элементы обнаружили больше активности и повели даже некоторое наступление против основных принципов партии, против самой партии.

После тщательного обсуждения французская делегация, т.-е. члены делегации, специально уполномоченные на это Центральным Комитетом, по собственной инициативе дали следующую оценку и следующий ответ на вопрос, всплывший в процессе прений.

1) Французская делегация, согласно марсельской декларации, направленной против оппортунизма правой, обязуется от имени Исполкома предложить Центральному Комитету немедленно вызвать Анри Фабра в конфликтную комиссию в целях исключения.

Анри Фабр, член партии, известен, как редактор ежедневной газеты „Journal du Peuple", служащей средото-

чием всех реформистских, пацифистских, унитарных течений, братающихся с реформистами и диссидентами.

г) Делегация отмечает, что Исполком высказался отрицательно по поводу выхода нескольких членов из Центрального Комитета.

Ознакомившись с фактом выхода из Центрального Комитета во время заседания Марсельского съезда 4 избранных в него товарищей*), Исполком не видит оправдания этому выходу. Нашей всегдашней основой является демократический централизм, как в национальных секциях, так и в самом Интернационале, и мы всегда имеем возможность, нормально используя наши местные, национальные, международные организации, улаживать конфликты, выправлять линию поведения той или иной организации, секции, органа, газеты, избегая острых организационных конфликтов, не прибегая к отставке, которая по существу противоречит духу дисциплины пролетарской организации.

*В целях улажения конфликта делегация потребует от Центрального Комитета предложить ближайшему национальному совету снова ввести этих товарищей в Ц.К. Центральный Комитет будет считать национальный совет **) обладающим полномочиями съезда. Товарищи, ныне занимающие посты в Ц.К. вместо вышедших из него, сохраняют свои полномочия до окончания полномочия самого Ц.К.*

3) Делегация будет настаивать пред Центральным Комитетом на точном соблюдении постановлений Марсельского съезда, касающихся взаимоотношений между профсоюзами и партией. Профсоюзная комиссия Центрального Комитета неустанно должна работать в этом направлении.

4) Фракционизму не должно быть места в коммунистической партии. Делегация передаст Центральному Комитету выраженное Исполкомом желание, чтобы был положен конец внутренним раздорам и злостной полемике, дабы осуществить тесное сплочение всех коммунистов для единодушного действия.

Эту декларацию подписали:

Кашен, Рену, Селье, Метейе.

Наша комиссия приняла к сведению эту декларацию — ясную, отчетливую, служащую выражением не только воли 4 товарищей, берущих на себя ответственность, но и представляющую из себя моральное обязательство от имени Центрального Комитета французской партии: комиссия оце-

---

*) Вайан-Кутюрье, Лорио, Динюа и Трен. *Прим. ред.*

**) Конференция Франц. Компартии. *Прим. ред.*

нила крупное значение этой декларации, как основы для воссоздания поставленного под угрозу единства партии. Эта декларация начинает с намерения исключить в кратчайший срок, поставить вне партии и в невозможность вредить ей „Journal du Peuple“, т.-е. делает предупреждение правому течению, исключая Анри Фабра.

СМЫСЛ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Конечно, в качестве единичного факта это может показаться не имеющим значения; но факт этот — один из моментов в жизни партии. И вот, когда партия устами делегации говорит: „да, положение в целом, как оно нам представляется после анализа, диктует исключение Анри Фабра“; это приобретает определенный смысл, это доказывает, это дает понять французскому пролетариату, что партия не позволит шутить по вопросам, послужившим причиной раскола. Раскол—всегда мучительный процесс; каковы бы ни были причины его, с легким сердцем не решаешься вызвать раскол в рядах пролетариата. Но если уж на него соглашаешься, значит, есть для этого достаточное основание; а партия, которая поставила бы под сомнение эти основания и их истинную ценность,—если можно так выразиться,—подобная партия уронила бы свой престиж в глазах рабочего класса.

Наша французская партия отчетливо заявляет, что французский пролетариат никогда не будет свидетелем этого зрелища. Течение, о котором идет речь, весьма смутно, но поскольку оно кристаллизуется в этой газете и ее редакторе, оно в кратчайший срок будет поставлено вне партии. Это в то же время означает, разумеется, что ни один член партии не будет принимать участия в этой газете или в подобных ей; это исключает самую возможность недоразумения, того недоразумения, которое может стать весьма опасным, если бы оно воплотилось в жизнь. Получилось бы такое впечатление, точно большинство партии, терпимо относящееся к правой, борется с группировкой, полагающей, что имеет, или действительно имеющей более левый оттенок. Это было бы недоразумением, опасностью, величайшим несчастьем.

А так как партия в лице делегации Центрального Комитета изъявляет готовность, основываясь на марсельских резолюциях, не допустить до подобного положения, то нет оснований, нет надобности создавать фракции внутри партии. Бороться с опасностью справа надлежит не более левой и не менее левой фракции, но партии в целом. И так

как сама партия возвещает и заявляет о своей воле, то не должно быть фракций. Отставка 4 товарищей, каковы бы то ни были политические основания ее, была началом вольного или невольного образования фракций внутри партии, чего не могут ни допустить, ни терпеть Коммунистический Интернационал и французская компартия. Вот почему единогласно было решено, что Центральный Комитет через посредство национального совета должен изыскать способ снова ввести в свой состав ушедших в отставку товарищей и восстановить целостность партии, провозглашенную Марсельским съездом.

Что касается вопроса профессионального движения и вопроса взаимоотношения между партией и профсоюзами, то, как я уже вам сказал, Марсельский съезд принял резолюцию чрезвычайной важности. Остается лишь ее применить. Центральный Комитет уже начал проводить ее в жизнь. Он создал специальную комиссию для проведения этой работы, крупное значение которой надлежит оттенить.

Комиссия предлагает вам резолюцию, являющуюся итогом ее работы; мы надеемся, что она поможет Французской Коммунистической Партии преодолеть нынешний кризис в кратчайший срок. Вот текст этой резолюции:

„Коммунистическая французская партия со времени Тура сделала большое организационное усилие, которое удержало в ее рядах лучшие силы пролетариата, пробужденного к политическому действию. Марсельский конгресс был для партии поводом к серьезной теоретической работе, из которой революционное рабочее движение извлечет, несомненно, очень большую пользу.

„Порывая с парламентскими и политиканскими традициями старой социалистической партии, для которой конгрессы были только предлогами для ораторских поединков лидеров, коммунистическая партия, в первый раз во Франции, призвала собрание активных рабочих к предварительному и углубленному изучению существенных вопросов развития революционного французского движения.

„Организационный кризис во французской партии, значение коего было бы столь же неправильным недооценивать, как и переоценивать, является одним из моментов роста Французской Коммунистической Партии, ее внутреннего очищения, внутренней перестройки и консолидации на истинно коммунистических основах.

„Раскол в Туре провел основной водораздел между реформизмом и коммунизмом. Но совершенно неизбежным является тот факт, что вышедшая из этого раскола коммунистическая партия сохранила в некоторых своих частях

известные пережитки реформистского и парламентского прошлого, от которых она может освободиться и освобождается путем внутренних усилий на основе участия в борьбе масс.

„Пережитки прошлого—в известных группах партии—выражаются: 1) в стремлении восстановить единство с реформистами, 2) в стремлении к блоку с радикальным крылом буржуазии, 3) в подмене революционного антимилитаризма мелко-буржуазным гуманитарным пацифизмом, 4) в неправильном истолковании отношений между партией и профсоюзами, 5) в борьбе против действительно централистического руководства в партии, 6) в усилиях подменить международную дисциплину действия платонической федерацией национальных партий.

„После раскола в Туре такого рода тенденции не могли проявляться с полной силой и расчитывать на широкое влияние в партии. Тем не менее, под могущественным давлением буржуазного общественного мнения, склонные к оппортунизму элементы обнаруживают естественное тяготение друг к другу, пытаются создать свои органы и опорные пункты. Как бы ничтожны ни были их успехи в этом направлении, было бы ошибкой недооценивать опасность их работы для революционного характера и единства партии. Коммунистические организации не могут ни в каком случае служить ареной свободной пропаганды тех самых, по существу, взглядов, которые были причиной откола реформистов-диссидентов от партии рабочего класса. Всякая неясность в этом отношении неизбежно затруднила бы воспитательную революционную работу в массах.

„Пленум Исполнительного Комитета констатирует, что резолюции Марсельского конгресса, проникнутые духом Коммунистического Интернационала, создают крайне важные опорные пункты для революционной деятельности партии в трудящихся массах города и деревни.

„Вместе с тем, пленум Исполнительного Комитета с удовлетворением принимает к сведению заявления французской делегации о том, что „Journal du Peuple“, орган концентрации реформистских и неясных тенденций, как стоящий в полном противоречии с программой Интернационала, с постановлениями Турского и Марсельского конгрессов Французской Коммунистической Партии и с революционной непримиримостью сознательного французского пролетариата, будет в короткий срок поставлен вне партии.

„Исключительное значение Марсельского съезда пленум Исполнительного Комитета видит в том, что он поставил пред партией важнейшую задачу систематической и правиль-

ной работы в профсоюзах, в духе программы и тактики партии. Этим самым дано принципиальное осуждение тенденции тех членов партии, которые, под видом борьбы за автономию профсоюзов, являющуюся, между прочим, неоспоримой, борются на самом деле за автономию своей собственной работы внутри профсоюзов—вне контроля и руководства партии.

„Пленум принимает к сведению заявление французской делегации о том, что Центральный Комитет партии принимает и примет все необходимые меры к тому, чтобы решения партии проводились (в духе строжайшего единства и дисциплины) коммунистами в профсоюзах под общим руководством Центрального Комитета партии.

„Принимая во внимание, что уставы Коммунистического Интернационала и его секций, построенные на началах демократического централизма, дают достаточные гарантии правильного и нормального развития каждой коммунистической партии, пленум считает неправильной подачу в отставку нескольких выбранных Марсельским съездом членов Центрального Комитета, независимо от тех политических мотивов, которыми эта отставка была вызвана. Отказ от порученных партией постов может быть истолкован широкими кругами партии, как заявление о невозможности правильной совместной работы различных оттенков в рамках демократического централизма и может послужить толчком к формированию фракций внутри партии.

„Выражая свою полную уверенность в том, что борьба против указанных выше проявлений анти-коммунистических тенденций будет вестись подавляющим большинством партии и ее руководящих учреждений в целом, и принимая во внимание, что создание фракций неизбежно нанесло бы тягчайший ущерб развитию партии и ее авторитету в пролетариате, пленум Исполнительного Комитета с удовлетворением принимает к сведению заявление французской делегации о готовности Центрального Комитета и подавших в отставку товарищей принять необходимые организационные меры к тому, чтобы воля Марсельского съезда была осуществлена до конца и чтобы подавшие в отставку вошли в состав Центрального Комитета партии для дружной и правильной работы“.

Таков наш проект резолюции. Мы обсуждали вопрос с величайшим вниманием, временами страстно, так как вопросы, разрешавшиеся нами, чрезвычайно существенны. Но обсуждение этого вопроса членами комиссии и французской делегацией всегда было проникнуто желанием достичь единства партии на подлинно коммунистической, револю-

ционной основе. Я считаю себя в праве рекомендовать вам единогласно принять резолюцию, уже принятую комиссией*).

Если хотите внести некоторую поправку, то остается прибавить к нашему тексту одну лишь маленькую фразу:

„Да здравствует французский пролетариат и его коммунистическая партия!“

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ МОРИЗЭ**).

Дорогой товарищ Моризэ!

Сообщение о подготовляемой Вами к печати книге о Советской России меня искренне обрадовало. Вы были в России, как друг. Вы имели возможность осмотреть все, что заслуживало Вашего интереса. Вы служите делу французского и мирового пролетариата, следовательно, Вами может руководить только стремление говорить трудящимся массам правду о первой республике труда. А это самое важное и ценное.

Вы знаете лучше кого-либо другого, как много о нас лгали. Международную капиталистическую и социал-демократическую ложь о Советской России можно разбить на две категории. К первой относятся продукты злобной и небескорыстной фантазии; сообщения о том, как пиршествуют советские сановники, как они арестовывают друг друга, как артиллеристы „национализируют“ женщин буржуазного класса и пр., и пр. Эта ложь внутренне противоречива, однообразна и глупа. Ей верят наиболее отсталые консьержки и некоторые министры. Ко второй категории лжи относятся картины, составленные из кусочков правды. Это ложь более высокого порядка. Ее поприще обширнее, ее источники богаче. Революция — очень суровый процесс, в особенности, в стране, где есть десятки миллионов отсталых крестьянских масс. Если вооружиться фотографическим аппаратом и злой волей, то можно сделать много снимков из жизни нынешней Советской России, которые в совокупности своей доставят большое удовлетворение каждому реакционному буржуа. Революция есть разрушение во имя нового созидания. Понять революцию как в ее возвышенных, так и в ее мрачных чертах может лишь тот, кто берет ее в ее внутренней неизбежности, в борьбе ее живых сил, в логической последовательности ее этапов. Этим я вовсе не хочу сказать, что революция непогрешима. Но для понимания ее

---

*) Резолюция, предложенная т. Троцким, была принята расширенным пленумом единогласно. *Прим. ред.*

**) Настоящее письмо Моризе поместил в качестве предисловия к своей книге, озаглавленной „У Ленина и Троцкого“. *Прим. ред.*

ошибок, как и ее творческих завоеваний, необходим большой исторический масштаб.

Когда мы приступили к созданию армии, значительная группа французских офицеров еще находилась в России; они были свидетелями первых усилий советской республики на военном пути. Они относились к этим усилиям с высочайшим скептицизмом. Не сомневаюсь, что их донесения в Париж заканчивались неизменным выводом: ничего не выйдет. Мелкие буржуа в форме не видели в революции ничего, кроме разрушения, жестокости, беспорядка и хаоса. Все это в революции есть. Но в то же время в революции есть нечто большее: она пробуждает к жизни миллионы отсталых народных масс, она вооружает их большими политическими целями, она раскрывает перед ними новые пути, она пробуждает в них дремлющую энергию. Именно потому она совершает чудеса. Казалось бы, этого не нужно доказывать пред аудиторией народа, который имеет в своем прошлом Великую Революцию.

Много раз за эти последние годы я носился с мыслью изучить английскую печать эпохи Великой Французской Революции, речи тогдашних министров и их политических лакеев, тогдашних Клемансо и тогдашних Эрве—только для того, чтобы сделать голое сопоставление реакционной клеветы правящей Англии конца XVIII века с той клеветой, которую „Temps“ и его подголоски распространяли за эти годы о Советской России. К сожалению, у меня до сих пор не хватило для такой работы времени. Но я заранее не сомневаюсь, что совпадения получились бы, поистине, замечательные. Можно не сомневаться, что радикальные английские современники Робеспьера искали в свое время совершенно законных аналогий с английской революцией XVII столетия; а это опять-таки неизменно должно было вызывать негодующие протесты благочестивых реакционных историков: английская революция, несмотря на свои „излишества“ была-де великим явлением, тогда как французский террор есть просто мятеж невежественной и кровожадной черни... В конце-концов, реакция, даже вооруженная самой злой волей, неизобретательна. Официозная французская клевета против советской революции есть, помимо всего прочего, литературное воровство, жалкий плагиат у литературных поденщиков Питта.

С особенным злорадством Мерргеймы и их патроны ссылаются на наши затруднения в хозяйственной области. Теперь они с ликованием провозгласили на весь мир, что мы вернулись к капитализму. Они слишком торопятся злорадствовать и ликовать. Советская республика социализи-

ровала банки, промышленные предприятия и земли. Для того, чтобы вернуть все это бывшим владельцам, нужно опрокинуть революцию и раздавить ее. Сейчас мы от этого дальше, чем когда бы то ни было. Вы можете это с полной уверенностью сказать французскому пролетариату. Но верно то, что мы изменили методы социалистического строительства. Сохраняя предприятия в руках рабочего государства, мы для проверки их выгодности или невыгодности применяем методы капиталистической калькуляции и рыночного оборота. Руководить всеми предприятиями из единого центра, правильно распределяя между ними необходимые силы и средства по заранее составленному государственному плану, можно будет только на несравненно более высокой стадии социалистического развития. Нынешняя стадия имеет подготовительный характер. Рынок сохраняется. Промышленные предприятия государства в известных пределах ориентируются самостоятельно, продают и покупают, создавая, таким образом, жизненные опоры для будущего единого социалистического хозяйственного плана. Правда, на ряду с этим мы идем на отдачу отдельных предприятий капиталистам на концессионных началах. Хозяйственная отсталость России и ее неисчерпаемые естественные богатства оставляют широкое поле для применения концессионного капитала. Государство сохраняет в своих руках основные, важнейшие предприятия промышленности и транспорта. Мы допускаем, следовательно, соревнование между чисто капиталистическими концессионными предприятиями и однородными предприятиями социалистического государства, при неоспоримом перевесе этих последних. Но весь вопрос в соотношении сил. Реформисты питали в свое время надежду на то, что кооперация постепенно поглотит капитализм. До тех пор, пока власть оставалась в руках буржуазии, охранявшей частную собственность на средства производства, такая надежда являлась чистейшей утопией. По отношению к России мы можем сказать, что до тех пор, пока власть остается в руках рабочего класса и все основные отрасли промышленности сохраняются в руках государства, „незаметное“ и „безболезненное“ восстановление капитализма при помощи концессий немногим более осуществимо, чем социалистическое перерождение капитализма при помощи кооперации. Говорить о возвращении к капитализму нет причин. Мы имеем лишь изменение методов социалистического строительства. Наш опыт и наши выводы на этом пути принесут величайшую пользу рабочему классу всех стран.

Мы многому научились за эти пять лет революции. Но мы ни от чего не отказались. Я не думаю, чтобы капитали-

стический мир, каким он вышел из ада войны и каким он живет перед нами сегодня, давал нам повод для пересмотра наших основных воззрений. Капитализм исторически осужден. Будущее принадлежит коммунизму.

С братским коммунистическим приветом *Л. Троцкий.*

9/3 22 г.

КОММУНИСТЫ И КРЕСТЬЯНСТВО ВО ФРАНЦИИ.

К ДИСКУССИИ О ЕДИНОМ ФРОНТЕ.

Наши разногласия с французскими товарищами по вопросу о едином фронте далеко не исчерпаны. Наоборот, если судить по некоторым статьям французской партийной печати, то получается впечатление, что корень разногласий и недоразумений—по крайней мере, в некоторых кругах партии—глубже, чем может казаться сначала. Мы имеем перед собою статью тов. Рено Жан, напечатанную в качестве передовой в „L'Humanité" (6 апреля 1922 г.). Тов. Жан, один из выдающихся деятелей партии, докладчик по аграрному вопросу на Марсельском конгрессе, выступил с энергией и откровенностью, которые мы можем только приветствовать, против взглядов, которые мы защищали, но которые ему кажутся неправильными. В заголовке статьи он называет тактику единого фронта опасной неловкостью. В тексте он прямо говорит *о катастрофе*, как о неизбежном результате этой тактики во Франции. „Наша страна разъедается в течение трех четвертей столетия всеобщим избирательным правом. Разделение на классы проникло собою только незначительное меньшинство... Республиканско-буржуазная Франция является обетованной землей путаницы (confusion)". Из этих, совершенно правильно установленных фактов, тов. Жан делает вывод, к которому мы целиком присоединяемся: „коммунистическая партия должна быть здесь более непримиримой, чем где бы то ни было". И вот, под углом зрения этой непримиримости, тов. Жан направляет свои удары против единого фронта, который ему по-прежнему кажется ничем иным, как комбинацией межпартийного соглашательства. Мы могли бы сказать—и мы это говорим,—что подобная оценка глубочайшей тактической проблемы свидетельствует о том, что и сам тов. Жан несвободен от последствий чисто-парламентских традиций французского социализма: там, где для нас стоит вопрос о завоевании широких масс, о прорыве буржуазно-соглашатель-

ской блокады вокруг авангарда рабочего класса, тов. Жан упорно не видит ничего иного, кроме „хитрой“ комбинации, которая, в лучшем случае, может дать некоторое увеличение числа мест в парламенте(!!) ценою увеличения смуты и путаницы в политическом сознании пролетариата. Между тем,—и в этом он совершенно прав,—Франция больше, чем какая-либо другая страна, нуждается в ясности, отчетливости и решительности политической мысли и работы партии. Но если тов. Жан считает, что французский коммунизм должен быть самым непримиримым, то почему же—прежде, чем ополчаться против единого фронта,—он не дает себе труда констатировать, что французский коммунизм является сейчас наименее непримиримым, наиболее терпимым, наиболее снисходительным ко всяким уклонам?

На ясность и отчетливость, с которыми тов. Жан формулирует свою критику, мы ответим также со всей необходимой отчетливостью и ясностью. Ни в какой другой коммунистической партии немыслимы были бы статьи, заявления и речи против революционного насилия в духе пресного и сантиментального гуманизма, подобные статьям, которые встречаются во французской партийной печати. Если Рено Жан с полным правом говорит о „гангрене“ буржуазно-демократической идеологии, то ведь наиболее тяжкое последствие ее в рабочем классе состоит в притуплении революционного инстинкта и наступательной воли, в растворении активных тенденций пролетариата в бесформенно-демократических перспективах. Гуманитарная стряпня „лиги прав человека и гражданина“, которая в серьезный час, как известно, ползала на четвереньках перед французским милитаризмом, проповедь морализирующих, толстовствующих политических вегетарианцев и проч. и проч., как бы они ни расходились внешним образом с официальной политикой третьей республики, в конце-концов, как нельзя лучше служат ей, дополняя ее. Бесформенно-пацифистская агитация, прикрытая социалистической фразеологией, есть превосходное орудие буржуазного режима. Искреннему пацифисту это может показаться парадоксом, но это так.

Ни Пуанкарэ, ни Барту пацифистские арии Жоржа Пиок не смутят и не соблазнят. Но в сознании известной части трудящихся такие проповеди находят подготовленную почву. Вражда к буржуазному строю и военному насилию находит в гуманитарных формулах искреннее, но бесплодное выражение и изживает себя, не разрешаясь в действии. В этом и состоит социальная функция пацифизма. С особенной яркостью сказалось это в Америке, где шайка Брайана получила огромное влияние среди фермеров именно под лозун-

гами пацифизма. Социалисты типа Хилквита и другие простаки, воображающие себя величайшими хитрецами, целиком попались в петлю мещанского пацифизма и тем облегчили вступление Америки в войну.

Задачей коммунистической партии является пробуждение в рабочем классе готовности применить насилие, а для этого нужно научить различать реакционное насилие, которое служит для того, чтобы задержать историю на уже пройденном ею этапе, и революционное насилие, творческая миссия которого состоит в том, чтобы очистить исторический путь от препятствий, воздвигнутых прошлым. Кто не хочет различать этих двух видов насилия, тот не различает классов, т.-е. игнорирует живую историю. Кто декламирует против всякого милитаризма, против всех и всяких видов насилия, тот неизбежно поддерживает насилие правящих, ибо оно есть факт утвердившийся, закрепленный государственными законами и проникший в нравы.

Для низвержения его нужно другое насилие, которое, прежде всего, должно отвоевать себе право в сознании самих трудящихся.

Последняя конференция Исполкома Коминтерна *) указала на ряд других явлений во внутренней жизни французской партии, которые свидетельствуют о том, что она ни в коем случае не является самой непримиримой. А между тем, она должна быть такой,—этого требует вся политическая среда. И в одном мы сходимся с тов. Рено Жан: применение методов единого фронта требует полной ясности и отчетливости политического сознания партии, стройности ее организации и законченности дисциплины.

Далее, тов. Жан ссылается на то, что в списке требований, выдвинутых в качестве платформы единого фронта (борьба против налога на заработную плату, защита восьмичасового рабочего дня и проч.), он не находит ни одного требования, которое могло бы непосредственно заинтересовать добрую половину работников Франции, именно крестьян. Что для них восьмичасовой рабочий день? Что для них налог на заработную плату?

Этот довод тов. Жана кажется нам в высокой степени опасным. Вопрос о мелком крестьянстве имеет для французской революции бесспорно огромное значение. Наша французская партия сделала большой шаг вперед, выдвинув аграрную программу и поставив в порядок дня своей работы завоевание крестьянских масс. Но было бы в высшей

---

*) Расширенный пленум Исполкома Коминтерна, происходивший с 22/II по 4/III 1922 г. *Прим. ред.*

степени опасно и прямо-таки гибельно просто-напросто растворять французский пролетариат в „трудящихся“ или в „работниках“, как половину в целом. Мы сейчас не только организационно, но и политически охватили лишь меньшинство французского рабочего класса. Революция станет возможной после того, как мы политически овладеем большинством. Только большинство французского рабочего класса, объединенное под знаменем революции, может увлечь и повести за собой мелкое французское крестьянство. Вопрос о едином рабочем фронте во Франции есть основной вопрос; без разрешения этого вопроса работа в крестьянстве, как бы успешна она ни была, не приблизит нас к революции. Крестьянская пропаганда и хорошая аграрная программа—очень значительный фактор успеха. Но крестьянство реалистично и скептично, оно не верит на слово, особенно во Франции, где его так много обманывали. В серьезную борьбу французский крестьянин—в деревне или в казарме—за программными лозунгами не пойдет. Он серьезно рискнет собою только в том случае, если увидит условия, обеспечивающие или, по крайней мере, делающие чрезвычайно вероятным успех. Ему нужно увидеть перед собою силу, внушающую ему доверие своей массовидностью и дисциплинированностью. Расколотый по политической и профессиональной линиям рабочий класс такой силой в глазах крестьянства представиться не может. Предпосылкой победоносной революции во Франции является привлечение известной, возможно широкой, части крестьянства на сторону рабочего класса. Но предпосылкой такого привлечения остается объединение подавляющего большинства французского рабочего класса под знаменем революции. Это есть основная задача. Надо овладеть рабочими, которые идут сегодня с Жуо и Лонгэ. Не говорите, что их мало. Разумеется, число активных сторонников Лонгэ, Блюма и Жуо, самоотверженных, т.-е. таких, которые готовы были бы за их программы позакладывать головы,—ничтожно. Но пассивных, темных, инертных, ленивых мыслью и телом,—еще очень много. Они стоят в стороне, но, если события затронут их, они, в нынешнем своем состоянии, встанут скорее под знаменем Жуо-Лонгэ, чем под нашим. Ибо Жуо-Лонгэ и отражают и эксплоатируют пассивность, темноту и отсталость рабочего класса.

Если тов. Жан, руководитель крестьянской работы партии, непропорционально распределяет свое внимание между пролетариатом и крестьянством, то это досадно, но объяснимо, и не так уже опасно, ибо партия в целом его поправит. Но, если бы на точку зрения тов. Жан стала партия,

относясь к пролетариату просто, как к „половине“ трудящихся, это грозило бы поистине роковыми последствиями, ибо растворило бы революционно-классовый характер партии в бесформенной партии трудящихся. Эта опасность еще ярче вырисовывается, когда следишь за ходом мысли тов. Жан в дальнейшем. Он прямо отказывается от таких задач борьбы, которые не охватывают всех трудящихся, или, как он выражается: „не заключают в себе требований, общих обеим большим частям пролетариата!“. Здесь под „пролетариатом“ надлежит разуметь не только пролетариат, но и крестьянство. Опаснейшее злоупотребление терминологией, политически ведущее к тому, что тов. Жан пытается требования пролетариата (сохранение восьмичасового рабочего дня, отстаивание заработной платы и проч.) поставить под контроль крестьянства!

Крестьянин есть мелкий буржуа, который в большей или меньшей степени может приблизиться к пролетариату и который в известных условиях может быть более или менее прочно завоеван пролетариатом для дела революции. Но отождествлять аграрную мелкую буржуазию с пролетариатом и урезывать требования пролетариата под углом зрения мелкого крестьянства, — значит отказываться от действительной классовой базы партии и сеять ту самую смуту (confusion), для которой в крестьянско-парламентской Франции чрезвычайно благодарная почва.

Если, как мы слышали, восьмичасовой рабочий день не может стать во Франции лозунгом единого фронта, ибо это требование „не интересует“ крестьянина, то борьба с милитаризмом является, с точки зрения Жана, подлинной революционной программой для Франции. Не может быть никакого сомнения в том, что мелкий французский крестьянин, обманутый войной, с ненавистью относится к милитаризму и сочувственно откликается на антимилитаристские речи. Само собой разумеется, что мы должны беспощадно разоблачать капиталистический милитаризм, как в городе, так и в деревне. Урок войны должен быть использован до конца. Было бы, однако, для партии крайне рискованным обманываться насчет того, в какой мере крестьянский антимилитаризм может получить *самостоятельное* революционное значение. Крестьянин не хочет отдавать своего сына в казарму; крестьянин не хочет платить налога на содержание армии; он искренно аплодирует оратору, который говорит против милитаризма (и даже против „всех милитаризмов“). Крестьянская оппозиция по отношению к армии имеет, однако, не революционную, а бойкотистско-пацифистскую подкладку. Fichez-moi la paix

(оставьте меня в покое) — вот его программа! Это настроение может создать благоприятную атмосферу для революции, но оно не может создать самой революции и обеспечить ее успех.

Сантиментальный пацифизм в духе Пиок и является выражением крестьянского, а не пролетарского отношения к государству и милитаризму. Организованный и сознательный пролетариат, находясь пред вооруженным до зубов государством, ставит пред собою вопрос о том, как ему, пролетариату, организоваться и вооружиться для низвержения и разрушения буржуазного насилия путем своей диктатуры. Изолированный крестьянин так далеко не идет: он просто против милитаризма, он ненавидит его, он готов повернуться к нему спиной — fichez moi la paix! — оставьте меня в покое со всеми вашими милитаризмами! Такова психология недовольного, оппозиционного крестьянина, интеллигента или городского мелкого буржуа. Было бы бессмысленным не использовать этих настроений в среде наших возможных мелко-буржуазных и полу-пролетарских союзников, но было бы преступно переносить эти настроения в пролетариат и в нашу собственную партию.

Социал-патриоты затруднили себе доступ к крестьянину своим патриотизмом. Мы должны всячески использовать это преимущество. Но это ни в коем случае не дает нам права отодвинуть на второй план классовые пролетарские требования—даже, если мы рискуем вызвать временные недоразумения с нашими друзьями-крестьянами. Мелкое крестьянство должно пойти за таким пролетариатом, каков он есть. Переделываться под крестьянство пролетариат не может. Если бы коммунистическая партия в обход жизненных классовых требований пролетариата пошла по линии наименьшего сопротивления, выдвигая на первое место пацифистский антимилитаризм, она рисковала бы обмануть и крестьян, и рабочих, и себя.

Во Франции, как и везде, нам нужно, прежде всего, единство фронта в самом пролетариате, французское крестьянство не превратится в пролетариат от того, что тов. Жан позволит себе злоупотребление социальной терминологией. Но самая потребность в таком злоупотреблении— опасный симптом такой политики, которая может посеять только величайшую смуту. А французский коммунизм больше, чем всякий другой, нуждается в ясности, отчетливости и непримиримости. В этом мы, во всяком случае, согласны с нашим французским оппонентом.

29 апреля 1922 г.

ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Ф. К. П.

I.

Дорогие товарищи!

Исполком Коминтерна со все растущей тревогой следит за развитием внутреннего положения Французской Коммунистической Партии и ее политики в рабочих массах.

Тот факт, что численный рост партии временно приостановился, и партия даже потеряла известное количество членов, сам по себе не мог бы еще давать места тревожным заключениям.

Период формирования партии был периодом революционного брожения после войны, периодом надежд на быстрое развитие великих революционных событий. Когда же оказалось, что движение приняло более медленный темп, когда менее сознательные элементы из массы, т.-е. большинство ее, увидев, что образование коммунистической партии не означает еще никакой коренной перемены в общественном строе, интерес к коммунистической партии неизбежно ослабел, и определенная часть рабочих и нерабочих элементов, которых толкнул в сторону партии вздымающийся вал, начала отходить от нее.

Это замедление, обусловленное логикой событий, могло бы и должно было бы содействовать очищению, консолидированию и упрочению принципов и организаций партии, однако, лишь в том случае, если бы ядро партии, в первую голову, ее Центральный Комитет проводили определенную и стойкую политику. Но Исполком не видит, чтобы подобная политика проводилась. Партия не становится ни более сплоченной, ни более однородной на базисе своей революционной программы. Напротив, в ней теперь больше неопределенности, чем когда-либо. Ослабление революционной сосредоточенности внутри партии ведет за собою усиление давления извне, т.-е. давления со стороны буржуазного общественного мнения. Правые, т.-е. некоммунистические, оппортунистические элементы партии, фактически немногочисленные и идейно слабые, приобретают в этих условиях все растущее влияние, так как через них производит буржуазное общественное мнение свое давление на партию, которая лишена необходимого единства и стойкости для сопротивления внешним влияниям.

Это тревожное положение в партии ярко сказалось в истории с Фабром и его газетой. Для каждого коммуниста ясно, что газета Фабра безусловно чужда и враждебна духу Коммунистического Интернационала. Более того, эта газе-

та есть не что иное, как частное предприятие лица, присвоившего себе звание члена коммунистической партии. В цитадель нашей партии, со всех сторон осажденной буржуазией, да еще столь ожесточенной и зловредной, как победоносная французская буржуазия, открыта для врагов дверь, через которую свободно проникают шпионы и элементы, отравляющие и деморализующие ряды партии.

Как неоднократно показал опыт, газеты такого рода очень легко находят доступ—прямым или косвенным путем—к партийной и профсоюзной бюрократии. Яд действует невидимо со дня на день, тем паче, что прикрывается знаменем партии. А в решительный момент столкновения окажется, что сознание и воля значительного большинства партийных организаций, а именно, кадры партии, отравлены и парализованы ядом мелко-буржуазного скептицизма. Партийная масса, равно как весь рабочий класс, окажется пред лицом великих событий обессиленной и как бы обезглавленной. Если не обратить своевременно должного внимания на этот процесс, это может оказаться роковым для революционной партии в подготовительный период.

По этим соображениям, расширенный пленум Исполкома Коминтерна два месяца тому назад решительно заявил, что вопрос о „Journal du Peuple", совершенно независимо от личности ее редактора, является одним из самых опасных отрицательных моментов в жизни партии. А в настоящий момент мы с растущей тревогой констатируем, что, несмотря на единодушное предостережение Интернационала по этому поводу, руководящие органы партии все еще не сумели понять эту опасность и не прибегли к решительным средствам для того, чтобы каленым железом выжечь эту рану. Вместо того, чтобы беспощадно атаковать „Journal du Peuple" партийная пресса только отмалчивается. Вместо того, чтобы поставить вопрос об этой газете во всем его политическом значении, что сделало бы возможным покончить с ней в 24 часа, в виду ее полной политической ясности, Центральный Комитет партии, идя совершенно в разрез с постановлениями расширенного пленума и с обязательством, принятым на себя французской делегацией, свел весь вопрос к процедуре чисто формальной анкеты и таким образом не дал партии уяснить себе положение дела и требования Интернационала. Чтобы указать авангарду французского пролетариата на грозящую ему опасность, Исполком вынужден был прибегнуть сначала к предостережению, затем—к призванию к порядку и, наконец, воспользоваться параграфом 9-м устава Интернационала и исключить Фабра и его газету из партии, подчеркивая все политическое значение этого шага.

II.

В то время, как правое крыло, использовывая хроническую нерешительность партийных центров, приобретает в жизни французской партии несоразмерное значение, мы не видим, чтобы эти партийные центры сосредоточивали свое внимание на их основной задаче: политическом завоевании рабочих масс, организованных в профсоюзы или держащихся еще в стороне от них. Мы видим, что под предлогом сохранения хороших отношений с синдикатами или синдикалистами, партия систематически уступает им во всех основных вопросах и, таким образом, сдает позиции и очищает место для самых антикоммунистических элементов синдикализма и анархизма. Мы видим, что члены партии продолжают вести в профсоюзном движении дерзкую и провоцирующую пропаганду против Коммунистического Интернационала. Пользуясь теоретической слабостью синдикализма, они ведут в нем личную и сектантскую политику, проводят безответственный, бесконтрольный, беспрограммный, олигархический режим. Партия капитулирует пред каждой атакой этих политических противников, которые пользуются знаменем коммунизма, чтобы привести синдикалистское движение к неизбежному развалу и разложению. Продолжать игнорировать эту основную опасность—значило бы допустить на долгие годы разрушительную работу против французского коммунизма.

Если партия не поймет, что синдикалистское движение не в состоянии разрешить своих главных задач без помощи коммунизма, без руководства и воздействия партии на коммунистических членов синдикатов, то партии неизбежно придется уступить место в рабочем классе и, прежде всего, в синдикатах анархистским смутьянам и искателям приключений. Это влияние партии на синдикаты может быть добыто только в открытой идейной борьбе против анархистских смутьянов, олигархических клик и авантюристов. Партия должна перейти в наступление по всей линии: она должна разоблачать и критиковать всякую путаницу и путаников, взяв под свой контроль коммунистов в синдикатах, воспитывая их в духе строжайшей дисциплины и безжалостно изгоняя из своих рядов всех тех, кто под предлогом автономии осмелится продолжать свою разлагающую работу в синдикалистском движении.

Само собою разумеется, что при выполнении этой задачи партия не должна прибегать к таким формам агитации и пропаганды, которые могут оттолкнуть от нее синдикалистов, развивающихся в революционном духе, и, тем бо-

лее, широкие массы организованных в синдикаты рабочих, еще неосвободившихся от своих политических предрассудков. Но совершенно другое дело занять выжидательную позицию по отношению к этим элементам, воспитывая их, и другое дело—пассивно капитулировать пред анархистами, которые использовывают эти элементы в своих целях. Во всяком случае необходимым условием для успеха на этом пути является твердое желание добиться этого успеха. Для этого партия должна осуществлять самый строгий контроль со всеми его последствиями: исключать тех мнимых коммунистов, которые позволят себе отныне не подчиняться постановлениям Интернационала, а тем паче, действовать в совершенно противоположном направлении. В этом отношении Исполком ожидает со стороны Центрального Комитета твердых и решительных шагов, которые дадут Интернационалу действительную гарантию, что его постановления осуществляются на деле, гарантию, освобождающую Исполком от необходимости снова вмешиваться непосредственно в организационные задачи и вопросы, решение которых должно было бы быть делом Центрального Комитета нашей французской секции.

С другой стороны, Исполком констатирует, что выжидательная тактика уклончивости и колебаний в вопросах жизни и смерти для партии уже достаточно испытана и привела лишь к отрицательным результатам. Поэтому Исполком не допустит более никакой отсрочки в этой области.

III.

В вопросе о едином фронте мы видим ту же пассивную и нерешительную тенденцию, однако, на сей раз замаскированную словесной непримиримостью. С первого же взгляда бросается в глаза следующий парадокс: правые элементы партии с их центристскими и пацифистскими тенденциями, поддерживающие прямо или косвенно „Journal du Peuple“, в то же время выступают самыми непримиримыми противниками единого фронта, прикрываясь знаменем революционной непреклонности. Напротив, элементы, которые вплоть до Турского конгресса в самые трудные моменты стояли всецело на почве III Интернационала, теперь выступают за тактику единого фронта.

На самом деле под маской псевдо-революционной непримиримости выступают теперь сторонники выжидательной пассивной тактики. Они не понимают того, что в настоящее время, когда рабочий класс разделен на различные лагери,

мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы рабочие пополняли собой ряды диссидентского, реформистского, анархистского и других лагерей. Нам нужна политическая наступательная инициатива, которая расстроит ряды наших консервативных противников; последние держатся в рабочем движении только благодаря недостатку с нашей стороны инициативы в области пропаганды. Те же самые черты нерешительности и пассивности, из-за которых мы понесли большие потери в синдикалистском движении, обнаружились в последние месяцы в вопросе о едином фронте: он был совершенно ложно истолкован и представлен в органах нашей французской партии.

Более того, хотя вопрос этот серьезно обсуждался в течение нескольких недель и привел в результате к принятию этой тактики подавляющим большинством Коминтерна в расширенном пленуме Исполкома, мы видим, однако, что руководящий центр и органы французской партии следуют тактике, совершенно несовместимой с духом и уставом Коммунистического Интернационала. Заявления о „подчинении дисциплине" служат как бы только для того, чтобы еще более открыто и систематически нарушать эту дисциплину. Несмотря на принятые определенные постановления, органы партии, как „L'Humanité" и „Internationale" ведут в своих официальных статьях, т.-е. от имени партии, непримиримую кампанию против единого фронта. Так как вопрос в национальном и интернациональном масштабе перешел из стадии обсуждения в стадию действия, полемические статьи французской коммунистической печати все время доставляют лишь материал нашим врагам, это уже не дискуссия, а саботаж дела.

Исполком видит в этих фактах худший пережиток духа II Интернационала; в этом последнем решения международных конгрессов имеют лишь чисто декоративное значение и нисколько не стесняют тактики отдельных национальных секций, которые ставят свои „национальные" соображения выше интересов революции и задач Интернационала. Продолжение подобных недопустимых нарушений дисциплины в интернациональном действии неизбежно должно будет вызвать со стороны Интернационала, как целого, а также со стороны его национальных секций, решительный отпор, которые будут вынуждены призвать французскую секцию к порядку и дисциплине.

Исполком считает, что согласно духу и уставу III интернационала, Центральный Комитет французской партии обязан обеспечить руководящим органам партии такой состав и такую форму, при которых они станут органами для разъ-

яснения, защиты и осуществления резолюций Коминтерна, а не для борьбы против него. Исполком ожидает в этом отношении вполне ясных и точных гарантий на будущее.

IV.

Нельзя не отметить той двусмысленности, которая имеется в отношениях между Центральным Комитетом французской партии и Исполкомом Коминтерна. Не только по тому единственному вопросу, по которому французская делегация на 3-м конгрессе и на расширенном пленуме Исполкома голосовала против, но и все постановления, принятые в полном согласии со всеми французскими делегатами, представлены в таком виде, будто они продиктованы, навязаны партии извне и осуществляются ею лишь с чисто формальной стороны. Так, например, все члены французской делегации в полном единодушии с расширенным пленумом согласились, что необходимо восстановить мандаты тех товарищей из Центрального Комитета, которые подали в отставку на Марсельском конгрессе. Это решение преследовало в высшей степени важную политическую цель: добиться полного единодушия в работе Центрального Комитета, а также всей партии. Цель эта может быть достигнута лишь в том случае, если объяснили партии, что речь идет не о каких-либо личных комбинациях и честолюбии того или другого, а о создании организационных предпосылок для полного единодушия в работе. Политическое значение этого вопроса требовало ясного и точного освещения его в передовых статьях партийной прессы и на национальном совете партии. Ничего подобного не было сделано. Все свелось к чистой формальности голосования, подготовленного за кулисами, т.-е. за спиной партии, без всяких объясняющих статей и речей. Если кто-либо задался целью добиться результатов, диаметрально противоположных тем, которые преследовал расширенный пленум Исполкома, он не поступил бы иначе, чем это сделал в данном случае Центральный Комитет.

Совершенно ясно, что этот подход к делу должен обязательно вызвать и усилить в разнородной массе французской партии впечатление, будто Интернационал или „Москва" предъявляют *непонятные* и немотивированные ультиматумы политического и организационного характера, которым Центральный Комитет французской партии подчиняется из соображений дисциплины, в то же время искусно давая понять партийным массам свое отрицательное отношение к предложениям Интернационала. Таким образом, создается

атмосфера, в которой отлично преуспевают интриганы и политики, группирующиеся вокруг „Journal du Peuple“.

V.

Наконец, интересно проследить историю отношений между Исполкомом и Центральным Комитетом: она выяснит нам, что недоразумения и ошибки никогда не исходили со стороны Исполкома.

К 3-му Всемирному конгрессу французская партия послала в Москву делегацию из 11 членов, представлявшую все различные оттенки, которые имелись в то время в партии. Эта делегация приняла широкое участие в работах конгресса и Исполкома. Постановления, принятые Исполкомом по отношению к французской партии, были обсуждаемы и единогласно принимаемы французской делегацией, в частности, то постановление, в котором Исполком предлагал французской партии установить контроль над партийной печатью, существующий во всех других коммунистических партиях.

К удивлению Исполкома, Центральный Комитет долгое время игнорировал это постановление, и зло, на которое указывал Исполком, продолжало существовать и все усиливаться во французской партии. Поэтому Исполком настоял на принятии принципа контроля за партийной печатью; этот принцип был, наконец, через шесть месяцев принят, но в действительности ничего не было сделано для его проведения в жизнь.

После 3-го конгресса Исполком обращался к Центральному Комитету с различными предложениями относительно французского коммунистического движения. Кроме того, т.т. Зиновьев и Троцкий обращались письменно к самым ответственным членам французской партии с целью облегчить путем такого рода дружественной переписки взаимное понимание и братское сотрудничество.

Движимый тем же духом, Исполком неоднократно приглашал т.т. Фроссара и Кашена приехать в Москву для того, чтобы обсудить с ними непосредственно наиболее важные вопросы коммунистического движения во Франции. Не желая упустить какую-либо возможность для установления сердечных отношений с руководителями французской партии и не получив благоприятного ответа на свои приглашения, Исполком послал в Париж делегата для ознакомления с положением и для изложения Центральному Комитету партии точки зрения Интернационала.

К концу прошлого года Исполком добился посылки другого товарища в Москву и был таким образом осведомлен о том, как Центральный Комитет желал бы установить свои отношения с Интернационалом. Он ответил резолюцией, которая, в свою очередь, требовала ответа от Центрального Комитета. Этот ответ не был дан.

Исполком использовал случай, когда был созван Марсельский конгресс, чтобы послать французской партии открытое письмо, в котором, между прочими комментариями к положению дел во французской партии в дружественном и откровенном тоне, как это принято в международных отношениях коммунистов, высказывались некоторые критические соображения. Это письмо тоже требовало точного ответа по вопросам о дисциплине и контроле над партийными газетами. К сожалению, Исполком не получил ответа ни на это письмо, ни на другое, более подробное письмо, адресованное Центральному Комитету.

Напомним также, что ко времени Марсельского конгресса Исполком послал в Центральный Комитет второго делегата, пребывание во Франции которого должно было уладить все разногласия и облегчить установление регулярных сношений на будущее.

После Марсельского конгресса Исполком, в целях уяснения и точного установления своих отношений с французской партией, расчитывал на приезд в Москву тов. Фроссара, согласно решению, принятому в октябре месяце Центральным Комитетом. Исполком настойчиво приглашал секретаря партии приехать, имея в виду чрезвычайную важность тех вопросов, которые необходимо разрешить. Он считал и продолжает считать, что такого рода непосредственный обмен мнений на месте был бы самым целесообразным средством для упрочения связи между Интернационалом и французской секцией.

Центральный Комитет ни разу не представлял Исполкому возражений политического характера, за исключением вопроса о едином фронте. В тех случаях, когда постановления расширенного Исполкома проводились в жизнь, то, как мы это видели в вопросе об обратном вступлении в Центральный Комитет подавших в отставку товарищей, это происходило в такой чисто пассивной форме, что, казалось, лишь подчеркивало враждебное отношение к сути принятого по этому вопросу решения.

Исполком полагает, что на будущее безусловно невозможно сохранить подобного рода отношения. Он предлагает Центральному Комитету французской секции Интер-

национала отдать себе точный отчет в том, какие — не высказанные до сих пор—мотивы лежат в основе такого поведения, а также в тех тяжелых последствиях, к которым оно обязательно должно повести, если уклончивая тактика, практикуемая ныне в отношениях между Парижем и Москвой, не будет заменена откровенной и дружественной революционной искренностью.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

Москва, 12 мая 1922 г.

КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ *).

Нашей комиссии была поручена выработка трех документов: резолюции по делу Фабра, декларация по тому же вопросу, т. е. по вопросу об исключении Фабра, его газеты и всех тех, кто станет его поддерживать, и объяснительного письма в Центральный Комитет—конфиденциального характера,—для уточнения всех вопросов, вызывающих разногласия в Центральном Комитете французской партии и в Коммунистическом Интернационале.

Состав нашей комиссии вам известен. Французская партия в ней была представлена тремя товарищами, даже четырьмя (Дорио присутствовал в ней не только в качестве секретаря, но и участвовал в ее работах), которые держались не одинакового мнения, представляя различные течения, существующие во французской партии.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ФАБРА.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ.

Нам возражали, говоря, что история с Фабром не столь существенна, чтобы из-за него стрелять из „тяжелой артиллерии". Я должен здесь заметить, что это возражение делал Раппопорт, которого, к сожалению, не удалось привлечь к участию в нашем заседании: его отвлекали другие дела, не могу сказать более важные, так как в настоящее время—можно сказать не преувеличивая—во всей мировой истории нет вопроса более существенного, чем вопрос о нашей французской партии. Тов. Раппопорт утверждал, что

*) Речь тов. Троцкого на заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна 19 мая 1922 г. *Прим. ред.*

выдвигание личности и дела Фабра, на первый план совершенно не соответствует действительному соотношению сил во французской партии. Но комиссия осталась верна возложенному на нее поручению, считая, что вопрос имеет крупнейшее значение, и все происшедшее во французской партии за время, протекшее с последнего заседания Исполкома, доказывает, что мы метко попали, ударяя по Фабру и его группе.

Газета Фабра—это место встречи тех элементов, которые парализуют, подкапывают, разлагают французскую компартию. Да, это дом свиданий для элементов, враждебных коммунизму и лишь прикрывающихся его знаменем. Это нетерпимо.

Там вы найдете статьи некоего Вердье, вчерашнего члена нашей партии, уход которого не вызвал переполоха, так как он никому известен не был вне своего маленького кружка. Но партия его не изгнала. Человек этот пишет в газете Фабра статьи, где говорит, например, что Коминтерн умер от плохой жизни и делает намеки на кой-какие методы лечения секретных болезней и т. д. Этот Вердье до сих пор был официальным представителем партии в профсоюзах, он выступал там, как коммунист: его терпели, ему покровительствовал Центральный Комитет в своей официальной политике.

Вы там найдете и статьи Бенара и иных представителей мелкой буржуазии, анархиствующих, синдикалиствующих; тон их враждебный, напоминающий собою нашу полемику, например, с эсэрами и меньшевиками.

ТАИНСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Даже после Пленума Исполкома там продолжает писать более вежливый и более умеренный товарищ, но не вышедший ни из партии, ни из Центрального Комитета: это Верфей, который пишет частенько и толкует постановления Интернационала в газете Фабра, относительно которого, однако, Коминтерном вынесено, с согласия французской делегации, принципиальное решение об исключении. И после этого член Центрального Комитета, Верфей, пишет, например, в этой газете, что восстановление в качестве членов Центрального Комитета четырех вышедших из него товарищей является воистину вредным решением, принятым лишь во имя удовлетворения честолюбия нескольких лиц. Эти люди изображают дело так—поставим точку над i—что тов. Суварин является якобы (как я это уже отметил в комиссии) во всем этом апокалиптическим феноменом, обладающим непреодолимой таинственной силой и царящим надо

всеми нами, над Исполкомом; он де нас обманывает и заставляет служить его личным целям. Вот какое представление стараются создать во Франции; не упоминая имени, они вечно повторяют: небезызвестная личность, всем известное лицо и т.д.

Так изображается дело в газете Фабра. А в то же время ни на страницах „L'Humanité", ни на страницах, „Internationale", вы не найдете ни подлинного объяснения фактов, ни того, чтобы Верфей был призван к порядку (ведь призвать то к порядку, по крайней мере, необходимо!) Ничего там об этом не говорится, потому что товарищ Даниэль Рену, несмотря на взятое им на себя здесь обязательство, тратит свою энергию на другое. Он полемизирует с Коминтерном по поводу единого фронта, и у него не остается досуга для разъяснения французским рабочим наиболее существенных для партии вопросов.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ТОЧКА.

Я располагаю довольно обильным фактическим материалом, характеризующим газету Фабра в последний период. В одном из писем Кашен сообщает, что Фабр защищает эсэров, с которыми, как вы знаете, мы уже спорим теперь не из-за принципов и теорий, а при помощи ружей и пушек. Итак, Фабр стал в этом конфликте на сторону эсэров, а нам еще говорят: вы стреляете из пушек по воробьям. Конечно, Фабр, как личность, такого внимания не заслуживает, но я думаю, что здесь никто и не преувеличивает его значения. Мы наметили математическую точку, где скрещиваются явно враждебные коммунизму течения. Да, это—точка математическая.

Фабру все равно, кого использовать: Верфея ли, этого реформиста в духе 2-го Интернационала, анархиствующего ли Вердье, или кого-либо третьяго с крайней левой, или Мерика, охарактеризовать которого политически я затрудняюсь, но который, скорее всего, иронизирует в политике. Для Фабра все это одинаково. Цель его—борьба, подкоп, разложение коммунистической партии. Это—агент буржуазии внутри партии.

Нанося удар ему, мы этим самым ударили по всем тем элементам, которые стремятся к этой коалиции враждебных партии сил, и все они, как эхо, откликнулись: „мы здесь".

В нашей резолюции говорится, что исключение Фабра—это лишь начало, и что все элементы, оказывающие ему поддержку, тоже будут исключены, если подадут признаки жизни. Они их подают. Тот же удар постигнет и их.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ВЗЯТОЕ НА СЕБЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ.

Вам известно, что французская делегация взяла на себя обязательство большой политической важности. Все поняли это обязательство в том смысле, что отдают себе отчет в том, что вышеупомянутые элементы терпелись слишком долго, что пора положить конец вредной политике блока центра с правой, связанной с Фабром и поэтому полагали, что в будущем будет лишь блок центра партии (я не говорю центристского течения) с левой, и что он будет выявлять физиономию партии.

Вот какого результата ждали; дело вовсе не в том, чтобы соблюсти формальности и юридические тонкости, чтобы не сказать двусмысленности, и формально передать вопрос в контрольную комиссию. Конечно, такая комиссия необходима там, где дело касается морали, неподчинения дисциплине и т. д., но когда речь идет о том, чтобы выкинуть из партии элементы, которые воюют с партией, то с такими элементами надо воевать и воевать до конца. Надо в печати освещать основные принципы. Ничего подобного не делается. Единственное освещение—вы найдете в газете Фабра: все объясняется там личными мотивами или московскими „указами".

Кроме резолюции об исключении, имеется еще декларация, составленная французскими товарищами, и в первую очередь тов. Селье; она принята комиссией единогласно. И наконец—есть письмо.

Оно не подлежит опубликованию. Это попытка,—я бы сказал, последняя попытка—столковаться с Центральным Комитетом партии, понять друг друга, наметить путь и ответственность за него.

СТАТЬЯ РЕНУ.

Товарищи, вот статья Даниэля Рену, с которым мы совершенно дружно работали на пленарной сессии Исполкома; статья эта озаглавлена: „*Против разоружения революции*", это значит, против единого фронта. Даниэль Рену в данный момент не видит для себя во Франции и во французской партии иной работы, кроме оппозиции Коминтерну и мнимому „разоружению" революции. Итак, он против „разоружения революции", которое якобы проповедует Коминтерн!

В этой статье говорится: „Едва закончил свою работу национальный совет нашей партии, как вновь разгорается во всю полемика за и против единого фронта. Нам жаловаться не приходится; нарыв должен лопнуть; это дело дол-

жно быть в корне ликвидировано". Бухарину иногда ставят в упрек резкие выражения. Но ведь это не Бухарин, ведь это не я сказал: „нарыв должен лопнуть". Но мы тоже не жалуемся, и, с своей стороны, я полагаю, что Коминтерн может подхватить это выражение, его можно предпослать в качестве эпиграфа нашей дискуссии.

Бухарин с места: Очень хорошо!

Троцкий: Необходимо, чтобы нарыв лопнул! Недопустимо, чтоб Даниэль Рену цитировал или позволял Виктору Мерику цитировать на страницах возглавляемого им „Internationale" самые недопустимые вещи, помещаемые в „Journal du Peuple", поставленном нами вне партии. Он цитирует их сочувственно, т.-е он дает цитировать их Виктору Мерику. И в то же время тот же редактор „Internationale" говорит: „имеется нарыв,—это наши идеи и наша тактика единого фронта,—он должен лопнуть". И вот он вооружается ланцетом, чтобы его вскрыть.

Полагаю, что мы в свою очередь не должны препятствовать доведению борьбы до конца, и что момент для этого настал.

Что касается наших взаимоотношений с французской партией (я говорю о нашем письме в Центральный Комитет), то тут надо различать формальную, юридическую сторону и существо дела.

ТЕЧЕНИЕ ЦЕНТРА.

Как я уже раньше отметил, существо дела в том, что в Центральном Комитете имеются три течения. Они не слишком ярко очерчены, не вполне еще выявлены; особенно течение центра, который зачастую предпочитает отсутствовать, примером чему нынешнее отсутствие тов. Раппопорта (смех)... примыкающего к этому течению.

Бухарин, Зиновьев (с мест): Очень хорошо сказано!

Троцкий: Чего же мы хотим? Мы хотим братского дружеского союза центра, необходимого для рабочего движения Франции, центра, представленного т.т. Фроссаром, Кашеном,—если говорить о лицах,—и левой в составе элементов, возглавлявших комитет III Интернационала во Франции. Вот наиболее существенные течения.

Мы хотим сотрудничества течения Фроссара и Кашэна, представляющего в данный момент большинство партии, с левым течением, более определенным, более выявленным, мы желаем подлинной органической связи их, и если хотите, химической. Вот здоровая эволюция партии, без крупных потрясений, без крупных расколов. Если за Фабром уйдут

даже некоторые элементы, мы можем себя только поздравить. Вот и все! Основное ядро партии останется здравым и невредимым.

Такова была наша цель, которой мы всегда стремились достичь, посредством наших переговоров с французской делегацией, посредством писем Центральному Комитету и резолюций наших конгрессов и последнего пленума.

ПОЧЕМУ ОБРАЗОВАЛАСЬ ЛЕВАЯ.

Результаты всегда были одинаковы: нам всегда удавалось притти к формальному соглашению. Резолюции выносились почти всегда единогласно; единственным исключением была резолюция о едином фронте. Только правое крыло на страницах „Journal du Peuple" и даже „Internationale" и даже „l'Humanité" в запальчивости стремится истолковывать эти резолюции против нас. Мы всегда сначала надеемся и ждем, а затем разочаровываемся. Мы не получаем ни объяснений, ни ответа от центра. А затем с опозданием выплывает левое крыло, вызванное к жизни сложившимися обстоятельствами. Впечатление таково, точно в коммунистической партии воскресают фракции.

Как вам известно, мы порицали, правда, дружески, но все же порицали выход четырех товарищей из Центрального Комитета. От имени Интернационала мы провозгласили: долой фракции во французской компартии! Мы хотим, чтоб заговорила партия, мы хотим знать ее волю, а партия это—в нашем представлении—центр и левая, объединенные вместе. Естественно, что если диктуемый исторической необходимостью и интересами пролетариата блок не осуществляется, (виною тому, по нашему мнению, отсутствие воли, недостаток доброй воли центра партии)—это дает повод к возрождению левой фракции. Вот опасность, грозящая теперь будущему французской компартии.

ПАРТИЯ И ПРОФСОЮЗЫ.

Вопрос профессионального движения—наиболее важный.

В полном согласии с французскими товарищами мы сказали: профсоюзный вопрос—вопрос рабочего класса. Вопрос о взаимоотношениях между коммунистической партией и профсоюзами—это вопрос французской революции.

Что же мы видим?

Мы видим, что тактика остается прежней; Фроссар пропровозглашает ее теперь в качестве доктрины. Марсельский съезд в вынесенной резолюции пообещал—можно сказать, что лишь пообещал—возвестить новую эру, новый этап в

политике нашей французской партии по отношению к профсоюзам. Он сказал, хотя и мягко, черезчур даже мягко: коммунисты не могут действовать в профсоюзах автономно. Автономия профсоюзов, конечно, признается, но не автономия коммунистов в профсоюзах.

На последней сессии пленума в Москве мы формулировали это положение еще более точно, чем Марсельский съезд; к нашей формулировке полностью присоединились тогда и французские товарищи.

Эти последние сказали: „Обождите маленько, теперь мы пойдем этим путем более решительно".

А мы видим противоположное.

Во Всеобщей Конфедерации Труда коммунисты работают вместе с синдикалистами; последние, а особенно либертеры, были не то чтобы мужественнее, но независимее и крикливее, чем наши товарищи, которые вели себя всегда крайне сдержано. И все же наличие коммунистов в профсоюзах было заметно.

С тех пор, как раскол стал совершившимся фактом, и налицо две всеобщие конфедерации труда,—компартии совсем не видно в профессиональном движении. Остались лишь анархиствующие синдикалисты, да чистые анархисты, заявляющие, что профессиональное движение не имеет ничего общего с партией, что Коминтерн до конца скомпрометирован, что он жил и умер от болезни, о которой говорит Вердье, и что достаточно одного революционного синдикализма. С другой стороны, мы видим, что Даниэль Рену и Фроссар приемлют это течение и санкционируют его.

СТИРАНИЕ ПАРТИИ.

В номере „l'Humanité" от 13 апреля Рену, например, говорит, что в деле организации первомайской демонстрации, партия всецело предоставляет инициативу Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда и „безоговорочно" окажет ей поддержку.

Итак, в момент, когда надлежит выявить перед лицом французского рабочего класса свою коммунистическую физиономию, поднять свое знамя, провозгласить свои лозунги, говорят: „наша задача, как коммунистов,—оказать безоговорочное содействие революционным синдикалистам", т.-е. анархистам, так как поскольку мы действуем осторожно или „безоговорочно", как говорит Рену, анархисты становятся все более заносчивыми. Ко всему этому Фроссар прибавляет: „но ведь это не что иное, как традиция Жореса, мы лишь про-

должаем искусную и предусмотрительную политику Жореса", говорит он в своей статье, напечатанной в номере от 18 апреля.

Так как нас вечно укоряют в приведении лишь выдержек из статей, то предлагаю товарищам, не знакомым со статьями текстуально, их прочесть целиком, так как нельзя требовать, чтобы я цитировал их от начала до конца.

Итак, в вопросе французского профессионального движения был сделан крупный шаг назад. Шаг назад также и в смысле активного действия. Не осмеливаясь предстать перед рабочим классом с коммунистическим знаменем в руках, эти люди прячутся за синдикализм. Большой шаг назад также и в области нашего ученья,—вместо того, чтобы пропагандировать коммунистические идеи, прикрываются традициями Жореса, жоресизмом! Эта традиция—не наша.

Мы очень хорошо знаем Жореса, его значение, его исторический гений, его сильные стороны. Но не менее известны нам и его слабости, его крупные слабости. Его взгляд на профессиональоое движение был демократически парламентарным, а не революционным; если следовать этой традиции во французском движении, то французской компартии грозит смерть.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ.

Товарищи, может показаться, что во Франции нет иных вопросов, кроме вопроса о едином фронте. Во Франции, во французской компартии, против единого фронта мобилизовано все.

Действительно, этот вопрос чрезвычайно важен, но как уже сказал тов. Зиновьев вначале,—это лишь этап в борьбе за завоевание массы. Существо дела в том, чтобы при помощи единого фронта завоевать массу.

Не забывайте, товарищи, что задача не исчерпывается раздачей газет и партийных билетов в рабочей среде. Надо приложить все старания, чтобы завоевать душу французского пролетариата.

Сегодня мы посылаем товарищей в берлинскую комиссию, завтра мы их отзовем, послезавтра мы их вновь пошлем. Это тактические маневры, необходимые и правильные, в момент, когда надо завоевать душу рабочего класса.

Вопрос о завоевании масс—единственно важный вопрос, а форма, в которой это происходит сегодня и завтра—дело

второстепенное. Можно спорить по вопросам, ставить ли ультиматум завтра или послезавтра, отозвать или вновь послать наших делегатов и т. д. Все это вопросы второстепенные. Но во Франции будто нечего делать, кроме как следить за путешествием тов. Фроссара в Берлин, точно бы это был существенный вопрос. Даниэль Рену намерен спасти Интернационал от „революционного разоружения", предлагаемого нами, но он забывает полемизировать с Пиоком, Мериком и иными пацифистами, толстовцами и христианами, предлагающими подлинное разоружение революции, а вот Коминтерн предлагает „революционное разоружение" и Даниэль Рену на него нападает.

ЧИСТКА ПАРТИИ.

Я говорю, что было бы хорошо, если бы можно было отложить вопрос о едином фронте,—поставить крест над ним на один—два месяца. Потому что этот вопрос имеет существенное значение лишь для тех стран, где партия уже сложилась, может действовать, маневрировать, выявлять себя пред массой. В таком случае стоило бы обсуждать вопрос: поступать ли так или этак. Но во Франции, где нас атакует часть Центрального Комитета, где большинство его не осмеливается высказаться, а левое крыло Ц.К. только начинает выявлять свое мнение, наиболее существенный вопрос—борьба фракций.

Когда мы видим, что вместо радикальной и основательной чистки партии спорят по второстепенному вопросу, нам хочется крикнуть нашей французской партии: „товарищи, оставьте дискуссии о едином фронте: 1) потому, что для Коминтерна этот вопрос уже решен; 2) потому, что вы еще не создали орудия, при помощи которого можно было бы приступить к решению этого вопроса. Вы еще не превратили свою партию в организацию, могущую осуществлять выносимые вами решения, выполнять принимаемые вами на себя обязательства".

Чем больше вчитываешься в статьи Рену и прочих, тем больше убеждаешься в том, что вопрос о едином фронте служит им лишь предохранительным клапаном. Из партийной рабочей массы дают испаряться революционному чувству; масса чует, что тут что-то неладно, что-то надо изменить; а этому чувству дают испаряться чрез этот предохранительный клапан, каковым является борьба против единого фронта. И это в момент, на который я хочу обратить ваше внимание.

ОППОРТУНИЗМ РЕНУ.

Как вам известно, Чичерин предложил в Генуе приступить к разоружению. Все ему аплодировали. Вам известно и то, что мы не пацифисты. И однако во Франции нашей политикой остались довольны все, и социалисты, и коммунисты. Конечно, коммунисты, как подлинные революционеры, поняли нашу политику правильно и потому ей аплодировали. Пацифисты же—Рену и ему подобные—тоже аплодировали, потому что этим мы удовлетворили их чувство, их пацифистские стремления. Они сказали: „большевики сорвали маску с Барту". Сказано это было Рену. Он не то, что Фабр, он оппортунист, искренний и честный реформист. По его мнению, раз Барту разоблачен, это уже хорошо.

Конечно, Чичерин, как член нашей партии, выполнял свою миссию согласно директивам нашего Ц.К.

В то же время в Берлине Радек и Фроссар говорили французским пацифистам и лонгетистам, говорили Вандервельде: „разве и вы готовы бороться за разоружение"? Но те же, кто во Франции аплодировал предложению Чичерина, говорят: „Нет, нет, политика коммунистов в Берлинской комиссии враждебна коммунизму, это—разоружение революции, это единый фронт".

В тот момент, когда Чичерин заявляет в Генуе, обращаясь к представителям всех буржуазных государств: „мы предлагаем приступить к разоружению", Фроссар и Радек в Берлине спрашивают, обращаясь к мнимым пацифистам: „Стоите ли вы за разоружение?" Все это происходит на глазах у пролетариата,—что имеет громадное значение. А в Центральном Комитете французской партии этого не понимают. Не хотят понять. Да, я повторяю, не хотят понять.

Конечно, Верфей и прочие пацифисты заинтересованы в разоблачении Барту. Это облегчает им парламентскую борьбу с ним. Это, некоторым образом, подготовляет почву для левого блока во Франции. Но ставя социалистам напрямик вопрос: „А вы за разоружение? Что предлагаете вы? Сторонники ли вы активного действия в пользу разоружения? Мы—сторонники его", мы этим самым разоблачаем пацифистов. Поставив им в Берлине такой вопрос, мы этим самым разоблачаем пацифистов в социализме.

А пацифисты французской компартии хотят разоблачения Барту, но не хотят, чтобы их самих разоблачили в партии. Вопрос о едином фронте представляется им „разоружением революции" именно потому, что разоружают в партии их, пацифистов.

Бухарин (прерывает): правильно!

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИИ.

Троцкий.—Теперь по вопросу об организации.

Прежде всего об олигархии; ведь нас упрекают в том, что мы проповедуем (или „Москва“ проповедует) олигархию, централизм.

Что видим мы во французских профсоюзах? Мы видим там группировки революционных синдикалистов, так называемых революционеров, блокирующихся с анархистами.

Какова их программа? Обычно ссылаются на Амьенскую хартию, которая не дает ответа на жгучие злободневные вопросы. Ссылаются для вида. Революционные синдикалисты имеют готовые ответы на все вопросы. Этого достаточно.

Кто контролирует эти группы? Организации, их контролирующей, не имеется.

Профсоюзы—крупные массовые организации; они открыты для всех рабочих без различия партий, течений, религий и т. д.

Но кто и по сей день руководит этими профсоюзами? Анархисты, либертеры, революционные синдикалисты. Под чьим контролем находятся эти элементы? Они образуют партию, которая является кружком без программы, без организации, без устава, без контроля. Нельзя отрицать, что это тоже своего рода партия, которую, пожалуй, можно сравнить с организациями американских капиталистов, орудующих тайным механизмом, овладевающих избирательной машиной, диктующих ей свою волю.

Вот так и революционные синдикалистские и анархистские элементы диктуют свою волю французкому рабочему движению.

Что же касается нашей партии, то она в профсоюзах и не появляется. Она говорит: „Это не мое дело. Это не моя область“. И предоставляет свободу действия политическим конкурентам. А конкуренты эти—революционные синдикалисты и анархисты; они довольно ловко орудуют в этой среде, эксплуатируя весьма распространенное во Франции чувство независимости. Каких только автономий во Франции не требуют! Автономии профсоюзов, провинций, печати, автономии Фабра в деле отравления партии и т. д.

Итак, анархисты и анархиствующие овладели положением. Это не партия, а секта. Я говорю, что французкими профсоюзами в настоящее время руководит секта.

А в партии мы констатируем явления, которые пока лишь симптомы, но симптомы весьма опасные.

СТРАННЫЙ „ПОЛИТИЧЕСКИЙ“ ДОКЛАД.

Возьмем хотя бы Сенскую федерацию, самую сильную из всех. Она якобы стоит на крайней левой. Секретарь ее Жорж Пиок... Это поэт, которому свойственны превосходные качества. Я наблюдал его во время войны: он сочинял весьма приятные стихи в период, когда свирепствовала шовинистическая эпидемия. Я читал эти стихи с удовольствием...

Но, товарищи, разве не опасный симптом, что он представляет крупнейшую и влиятельнейшую федерацию нашей французской партии? Да еще федерацию, претендующую на крайнюю левизну.

Пиок—секретарь сделал „политический“ доклад, текст которого лежит предо мною. Я прочел его внимательно и хотел бы обратить внимание всех на этот политический доклад секретаря одной из важнейших федераций; в этом докладе говорится, что наша партия должна быть... цитирую дословно: „Коммунизм—это организованная и мирная форма любви“... (Продолжительный смех)... „Необходимая методическая организация докладов, посвященных и проповедующих не только коммунизм, но также и гуманизм, столь необходимый для улучшения характера граждан“... (хохот)...

Да, и все в том же духе! Я бы мог привести еще целый ряд цитат. Так, например: если в нашей партии происходят раздоры, „то это в силу пережитка в ней духа войны“. Когда Пиока обвиняют в пацифизме, он называет это „ссориться“ с ним. Все это, по мнению Пиока, пережитки буржуазного духа войны; так как необходимо, чтобы партия стала воистину великим содружеством, великим братством и т. д. и т. д., потому что коммунизм: „это организованная и мирная форма любви“...

Но, товарищи, примите во внимание, что я цитирую ведь официальный документ; это же не поэма о войне, тут есть подпись: секретарь федерации Жорж Пиок, 12 марта 1922 года! Писано это не век тому назад! Вот когда читаешь подобные вещи, то действительно чувствуешь себя „революционно разоруженным“, пользуясь выражением Даниэля Рену. А ведь это было представлено, обсуждено и принято в мае месяце. Вот каково положение в Сенской федерации.

ПРЕВОСХОДНАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕВОЙ.

А что делает тов. Фроссар?

Он пишет федерации письмо, говоря, что нам известно, сколь неутомимо трудится друг Пиок, известно его красноречие и т. д.. Да, он весьма красноречив, особенно, когда говорит об организации любви..

И вот, я вас спрашиваю: может ли генеральный секретарь партии поддерживать секретаря федерации, являющегося с подобным документом?

С другой стороны, вот декларация, вот резолюция оппозиции по поводу этого „политического“ доклада. Это —превосходный документ. Здесь попадаются исторические толкования, которых я не разделяю, но сам по себе документ превосходен. Подписан он многими товарищами; назову лишь несколько известных нам имен: Март Биго, Амеде Дюнуа, Годоннеж, Кер, Лорио, Мерсие, Рейно, Трэн, недавно побывавший здесь, Росмер, Томази, Вайян-Кутюрье. Вот имена товарищей, подписавших этот энергичный протест.

Товарищ Фроссар усиленно поддерживает Пиока, он извиняется, что не может присутствовать на съезде, но поддерживает его письмом, носящим политический характер.

А эта крайняя левая федерация, представленная таким секретарем и не контролируемая определенным течением Центрального Комитета, после весьма беспорядочной дискуссии вотирует доверие Пиоку. А оппозиция, несколько имен которой я процитировал выше, остается оппозицией, остается меньшинством.

Но я вас спрашиваю, товарищи: разве мы на стороне Пиока, разве мы на стороне Сенской федерации, в том виде как она представлена Пиоком? (Я говорю так, потому что Сенская федерация сама по себе стоит гораздо большего, чем ее представитель, у нее превосходное будущее, хотя бы в данный момент она и была представлена таким образом). Разве мы сторонники способа действия тов. Фроссара, поддерживающего Пиока? Нет, я утверждаю, что мы, или, по крайней мере я, целиком на стороне оппозиции, на стороне товарищей: Март Биго, Дюнуа, Годоннеж, Кер, Лорио, Мерсие, Рейно, Трэн, Росмер, Томази, Вайян-Кутюрье.

Могут сказать и наверно скажут: „Но ведь это начало фракционизма.“ Да, и это является опасностью, величайшей опасностью даже возможного раскола. Но, как спасти партию от подобного раскола? Естественно, энергично призвав партийный центр следовать принятым решениям международных конгрессов и пленума Исполкома.

ДРУЗЬЯ ДИССИДЕНТОВ.

Я уже вам говорил о необходимости и полезности блока центра с левой. Такого блока мы желаем. А вот Рауль Верфей несколько скромно, но все же достаточно ясно говорит о „перегруппировке во французском движении“.

Смысл этого, приблизительно, таков: в социалистической партии происходит борьба течений, борьба между лонгетистами и реноделистами; и Верфей наивно заявляет: „Интернационал толкает нас на путь единого фронта, „к органическому слиянию“ не только с Лонгэ, но и с Реноделем; что касается меня, Верфея, то я согласен лишь на Лонгэ!“ Он готов следовать за нами, но лишь до известного этапа: он приемлет „органическое слияние“ с Лонгэ, но не с Реноделем! Он дает понять, что того же взгляда держится и Лонгэ, что они снова встретятся. Таким образом подготовляют изоляцию левого крыла партии.

Изоляция левого крыла и блок центра не только с нынешней правой, но и с лонгетистами начинается с области идейной, но грозит перейти и в организационную! Изоляцию левого крыла они считают, вероятно, необходимым предварительным условием для восстановления былого единства. Пожалуй, без Реноделя и Альбера Тома. О Реноделе Верфей не говорит, он говорит лишь об Альбере Тома. Интернационал, видите ли, толкает его в сторону Альбера Тома! Он несогласен на Альбера Тома!

Товарищи, в настоящее время положение во Франции выявилось чрезвычайно ясно. Есть два возможных блока: центра с левой или центра с правой, уже связанной с лонгетистами.

ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ.

В то время, как эта подготовительная работа производится со всей энергией, партийная печать не отражает позиции Интернационала. Ни „L'Humanité,“ этот мощный орган рабочего движения, ни „Internationale“ не отражают коммунистическую мысль по самым жгучим вопросам. В „L'Humanite“ вы только и находите, что нападки на единый фронт.

А затем, когда вопрос уже решен и Росмер дерзает выступить с двумя-тремя статьями, Виктор Мерик спрашивает: „Какое право имеет Росмер писать, цитировать, критиковать? Ведь он—не редактор, не директор, не лидер“!

А товарищ Росмер, энергия и личная скромность которого нам хорошо известны, отвечает: „Да, я обыкновенный партийный работник, но я имею кое-что сказать, и я стучусь в дверь своей газеты. Если вы несогласны со мной, киньте мою статью в корзину, но разве для того, чтобы высказаться, надо обладать специальным мандатом?“ Да ведь это мандаринство! Значит, есть мандарины вроде Виктора Мерика, например, ссылающиеся на специальные удостове-

рения лидеров. Существует определенный образ мысли, определенная психология, предназначенная для передовиц! И Виктор Мерик спрашивает: „Разве ты создан для этого занятия? Ведь у тебя нет удостоверения!“

Мы требовали в письме, чтобы эта яростная полемика, направленная против Интернационала и его решений, была прекращена. Нам отвечали: „В силу дисциплины мы приемлем единый фронт.“ Как это понять?

Принять по соображениям дисциплины, очевидно, значит: ежедневно яростно нападать на страницах „L'Humanite.“ А когда Фроссара, например, посылают в Берлин, то это „в виде исключения.“

Значит, общее правило — нападки на Интернационал. Исключение — проведение в жизнь его резолюций. И это называют дисциплиной действия.

Вернемся к факту, который нам всегда бросают в упрек: Интернационал плохо осведомлен. Мы плохо осведомлены! У нас только и есть, что обрывки статей, цитаты специально подобранные хорошо известной дьявольской личностью... (хохот).

Селье (с места): Это так и есть.

Троцкий: Как вы сказали?

Селье: Это так и есть: вы получаете информацию только из газетных статей, а вы сейчас увидите, сколь этого недостаточно для суждения о жизни французской партии. Я к этому сейчас вернусь.

Троцкий: Дорогой товарищ Селье, ведь здесь не идет речь о жизни французской партии, речь идет о поведении Центрального Комитета французской партии! (Голоса: очень хорошо!)

ИНФОРМАЦИЯ ИСПОЛКОМА.

Во французской компартии имеются тысячи превосходных элементов, на которые можно всегда расчитывать в деле социальной революции. Мы в этом уверены. Но что касается внутренней жизни партии, то мы говорим, что французские рабочие достойны более твердого, более энергичного и более внушительного руководства. Что касается коммунистической доктрины, то мы спрашиваем — и это вопрос не второстепенного характера — разве французский пролетариат и его партия ведут себя согласно положениям и уставу Интернационала? Да, или нет? Я повторяю, вопрос этот — самый важный в мировой политической жизни в данный момент.

Но нам говорят, что мы плохо осведомлены. Товарищи, во Франции выносят суждение по поводу поведения наших немецких товарищей в Саксонии. Мерик и Рену и другие считают, что это революционное разоружение. Верфей пишет в одной из статей, что наше правительство в России совершило много ошибок. Совершенно верно! И что мы способны совершить политические ошибки и в Интернационале. Опять таки верно! Таким образом, мы взаимно друг друга проверяем, и я полагаю, что мы осведомлены не хуже других партий Интернационала, раз мы имеем возможность созывать в Москве заседания, подобные нынешнему, где присутствуют французские товарищи.

На конгрессах резолюции выносились всегда с согласия французских товарищей; единственным исключением служит единый фронт. И всетаки нам настойчиво повторяют: вы плохо осведомлены, вы не читаете наших статей (говорит так преимущественно Виктор Мерик, но и другие тоже). Вы читаете лишь маленькие выдержки... Во Франции творят легенду непогрешимого Интернационала, нечто в роде теории конституционной монархии, где монарх от природы непогрешим, но плохо осведомлен, окружен плохими советниками. Что этим хотят сказать? Это значит, что монарх примитивен и глуповат, добр и благожелателен, но плохо осведомлен и до такой степени наивен, что не может различить информации полной от неполной. Для него подбирают выдержки, ему преподносят резолюции, он прикладывает свою руку,—вот и все! (хохот).

Бухарин (с места): Суварин—Распутин! (хохот).

Троцкий: Но, товарищи...

Суварин (с места): смешнее всего то, что пишут и печатают это вполне серьезно, выводят в слове каждую букву...

Троцкий: Товарищи, нельзя же все-таки продолжать преподносить французским рабочим вопрос в таком виде!

БЛОК ЦЕНТРА С ЛЕВОЙ

В компартии, т. е. в той части партии, которая включает в себе руководящих товарищей, элементы наиболее зрелые, имеются и элементы разнородные. Есть превосходные элементы, прошедшие через II Интернационал, прошедшие школу политического воспитания, обладающие некоторым политическим опытом, что весьма необходимо для рабочего движения. Но есть и элементы более молодые, вожди, лидеры и пропагандисты, не обладающие подобным опытом, подобными навыками.

Поэтому Интернационал поступал разумно и правильно, стремясь удержать в новой компартии зрелые элементы, воспитанные II Интернационалом. Когда, например, произошел конфликт с Серрати, мы два-три, десять раз ставили себе вопрос; мы говорили себе: надо поступать осторожно,— Серрати представляет собой нечто, некую традицию, вокруг него группируются весьма полезные элементы. Отвергнуть Серрати—значит пойти на раскол, который может оказаться весьма вредным для движения, надо итти на уступки и т. д., и т. д.

Так же ставился вопрос, когда речь шла в Германии о Леви, а в Чехо-Словакии о Шмерале. Вы знаете, что в разных партиях результаты оказались разными. Мы пришли к различным результатам.

В Италии произошел раскол; наша партия в момент выхода была в меньшинстве. Но теперь, надеюсь, она близка к тому, чтобы превратиться в подавляющее большинство итальянского рабочего класса.

В Германии Леви вышел с маленькой группкой интеллигентов, а в коммунистической партии после раскола осталось большинство старой коммунистической партии.

В Чехо-Словакии мы сохранили внутри коммунистического движения Шмераля и идеологически близкие ему элементы; полагаю, что это весьма полезно для коммунистического движения в Чехо-Словакии.

ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Итак, способы и возможности бывают разные. Не исключена опасность и неудачного раскола в той или иной стране: в силу обстоятельств, вопреки нашей воле, раскол может произойти так, что изолированным окажется левое крыло.

Но как бы не сложились обстоятельства, в конечном счете победу одержим мы. Для нас это вполне очевидно. Произойди раскол в Чехо-Словакии по той или иной линии, это означало бы лишь то, что мы действовали искусно или неискусно: но так или иначе, а в конечном счете мы завоюем подавляющее большинство пролетариата. Конечно, это не значит что для нас безразлично—действуем ли мы правильно или неправильно.

Но во Франции—я возвращаюсь к мысли, высказанной мною еще в начале доклада,—мы живейшим образом заинтересованы в том, чтобы привести к слиянию, спаять блок, достичь политического единства центра,—течения Фроссара, Кашена, Рену, Селье – и левого крыла. Нам говорят, что левая идет неправильным путем. Если это так, то Интерна-

ционал в любой момент готов ей на это указать, как это было в момент выхода четверки. Говорят, что тот или иной товарищ из рядов левой произнес неудачную речь. Если это так, то приходится пожалеть, необходимо проверить. Но в конечном счете, левая искренно желает правильно отражать коммунизм, Коммунистический Интернационал. Это факт.

Левое крыло полно благих намерений, а если оно совершает промахи (оно и дальше будет их совершать, я в этом уверен, потому что все не без греха), то Интернационал всегда может его проконтролировать, приложив свою мысль и свой коллективный опыт. И левое крыло в своем большинстве всегда подчинится..

Что касается центра, то мы действовали в отношении его всегда очень осторожно. Если бы я имел возможность здесь привести все письма, написанные Исполкомом, письма получастного характера, написанные отдельными товарищами, вынесенные нами резолюции; если бы я напомнил вам наше предусмотрительное отношение, всегда продиктованное надеждой достичь наилучших, как для Интернационала, так и для французского движения, результатов; если бы я все это вам процитировал, я, вероятно, освежил бы в вашей памяти подлинно братские и дружеские усилия, которые мы делали, чтобы никого не задеть и достичь желанных результатов самыми мягкими способами.

ПРОТИВ ПРАВОЙ.

А я, — если позволите мне сказать несколько слов по поводу меня лично, — был сторонником величайшей осторожности в этом смысле слова. Все вы, вероятно, еше помните, что накануне III конгресса кое-какие элементы французской молодежи и Люксембургского движения нападали на Фроссара. Один из них говорил: „Надо его исключить“ (это говорил люксембургский товарищ) . Мы защищали Фроссара от всего сердца, и поступили бы так и завтра, если бы кто-нибудь этого потребовал. Это свидетельствует, если вообще требуются подобные доказательства, что мы готовы бороться за единство партии. Но мы готовы бороться против правой, которая является угрозой для единства партии, и не намерены бороться против левой.

Единство центра с правой против левой не имеет никакой цены. Это — смерть французского коммунизма. Единство центра с левой, — это будущее французского коммунизма. Провозгласить это необходимо теперь открыто, а не втихомолку.

До сих пор мы это делали втихомолку, и это ни к чему не приводило. Сегодня необходимо заговорить более энергично. Если я заговорил таким языком, если мы написали письмо в терминах более сильных, чем раньше, то это потому, что мы считаем положение весьма серьезным, весьма критическим во Франции.

Я полагаю, это, быть может, последняя возможность достичь результатов, благоприятных для французского пролетариата, избежав крупных организационных потрясений, избежав раскола, который может оказаться гибельным на месяцы, и, кто знает, пожалуй и на годы.

Вот почему я приглашаю вас санкционировать наше письмо и привлечь внимание Центрального Комитета и французской рабочей массы к необходимости „вскрыть нарыв", как говорит Даниэль Рену.

Пусть нарыв лопнет! Пусть недоразумение рассеется и во Франции поймут, что Коминтерн приготовляет, обсуждает и решает вопросы французского движения с полным сознанием серьезности, первостепенной важности этого дела; пусть поймут, что руководит им не чувство—я уж не говорю о пристрастии личного характера—не временное настроение. Мы стоим теперь перед новым этапом, после ряда подготовительных, нами уже пройденных этапов. Теперь необходимы более энергичные, более решительные методы, их мы и предлагаем. (Аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ТРОЦКОГО.

Мы выслушали весьма любопытную речь Луи Селье, пытающегося изложить современное положение вещей во французской компартии.

Конечно, и полезно и необходимо объяснять эволюцию политического положения, но мы—партия революционная и должны не только объяснять, но стремиться изменять это положение.

Маркс когда-то сказал, что дело не только в том, чтобы мир толковать, но и в том, чтобы его изменять. В первую очередь это применимо к нашей партии.

Правы те, кто говорит, что настоящее определяется прошлым. Бывают, пожалуй, и личные конфликты, трения, недоразумения и т. д., и т. д., но что бы там ни было, положение таково, как оно есть.

К сожалению, в речи Селье я ничего не слыхал,—а ведь это то и есть единственно важное,—о средствах, при помощи которых он надеется достичь изменения существующего порядка вещей.

Он говорит: „путем серьезной работы". Да, но надо наметить методы этой работы. А Селье приходит к выводам, которые я назвал бы, пожалуй, фатализмом.

Он говорит: „Если бы руководство партией перешло в руки левой, она поступала бы точно так, как поступаем мы, представители центра".

Почему? Очевидно вы считаете, что политика Центрального Комитета всецело определяется положением, что поведение его есть максимум коммунистической воли и активности, и что даже самые решительные коммунистические элементы, попав в положение Центрального Комитета партии, не смогли бы сделать ничего иного, как продолжать то, что мы видим сейчас. Нет, я держусь иного взгляда.

Мы упрекаем Центральный Комитет в пассивности, в фатализме,—как бы это выразиться,—в том, что он чувствует внутреннюю потребность оглядываться на прошлое, всматриваться в корни, толковать промахи, ошибки и т. д.

Дело не в этом!

Эволюция, конечно, происходит, но в процессе эволюции бывают кризисы. Эволюция партии совершается не только путем молекулярной работы внутренних сил, но и путем кризисов, потрясений, результаты которых зависят от поведения и воли Центрального Комитета. Он должен сказать: „Прошлое наше определялось такими-то и такими-то причинами; ныне пришел час начать новую главу." И действительно, момент этот наступил.

Бывают моменты, когда от воли 3—4—5 членов партии зависит будущее ее на целые годы. То обстоятельство, что 3—4 или 5 лиц могут сильно влиять на партию в настоящий момент можно объяснять прошлым. Можно дать прекрасное марксистское объяснение того факта, что 1—3 или 5 лиц определяют в значительной степени судьбу партии на целую эпоху. Но факт налицо: пролетариату нужна партия; партия выработала программу, создала организацию, выделила Центральный Комитет. В тот или иной момент, когда положение неустойчиво, еще не определилось, когда приходится выбирать между двумя, тремя путями, то Центральный Комитет, люди, стоящие во главе партии, имеют громадное значение. Такой именно момент и переживает французская партия.

И вот я говорю, что от того, как завтра будет вести себя во Франции тов. Селье, например, сильно зависит судьба

нашей французской партии, судьба французского пролетариата.

Значит, недостаточно, объяснять, надо намечать тактику, поведение, политику.

Нам говорят: „Левая тоже совершила не мало промахов; то, что вы вменяете в вину центру, есть следствие ошибок, совершенных левым крылом; взять хотя бы Пиока: ведь это левое крыло откопало и поставило его на ответственный пост".

Допустим. Но ведь я рассматриваю существующее сегодня положение в Сенской федерации.

ТЕЧЕНИЯ В ПАРТИИ.

Вот вам документ, и документ существенный: „политический доклад" Жоржа Пиока. А вот и предложение, внесенное левой, резолюция, скрепленная подписями товарищей, которые кое-что да значат в движении. И, наконец, письмо Фроссара.

Товарищ Лесьяг нам говорит: „Не надо понимать вещи слишком математически: правая, левая, центр". Это верно лишь при психологическом анализе положения партии. Но пролетариату должно быть ясно политическое лицо партии.

Конечно, есть много различных оттенков, но если их расценить политически, эти промежуточные оттенки и течения, то можно наметить три-четыре точки, вокруг которых группируются эти оттенки и течения. В данный момент, в случае с Пиоком, мы различаем центр, представленный Фроссаром, и левое крыло, представленное теми, кого я уже называл. В Сенской федерации имеется также „крайняя левая" и правая, представленная Пиоком. „Крайняя левая" свидетельствует об отсутствии у него программы, вверяя руководство Пиоку.

А кто покровительствует „крайней левой" и правой? К сожалению, никто иной как Фроссар пишет вышеупомянутое письмо в момент политического кризиса, когда дело вовсе не в том, как сказал один из товарищей, чтобы дать уйти Пиоку, задев при этом его достоинство и т. д... Никто не требует, чтобы оскорбляли Пиока, дело вовсе не в этом. Никто не требует и его исключения: пусть себе остается редактором наших газет... хотя бы для поэзии, например. Не примите это за вносимое мною предложение, я вовсе не уполномочен выдвигать редакторов, особенно в области поэзии, но повторяю, что его можно прекрасно использовать, как поэта и литератора. Но дело не в этом: вопрос в том, как может Пиок занимать пост секретаря Сенской федерации?

Голос с места:—Он этот пост покинул.

Троцкий—Он этот пост покинул в результате нападок со сторны левой. А Фроссар в это время создал некоторое замешательство. Он сказал: „да, товарищи, вы правы, говоря: Пиок не годится для представительства партии, он не пригоден для ответственного поста". Если уж это необходимо, можно было попутно указать, что у Пиока есть свои заслуги. Но ведь дело не в учтивости; когда-то, полемизируя с Жаном Лонгэ, мы упрекали его в том, что он подменил политику учтивостью,—и действительно, таковы манеры Лонгэ и многих других французов.

УЧТИВОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Учтивость во Франции—крупная политическая сила. У буржуазии это способ обволакивать революционные элементы, выходящие из массы. Их окружают, научают чтить формы учтивости, не слишком резко высказывать свои идеи. Особая атмосфера учтивости царит в парламенте и т. д. Мы видали, как многие элементы из рабочей среды вошли в парламент, чтобы выявить боль и ненависть рабочего класса к угнетателям: и оказались окутаны созданной веками учтивостью, я бы сказал, были политически ею парализованы.

Я отнюдь не считаю обязательной грубость в отношениях между товарищами. Так, например, с согласия тов. Бухарина мы смягчили несколько выражений в составленном им тексте, так как они казались нам слишком резкими, но все это с соблюдением политического фона, принципиальной сущности.

Но в поведении тов. Фроссара этого фона я не вижу.

Мы стоим пред лицом борьбы. „Крайняя левая" говорит: „Пиок наш представитель". А ведь французским рабочим совсем непонятно, почему „крайняя левая" представлена Пиоком. Для нас и прочих марксистов это свидетельствует о том, что „крайняя левая" совершенно запуталась.

Имеется левая, которая в данном случае представляет собой течение Интернационала и представляет его превосходно. Ее циркуляр подписан рядом имен, несущих ответственность пред партией; они говорят то, что думают, а то, что они думают, по-моему, вполне правильно. Имеется Пиок, который делает политический доклад на тему о морали,—он сам его так называет в подлинном смысле этого слова,—он проповедует любовь и в то же время скрежещет зубами против левого крыла, и ядовито на него инсинуирует. Должен сказать, что проповедники нравственности и любви всегда орудуют таким образом (хохот).

То, что происходит в Сенской федерации, носит весьма символический характер. И вот я вам говорю: чего вы хотите от Интернационала? что он поддержал своим авторитетом Пиока и „крайнюю левую“? Нет. Левое крыло? Да.

Товарищ Фроссар, выскажите свою мысль прямо. Вы говорите,—Пиок хороший оратор? Превосходно. Он оказал услуги. Хорошо. Но политику-то его вы одобряете или порицаете? Предлагаете ей следовать или осуждаете? Вот, как стоит вопрос.

Селье: Тов. Троцкий, он скажет нет, он не одобряет политики Пиока.

Троцкий: Этого то мы и хотим. В письме мы предложим ему, наконец, это сказать. Ведь до сих пор он молчит, подобно товарищу Раппопорту, воздерживающемуся от участия в заседании. Вот где беда! Но обещаю вам, мы постараемся, чтобы и Раппопорт высказался...

Нам говорят: „но ведь Пиок произнес прекрасную речь на собрании женщин, он говорил там не только глупости, но и превосходные вещи“. Если хотите, вот тут-то и кроется опасность. Потому что, если бы Пиок говорил только глупости, то ни у кого бы и мысли не явилось вверить ему ответственный пост. Но он овладел несколькими превосходными формулами, он красноречив, он говорит на многих собраниях, над ним развивается партийное знамя. Рабочие и работницы привыкают смотреть на него, как на представителя партии, который вершит дела, просвещает их на счет социальной революции. И вот в момент, когда надо высказаться по вопросам, касающимся жизни и смерти, он использует свой престиж, чтоб повести рабочих по ложному пути.

Если бы он занимался только литературной критикой, у него бы не было политического престижа, этой опасности не существовало бы, Пиок был бы безвреден. Но тот факт, что он занимает пост, весьма серьезен, хотя бы это и объяснялось прошлым или, пожалуй, ошибками левого крыла, как это утверждают некоторые. Суть дела в том, что ныне левое крыло на него нападает, а центр защищает. Это характерно для существующего политического положения. „На нас нападают,—говорят нам,—вот мы и защищаемся. Производимые на нас нападки заставляют многих занять позицию, враждебную Коминтерну“.

Я отнюдь не вынес такого впечатления, — конечно, я читаю не все, что пишется во Франции,—что на вас нападают, а вы только защищаетесь. Я совершенно не вынес такого впечатления!

РОЛЬ ЦЕНТРА.

В руках партийного центра и „L'Humanité“ и „Internationale“. Выявить свои идеи на страницах „L'Humanité“ является делом крайне трудным даже для Коминтерна.

Селье: (прерывая): Разве статьи Кашена вас не удовлетворяют?

Троцкий: Поскольку дело касается национальной обороны, борьбы с буржуазией, с буржуазным милитаризмом „L'Humanité“, можно сказать, непогрешима, но ведь этого недостаточно для определения ориентации и будущего партии. В данный момент эволюция партии ставит ряд вопросов и если мы не дадим ответа на них, то даст свой ответ правая, присоединяя этот ответ к общим формулам Кашена и прочих.

Когда дело касается существенных вопросов, Кашен не высказывается, Фроссар не высказывается. А вот Верфей высказывается. Он ловко использует престиж, созданный статьями Кашена, так как он принадлежит к той же партии, что и последний. Не высказываясь по поводу поведения Верфея и Пиока, Кашен оставляет свободу действия правой.

Мы отнюдь не отождествляем центра с правой. Мы обвиняем центр в том, что своим воздержанием по самым жгучим вопросам он развязывает руки правой. Вот в чем состоит наше обвинение.

Личные недоразумения известны и нам. Все мы люди, все человеки. Личный вопрос прекрасно известен и нам; он выплывает всюду, поскольку нравственность граждан еще не усовершенствовалась согласно системе, проповедуемой Пиоком. (хохот). Но все же эти личные трения происходят на политической арене, и в первую очередь надо дать ей оценку. А кроме того, личные моменты принимают преобладающее значение, то или иное течение избегает ясности и не выявляет своей платформы в основных вопросах. Вот в чем беда.

ПАРТИЯ И ПРОФСОЮЗЫ.

По поводу профсоюзов нам говорят: „не забывайте, что во Франции вы имеете дело с пережитками прошлого, с синдикалистскими и анархистскими традициями, не воображайте, что во Франции дело обстоит так, как в Германии“. Смею утверждать, что эту сторону французской истории я, будучи иностранцем, знаю весьма недурно. Я провел начало войны во Франции, я работал там вместе с синдикалистами; такие люди, как Монат и Росмер, были моими лучшими друзьями. Мы вместе вели кампанию против шовинизма. Отец Бурдерон и товарищ Сомоно не раз, бывало, мне

говорили: „но ведь вы работаете против партии, вместе с анархистами и синдикалистами“! А Бурдерон говорил: „я не желаю обсуждать с анархистами вопросов, касающихся партии“.

Что касается меня, я должным образом оцениваю синдикалистскую школу во Франции; школа эта недурная. Но одно дело признавать значение ее традиций, а другое благочестиво преклоняться пред ними.

В „L'Humanité“ вы найдете синдикалистские резолюции и статьи, направленные прямо против нас и помещаемые без каких бы то ни было комментариев. Почему же партия не отвечает? Чтобы не задеть синдикалистов. Но ведь этим вы поддерживаете их предрассудки, пережитки прошлого, усиливаете их влияние на рабочее движение за счет партии.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА.

Вместо того, чтобы рассылать „буллы“, сказал нам один товарищ, надо серьезно работать. Простите, но формула эта весьма туманна, она несколько пуста. Ведь „буллы“ это еще не вся работа, это маленькое орудие в работе. Мы указываем центральному комитету, что мы в данный момент подразумеваем под серьезной работой. Что вы подразумеваете под словом „булла“? Разве мы не беседовали с французскими товарищами, с французской делегацией, с Кашеном, Рену, с вами? Разве французские делегаты не взяли на себя обязательств?

Здесь коснулись вопроса о революционной подготовке. Разве во Франции располагают досугом для подготовки? Произойдет ли французская революция завтра или послезавтра—мне неизвестно. Я полагаю, что она гораздо ближе, чем это думают. Полагаю, что в эту эпоху, ознаменованную победой союзников и международным разбойничеством, она будет там более катастрофичной, чем где бы то ни было.

Независимо от того, суждено ли разразиться катастрофе завтра или послезавтра, сколько времени остается у вас для подготовки партии?

Я не сомневаюсь, что вы готовы выполнить свой революционный долг, поскольку дело касается благих намерений и личного мужества... Но ведь здесь идет речь о более совершенной подготовке.

В чем опасность? В том, что вплоть до наступления критического момента щадят престиж и репутацию тех, кто в решительный момент обернется против нас. Вот, где опасность. Этот вопрос надлежит обсудить и вырешить.

Раскол в партии был бы бедой, но раскол в разгаре революции мог бы повлечь за собой поражение.

Мы говорим: если в партии существует необходимость раскола, исключения, чистки, это должно-быть сделано во время; элементы, вполне созревшие для исключения, должны быть исключены, чистка должна быть произведена в благоприятный момент. Незачем откладывать это, как это делаете вы. Вы вечно отсрочиваете момент принятия энергичных решений, хотя бы и строго ограниченного характера, как, например, при исключении Фабра. Постоянно откладывая, вы рискуете так дотянуть вплоть до революции. Этим вы откроете в решительный момент дверь врагу.

Вот о чем мы говорили в нашем письме.

ОШИБКИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Поговорим о наших правительственных ошибках. На страницах коммунистической французской печати Мерик и Верфей пишут: „сами большевики сознают, что совершили много правительственных ошибок, они также их могут совершить, вмешиваясь в политику Интернационала.“

Конечно, никто не претендует на непогрешимость папы. Непогрешимость партий не бывает.

Но есть ошибки и ошибки.

Ошибки, совершенные нами в правительстве,—это ошибки первого пролетарского правительства. У нас не было образца, который помог бы нам их избежать. Мы их совершаем, мы их толкуем и обсуждая их в Ц. К. партии, мы говорим: „должны ли мы признать такой-то акт ошибкой, или прямым следствием создавшегося положения“? Эти акты быть-может простительны, но мы открыто считаем их ошибочными, дабы на нашем примере учились рабочие Франции, Германии и других стран; мы говорим: „если уж нам суждено совершать ошибки в отсталой стране, пусть наши промахи пойдут на пользу другим“. Вот почему мы кричим: „Мы делаем ошибки! Осторожней! Остерегайтесь! Берегитесь“!

(Голос с мест:—Хорошо сказано).

Но ведь ошибки, совершаемые ныне французской партией, не новы. Они уже известны, хорошо известны, занесены в каталог.

Нам говорят, что мы зовем на путь ошибок. В действительности же, мы рекомендуем лишь лекарство против хорошо известных ошибок.

ГРЯДУЩИЕ ЗАДАЧИ.

Товарищ Лесьяг говорит, что мы недостаточно проанализировали вопрос о едином фронте в письме, адресованном партии. Это правильно. Но объясняется это тем, что письмо было посвящено вопросам, служащим объектом спора между французской партией и Исполкомом Коминтерна. А вопрос единого фронта уже вырешен, тактика его уже применяется. Вопрос о едином фронте в нашем письме задевается, так сказать, лишь попутно. Мы говорим, что и во Франции нужна печать, которая бы защищала наши резолюции, а не только такая, которая бы на них нападала, и что не следует саботировать то, что обязались делать.

Но я согласен с тов. Лесьяг: надо написать и другой документ, где бы анализировался проделанный в области единого фронта опыт, международный опыт, способствующий правильному освещению и исправляющий ложную интерпретацию, даваемую во Франции. К нашему письму можно прибавить примечание: „что касается единого фронта, то этому вопросу будет посвящено следующее письмо Исполкома“.

Согласен я с тов. Лесьяг и в том, что исключение Фабра еще не разрешает всех вопросов, но выдвигает перед партией новый вопрос, так как рабочие самых отдаленных от Парижа местностей,—северных и южных провинций,—станут спрашивать: „как это произошло, что Коминтерн занимается Фабром“?

Раз выдвинутый подобный вопрос будет ликвидирован лишь тогда, когда партийная масса будет иметь правильное представление о создавшемся положении.

ПУШКА И КЛОП.

Я полагаю, что можно принять и другое предложение тов. Лесьяг, касающееся дальнейшего анализа положения во Франции; этот анализ должен повлечь за собой ряд писем, брошюр и т. д., посвященных французскому вопросу. Так обстоит дело потому, что вопрос не исчерпывается исключением Фабра; но в данный момент мы предлагаем членам партии высказаться по этому вопросу. Вот почему мы считаем это хорошим началом.

Вернемся к тов. Раппопорту. Он мне сказал: „вы стреляете из пушек по мухам“ (он, положим, назвал насекомое менее приятное, чем муха). Он вечно употребляет,—жаль, что его здесь нет,—военные аргументы, полагая, что я более податлив на них, чем на аргументы марксистские... А я ему

ответил: „поскольку я кое-что смыслю в военной науке,— а я не слишком разбираюсь в технических вопросах,—в артиллерийской стрельбе проделывают так-называемую „ла фуршет". Для начала стреляют в одну точку, потом в другую, и, наконец, в искомую. Мы начали с Фабра, как с первой точки".

Заранее нельзя сказать к чему мы придем. Я полагаю, что это в действительности будет во многом зависеть от товарищей из центра. Как изобразит дело тов. Селье, вернувшись во Францию? Станет ли он нападать на правую? На первый раз представитель центра, нападающий на правую, подал бы прекрасный пример.

Лесьяг (прерывая): Таково его намерение.

Троцкий: Если он намерен так поступать, то превосходно. Браво! Подражатели найдутся. В коммунистической партии хороший пример всегда вызывает подражание! (Аплодисменты).

ПИСЬМО ТОВ. РОСМЕРУ.

Дорогой друг!

Я с большим интересом читал ваши статьи в „L'Humanite", радуясь тому, что Вы вошли целиком в работу, хотя и без паспорта „редактора, директора или лидера". Общее положение дел в партии представляется нам отсюда крайне тревожным. Думаю, что в оценке мы, в общем и целом, сходимся с вами. Циркуляр оппозиции Сенской федерации против Жоржа Пиока представляет собою очень ценное и знаменательное выступление. Правда, в этом выступлении имеются элементы воссоздания левой фракции. Но ответственность за это целиком ложиться на безыдейный или пассивный центр. Об этом я говорил в докладе на заседании Исполкома, где рассматривался французский вопрос. Совершенно очевидно, что развитие партии подошло к критическому пункту: если центр вместе с левой ударит по правому крылу, тогда вся партия встряхнется, все политические вопросы сразу станут яснее — партия перейдет в высший класс. Если же центр пребудет в состоянии нынешней летаргии, подавая признаки жизни только путем бутад против единого фронта, тогда возрождение, укрепление, развитие левой фракции совершенно неизбежно, и на нее ляжет ответственность за судьбы партии.

В этом смысле я думаю, что та осторожная, выжидательная и отчасти пассивная политика, которую Коминтерн сознательно проводил по отношению к французской партии,

давая ей время определиться, ныне исчерпала себя. Мы и теперь не отказываемся от надежды на блок центра и левой и на их дальнейшее политическое слияние. Мы попрежнему убеждены, что только такой блок может обеспечить дальнейшее развитие партии без тяжких внутренних потрясений. Но в то же время Исполком, на основании всего опыта последнего года, пришел к несокрушимому убеждению в том, что побудить центр к решительному шагу влево, к разрыву с правой, можно не дальнейшим терпеливым выжиданием, а открытой и резкой постановкой всех спорных вопросов пред лицом французской партийной массы и всего Интернационала. Мы обратились к Центральному Комитету с письмом, в котором все вопросы ставятся ребром. С той же целью Исполком исключил Фабра и его сподвижников, показывая тем, что вопрос стоит высоко над юридической казуистикой и является актом революционной политики. Если бы Центральный Комитет не дал удовлетворительного ответа на письмо, Исполком намерен напечатать письмо и апеллировать к французской партии в целом. Этот второй путь был бы, разумеется, более болезнен и, может-быть, более длителен. Но, в конце концов, подлинный коммунизм проложит себе дорогу. Особенно недопустимым является поведение партии в синдикальном вопросе. Некоторые товарищи самым серьезным образом уверяют, что неудачи партии в синдикальном движении объясняются ошибкой последнего конгресса, установившего организационную связь между обоими Интернационалами. Выходит так, будто рабочая масса отшатнулась, узнав, что между Коминтерном и Профинтерном установлено взаимное личное представительство! На самом деле, такое представление глубоко наивно. Та масса, которая тяготеет к Красному Профинтерну, отнюдь не интересуется теми или другими организационными тонкостями. Ее привлекает знамя пролетарской революции, коммунизма, Советской республики, России рабочих и крестьян. Думать, что массовый рабочий, который предпочел Москву Амстердаму, испугается, потому что между двумя Интернационалами существует обмен представителями—значит не отличать массы от синдикальной бюрократии. Эта последняя действительно не хочет организованной связи, боится политического контроля, боится того, что партия ее поглотит. В сущности, руководящие синдикалисты и либертеры представляют собой в синдикальном движении подлинные олигархии, которые оберегают свои позиции и прерогативы от „конкуренции“ коммунистической партии. Масса, организованная в синдикатах, этой конкуренции нисколько не боится; наоборот, она жадно ищет настоящего

правильного руководства. Старая парламентская социалистическая партия боялась конкуренции с революционерами и синдикалистами, которые бросали ей в лицо ее оппортунистические и патриотические грехи. Новая коммунистическая партия видит себя вынужденной продолжать эту традицию постольку, поскольку она не освободилась от оппортунистических тенденций. В тот момент, когда партия развернет свое знамя в синдикатах, заговорит там полным голосом, она завоюет массу синдицированных рабочих на свою сторону, и лучшие элементы синдикалистов встанут под знамя партии. Для тупиц, болтунов, интриганов и авантюристов типа Вердье, Кентона и других не останется места. Статью Фроссара о том, что нужно в этом вопросе продолжать жоресистскую традицию, я считаю самым опасным и угрожающим симптомом. На этом пути партию ждет жестокое крушение, которому будет предшествовать крушение синдикатов, лишенных правильного идейного руководства. Пугаясь призраков, партия отказывается от выполнения своего долга. Пугаясь кризиса, неизбежного при переходе на правильный путь в отношении синдикатов, партия неизбежно идет навстречу катастрофе. Радикальная перемена политики партии в этом вопросе является необходимейшей, неотложнейшей предпосылкой всякой серьезной работы в пролетариате.

Сейчас чрезвычайно важно иметь от Вас достаточно полную и частую информацию о внутренних процессах партии. Если бы группировки партии приняли нежелательное направление, или если бы правому крылу, которое маневрирует и интригует с большим искусством, удалось еще глубже вогнать клин между центром и левым крылом,—следовало бы, может-быть, прибегнуть к ускорению созыва 4-го конгресса, поставив на нем французский вопрос в центре внимания. Сообщите и по этому вопросу Ваше мнение.

Политика центра, как нельзя более ярко представлена здесь Раппопортом. Он был у меня накануне заседания Исполкома, посвященного французскому вопросу. Я условился с ним насчет его участия на заседании. Тов. Зиновьев послал ему официальное приглашение. С ним условливались заранее, тем не менее, он не явился. Все попытки розыскать его были тщетны. Таким образом, член Центрального Комитета Французской Коммунистической Партии, находящийся в Москве, блистал своим отсутствием на заседании Исполкома, где рассматривались важнейшие вопросы французского коммунизма. Этим самым Раппопорт символически представлял политику центра.

Курьезно, что французская партия аплодировала Чичерину, когда тот предлагал Барту разоружение. Когда же Радек спрашивал в Берлине Вандервельде и его союзников Лонгэ, Жуо и других, как они намерены бороться за разоружение, Даниэль Рену приходил в ужас пред таким единым фронтом. Он не понял, что и в Генуе и в Берлине применялся один и тот же метод политической демонстрации большого стиля.

Результатами Генуи мы довольны. Теперь ждем хорошего урожая. Пока что всходы прекрасные и весна много-обещающа. Если лето уплатит по векселям весны, то урожай будет хороший, а это будет, в свою очередь, означать крупнейший хозяйственный шаг вперед.

Крепко обнимаю и желаю Вам успеха в работе.

22 мая 1922 г. Ваш *Л. Троцкий.*

ФРАНЦУЗСКИЙ КОММУНИЗМ И ПОЗИЦИЯ Т. РАППОПОРТА.

Важнейшим вопросом для всего Коммунистического Интернационала является сейчас бесспорно внутреннее состояние нашей французской партии. В ней происходят процессы, требующие величайшего к себе внимания *). Будущий историк скажет, с какими трудностями пролетарская партия старой „республиканской", „культурной" страны, отягощенной традициями парламентарного оппортунистического прошлого, приспособлялась к новой исторической обстановке. Те, которые думают или говорят, будто во Франции, как победоносной стране, не революционная ситуация и будто этим именно объясняются явления кризиса во французском коммунизме, ошибаются в корне. На самом деле ситуация, если ее рассмотреть поглубже, имеет глубоко революционный характер. Международное положение Франции крайне неустойчиво и полно противоречий. Оно является источником неизбежных и все более острых кризисов. Финансовое состояние страны катастрофично, а эта финансовая катастрофа не может быть предупреждена иначе, как мерами глубочайшего социального захвата, которые безусловно не по плечу правящему классу. Весь государственный режим Франции после войны, и, прежде всего, ее милитаризм и колониальные притязания, не соответствуют ее экономическому базису; можно сказать, что великодержавность Франции грозит задавить страну под своей тяжестью. Трудя-

*) См., напр., письмо тов. Лекачи из Парижа во вчерашнем № „Известий".

щиеся массы разочарованы в своих национальных иллюзиях, обезкуражены, недовольны, возмущены. Национальный блок, сорвавший политические сливки с победы, изживает себя на наших глазах. Радикализм, как и социал-патриотизм, израсходовали свои основные рессурсы еще во время войны. Если радикально-реформистский режим (Кайо-Тома-Блюм) и придет на смену режиму национального блока, то вряд ли на более долгий срок, чем нужно коммунистической партии для того, чтобы окончательно подготовиться к исполнению своей основной задачи. Таким образом, объективные предпосылки для революции и субъективные предпосылки для революционной политики налицо и если что отстает, так это внутренняя эволюция самой партии.

Дело Фабра*) имеет в этом смысле глубоко симптоматический характер. Коммунистическая партия, порвавшая в принципе с национальной и реформистской идеологией, оказывает в своих рядах гостеприимство одному из вульгарных кондотьеров журналистики, который ставит за собственный риск и счет безпринципное газетное предприятие и, укрепив над дверью коммунистическую кокарду, оказывает в свою очередь самое широкое гостеприимство реформистам, националистам, пацифистам, анархистам, под одним условием: чтоб они вели борьбу против Коммунистического Интернационала. Этот невероятный скандал длится со дня возникновения коммунистической партии, принимая все более открытые и деморализующие формы. Мало того, в газете Фабра сотрудничали влиятельнейшие члены Центрального Комитета партии и когда Интернационал побуждал их прекратить сотрудничество, они делали это в тонах нежнейшей элегии. Находятся, разумеется, мудрецы, которые говорят нам, что мы „преувеличаем" значение этого факта. Мы считаем этих мудрецов простаками и ротозеями, если не хуже, то-есть если не сознательными попустителями клики Фабра в качестве „полезного" противовеса левому крылу. Исполнительный Комитет Интернационала проявлял в этом вопросе, как и во всех внутренних вопросах французского коммунизма, величайшую осторожность, подавал советы, терпеливо ждал ответов и действий, формулировал предложения совместно с французскими товарищами, дожидался выполнения этих предложений, снова напоминал, снова ждал, пока, наконец, не увидел себя вынужденным прибегнуть к п. 9 устава и исключить Фабра из Интернационала. Надо надеяться, что находящийся сейчас в Москве т. Раппопорт

*) Фабр — торговец и издатель, собственник и редактор газеты „Journal du Peuple" и член коммунистической партии.

не оспаривает права и обязанности Интернационала решать, кто может и кто не может принадлежать к его составу. Фабр не наш, Фабр не имеет ничего общего с нами, это прямой противник. Вот по этой то простой причине, которую прекрасно поймет каждый французский пролетарий, Фабр исключен из Интернационала. И каждый, кто поддержит Фабра или солидаризируется с ним, тем самым автоматически исключается из наших рядов. Или может быть тов. Раппопорт сомневается в целесообразности этого решения, или в его своевременности?

Тов. Раппопорт в „Известиях" требует бережного отношения к французскому рабочему движению. Что это значит? Всякий посвященный увидит в этих словах намек. К сожалению, только намек. Мы предпочитали бы открытую критику и ясные указания, чего т. Раппопорт хочет и чего не хочет. Поистине сейчас не время для намеков и обиняков. особенно если принять во внимание, что тов. Раппопорт — член Центрального Комитета Французской Коммунистической Партии. Несколькими строками ранее Раппопорт говорит, что было бы неправильным делать черезчур „пессимистические выводы" в отношении французского рабочего движения: „революционные массы Франции — говорит он — здоровы" Опять намек: кто это делает пессимистические выводы и кто сомневается в здоровьи французских революционных масс? И кто это без достаточной осторожности подходит к французскому рабочему движению?.. Необходимо признать за французским движением „право на некоторую самостоятельность", говорит Раппопорт. Опять недомолвка. Только ли за французским движением? Не относится ли это ко всем национальным секциям Интернационала? Ужели же Интернационал незаконно стесняет—когда и в чем?—самостоятельность французского рабочего движения? К чему намеки? Зачем полуслова? Не лучше сказать ясно и твердо, в чем именно Интернационал проявил недостаточно бережное отношение к рабочему движению Франции и где именно он нарушил необходимую самостоятельность французского коммунизма? Договориться можно только при откровенной и ясной постановке всех спорных вопросов.

Беда, однако, в том, что тов. Раппопорт чрезмерно расширяет вопрос и вполне определенную ответственность определенных партийных учреждений, определенных газет, лиц, редакторов, вождей, переносит на всю партию и, наконец, на рабочее движение в целом. Бесспорно, партия имеет свои корни в движении, а Центральный Комитет—в партии. Но это нимало не освобождает Центральный Комитет и отдельных его членов от ответственности за их собственную

политику. Именно Центральный Комитет партии и проявлял до последних дней совершенно непонятную терпимость по отношению к враждебному органу, внедрившемуся в тело партии. Ответственность за это ложится на то самое ядро Центрального Комитета, к которому принадлежит тов. Раппопорт. Мы считаем,—и мы хотим это сказать открыто—что именно Раппопорт и его единомышленники проявляют недостаточно бережное отношение к французскому коммунизму и к рабочему движению в целом, когда позволяют безответственным группам заниматься искуственной прививкой оппортунизма к коммунистической партии и подготовкой ее сближения и слияния с оппортунистами — диссидентами путем изоляции левого крыла. Революционные массы Франции здоровы, но это вовсе не значит, что для здоровья их безразличны ошибки Центрального Комитета, в состав коего входит тов. Раппопорт. Надо опять-таки сказать прямо: Раппопорт и его единомышленники останавливаются в нерешительности перед заведением Фабра не потому, что считают его столь ничтожным, а, наоборот, потому, что исключением Фабра опасаются вызвать неизбежный „кризис" на верхах партии. Но этим самым они обнаруживают чрезвычайно пессимистический взгляд на партию, полагая, что источником и условием ее успехов является сохранение status quo на верхах, а не освобождение низов от клик, которые массе не нужны, которые ей мешают.

Что Французской Коммунистической Партии необходима самостоятельность — на этот счет Интернационал поистине не нуждается в напоминаниях. Но эта самостоятельность нужна для действий. Между тем тов. Раппопорт и его единомышленники искусственно поддерживают на верхах партии такую группировку сил, которая исключает возможность действия. Скажем точнее: линия политики, проходящая между Раппопортом и Верфеем, *не есть линия коммунистического действия.* В этом суть дела. Отсюда—недомогание и симптомы тяжелого кризиса.

Удар Коммунистического Интернационала по клике Фабра означает, что Центральный Комитет должен искать своей ориентировки не приспособлением к правому крылу, а дружной работой с левым крылом. Равнодействующая партийной политики должна проходить не вправо от тов. Раппопорта, а влево, и притом, с разрешения нашего гостя, значительно—значительно левее его. Чем скорее и решительнее будет достигнута необходимая перемена курса на верхах, тем легче будет преодолен кризис, тем дешевле заплатят низы за оздоровление и укрепление партии. В эту сторону направлены сейчас все усилия Исполнительного Комитета.

Представители всех коммустических партий с напряженным вниманием и с сознанием всей ответственности за каждый свой шаг следят за тем, что происходит во французской партии. И мы ни на минуту не сомневаемся в том, что Интернационалу удастся передвинуть линию политики верхов партии влево, в полном соответствии с потребностями, мыслями и чувствами ее низов. Более того, мы не сомневаемся и в том, что большинство руководящих товарищей той группировки, к которой принадлежит сам тов. Раппопорт, поддержит все последние шаги Интернационала, направленные на то, чтобы обезопасить французское рабочее движение от несравненно более тяжелых и болезненных кризисов в дальнейшем. Революционные французские рабочие массы здоровы. Партия вполне и целиком выравнивает свою линию по ним.

23 мая 1922 г.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ КЕР.

Дорогой товарищ Кер!

Я получил Ваше письмо от 27-го мая. Сегодня 3-е июня, что является прямо-таки рекордным сроком в условиях, как они сложились после „освободительной" войны. К сожалению, я далеко не могу солидаризироваться с Вашей оценкой того, что происходит в нашей французской партии и считаю своим долгом в ответ на Ваше дружеское письмо ответить с дружеской же откровенностью.

1) Недостаточная оформленность и столь же недостаточная идейная и организационная ясность французского коммунизма идет не снизу, а сверху. Французский рабочий класс в своем двойном качестве *рабочего класса* и *французского* рабочего класса ищет ясности, определенности, законченности и решительности. Поскольку он их не находил в старой партии, он создавал опору для революционного синдикализма. Поскольку ныне коммунистическая партия слишком медленно освобождается на своей верхушке от наследия прошлого, постольку французскому рабочему классу угрожает опасность рецидива революционного синдикализма. Как всегда бывает при исторических рецидивах, положительные стороны довоенного революционного синдикализма сходят на-нет, а отрицательные стороны чрезвычайно возрастают. Повторяю, неясность идет не снизу, а сверху. Источником ее являются редактора, журналисты, депутаты с их взаимоотношениями и связями, коренящимися в прош-

лом. Именно отсюда вытекает чрезвычайная нерешительность Центрального Комитета во всех тех вопросах, где дело касается газет, газетчиков и проч. (случай с Фабром).

2) Меня крайне удивляют Ваши нарекания по поводу исключения Фабра. Исполком намерен был исключить Фабра еще во время пленарного заседания. Он не сделал этого только потому, что французская делегация взяла на себя обязательства произвести исключение в кратчайший срок (в комиссии, где я председательствовал, говорилось определенно о четырех неделях, как о последнем сроке). Затем в тексте резолюции появилась неожиданная для нас вставка: вместо слов „поставить" „Journal du Peuple" вне партии" оказалось „поставить" „Journal du Peuple" вне контроля партии". Эта вставка имела своей очевидной задачей смягчить факт исключения, тогда как Коминтерн был явно заинтересован в том, чтобы придать исключению открытый, демонстративный, резкий, политический характер. Затем начались проволочки, явившиеся прямым и явным нарушением обязательства, взятого на себя делегацией от имени Центрального Комитета. В своем докладе тов. Лесьяг заявляла, что ничего не может сказать о том, каков будет результат работы контрольной комисси. *В партийной печати не было по этому поводу ни одной статьи.* В частности не могу скрыть от Вас своего удивления и удивления других товарищей, что не было *Ваших* статей, тов. Кер, разъясняющих французским рабочим политический смысл исключения из партии Фабра и его газеты, как гнезда заразы. Разве это не поразительный и в то же время крайне тревожный факт, что в руководящих изданиях партии не появляется статей, разъясняющих и отстаивающих решения Коминтерна? Разве это не превращает речи о дисциплине, о кровной связи и пр. в голую условность? Модильяни говорил, что связь с Коминтерном означает посылку время от времени открыток с итальянскими видами. Но поэтому-то Модильяни и поставил себя вне Коммунистического Интернационала. Неужели же можно поддерживать такие нравы, когда после принятия решений совместно с французской делегацией, решения эти фактически саботируются на деле и даже формально не отстаиваются в партийной печати?

Коминтерн не только имел право, но был обязан показать французским рабочим, что он есть действующая централизованная организация с политической волей. Теперь вопрос стоит резко и отчетливо. Исключение Фабра есть факт политический. Несмотря на ничтожество самого Фабра, исключение его имеет крупнейшее значение. Коминтерн этим действием сигнализирует французской партии, что она

стоит пред внутренними опасностями и что затягивать разрешение внутренних вопросов значит итти навстречу еще более острым кризисам.

3) Я также не вижу успехов и в области синдикального вопроса. Наоборот, мы наблюдаем здесь непрерывное отступление партии. Вердье, Кентон и др. пользовались авторитетом партии, чтобы укрепить себя в синдикальном движении, а затем оттолкнули партию ногой. В статьях „L'Humanité" отстаивается жоресистская тенденция в синдикальном вопросе, т. е. тенденция, прямо противоположная той, какая установлена Коминтерном и, хотя и недостаточно решительно, выражалась в резолюциях Марсельского съезда. Политическая природа, как и физическая, не терпит пустоты. Вы очищаете позиции в синдикальном движении, а массы ищут руководства. Поэтому синдикалисты и либертеры автоматически занимают позиции, на какие они не имеют никакого идейного права. И здесь мы видим боязнь некоторого кризиса *на верхах* синдикального движения. Несколько принципиальных, ясных, твердых, руководящих статей в „L'Humanité" во сто раз важнее, закулисных соглашений с C. G. T. U. По такому вопросу как синдикальный, нельзя позволять руководящим работникам выступать в качестве гастролеров, из которых каждый имеет свою точку зрения. Существуют твердые и точные решения Коминтерна и самой французской партии. Эти решения надо проводить в жизнь, а тех, кто нарушает эти основные решения, надо исключать из партии, иначе мы неизбежно будем питать авантюристов типа Вердье, Кентона и пр. и пр.

4) Я ни в каком случае не могу признать оценку тов. Росмера слишком „пессимистической". Из Парижа я получил от него единственное письмо, которое — замечу это во избежание каких бы то ни было неправильных выводов — пришло в Москву дней через десять после того, как Исполком вынес свои решения по французскому вопросу. Таким образом тов. Росмер на вынесение этих решений не оказал ни малейшего влияния. Но я в письме Росмера нашел затем дополнительное подтверждение тому, что вынесенные единогласно решения Исполкома были безусловно правильны.

Кстати сказать, ни в воззрениях Росмера, ни в своих собственных, я не вижу никакого „пессимизма". Наоборот, я вижу гораздо больше пессимизма в Вашем отношении к Французской партии, дорогой товарищ Кер. Вы как бы считаете, что в отношении французской партии нужна такая тактика, как в отношении тяжело больного: говорить шопотом, ходить не иначе, как на цыпочках и пр. пр. Мы же считаем, что французская партия в основном своем пролетар-

ском ядре глубоко здорова, революционна и жадно стремится к большей определенности, к большей решительности руководства.

5) И по вопросу о едином фронте я не могу, к сожалению, изменить свою оценку положения. Тот шум, который поднят по этому вопросу в нашей французской партийной печати, служит только отвлечением внимания от действительно острых и неотложных вопросов внутренней жизни партии. Вот Вам живое доказательство: тов. Даниэль Рену печатает архи-оппортунистические пацифистские статьи Верфея, Пиока, Мерика, дает возможность Мерику сочувственно цитировать „Journal du Peuple", никогда не критикует совершенно предательской линии клики Фабра и в то же время полон беспокойства по поводу того, что Фроссар будет вести переговоры с Шейдеманом и Вандервельде, как сторона со стороной *). У нас у всех такое впечатление, что для своей непримиримости тов. Рену имеет широкое поле деятельности поближе, прежде всего по отношению к своей собственной газете. Между тем, он переносит свою непримиримость в Берлин. Интернационал не навязывал Французской Коммунистической Партии какого-либо определенного соглашения с диссидентами, никакой опасности в этом отношении не грозило, между тем внутренние диссиденты (клика Фабра, клики a là Вердье, Кентона и пр.) фактически разлагают партию, лишают ее физиономии, парализуют ее волю и не встречают отпора.

Некоторые товарищи говорили, что мы „переоцениваем" значение этих явлений. Мы отвечаем: тот факт, что руководящие товарищи *недооценивают* угрожающего смысла этих явлений есть самый опасный факт.

6) Я считаю положение во французской партии критическим. Возможны два пути дальнейшего развития:

а) Твердый и определенный внутренний курс, изгнание клики правых штрейкбрехеров как доказательство того, что партия с дисциплиной шутить не будет; подлинное руководство со стороны Центрального Комитета партии и действительное выполнение решений Коммунистического Интернационала. Это наиболее здоровый и желательный путь.

б) Дальнейшая неопределенная политика центральной группы с тенденцией к изоляции левого крыла; крайняя терпимость по отношению ко всяким проявлениям пацифизма, реформизма, национализма внутри партии и мнимая и фиктив-

---

*) Речь идет о берлинском совещании трех интернационалов, в котором участвовал Фроссар в качестве члена делегации от Коминтерна. *Прим. ред.*

ная непримиримость в вопросах интернационального порядка. Отсутствие твердой и решительной линии в синдикальном вопросе. Этот путь автоматически ведет к повторению итальянского опыта, т.-е. к расколу, когда центр остается с правыми, а левое крыло выделяется в коммунистическую партию. Такой путь в Италии вызван был могущественным потрясением сентябрьской революции и ее разгромом (1920 г.). Во Франции же, обогащенной итальянским опытом, такой путь может быть вызван только дальнейшей фаталистической пассивностью центральной руководящей группы. Разумеется, и в этом наименее желательном случае партия в конце концов выйдет на большую дорогу. Неизбежные дальнейшие „перегруппировки" в пролетариате (о чем пишет время от времени, к сожалению, очень неопределенно наша французская печать) будут ориентироваться влево, а не вправо. Политики, которые действуют под впечатлением отдельных заминок и отливов—импрессионисты, а не революционеры и они будут отметены ходом событий. Партия может и должна ориентироваться только на дальнейшее накопление революционных противоречий. Нужен отбор людей и их закал. События потребуют от нас высшей уверенности, высшей концентрации сил, высшей решимости. Решения Коминтерна продиктованы стремлением помочь французской партии достигнуть этих качеств в возможно короткий срок.

Еще раз: я пишу с полной откровенностью, ибо считаю, что и так уже упущено слишком много и что слишком многое стоит на карте.

Крепко жму Вашу руку *Л. Троцкий.*

Москва, 6 июня
1922 года.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ И ЛЕВЫЙ БЛОК*).

Товарищи, после столь искусно построенной речи тов. Фроссара, — тов. Фроссар известен своим искусством,—и умеренной речи тов. Суварина, очень трудно начать с утверждения, что положение французского коммунизма очень серьезно.

Мы не впервые обсуждаем этот вопрос на наших интернациональных собраниях и каждый раз мы наблюдаем, как делегация нашей французской партии представляет нам более или менее смягченную, более или менее удовлетвори-

*) Речь тов. Троцкого на заседании расширенного пленума И. К. К. И. 8 июня 1922 г. *Прим. ред.*

тельную картину, с оговоркой, что есть, разумеется, темные стороны, недостатки, но что в общем все идет к лучшему.

Но после этого, последующий этап нашей интернациональной работы нам показывает, что положение серьезно и сложно. Это факт. И раз я того мнения — и я думаю, что в общих чертах представляю мнение Исполкома, формулированное на последних его заседаниях, посвященных французскому вопросу, — раз мы считаем, что наступило время решительных резолюций, совершенно необходимо поднять этот вопрос и рассмотреть его во всей его широте, глубине, серьезности, чтобы не было в нем никаких недомолвок.

КОНФЛИКТ.

Между Французской Коммунистической Партией и Интернационалом, можно сказать, всем Интернационалом, происходит серьезный конфликт.

Резолюции, принятые сообща, вместе с представителями французской партии, с представителями вполне признанными, не применяются, не проводятся во Франции.

Обязательства, принятые формально и торжественно здесь, не исполняются во Франции. Это факт. Этот факт не временный и не случайный. Он должен иметь глубокие корни.

Пресса нашей французской партии не отражает, не представляет идей Коммунистического Интернационала по самым жгучим, по самым важным вопросам настоящей его политики. Центральный Комитет нашей французской партии в своей работе не следует линии Коминтерна.

Важнейшая организация французской партии — очень странный политический организм, совершенно отдельный, совершенно автономный в самом широком смысле слова. Центральный Комитет состоит из представителей трех, или четырех направлений, довольно различных, и однородность совершенно отсутствует в нем.

Мы читаем в партийной прессе подписанные передовицы, которые представляют оттенки, персональные тенденции их авторов. Не слышен голос партии по самым жгучим вопросам.

Товарищи, это факты. Это очень важные факты, которые показывают, что тут дело не в некоторых крайностях. Это может быть мнение товарища Селье, которое он высказал на одном заседании Исполкома. Он и другие товарищи признали эти крайности. Но, по их мнению, если есть крайности со стороны правых, несвоевременности и т. д., то, устранивши их, можно было бы легко наладить дело.

СТАТЬЯ РЕНУ.

Есть нечто более серьезное, и эта серьезность положения была выражена тов. Даниэлем Рену после его пребывания в Москве, в статье, которую я цитировал пред Исполкомом. Эта статья, озаглавленная „Против революционного разоружения", говорит о едином фронте. Даниэль Рену пишет: „полемика за и против единого фронта началась с новой силой. Не будем на это жаловаться, надо, чтобы нарыв прорвался; дело должно быть в корне ликвидировано".

Вот слова, которые, с своей стороны, приветствую, потому что не ликвидируют подобных вопросов закругленными фразами.

Нам говорят: „есть нарыв, надо, чтобы он прорвался!" И это Даниэль Рену, который был здесь, который обсуждал вместе с нами вопрос подробно, исчерпывающе, который нас информировал, которого мы пытались информировать, возвращается во Францию и говорит: „с революционной точки зрения нас хотят разоружить; есть нарыв, надо, чтобы он прорвался."

Мы тоже стоим за это. Да, надо, чтобы нарыв прорвался. Мы начали с незначительного нарыва, но не такого маленького, каким его видел тов. Раппопорт в газете „Journal du Peuple".

Мы сказали в свою очередь: „надо, чтобы этот нарыв лопнул, а потом мы увидим, где зло и откуда произошел нарыв."

Мы все же пытались, товарищи, добиться соглашения с Центральным Комитетом письменно, — я сейчас не знаю, сколько было этих писем, это легко установить, — вели переговоры с французскими делегациями. Мы настаивали на том неоспоримом мнении, что в коммунистической партии нет места такому человеку, как Фабр, и его газете.

Нам ответили: „да, конечно; вопрос этот совершенно не важный. Мы его уладим".

Его не уладили. А раз этот вопрос такой незначительный, как говорит Раппопорт, почему не дали этого маленького удовлетворения Интернационалу и не исключили Фабра.

СЛОНЫ РАППОПОРТА.

В статье, напечатанной сегодня, Раппопорт говорит: „мы, конечно, соглашаемся на исключение Фабра, но мы стреляли в муху, и смерть этой оппортунистической мухи будет служить развлечением, выгодным некоторым оппортунистическим слонам".

Значит, мы, несчастные члены Исполкома, стреляли в муху. А есть оппортунистические слоны, которых раздавит Раппопорт (смех).

Дорогой тов. Раппопорт, назовите, назовите их! Кто эти оппортунистические слоны? Назовите их!

Вы позволите дать ему две минуты на размышление. (Смех и различные движения).

Зиновьев: (прерывает) Мы ждем...

Троцкий: Я прошу товарищей стенографистов зарегистрировать эту паузу, потому что мы ждем, все ждем, и не муху, а слона...

Раппопорт: Я записался. Я возьму слово и охарактетизирую течения, которые существуют в партии. Когда я говорю о слонах, это значит о некоторых течениях. Это в интересах дискуссии...

Троцкий: Очень хорошо...

Раппопорт: Я записался и отвечу.

Троцкий: Я пока удовлетворен... Но я должен заметить, что мой политический опыт, и не только мой собственный опыт, мне подсказывает, что всегда гораздо труднее попадать в конкретную муху, чем в слонов, которых не называют.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Товарищи, „Journal du Peuple", газета, где, между прочим, участвовали несколько французских товарищей, состоявших случайно членами Центрального Комитета и состоящих в нем еще до сих пор.

Конечно, если рассматривать историю человечества во всей ее широте, то „Journal du Peuple"—величина незначительная. Но мы говорим сейчас о жизни французской партии. Если же мы вспомним, что товарищи из Центрального Комитета, не упоминая здесь о присутствующих, такие, как Верфей, как Мерик, участвовали в нем после вынесенного Исполкомом решения об исключении, то вопрос становится серьезным.

Если допустить тот факт, что член Центрального Комитета, каким является Раппопорт, переставший работать в этой газете раньше других, не хочет понять всей важности всей серьезности того факта, что после предложения Исполкома об исключении, о запрещении участия в газете, находятся еще два члена Центрального Комитета, продолжающие участвовать, если это не важно, если это и есть муха, тогда я теряюсь в понятиях о политических величинах, я больше ничего не понимаю.

Кто является авторитетом в коммунистической партии, если не Центральный Комитет, который стоит во главе партии и насчитывает около двух десятков товарищей? А между ним есть сотрудники „Journal du Peuple“,—газеты, достойной исключения, вы сами это говорите,—которую делегация обязалась исключить. Не только в ней участвуют, но если вы хотите справиться о том, что делается в Центральном Комитете и в партии, разумеется, в совершенно нелойяльной форме, почитайте „Journal du Peuple“. А если вы станете искать опровержение в партийной прессе, вы его никогда не найдете.

Если вы уважаете тех товарищей, которые участвуют в „Journal du Peuple“, если вы в партии поддерживаете политическое уважение к ним, это распространяется и на газету, раз в ней отражается их личность.

КАКАЯ ПЕРЕГРУППИРОВКА?

Товарищи, в газете Фабра я читал статью Рауля Верфея, члена Центрального Комитета, который пишет после последнего пленарного заседания Исполкома в конце апреля:

„Фроссар первый не побоялся поставить вопрос о возможности перегруппировки партийных сил, расколовшихся в Туре“.

А мы слыхали от Фроссара категорическое заявление о том, что это неправда, что он не думает о восстановлении единства прежней партии, о соглашении с диссидентами, или частью их.

Это говорит Верфей в „Journal du Peuple“. Разве вы прочитали опровержение в „Humanité“? Рабочие же хотят все-таки знать, в чем дело, и не только мы, коммунисты России, Италии и т. д., но и рабочие Франции, которых интересует Центральный Комитет их коммунистической партии и ее лидеры. У них, кроме прессы нет другой возможности осведомляться. Вы мне скажете,—несколько товарищей особенно настаивали на этом,—что „Journal du Peuple“ не читается. Да, но вовсе не нужно читать именно „Journal du Peuple“. Такая новость тотчас же распространяется, потому что она имеет определенное значение для нас, чтобы мы могли ориентироваться, стоим ли мы за или против восстановления единства с диссидентами. И вот Верфей об этом говорит. Где? В газете Фабра. В газете, издаваемой членом партии.

Теперь представьте себе, товарищи, психологию простого, преданного и честного рабочего. Ему говорят: „мы сдела-

ли большую ошибку в Туре. Нужно объединиться с диссидентами". Он отвечает: „но ведь вы говорите глупости!" А ему отвечают: „но Фроссар так хочет, Рауль Верфей тоже, он сам об этом пишет". А кто же такой Верфей? „Верфей — это член Центрального Комитета." Разве не правдоподобен подобный диалог? Он совершенно естественен! И это дело серьезное!

ТЕЧЕНИЯ В ПАРТИИ.

Рассмотрим теперь различные течения в партии, какими они выявляются в Центральном Комитете и отражаются в прессе.

Мне скажут, — меня уже упрекали в этом — „вы только и делаете, что цитируете из газет". Мы к этому возвратимся. Да, я привожу цитаты, потому что они характеризируют жизнь партии.

В Центральном Комитете есть представители правой, т. е. пацифизма, реформизма, центризма.

Есть представители левой, из которых одного, товарища Суварина, мы слышали сегодня.

Есть центр, и я удивляюсь, что Раппопорт в своей сегодняшней статье, говорит: „Троцкий очень настаивает на блоке левой с центром, но с центром нам делать нечего. С ним надо бороться, а не входить в соглашение". Тов. Раппопорт все еще ищет вокруг себя центр. (Смех).

Раппопорт: (прерывает) Я ищу центр, чтобы его уничтожить.

Троцкий: Да, да, да, чтобы его уничтожить (смех), но вы его никогда не найдете, как и ваших слонов, ваших оппортунистических слонов.

Есть еще различные, очень опасные течения. Нам известен, не всем персонально, Рено Жан, который ведет большую работу среди крестьян и который тоже член Центрального Комитета. Я должен тут же вам сказать, товарищи, что я очень высоко ценю работу тов. Рено Жана. Но некоторые его статьи меня наводят на мысль, что он пошел по чрезвычайно опасному пути. И результаты ваших последних выборов совпадают с моим предчувствием, подтверждают заключения, о которых я вам сейчас скажу.

КРЕСТЬЯНСТВО И ПАРТИЯ.

Тов. Рено Жан писал против идеи единого фронта, основанной на лозунге: восьмичасовой рабочий день и борьба с понижением заработной платы. Он писал: „Но коммуни-

стическая партия опирается на две части пролетариата,—рабочих и крестьян. Длительность рабочего дня или заработная плата крестьян не интересует. С таким лозунгом мало можно сделать во Франции. Так что же? Нужна пропаганда анти-милитаризма". Я подумал: естественно, что товарищ, занимающийся пропагандой среди крестьян, преувеличивает в известном смысле, но все же он слишком преувеличивает, потому что он, товарищи, упускает из виду классовый характер нашей партии. Он ставит на одном уровне рабочих и крестьян. Не забудем, товарищи, что крестьяне мелкобуржуазный элемент, иногда деклассированный мелкий буржуа, разрозненный, отсталый, обладающий психологией, нам чуждой, не пролетарской. Крестьяне могут быть втянуты в движение пролетариатом идущим к окончательной победе, но только втянуты.

В России есть партия, которая всегда нападала на нас, говоря: „вы понимаете под пролетариатом только промышленный класс, вы слишком узко смотрите. Вы не считаетесь с другой половиной, с крестьянством". Это партия социалистов-революционеров и ее учение.

Итак, то, что предлагает нам тов. Рено Жан, это начало основной линии учения русских эс-эров. А вы знаете, что с последними случилось.

Итак, повторяю, я говорил себе: „не надо преувеличивать значения этого факта, нужна директива Центрального Комитета, потому что это, очевидно, не мнение партии, надеюсь, по крайней мере".

Позднее я читал в „Humanité" отчет о речи одного молодого товарища Оклера, временно назначенного даже на пропагандистскую работу, из чего следует, что он не случайный, не первый встречный.

Этот молодой товарищ защищал позицию Центрального Комитета, позицию французской партии. Вот что он говорит (я привожу цитату из „Humanité"): „Оклер нападает на экономическую борьбу молодежи. По его мнению, это—гипноз относительно рабочего класса «в стране, где четыре седьмых населения состоит из крестьян, следует прежде всего завоевать крестьянские слои». Потом он восстает против принципа того тезиса, который дает возможность шагнуть назад и оживает реформизм".

Итак, реформизм—это борьба за ближайшие нужды, требования пролетариата. Что надо сделать,—завоевать сперва слои крестьянства.

Это просто на просто теория эс-эров. Просто напросто! И в действительности, если вы хотите самого настоящего реформизма, так это он и есть.

ОПАСНОСТЬ, С КОТОРОЙ НАДО БОРОТЬСЯ.

Да, во Франции много крестьян. Я это знаю. Резолюциями не изменишь положения. Но если мы хотим приспособить нашу политику к крестьянству, как этого требует Рено Жан, отрицающий лозунг единого фронта, потому что он неприменим к крестьянству, если нам говорят, что нужно прежде всего овладеть слоями крестьянства, тогда, товарищи, во Франции уже существует чрезвычайно опасное движение. И самое опасное то, что преподносят ему мелко-буржуазную идеологую,—так как крестьяне—земледельческая мелкая буржуазия,—покрывая ее революционной фразеологией.

Говорят: мы не хотим подчеркивать, напирать на лозунги и требования пролетариата не потому, что мы поступились ими для мелко-буржуазного крестьянства,—если бы говорили так, то совершенно очевидно было бы, что изменяют пролетариату сознательно или бессознательно,—но потому, что частичные требования—это реформизм. А мы хотим полной и всеобщей революции, и для достижения ее нужно прежде всего завоевать крестьянство.

А последние кантональные выборы подтверждают, говорит нам Фроссар, что мы во Франции потеряли часть голосов рабочих и выграли голоса крестьян. Это именно самый опасный симптом в эволюции партии.

Конечно, товарищи, если дать себе в этом отчет, сейчас же заметить такую эволюцию, то очень легко выравнить линию партии, направить ее к целям нашей программы.

Но не критиковать, не подчеркивать всей серьезности задачи по вопросу об оппортунизме в крестьянстве было бы большим промахом. Тов. Оклер, который что-то отражает,—потому что он молод, а молодые часто более крикливо повторяют то, что старшие говорят осторожно,—самым резким образом нападает на Интернационал. Теперь, когда хотят защищать во Франции самые „революционные“ и непримиримые лозунги, всегда нападают на Интернационал, который хочет „обезоружить“ французских крестьян!

ПРОВЕДЕНИЕ РЕШЕНИИ.

Товарищи, сейчас мы примем очень важные решения; здесь представлен весь Интернационал. Мы имеем здесь очень авторитетную французскую делегацию.

Но до сих пор, когда мы выносили резолюции, даже принятые одной только французской делегацией, мы читали после этого во французской коммунистической прессе, что решения Интернационала основаны на абсолютно неполной

и недостаточной информации, на отрывках статей и т. д. Это достаточно важно и требует некоторых доказательств.

Вот статьи, помещенные в мае после последней сессии Исполкома. Вот что пишет Виктор Мерик, который, если я не ошибаюсь, состоит еще членом Центрального Комитета: „Пристегивают лишь несколько отдельных фраз из общего текста. И вы из этого фабрикуете дело? Исполком по этому судит? Я знаю, конечно, что у наших товарищей, Зиновьева и Троцкого, есть еще и другие дела, и что они не могут входить во все детали, но я сожалею, что они осведомлены таким странным образом".

В другой статье:

„Я усиленно предлагаю нашим товарищам Троцкому и Зиновьеву,—если у них на это найдется немного досуга—внимательно прочитывать наши статьи с начала до конца, и не довольствоваться отдельными фразами, несколькими ловко подобранными цитатами и т. д.".

А Оклер (то, что пожилые говорят немного приличнее, молодые кричат во весь голос): „Товарищу, который ему указывает, что III Интернационал не II, Оклер возражает, что Интернационал часто черпает сведения из болтовни" („Ragot").

„Ragot"—это значит болтовня? Что-то в этом роде?

Раппопорт: (приводит русский термин).

Троцкий. Да, пустая болтовня, хуже того,—клевета.

Итак, Интернационал осведомляется лишь из болтовни. Об этом заявляют.

Я нахожу нужным сейчас же показать вам эти подобранные отрывки статьи Виктора Мерика. Я составил подобное дело во время последней сессии Исполкома. Кто-то был столь любезен, что передал Мерику, что у меня было дело, состоящее из вырезок: что же поделаете, у меня бюрократические замашки,—когда я нахожу что-нибудь интересное, я вырезываю ножницами и наклеиваю... Есть некоторые, которые пристегивают булавкой, а я наклеиваю... Но скажите, товарищи, как же иначе делать?

Раппопорт: (прерывает). Но у вас нет дела Раппопорта.

Троцкий. Раппопорт чрезвычайно осторожен. Когда положение становится трудным, он отсутствует по совершенно уважительным причинам. (Смех).

КАК ОБМАНЫВАЮТ ПАРТИЮ.

Товарищи, говорят французским рабочим,—это все-таки очень печально и очень серьезно,—знаете ли вы, как принимаются решения Интернационалом? Кто-то дает Троцкому

отдельные цитаты, без содержания, без смысла. Последний достаточно глуп, чтобы считаться с ними и читать их на заседании Интернационала. А Интернационал решает на основании этих сплетен. А потом мы от этого терпим, мы страдаем от последствий, мы, французские коммунисты.

Представьте себе на одну минуту французского рабочего, простого и честного; что он должен подумать? Он должен себе сказать: зачем нам принадлежать к этому Интернационалу? Какой смысл имеет принадлежать к такому Интернационалу, который без толку решает, потому что Троцкому некогда изучать вопросы и он интересуется французскими коммунистами так, между прочим? Другие члены Исполкома столь невежественны и не только невежественны, но до такой степени лишены элементарного коммунистического сознания, понятия о долге, чести, что Исполком голосует, не зная, о чем речь идет. Это говорит Виктор Мерик, член Центрального Комитета, и требует, чтобы я читал его статьи от начала до конца.

А я вас прошу, французские товарищи, здесь присутствующие, сказать французским рабочим, что их бессовестно и бесчестно обманывают. Мы читаем статьи, которые надо читать, когда нам нужно что-нибудь сказать пред этим собранием, самым высоким для всех нас. Мы читаем статьи с самого начала до конца, даже если мы рискуем в них ничего не найти, как, например, иногда в статьях Виктора Мерика.

И мы упрекаем наших французских товарищей в том, что они нас не защищают, т.-е. не защищают решений Интернационала и самый Интернационал. Разве „Humanité“ разве „L'Internationale“ говорят французским рабочим: „вас обманывают, вам лгут: Интернационал не основывает своих решений на сплетнях“. Они этого не говорят.

ИНФОРМАЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

После этого нам пишут, нам говорят, что есть в Париже некоторое анти-московское течение. Что касается меня, то я удивляюсь большому терпению французских рабочих, что они не сжимают кулаки и не показывают их Москве. Если так осведомляют французских рабочих, какое представление они могут иметь об Интернационале, об Исполкоме?

Разве „Humanité“ полемизирует с „Journal du Peuple?“ Нет, потому что последняя только муха, ничто. С этой газетой не полемизируют, довольствуются только тем, что сотрудничают в ней. А эта газета—источник, из которого французские рабочие черпают сведения об Интернационале,

а ведь такие обвинения сейчас же распространяются. Мы немного знакомы с психологией, с человеческим образом мышления. Когда говорят, что решения принимаются на основании сплетен, и это не опровергается Центральным Комитетом или некоторыми его авторитетными членами, то это сейчас же распространяется. Разве можно дышать в такой атмосфере? Нет!

А наша информация?

Интернационал состоит из различных партий, разбросанных по земному шару, и топографические условия очень мешают полному и всестороннему ознакомлению с положением вещей. Но виноват физический мир, а не III Интернационал. Так что-же? Разве возможно информироваться лучше, чем это делает III Интернационал? Что у нас есть в смысле информации? У нас прежде всего газеты. Нам часто говорят, в особенности наш товарищ Селье, что газеты, статьи, это не имеет значения. Но все-таки именно коммунистические газеты отражают жизнь партии. Говорят, этого недостаточно. Да. Но если обладать некоторым политическим и партийным опытом, то можно различать соотношение между жизнью масс и физиономией газет, восстановить это соотношение. У вас был во Франции великий ученый Кювье, который посредством одной кости восстановил скелет животного. А у нас в руках не одна кость (маленькая вырезка). Читая изо дня в день партийные газеты, можно восстановить хоть немного жизнь партии, жизнь массы. А если газеты так составлены, что они совсем не отражают, или очень мало отражают жизнь партии, то это еще одна черточка в характеристике жизни партии.

И затем есть ли у нас только газеты? Нет, у нас есть доклады Центрального Комитета, доклады французских делегатов, доклады членов Исполкома. Мы послали от имени Исполкома в качестве делегата Эмбер-Дроза, Бордигу, Валецкого. Был еще товарищ из коммунистической молодежи, молодой, но очень твердый и солидный, пославший нам доклад о съезде в Монлюсоне. Разве мы не выслушали очень искусную речь нашего товарища Фроссара? Разве мы не разговаривали с т. Селье, а до этого с т. Кашеном? Разве на нас не действуют аргументы, факты? Так дайте же их, дайте! А если, несмотря на все это, несмотря на постоянное представительство, несмотря на посылку делегатов во Францию, несмотря на доклады партии, вы заявляете тем не менее, что Интернационал ничего не понимает, основывает свои решения на сплетнях и отдельных газетных вырезках, лишенных смысла, что же нам остается делать? Какой же образ действия вы нам посоветуете, дорогие товарищи?

Я настаиваю на том, что если хотят действительно проводить какое-нибудь решение, необходимо, чтобы оно имело вес во Франции. Для этого надо покончить с совершенно нелойяльной выдумкой, которую преподносят французским рабочим, будто бы резолюции, проголосованные здесь, приняты легкомысленно или несознательно.

ОШИБКИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Говорят, что мы совершили ошибки, в особенности, русская партия. „Раз признали ошибки (это пишет Верфей) с точки зрения чисто государственной политики, можно сознаться, что ошиблись и в некоторых других областях, а именно в международной социалистической деятельности".

Да, но существует только одна коммунистическая партия, стоящая у власти и имеющая возможность совершать правительственные ошибки: это российская партия. Но существует Интернационал в целом, являющийся не простой формулой, а состоящий из живых и борющихся партий. Мы сделали общегосударственные ошибки, я говорил об этом в Исполкоме, даже много ошибок, и я был бы счастлив их перечислить и охарактеризовать пред европейскими рабочими, потому что другие партии будут завтра или после завтра в нашем положении и надо сделать все возможное, чтобы облегчить им задачу и дать им возможность не повторять наших ошибок.

Но все-таки есть разница между государственными ошибками, совершонными партией, которая первая захватила власть, и обычными, общеизвестными, зарегистрированными, записанными в каталог ошибками французской партии. Очень хорошо известны ошибки Рено Жана, Верфея, Пиока, Мерика, как, например, ошибка, состоящая в том, чтобы не замечать ошибок у нашего товарища Раппопорта и его друзей.

Это, повторяю, ошибки обычные, общеизвестные, но их нельзя сравнить с нашими государственными ошибками. Но если есть ошибки, скажите какие?

КТО ЯСНО ВИДЕЛ?

Товарищи, — я обращаюсь к французским товарищам и в первую очередь к Селье, который говорит, и лойяльно подтверждает, что мы опираемся в своих решениях на газеты, статьи и т. п., и что в общем мы не можем, не имеем возможности черпать сведения из самой жизни фран-

цузского пролетариата,—я помню во время дебатов о едином фронте я сказал в одном из своих докладов: можно разделить коммунистические партии на три группы: в первую включить партии без большого влияния, вторая состоит из партий, имеющих наибольшее влияние, третья состоит из серединных между этими двумя положениями партий.

Французские делегаты утверждали: в области политики мы являемся доминирующей силой, диссиденты больше не существуют. Так говорил Марсель Кашэн, Рену, а также тов. Селье.

На меня это заявление так сильно повлияло, что я не настаивал на голосовании тезисов, которые я приготовил. Я их только опубликовал лично от себя. Я сказал себе: надо быть осторожным, не надо еще ставить на голосование...

Раппопорт (прерывает) Вы сегодня меня упрекали в осторожности...

Троцкий: в другом направлении, товарищ, как раз в обратном (Смех).

Вот, товарищи, что я писал в тезисах, опубликованных в „Коммунистическом Бюллетене": „при известных обстоятельствах диссиденты могут стать контр-революционным фактором внутри самого рабочего класса, более серьезным, чем нам кажется, если мы будем судить по слабости организаций, тиражу и по идеологическому содержанию „Populaire". (Я не читаю всего, потому что слишком длинно).

Дальше:

„Если рассматривать партию, как активную армию, а неорганизованную рабочую массу, как ее резерв, и если допустить, что наша рабочая армия в 3 или 4 раза сильнее армии диссидентов, то может случиться при некоторых обстоятельствах, что резервы разделятся между нами и социал-реформистами в пропорции, гораздо менее выгодной для нас".

Эта мысль снова развита мною немного дальше:

„Реформисты—диссиденты, будут агентами левого блока в среде рабочего класса. Их успех будет тем больше, чем меньше рабочий класс будет проникнут идеей и применением единого рабочего фронта против буржуазии и т. д.".

ПРИЗНАНИЯ ВОЗРАЖАЮЩИХ.

Если, действительно, суждения, высказываемые здесь, столь поверхностны, тогда вы должны объяснить, почему возникло недоразумение между нами и товарищами, которые нападают на единый фронт. Мы сказали: не надо обманы-

ваться тем, что нам кажется; организация диссидентов в три раза слабее нашей, потому что она представляет собой не что иное, как слабость, неспособность и предрассудки рабочего класса. Вот почему процент организованных рабочих коммунистов больше, чем среди диссидентов.

Последние эксплуатирует невежество, которое в глубоких слоях угнетенного народа огромно, и из этого источника невежества они сумеют черпать голоса во время выборной кампании.

Вот почему идея единого фронта не характеризуется соотношением организованных сил. Нужна широкая перспектива, действительно историческая перспектива, чтобы оценить ее достоинство.

Я повторяю: тов. Фроссар признал здесь, что его товарищи и он сам недостаточно соразмерили еще существующие силы диссидентов в рабочей массе. Диссиденты получили на севере, в промышленной области больше голосов, чем мы. Это доказывает, что самый важный аргумент, который приводят французские товарищи против единого фронта, совершенно неверен; а это было их главным аргументом: нам нечего больше делать с диссидентами, которые являются ничтожной величиной.

Вы ошиблись!

В тезисах, которые я составил, посоветовавшись с несколькими товарищами в Исполкоме, а не только на основании моего личного мнения, я доказывал, что диссиденты не представляют ничтожную величину. Когда я посоветовался с товарищем Зиновьевым, он мне сказал: „очень трудно утверждать, что они представляют реальную силу, когда французские товарищи это отрицают“. Тогда я не предложил никаких тезисов. Я их опубликовал за своей собственной ответственностью в „Коммунистическом Бюллетене“. Но теперь правильность этих тезисов совершенно доказана фактами.

ДИСЦИПЛИНА.

Итак, мы можем сказать французским рабочим, что их обманывают те, кто говорит, что мы принимаем решения легкомысленно. И тот факт, что такие вещи говорятся французскому пролетариату, нам в достаточной степени объясняет недисциплинированность по отношению к Интернационалу.

Дисциплина вещь довольно строгая. Когда в исключительных случаях ты в чем-нибудь не согласен, то подчиняешься и говоришь себе: то, что нас соединяет, гораздо важ-

нее того, что нас разъединяет. Когда разногласия происходят часто, то это может служить доказательством, что организация разнородна. Но когда есть разногласия и находятся товарищи, которые доказывают, что эти разногласия возникают из того факта, что в Москве делают вырезки без смысла и значения, что разногласия объясняются постоянными ошибками Москвы, тогда рабочие должны сказать себе: „зачем же подчиняться"? Вот таким образом дисциплина разрушается с верху до низу.

По вопросу о едином фронте у нас была широкая дискуссия здесь, в этом самом зале. В конце этой дискуссии Даниэль Рену заявил:

„Мы уже сказали, что в эту дискуссию мы вносим строгую дисциплину. Мы имели право и обязаны были защищать нашу точку зрения, наше мнение самым категорическим образом; *но мы дисциплинированные солдаты Интернационала*, и, следовательно, какие бы вы решения не приняли, мы им подчинимся, к этому обязывает нас наш коммунистический долг".

Вот смелые слова солдата революции.

РАБОТА РЕНУ ВО ФРАНЦИИ.

Но вот, товарищи, Рену вернулся во Францию. Я могу понять, когда кто-нибудь легкомысленно принимает неважное обязательство и не в состоянии его потом выполнить. В этом случае есть ошибка, но не всегда есть доказательства отсутствия доброй воли. Можно было бы сказать, что так произошло со случаем исключения Фабра: было принято обязательство и не выполнено.

Но по вопросу о едином фронте была дискуссия, горячая дискуссия, речь Даниэля Рену, очень торжественные и патетические заявления: „солдаты революции", „коммунистический долг", „мы подчиняемся" и т. д. Потом в серии передовиц—я буду из них цитировать только некоторые, помещенные в „Internationale" газеты, редактируемой Даниэлем Рену,—вы находите выдержки из „Journal du Peuple" (газета, которая должна была быть исключена с согласия Рену), отрывки, написанные, например, Вердье, бывшим членом партии, отвернувшимся от нее, оскорбляя в то же время Интернационал. Даниэль Рену принял обязательство исключить „Journal du Peuple" вместе с его Вердье, его Фабрами и всей их кликой. А в ожидании исключения он цитирует или позволяет цитировать Вердье в своей газете, когда Вердье пишет против Интернационала по вопросу о едином фронте.

По вопросу о поездке тов. Фроссара в Берлин, Центральный Комитет, который не представляет из себя шумно-импровизированное уличное собрание, голосовал за резолюцию, которая гласит: „Центральный Комитет, получив телеграмму, приглашающую тов. Фроссара на 5-е мая в Берлин, а на 9-е на конференцию девяти, постановляет, что тов. Фроссар *в виде исключения* сумеет явиться в ответ на это приглашение“.

Голосовали против этой резолюции: Дондиколь, Мерик и.... Рену.

Вы, может-быть, думаете, что Рену голосовал против слов: „в виде исключения“? Что он хотел, чтобы всегда подчинялись, а не в виде исключения? Ничего подобного. Он не хотел, чтобы подчинялись даже в виде исключения. Он не хотел, чтобы Фроссар поехал в Берлин для проведения резолюции, по поводу которой он заявил: „мы подчиняемся, дисциплинированные солдаты, коммунистический долг“ и т.д.

ПОЧЕМУ ТАКОЕ ОЖЕСТОЧЕНИЕ?

Затем вот дебаты по поводу знаменитого „морального“ доклада Пиока в федерации Сены. Там дело шло не о едином фронте. Но наш защитник дисциплины появляется на съезде федерации и предлагает в виде протеста голосовать против единого фронта. И в такой момент, когда дело идет о совершенно другом.

А это, товарищи, не позиция члена Центрального Комитета, члена партийной делегации в Москве, который по возвращении во Францию нашел настроение в партии, противоречащее линии Интернационала, и который говорит: „я ничего не могу сделать, вопреки меня настроение резко враждебное к резолюциям Интернационала“.

Нет, это он, инициатор Рену, возбуждает при всяком удобном случае горячее проявление ненависти к москвичам, которые, по его мнению, базируют свои резолюции на сплетнях и которые в то же время хотят „обезоружить“ французский пролетариат. Почему мы хотим его обезоруживать? О, объяснений ищите в „Journal du Peuple“, потому что французские рабочие все-таки ищут разъяснения. Разве „Humanité“ дает им разъяснение? Нет. Кто даст им это разъяснение? „Journal du Peuple“? Что в этой газете говорится?

Говорится, что большевики хотят единого фронта потому, что положение русского государства очень запутанное, что они хотят сближения с Вандервельде и Шейдеманом, располагающими армиями, силами, финансами, кредитами и т.д. Они хотят сближения, но их происки им не удадутся. Я бы

мог привести десятки цитат в доказательство этого тезиса. Тогда я говорю, что тут разделение труда. Говорят: Интернационал принимает решения, которые нельзя выполнить. „Интернационал хочет нас обезоружить“. Рену — солдат дисциплины—приходит в федерацию Сены и предлагает протест в виде манифестации против единого фронта. А „Journal du Peuple“ дает пояснение: „Это не Коммунистическому Интернационалу явилась мысль о тактике единого фронта. Это выдумало русское правительство в своих национальных интересах. Ее выдумали в комиссариате иностранных дел, чтобы спасти международное положение России“.

Товарищи, я снова удивляюсь, как при подобных условиях французские рабочие соглашаются принадлежать к нашему Интернационалу. Я восхищаюсь их терпением, но ясно, что это терпение имеет границы.

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Есть логика во всем этом. Я не говорю о необычайных и исключительных случаях. Вот еще одна резолюция, принятая в мае Сенской федерацией, резолюция, выработанная комиссией, членами которой состоят Мерик, Рену и Гейне (я не называю других, они менее известны). Это представители трех течений: Мерик—это правое, достаточно выраженное; Рену—это центр Центрального Комитета; Гейне—это так-называемая крайняя левая. Не забудьте, что федерация Сены принадлежит к крайней левой и что тем не менее ее секретарем долгое время состоял Пиок, принадлежащий к крайней правой (смех). Противоположности сходятся—это общеизвестно. Резолюция вынесена блоком трех течений, стоящих в опозиции к течениям левой, которую представляет Росмер, Амедей Дюнуа, Трен и другие товарищи, подписавшие другую резолюцию в духе Интернационала.

А вот резолюция этого блока. К сожалению, я не могу ее прочесть здесь целиком. Она представляет собою большое политическое событие, и если нам говорят: „О, вы придаете слишком большое значение резолюциям“, я отвечу: „Товарищи, мы хотим изменить весь мир! Но предварительным условием является ясность идей. Ясное политическое и теоретическое сознание партии революции. Если этого нет, то я не понимаю, почему мы отделились от диссидентов, почему мы не заодно с анархистами?“

Эта резолюция, голосованная блоком трех течений, которые все враждебны Коммунистическому Интернационалу, констатирует кризис партии. Этот кризис связан с внезап-

ными изменениями тактики, проводимой Исполкомом Коминтерна, и непонятной иногда для массы.

Так, кризис в пополнении новыми членами, кризис вообще во французской партии, как, впрочем, и в других партиях (что сказано в тексте) связан, т.-е. вызван капризным Интернационалом, его резкими переменами, смысл которых непонятен рабочим массам.

Дальше, кризис приписывается изменению тактики, единому фронту. А на самом деле кризис начался раньше, чем появилась идея о едином фронте. Можно сказать, что, наоборот, остановка в пополнении французской партии, не только французской партии, но и других, навела Интернационал на мысль о едином фронте, а эту мысль выразил уже в своих резолюциях III конгресс, потому что единый фронт—это возможность итти по широкому политическому пути.

ПАРИЖСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ.

Несмотря на это, резолюция начинает с того, что приписывает кризис Коммунистическому Интернационалу. Причин этому не ищут, например, в федерации Сены. Эта федерация—является совершенно исключительной организацией. Она основана на принципе федерации: это значит, что каждая секция, невзирая на ее численность, представлена в центральной организации одним делегатом. Их...

Раппопорт: (перебивает) 85.

Селье: 90.

Троцкий: приблизительно около 100. Руководящая организация федерации включает в себе около сотни делегатов от секций, различных по количеству членов. Естественно, на собраниях присутствуют один раз 30 товарищей одного течения, другой раз 20 другого течения, в третий раз другие товарищи вне всякого течения... Никакой последовательности, никакой руководящей линии. Это хаос, полный хаос. А когда говорят об этом французским товарищам из Центрального Комитета, когда я говорил об этом французской делегации три месяца тому назад, все это признают, кроме тов. Метейе, который не хотел этого признать, потому что он сторонник этой системы. Но все другие признаются.

Но в Париже заключают блок не против буржуазии, а против Интернационала. Эта странная организация становится священной. Вот что говорят Даниэль Рену, Виктор Мерик и Гейне:

„Эта организация, инспирированная советами, совершенно законна в партии, которая ссылается на самое происхождение русской революции и т. д.“.

РУССКИЕ СОВЕТЫ И ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАКОНЫ.

О том же говорил нам тов. Метейе: „Но ваша республика тоже федеративная“. Да, наша республика федеративная, но не партия. Партия—это орудие, нужное для достижения федеративной республики. Пила остра, но доска, которую ею пилят, не остра. Инструмент и предмет, созданный этим инструментом, совершенно различные вещи. Украина – независимая, Азербейджан, Грузия — независимы. Но вы думаете, коммунисты этих стран независимы? Они также подчинены партийной дисциплине, как и московские коммунисты. Наша организация в высшей степени централизована. Вы думаете, что мы могли бы сопротивлятся без этой централизации?

Государственный федерализм есть необходимая уступка, с одной стороны, некоторым культурным требованиям школы, языка и т. д., а, с другой стороны, национальным предрассудкам мелкой буржуазии как деревни, так и города. Это уступка. Мы можем и мы принуждены делать уступки мелкой буржуазии в государстве, но не в нашей партии. Наша партия остается вполне централизованной

А вот французские товарищи нам говорят: „Федеративная организация Сены—это копия с федеративной республики, с этого священного учреждения“. Товарищи, я бы не смолчал, если бы встретил французского рабочего, который бы так со мной говорил. Я бы ему ответил: „друг мой, ты ошибаешься, есть разница в принципе конституции партии и конституции государства, раз первая должна создать вторую“. Я ему объясню. Но этого не делает тов. Рену, который понимает в чем дело. Ни Виктор Мерик, который должен был бы понять. Даниэль Рену признался здесь: эта организация совершенно неприемлемая, неприменимая, которая дезорганизует коммунистическую жизнь в Париже. Но он говорит обратное в резолюции и все это для того, чтобы заключить блок с правой и крайней левой против коммунистической левой.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ТРЕНА.

Дальше резолюция гласит: „при таких условиях невозможно, чтобы борьба, существовавшая тогда между революционерами и реформистами, могла прекратиться или даже

ослабеть". Вот почему федерация Сены отказывается от проведения тактики единого фронта и „осуждает" неореформизм, предложенный некоторыми товарищами, как способ проведения единого фронта.

Итак, говорят, что разногласия между реформистами и революционерами не могут сгладиться... Потом говорят: несколько товарищей, не называя имен, так как здесь подражают тов. Раппопорту с его слонами, говорят: несколько товарищей...

Фроссар: (перебивает). Если Вы позволите мне сказать два слова, это ответ на заявление тов. Трена, в котором было сказано, что современное положение, реформа, есть эквивалент революции.

Троцкий: я читал статью тов. Трена, напечатанную в „Correspondance Internationale" по вопросу о едином фронте. И я вам говорю, товарищи, что статья тов. Трена—лучшая статья на французском языке, которая к тому времени появилась, и я вам всем советую ее прочесть. Я не могу, конечно, взять на себя ответственность за все, что мог сказать или написать тов. Трен. Но мы говорим сейчас о едином фронте, а Трен написал в „Correspondance Internationale" превосходную статью, которая ясно освещает положение.

Я очень хорошо знаю этот способ: чтобы напасть на Коммунистический Интернационал, выбирают в виде мишени кого-нибудь, кто защищает его идеи. Тов. Фроссар, это очень известный способ и он слишком часто практикуется сейчас во Франции.

Я не собираюсь защищать ни тов. Суварина в том, что он говорит и пишет, ни тов. Трена, ни самого себя, так как и я совершил много ошибок в своей жизни. В настоящий момент дело касается определенного и очень важного вопроса: о едином фронте. Вместо того, чтобы прямо нападать на Интернационал, на него нападают, говоря: „несколько товарищей (не говорят, что это Трен) нам изображают неореформизм под видом единого фронта. А это неправда.

ЕЩЕ О ЕДИНОМ ФРОНТЕ.

Оклер говорит, что выдвигать требования рабочих это шаг назад к реформизму. Надо раньше иметь за собой слои крестьянства. Это тот же способ мышления. Мы против единого фронта. Почему? Потому что нам нечего делать с гла-

варями реформизма. А на самом деле всегда прикрывают действительный реформизм революционной фразеологией.

Дальше резолюция говорит: „федерация Сены предлагает создание советов рабочих и служащих на заводах и мастерских и т. д. Из этих советов вышла пролетарская революция в России... Единство рабочего класса создается здесь на почве труда, вдали от главарей-реформистов, которые сюда не имеют доступа. Коммунисты и революционные синдикалисты воодушевляют рабочую массу, как большевики в 1905 и 1917 году в русских советах“.

Другими словами, мы против единого фронта, против сотрудничества с главарями реформизма, за советы с федеративным принципом, за советы, способные оживить массы по примеру большевиков.

Но, товарищи, откуда они взялись, эти советы? Разве большевики их создали? Но мы вначале были в советах в меньшинстве, представляя собою ничтожную величину. Естественно, мы выдвигали в советах определенные лозунги. Но что мы из себя представляли, чем мы были в советах? Там нам менее легко давали слово, чем председатель Революционного трибунала давал слово Вандервельде и обвиняемым. Кем мы были в Московском совете? Маленькой группой обвиняемых. А кто правил? Меньшевики, социалисты-революционеры.

Но совет явился самой удобной формой единого фронта в начале революции. Масса эту формулу единого фронта, заставила нас принять, и мы ее приняли, и не только приняли, мы бросились в Советы, будучи в меньшинстве, с уверенностью, что мы победим наших противников, и нам это удалось.

МАССА И ВОЖДИ.

А нам говорят: „нам нечего делать с реформистами и их вождями. Мы хотим создать советы, куда этим вождям не будет доступа“. Но каким образом? Разве за вами весь рабочий класс? Разве вы можете запретить рабочим выбирать в советы людей, которые пользуются их доверием? Что это значит? Я ничего не понимаю.

Затем заявляют: „мы делаем, как русские в 1905 и 1917 г.“ Разве у вас сейчас такое положение, какое было у нас в 1905 или 1917 году? Мне кажется, что вы находитесь в подготовительном периоде, в промежутке между этими двумя годами, между этими двумя революциями. Разве существовали революционные Советы в России в течение этого промежутка? Нет. А что же было?

Была наша коммунистическая пропаганда, наша организация, наша работа и наша попытка создать единство действия, единство пролетарского фронта. Это была наша подготовка к великому единству, к тому решительному моменту, когда возникнут Советы.

Разве вы думаете, что в тот момент, когда масса получит исторический толчок, единый фронт будет избегнут? Но он все-таки будет осуществлен, и он осуществится неожиданно для вас. Вы будете вынуждены его принять без подготовки.

Конечно, post factum вы приспособитесь к событиям, вы найдете свой путь в этом едином фронте. Но лучше предвидеть, подготовить и управлять, чем быть застигнутым врасплох событиями; лучше быть предвестниками этой идеи, этого действия, чем ее последователями.

В самом деле, нельзя больше компрометировать идеи Советов, распространяя ее так, как это делает резолюция Сенской федерации.

ВСЕГДА ДИСЦИПЛИНА.

Резолюция гласит еще: „Французская партия всегда подчеркивала свой дух дисциплины (конечно!). Но эту дисциплину не нужно понимать в узком смысле этого слова; партия ограничивается тем, что принимает к сведению решения Исполкома“.

Другими словами: дисциплина, вообще, вещь превосходная, но не у нас, в III Интернационале, где нас заставляют считаться с резолюциями Исполкома, принятыми, впрочем, с согласия наших делегатов, за исключением одного вопроса: о едином фронте, когда, после обсуждения вопроса, наши делегаты заявили о своей дисциплине. Резолюция кончается выражением надежды:

„Она (федерация) надеется, что таким образом ориентацией влево IV конгресс пересмотрит последнее решение Интернационала по вопросу о едином фронте“.

Итак, существует ориентация вправо Коммунистического Интернационала и ориентация влево Виктора Мерика, сотрудника Фабра! Течение тов. Рену, который перепечатывает в своей газете самые поучительные отрывки из „Journal du Peuple“. Течение тов. Гейне, который хочет копировать федеративную организацию Советской республики.

Перейдем к вопросу о синдикатах.

Тов. Фроссар высказал довольно оптимистическое предсказание. И мы все, конечно, в восторге от перспективы, которую он нам нарисовал. Я искренно надеюсь, что она осуществится, но успех ее был бы немного неожиданный.

Как подготовить эту перемену? Рабочие этого не знают. Пресса должна была бы все-таки немного отражать это движение. Ничего незаметно. Я, со своей стороны, следил за симптомами, характеризующими отношение между партией и синдикалистским движением.

Мы очень настаивали во время заседания расширенного Исполкома на необходимости изменить позицию партии в вопросе о синдикатах. Наши французские товарищи говорили: „да, есть еще некоторый недостаток энергии в работе, но дело в будущем пойдет лучше".

Потом я читал статью тов. Фроссара по этому вопросу, где он говорит:

„Искусная и предусмотрительная политика Жореса помешала тому, чтобы произошло нечто непоправимое между этими двумя пролетарскими силами, одной—политической, другой—экономической, одинаково необходимыми и в корне тесно солидарными. Лонгэ нас не будет упрекать, я думаю, за то, что мы являемся последователями политики Жореса".

Товарищи, это представляет собою направление, совершенно противоположное резолюциям наших интернациональных конгрессов, нашей программе, нашим марсельским резолюциям.

Это довольно ясное направление; жоресистская традиция. Мы хорошо знаем большие достоинства, могучий гений Жореса. Даже в его синдикалистской практике его великий гений проявляется потому, что эта тактика была совершенно приспособлена и абсолютно применима к положению, созданному патриотическим и национальным реформизмом, с одной стороны, и анархическим синдикализмом—с другой. Не было возможности тогда проводить нашу тактику. Пролетариат реагировал на демократическое лицемерие посредством синдикализма. Партия находилась во власти парламентаризма. Тогда партия красноречивыми устами Жореса говорила: „просим снисхождения к этой нетерпеливости пролетариата; эта ненависть, эта обструкция против партии, это факт исторически необходимый, надо с ним считаться, не трогайте его".

С другой стороны, люди, которые были вожаками синдикалистских элементов (и которые впоследствии оказались предателями), которые эксплуатировали в то время вполне

революционный дух французского рабочего класса, эти Жуо и компания говорили себе: „мы против парламента, но раз члены парламента не вмешиваются в нашу синдикальную область, то можно разделить работу. Будет некоторое молчаливое соглашение между нами и социалистической парламентской партией". Вот жоресистская традиция.

Разве мы можем ее принять?

Никогда.

РОЛЬ ПАРТИИ.

Наша партия—это сознание и воля пролетариата во всех его действиях, во всех областях. Мы можем оказаться слабыми и поэтому уступаем место другим, но *мы боремся* за то, чтобы за нами пошел весь рабочий класс, и чтобы руководить его борьбой.

Как можем мы это сделать, без того, чтобы появляться на каждой арене, пред каждой аудиторией с нашим знаменем, с тем знаменем, которое мы никогда не прячем?

Говорят: „мы разделяем работу, организация синдикатов автономна, она не подчиняется авторитету партии". В самом деле, совершенно очевидно, что раз мы не составляем большинства, то эта организация независима. Но мы, как партия, в наших группировках, в синдикатах, в парламенте, в прессе, везде—мы организация идейного руководства с централизованным действием, повсюду мы являемся Коммунистической партией, воля коммунистической революции.

И я не понимаю, каким образом мы могли бы принять жоресистскую традицию. Она абсолютно противоречит нашей программе, нашей тактике. Я бы удивился, если мы пришли бы в Сент-Этьене к результату, соответствующему нашему методу, под влиянием такой идеологии, которая противоположна этому методу.

Фроссар нам сказал: „коммунистам, благодаря их преданности, их работе, вверяют ответственные посты в синдикалистском движении".

Я очень хорошо понимаю. Все письма, получаемые из Франции, частные и официальные, изображают французских рабочих, как лучшую часть Интернационала, например, письмо о конгрессе молодежи в Мон-Люсоне. Любая партия может позавидовать французской в том, что в ней есть такие превосходные элементы среди молодежи и в секциях.

Я говорю, что эти элементы, конечно, пользуются доверием рабочего класса в синдикатах и всюду. Они занимают ответственные посты. Но руководит ли партия их работой? Рассмотрим две фракции: фракцию Росмера и фракцию Мон-

муссо; последняя (La Vie Ouvrière) имеет старую традицию анархического синдикализма, но все-таки приближается к нам. Она включает в себе превосходные элементы. Росмер вышел из этой группы, Монат в ней остался, но мы надеемся, что в будущем он пойдет с нами. Но лучшие из приверженцев Монмуссо большей частью коммунисты, члены нашей партии. В этом случае коммунистические элементы, т.-е. находящиеся во фракции Росмера, которая еще слаба, и во фракции Монмуссо, и коммунисты анархического оттенка, настроенные против дисциплины партии, составляют большинство.

Разве это понятный факт?

СЕНТ-ЭТЬЕНСКИЙ СЪЕЗД.

Нам говорят: „вы должны знать историю французского рабочего движения". Конечно, французские товарищи знают ее гораздо лучше, чем я. Но все-таки я ее тоже немножко знаю. Я начал свою деятельность в Париже с Монатом, Росмером и другими. Я очень ценю синдикалистскую группу, я знаю ее стремления. Она образовалась до войны из очень революционно настроенных элементов, а от этого кое-что остается. Я могу с ними считаться, партия должна с ними считаться. Она должна действовать по отношению к ним очень осторожно. Когда дело касается синдикалистов, которые представляют из себя синдикалистскую традицию, у которых есть предвзятые мнения по отношению к моей партии, я подхожу к ним постепенно; у меня есть терпение, и я не только политичен, но также немного педагог по отношению к ним.

Но есть коммунисты, члены моей партии, у которых изменяются взгляды, когда они входят в синдикаты. Они становятся синдикалистами и примыкают к „La Vie Ouvrière". И я затрудняюсь сказать, завоюем ли мы синдикалистское движение, или революционный синдикализм овладеет нашей партией.

У нас был пример Вердье и Кентона. Когда мы спрашивали: „что делают эти Вердье и эти Кентоны? Они пишут совершенно недопустимые вещи", нам отвечали: „это члены партии". Но в чем это выражается? У них есть партийный билет. Они прикрылись авторитетом коммунистической партии, когда всемирная революция казалась неизбежной. Они проводили в синдикатах политику, противоречащую коммунизму. Устроившись в синдикатах, они бросили свой партийный билет и продолжают ту же работу против партии. Но у нас остаются еще люди, похожие на Вердье

и на Кентона. Разве это допустимо? Хотите ли вы с этим покончить?

Я полагаю, что нужно настаивать на этом вопросе. Съезд в. Сент-Этьене скоро состоится. Надо будет на нем сделать то, что делают повсюду на профсоюзном съезде. Надо будет собрать коммунистическую фракцию съезда под руководством представителей Центрального Комитета партии, составить список делегатов коммунистов. Имеющие партийный билет должны прийти в такой-то зал, в таком-то часу. И там Центральный Комитет или его представители вместе с фракцией наметят программу работ на время съезда. Будет ли это сделано в Сент-Этьене, да или нет?

Надо будет наметить программу работы, считаясь с предрассудками анархистов-синдикалистов, но не применяться к личности какого-нибудь Вердье или Кентона. Но коммунисты должны подчиниться своей партии, ее резолюциям; они должны голосовать резолюцию о присоединении без оговорок к Красному Профинтерну.

И я спрашиваю: делегат на съезде профсоюзов, член партии, который действовал бы против решений своей партии, будет ли он исключен из партии или нет? Вот вопрос, который я задаю.

Наше расширенное заседание в целом должно поставить этот вопрос, настаивать на получении совершенно ясного ответа и занести этот ответ в свою резолюцию.

ЛЕВЫЙ БЛОК.

Перейдем к единому фронту. Мы во Франции шагаем к эпохе левого блока. Тов. Фроссар нам об этом сказал, и это теперь признано всеми. Что это значит: эпоха левого блока?

Я нахожу время от времени в партийных газетах мысль о том, что эпоха демократических иллюзий в пролетариате миновала. Это ошибка. Появление левого блока во Франции будет иметь новое большое влияние на демократические и пацифистские предрассудки в глубоких слоях пролетариата. Это основной факт. Наше движение в настоящую эпоху очень неровное. Оно продвигается большими скачками. У вас был в начале войны период патриотических иллюзий национальной обороны. Потом—начало разочарования. Затем—заря революции 1917 года. Потом победа с ее иллюзиями, которые повлияли на большую часть рабочего класса. Потом новое разочарование и начало короткого периода революционных иллюзий. Я говорю иллюзий потому,

что не было ясного понимания революции: неясное сознание вдохновило забастовку железнодорожников, последняя была ни хорошо подготовлена, ни хорошо понята. Эта забастовка была выражением революционных иллюзий. А самая коммунистическая партия—лучшее произведение этой эпохи.

С тех пор наблюдается некоторого рода отступление, разочарование, которое фатально следует за революционными иллюзиями. Предполагали, что революция гораздо ближе и гораздо проще. Разочарование, которое последовало, вызвало некоторую пассивность.

Последняя заметна в рабочей массе Франции там, где натиск капитала не столь значителен, чтобы вызвать сильную реакцию, где революционное настроение дремлет, где старые предрассудки оживают, где отсутствует живость мысли, необходимая для восприятия новых идей.

Отсюда в результате—кризис в росте партии.

Но в то же время совершается молекулярный процесс в массе мелко-буржуазной и пролетарской. Это недовольство национальным блоком, желание перемены, и вот идея левого блока появляется на горизонте. А что думают рабочие в такой момент?

ОБРАЗ МЫСЛЕЙ РАБОЧЕГО.

Возьмем парижского рабочего, не коммуниста, но сочувствующего партии социальной революции, и который, если завтра возникнут баррикады, не будет на них, быть-может, первым, а—вторым. Этот рабочий говорит себе: „а все-таки левый блок имеет преимущество в сравнении с национальным блоком. Коммунисты прекрасные люди; когда они захотят совершить революцию, я буду с ними. Но они все еще говорят, что они готовятся. Пока что, я предпочитаю перемену. У нас режим Пуанкарэ. Я предпочитаю, как многие другие, голосовать за Эррио-Лонгэ, партия которых составит более передовое правительство“.

Это—рабочий демократ, но его демократизм—скептический. Он революционер, но пока его революционность—выжидательная. У него хорошие намерения, но его, вашего французского рабочего, слишком обманывали. Вот почему на его революционном пламени лежит пепел скептицизма.

А вы, французские коммунисты, вы говорите, вы повторяете: „Единый фронт?“. Нет, мы за революцию. Вот и все. И вы оставляете рабочего под влиянием идей левого блока.

Если бы вы ему говорили: „ты должен противопоставить блок пролетариата национальному и левому блоку

Они хотят создать буржуазное правительство, мы все хотим пролетарского правительства". Если бы вы ему говорили „ты не коммунист, революция произойдет не завтра: попробуем ка сорганизовать рабочее правительство. С кем? Со всеми течениями рабочего движения, с синдикатами, Общей Конференцией Труда, C. G. T. U., диссидентами, со всеми группировками рабочего класса".

РАБОЧИЙ БЛОК ПРОТИВ ЛЕВОГО БЛОКА.

О, какая реформистская мысль! Какая пагубная мысль! Какое предательство! Дать левому блоку захватить умы французского пролетариата, это, конечно, тактика гораздо легче выполнимая. Фроссар сказал нам: „мы приветствуем левый блок, потому что в него войдет партия диссидентов, которая себя скомпрометирует там, а мы встанем на его место". Это значит выжидать наследства левого блока. Это тактика, которая значит: „история сама создаст левый блок, левый блок скомпрометирует диссидентов, а моя партия примет наследство". Нет, это не наша политика.

Для того, чтобы оппозиция скомпрометировала себя в левом блоке, надо, чтобы за ней был минимум рабочих в начале этого опыта. Вот почему мы должны противопоставить идее левого блока идею рабочего блока. Конечно, можно сказать: „без вождей". Если бы рабочие нам говорили: „почему вы нам предлагаете блок с Жуо и Лонгэ? „Этих людей мы выбросим в окно", задача была бы решена. Но предварительно необходимо приобрести доверие всего пролетариата. А этого предварительного условия и не хватает.

Вы говорите французскому рабочему: „иди со мной, а не с буржуазией". Он вам отвечает: „да, я рабочий, я не хочу итти с буржуазией, но я доверяю Жуо". Вы должны ему ответить: „так что ж, иди с ним, но против буржуазии по пути, который мы тебе указываем".

Если этот рабочий попробует потянуть за собой Жуо и ему это не удастся, то последний скомпрометирует себя. Таким образом, мы можем выиграть половину, третью часть приверженцев Жуо. Политическое движение, тактика борьбы, а не повторение одних и тех же идей, топтание на одном и том же месте, увеличивают наши силы.

Вопрос о едином фронте и идея пролетарского правления имеет в настоящий момент для Франции большое значение, потому что вам нужно еще победить предрассудки синдикалистов и анархистов, которые говорят, что синдикаты достаточны и что нет никакой необходимости в

диктатуре пролетариата. Идея о рабочем правительстве, которое мы противопоставляем буржуазному правительству, является идеей, могущей повлечь за собою приверженцев синдикалистов и анархистов.

ЧТОБЫ СПАСТИ ФРАНЦУЗСКУЮ ПАРТИЮ.

Я перехожу к заключению.

Надо, товарищи, чтобы новая эра, новая эпоха началась для французских коммунистов. Нужны большие перемены, перемены ощутительные для французского рабочего класса, большие изменения в путях и методах.

Без этих изменений французская партия придет к гибельным результатам. Для меня это совершенно очевидно. Придут к новым потрясениям, к новым кризисам, к новым расколам. И эти расколы исторически пойдут по линиям, которые не являются самыми выгодными для французского рабочего движения.

Я думаю, что теперь можно обеспечить главному ядру, действительно жизненному ядру партии, однородное большинство, если Интернационал,—я предлагаю это от имени Исполкома,—наметит теперь директивы в тесном сотрудничестве с французской делегацией, определенные линии, точно намеченные, вытекающие из нашей программы и приспособленные к положению во Франции.

Надо требовать,—и это то, что говорил сам тов. Фроссар,—чтобы партия взялась за работу, выработала вполне точную программу к будущему конгрессу, чтобы работа по проведению этой программы, приспособленной к нашей революционной, но подготовительной эпохе, началась сейчас же.

Надо, чтобы партия выработала тактические тезисы, которые беспощадно осуждали бы пацифизм, центризм, реформизм, отсутствие дисциплины в той форме, в какой она проявляется во Франции, изгоняя из партии представителей этих течений.

Надо, чтобы партия создала устав, который дал бы возможность Центральному Комитету руководить и который исключал бы возможность для Сенской федерации создавать такую странную и противную интересам рабочего движения организацию.

НЕКОТОРЫЕ НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ.

Надо, чтобы Центральный Комитет политически ликвидировал случай с Фабром, а не в виде подчинения той или другой резолюции, такому-то параграфу устава. Полити-

чески, это значит,—объяснить рабочим, что мы нанесли политический удар нашим внутренним врагам. Нам сказали, что конфликтная комиссия была против исключения. Но устав не противится тому, чтобы объяснить в „L'Humanité", причины, по которым надо исключать такие элементы, как Фабр. Этого еще не сделали; надо это сделать. Необходимо новое направление прессы. Нужна действительно рабочая пресса. Нужно, чтобы голос партии был слышен в прессе, а не единоличные мнения, чтобы не „лидеры" говорили от своего собственного имени. Надо, чтобы простой член партии мог написать статью, не будучи лидером, без того, чтобы Виктор Мерик с психологией китайского мандарина ему заметил: „ты не лидер"...

Надо, чтобы главная политическая статья была без подписи,—как мы видим это во всей коммунистической прессе мира,—чтобы это был голос партии, чтобы рабочий, желающий узнать мнение партии, мог прочесть статьи без подписи, за которые отвечает Центральный Комитет. А „L'Humanité" должна представлять линию Интернационала, отражать идеи Интернационала. Нельзя больше терпеть, чтобы партийная газета, подобно той, которую редактирует товарищ Рену, превратилась в орудие, удаляющее партию от Интернационала.

На конгрессе в Сент-Этьене нужна коммунистическая фракция, руководимая представителями Центрального Комитета, с вполне определенной программой работы, с твердой дисциплиной.

ФРАКЦИИ В ПАРТИИ.

И я думаю, товарищи, что, при этих условиях, можно требовать, чтобы не было фракций во французской партии. Если бы теперешнее положение продолжалось, если партия сама не будет иметь желания исключить орган, являющийся центром правой фракции (потому что газета Фабра не что иное, как центр правой фракции)—возрождение фракций неизбежно. Если не проявится это желание, то революционные элементы, верные Интернационалу, совершенно неизбежно рано или поздно сгруппируются вокруг какого-нибудь центра. Это совершенно неизбежно.

А если Интернационал будет поставлен пред необходимостью, если ход событий и пассивность партии и всех нас допустят такое положение, что через полгода, через год Интернационал встанет пред необходимостью выбирать между решительной правой и левой в процессе обра-

зования (центр растворится в борьбе двух течений; этот центр, не имеющий определенной физиономии, растворится несомненно), то Интернационалу ничего другого не останется, как предоставить свой авторитет левой. Это совершенно очевидно.

Товарищи, такая перспектива мне и всем нам кажется гибельной, и французский пролетариат заслуживает лучшей участи для своей партии. Мы наблюдали нечто подобное в Италии. Но Италия была в другом положении, в положении действительно революционном. Там было внезапное предательство официальной партии; раскол был совершенно неизбежен. Коммунистическая партия образовалась из трети прежней партии; теперь она сделала большие успехи, но это было историческое событие, представляющее урок для нас.

Франция находится в гораздо более выгодном положении, хотя бы потому, что ее политическая эволюция идет медленнее. Можно кое-чему научиться на примере Италии. И если бы мы ограничились только тем, что повторили бы то, что произошло в Италии, тогда к чему бы нам служил Интернационал, который должен обобщать опыт одной страны и этим обогащать опыт других?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Товарищи, есть очень трудные моменты в жизни каждой партии, и вмешательство в такие моменты очень щекотливо. Это несомненно. Я лично был очень оптимистически настроен несколько месяцев тому назад, год тому назад. Мой оптимизм, и я думаю, что я выражаю здесь мысль большинства Интернационала, уменьшался, постоянно уменьшался в том смысле, что выжидательная тактика, доброжелательная пассивность не дала желательных результатов.

Вот почему со всей сердечностью и в то же время с полным сознанием серьезности вопроса я заявляю, что необходимо на этот раз сговориться с французскими товарищами, с делегацией, присутствующей здесь, лучшей делегацией, которую могла нам послать партия. Надо сговориться по самым важным, самым решающим вопросам и сформулировать самые определенные решения и надо потребовать их точного и полного выполнения.

Это предложение мы внесем в Комиссию. (Аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ТРОЦКОГО.

НАДО ЗАНЯТЬСЯ ИЗМЕНЕНИЕМ ПОЛОЖЕНИЯ, А НЕ РАЗЪЯСНЕНИЕМ ЕГО.

Во время дискуссии, в особенности, вчера, пробовали слишком усиленно, по-моему, *разъяснять* положение; даже тов. Брандлер снова начал, не имея, по моему мнению, всех необходимых сведений, разъяснять положение, почему оно представляется таким, каким вы его видите и т. д.

Конечно, чтобы принять решение, надо знать, что происходит, надо знать предыдущие события. Но все же мы не представляем из себя Конгресс историков, мы — собрание Интернационала и задача, которую мы себе ставим, не только изучить прошлое, которое подготовило настоящий момент, но подготовить будущее, а для будущего *надо изменить современное положение*, надо указать способы, каким образом этого достигнуть.

В связи с французским вопросом я уже однажды цитировал Маркса, который говорит в своем труде о философии Фейербаха, что философы достаточно объясняли мир и что теперь надо его изменять.

Теперь нужно не объяснять, а изменять положение во Французской партии.

Тов. Раппопорт также согрешил в своих речах не однократными попытками разъяснить положение. Это способ мышления очень характерный для II Интернационала, в особенности, для движения в Германии, где было, как вы знаете, много марксизма, но где занимались только тем, что разъясняли, а не действовали революционно.

То, что происходило, хорошо разъясняли по-марксистски, а поступали, как хорошие оппортунисты.

Теперь, повторяю, надо действовать, чтобы изменить положение. Образ мыслей тов. Раппопорта очень характерен, но немного фаталистичен. Это самая большая опасность для нашего движения во Франции.

ПЕССИМИЗМ РАППОПОРТА.

Раппопорт говорит, что Франция—страна мелкой буржуазии, что последняя на всем оставляет свой след и т. д. Это объяснение, но это не способ, могущий изменить положение. Но это неверное объяснение, которое приводит Раппопорта, как он сам говорит, к совершенно пессимистическим заключениям. То, что он сказал о судьбе французской партии, совершенно пессимистично.

По его мнению, мелкая буржуазия во Франции предопределяла социалистическим партиям в I. Интернационале очень печальную роль. Во время II Интернационала эта роль вылилась в вопросе о мильерандизме и бриандизме. И в III Интернационале происходит то же самое. Вот его заключение.

А я, товарищи, не такого мнения.

Во время I Интернационала именно французский пролетариат написал страницу истории Коммуны. Лишь французский пролетариат написал эту страницу, самую славную из всей эпохи и того периода, который предшествовал началу всемирной революции, в которой мы непосредственно участвуем.

Во время II Интернационала французская партия была похожа на немецкую, с тою разницей, что немецкая партия формально и теоретически покрывала свой оппортунизм фразеологией и некоторой частью теории марксизма. В то время, как во Франции проводили ту же оппортунистическую политику с большим блеском и более открыто, потому что это была страна республиканская.

И теперь, в III Интернационале, я не вижу в прошлом французского пролетариата никакой причины, мешающей ему играть роль, достойную накопленного им, исторического сознания, благодаря действительно героическому прошлому и цивилизации всей страны.

Мне заметили, что, если я не представил пессимистической картины, то все-таки нарисованная мною картина сгущенна, так выразился Раппопорт. Но, наоборот, самая пессимистическая, самая мрачная картина та, которую рисует тов. Раппопорт, а я рисую самую оптимистическую.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА.

Когда я анализирую вместе с вами положение во Франции, я говорю: не мелкая буржуазия создала это положение. Не надо преувеличивать силы мелкой буржуазии. Возьмите английскую рабочую партию. В Англии мелкая буржуазия не играет никакой роли, есть только крупная буржуазия. Разве судьба и прошлое английского социализма более блестящее, чем социализм во Франции? Нет! Чем был английский социализм в I Интернационале? Почти ничем. А во II Интернационале? Маленькие социалистические и полу-социалистические группки, которые вымерли, как группка Гайндмана, а с другой стороны, значительная партия рабочего либерализма. Мелкой буржуазии не было. Что же было? Крупная буржуазия, сильный капитализм с могучим цивилизованным

прошлым, с капиталистическим прошлым. Вот, где крупное препятствие: мертвый хватает живого.

Во Франции, как и в Англии, как и в других цивилизованных странах с богатым культурным прошлым и традициями, стена капиталистической цивилизации восстает против будущего. Надо во что бы то ни стало одолеть эти препятствия, которыми буржуазия великолепно пользуется. Надо их победить. И когда коммунистическая партия сумеет сгруппировать рабочих по новой исторической линии, утилизируя в то же время прежнюю цивилизацию, которая придает пониманию французского рабочего особую остроту, мы, надеюсь, будем иметь во Франции лучшую коммунистическую партию в мире.

Настоящий кризис является кризисом, подготовляющим возможность использовать все богатое прошлое, являющееся в настоящую минуту препятствием, но которое станет завтра гарантией действия, еще невиданного в истории по своему размаху.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОШИБКА.

Тов. Раппопорт своей ссылкой на мелкую буржуазию приближается к тем элементам, которые со своей стороны, ссылаются на мелкую буржуазию, состоящую из крестьян, как Рено Жан и Оклер, постоянно повторяющие, что крестьяне составляют $^4/_7$ французского населения. Раппопорт также говорит: „чего вы хотите от нашей партии, раз мелкая буржуазия составляет $^4/_7$ населения, надо приспособиться“...

Но крестьяне остаются крестьянами, а мы—рабочая партия!

Если мелкая буржуазия распространяет влияние своих предрассудков вокруг нас, то это не значит, что мы должны быть представителями этого влияния. Мы хотим создать во Франции рабочую партию. Мы ее создали. Оценка положения Оклера и Рено Жана совершенно не верна и демократична.

Рено Жан говорит: „наша страна заражена десятками лет демократии“. Но у него у самого оценка совершенно демократическая: он считает голоса, говорит о $^4/_7$ населения, он приводит статистику. Вот и все.

Как же тогда объяснить революцию в России, где пролетариат составляет гораздо меньшую часть, чем во Франции? Что доказывает русская революция? Она доказывает, что со статистикой о населении, основой для маневрирования в выборной кампании в стране, не делают революции.

Сила пролетариата не объясняется и не определяется только числом пролетариев. Надо оценить его значение, его роль в промышленности, в социальной жизни, его концентрацию, его организацию, его партии и т. д., и т. д. Нет никого, кроме пролетариата, который может потянуть за собой нерешительные массы бедных крестьян, но он—действующее лицо в истории, а не плетущийся в хвосте предмет; это он творит революционную историю.

А во Франции пролетариат составляет гораздо большую часть населения, чем в России, с более богатым прошлым, с более высоким политическим уровнем. Значит условия, необходимые для создания партии, налицо.

МНИМЫЙ НЕДОСТАТОК ЛЮДЕЙ.

Нам всегда повторяют: мы страдаем от недостатка людей. Это так, если оставаться вечно в этом верхнем слое, состоящем из журналистов, адвокатов, интеллигентов, которые всегда правили социалистическими и парламентскими судьбами рабочего класса. В коммунистической партии очень мало осталось этих элементов прежней партии. Это верно. Но я думаю, что мы должны этому радоваться, хотя их еще и так остается слишком много.

Никто не осмелится сказать, что в самом рабочем классе, если энергично поискать, если дать выдвинуться лучшим элементам этой массы, не найдутся новые вожди, новые руководители пролетариата.

Что мы видели в прошлом? С одной стороны, парламентскую партию, с другой стороны, синдикализм.

Синдикализм, как мы указали в нашей дискуссии, завоевал рабочую массу, потому что он выразил, правда, в достаточно ложном свете, революционное настроение рабочих, стоящих в оппозиции к парламентской политике. Но синдикализм сделал и другое. Он дал возможность более энергичным элементам французского пролетариата стать во главе его. Синдикалистским движением руководили рабочие.

Вот значительный факт. Вот большая ценность в исторических довоенных рамках и во время II Интернационала французского синдикализма. Вот большая разница между партией и синдикатами. В синдикатах рабочие всегда видели кого-нибудь из своих во главе. В партии они видели профессоров красноречия, журналистов, адвокатов.

Надо изменить положение. Надо, чтобы в партии рабочие повсюду видели своих во главе. Это, понятно, не исключает возможности оставить на местах тех, кто законно занял видное положение, несмотря на свое буржуазное, мелко-

буржуазное или интеллигентское происхождение. Но, как правило, а не как исключение, именно рабочие должны выдвигаться в своей партии. Это в будущем большая задача при выборах, как в Центральный Комитет, так и при составлении списков кандидатов предвыборной кампании. Это основной вопрос.

ВЕЖЛИВОСТЬ.

Двое или трое рабочих, ловких или неловких, которые войдут в парламент или муниципалитет с новым и даже немножко дерзким подходом к этой буржуазии, систематически создающей атмосферу вежливости и учтивости, окажут коммунизму бо́льшую услугу, чем десятки интеллигентов. Во Франции эта почти религиозная атмосфера вежливости является могучим орудием влияния в распоряжении буржуазии, каким в Англии является церковь, которая, по словам Ллойд-Джорджа, есть большая электрическая станция, приводящая в движение все буржуазные партии и даже большую часть рабочих, так как Гендерсон и его приверженцы включены в эту электрическую сеть. Во Франции буржуазия искусно использовывает религию вежливости и учтивости против рабочей партии. Депутат, избранный в парламент, очень чувствителен к тому, что о нем говорят и что думают о нем профессионалы вежливости, как покойный Дешанель, и он скоро приспособляется и становится более умеренным. В конце следующего года от настроения, с которым он пришел в парламент, ничего не остается.

То же самое наблюдается в партии между руководящим органом и оппозицией. Руководящий орган подражает буржуазии. Когда появляется оппозиция, то заявляют: но ведь это —личные вопросы. Теперь очень часто повторяют фразу нашего друга Фроссара: партия должна быть большим содружеством. Конечно, мы все этого желаем. Но когда кто-нибудь начинает критиковать, всегда цитируют фразу Фроссара в таком смысле: не надо критики, не следует критиковать,—партия должна быть большим содружеством. В то же время элементы, стоящие за вежливость, никогда не пропустят случая, когда у них явится возможность ударить по оппозиции какой-нибудь двусмысленной фразой или личными нападками. Точно так же французская буржуазия со всей ее вежливостью, когда ее серьезно критикуют в парламенте, оказывается самой злобной, самой надменной из всех буржуазий. Итак, мы видим, что вежливость является политическим орудием в руках контр-революционной буржуазии. Надо разбить это оружие и для этой цели поставить свежих и сильных рабочих во всех наших организациях.

Раппопорт нам говорит: Вы уделяете слишком много внимания личностям. Вот совершенно неожиданный упрек, но мы всегда слышим от тов. Раппопорта неожиданные вещи (смех).

Раппопорт. Иногда приятно неожиданные...

Троцкий. Иногда... По поводу Фабра он говорит: вы уделяете слишком много внимания личностям и этим вы сбиваете с толку массу.

Французская партия ведет большую работу в массах, я в этом не сомневаюсь. Но когда мы говорим о коммунистической партии, мы предполагаем, что та элементарная работа, которую нужно сделать, делается, и никто в этом не сомневается, не надо на это указывать. Мы ведем дискуссию только по вопросам, которые нас разделяют. Но говорить: „вы слишком много внимания уделяете личностям...

Картье: Да, вы придаете слишком большое значение личностям, и, если вы позволите, я вам отвечу.

Троцкий: Это то, что сказал Раппопорт.

Картье: Он сказал правду, это точно.

Троцкий: Так что же! Вы только это подтверждаете.

Картье: Вы сами придаете слишком большое значение личностям.

Троцкий: Значит, по этому вопросу вы согласны с Раппопортом, но, к сожалению, я не могу быть согласен с вами (смех).

Картье: Если вы позволите, я сейчас же отвечу.

Троцкий: Пожалуйста!

Картье: Прекрасно! Вот, товарищи, объяснение моего вмешательства. Я сожалею, может-быть, это настроит против меня собрание. Я настаиваю на разъяснении.

Вы знаете, что здесь присутствуют два товарища,—члены Центрального Комитета,—которые приехали в воскресенье. Но что же я наблюдал? Именно то, что тов. Троцкий, немедленно после нашего приезда, как только он узнал о нашем прибытии, вызвал нашего генерального секретаря, тов. Фроссара, и не нашел нужным вызвать тов. Картье, который является простым рабочим, а не оратором, и, я бы сказал, который груб, но говорит то, что думает и является старым борцом. Троцкий знает, что во время войны я работал не только в своей партии, но вообще во Франции, что гражданка Картье и я были арестованы.

Все время я держался совершенно непримиримой позиции. Я могу это сказать без хвастовства, я—выразитель, точный представитель рабочего класса, а все-таки т. Троцкий

не счел нужным вызвать меня, а Фроссара удостоил. Однако, полагаю, что я представляю настоящий французский рабочий класс. Почему лучше Фроссара, чем Картье? Потому что он, Фроссар,—самая представительная величина нашей партии, потому что он — ораторская и интеллектуальная величина, в то время, как Картье—ничтожная величина в Центральном Комитете. Если он в Центральном Комитете, так это не за те качества, какими обладает Фроссар; я не обладаю ни его ораторским талантом, ни его умственным развитием, но за мною—мое прошлое, потому что я был действительно социалистом, не имея, может-быть, в голове всей теории Маркса, но обладая ценностью боевой энергии. Вот, что я говорю т. Троцкому.

Вы, т. Троцкий, тоже придаете слишком много значения личностям и отдельным людям. Я от этого вылечился.

Садуль: Товарищи, я прошу слова к порядку, просто потому, что я думаю, что совершенно излишне тов. Троцкому отвечать самому. Если бы Картье знал Троцкого, он бы его не стал упрекать.

Свидание с Фроссаром было назначено помимо тов. Троцкого и когда он принял Фроссара, он совершенно не знал о присутствии Картье в Москве. Совершенно излишне...

Троцкий: Позвольте мне все-таки сказать, что мы с тов. Картье говорили о свидании, а вы знаете, что тяжелое событие в моей частной жизни помешало на следующий день *) назначить это свидание; у меня едва хватило времени присутствовать на заседании, где я произнес свою речь по французскому вопросу.

Если вы думаете, что этот инцидент продукт моего культа личности, вы ошибаетесь. Вы можете самое большое сказать, что это моя личная ошибка. Но дело не в этом, мы говорим о политической позиции.

Что касается тов. Фроссара, то не я его вызвал. Как сказал Садуль, мне сообщили по телефону, что Фроссар хочет со мной поговорить. Я спросил, где я могу его видеть. Мне ответили: он хочет сейчас же прийти к вам. Вот и все. Во время разговора, или после, мне указали на Картье, как на второго делегата.

Картье: Товарищи, позвольте. Вы понимаете мое душевное состояние. Хоть я и простяк, и новичок здесь, но

---

*) В тот день, о котором идет речь, скончался отец Льва Давидовича, что помешало т. Троцкому, занятому похоронами отца и, кроме того, сделавшему доклад по французскому вопросу на расширенном пленуме И.К.К.И., назначить тов. Картье свидание в то же время.

Прим. ред.

когда я увидел такую разницу в обращении, я об этом сказал моим товарищам по делегации: меня не ценят, со мной обращаются, как с малым ребенком. Я скажу об этом Троцкому. Я пришел сюда, чтобы посмотреть, чтобы сказать ему о своем душевном состоянии, потому что я не сторонник единого фронта. Аргументы меня не убеждают. Я пришел сюда за ними. (Шум в зале).

Но тогда, вследствие этого инцидента (я очень хочу, чтобы это было лишь инцидентом), вы понимаете, я хотел подчеркнуть этот образ действий.

Садуль: Вы были не правы.

Картье: Я, пожалуй, не прав тем, что я слишком искренен.

Садуль: Вы показываете не достоинство рабочего, а мелко-буржуазную обидчивость.

Картье: Садуль истолковывает французский язык, как адвокат, по-своему. Я выразил свое душевное состояние!

Троцкий: Я не согласен с мнением тов. Садуля в его последнем толковании, и я надеюсь, что в продолжение этого расширенного пленума мы будем иметь возможность говорить с тов. Картье, и уладить всякое недоразумение.

Картье: Объяснение—ясно. Это все, что мне нужно. Я удовлетворен.

СПЕКТОР ГИЛЬОТИНЫ.

Троцкий: Товарищи, я пытался доказать, что объяснения, которые были даны, не верны. Но даже, если бы они были верны, они для нас недостаточны. Надо положение изменить.

А речь тов. Брандлера была по этому вопросу совершенно,—позвольте мне это сказать,—лишена политического веса.

Брандлер говорит: то, что предлагает Троцкий, это... в общем гильотина, о которой говорил Раппопорт, гильотина Суварина (смех). Он упрекает меня как раз в том, в чем Раппопорт упрекает Суварина, но немецким словом, которое трудно перевести на французский язык. Это, приблизительно, то же самое. Он говорит о хирургической операции, при которой нужно резать живот.

В зале: Не голову, только живот.

Троцкий: Но так же, как Раппопорт со своими анонимными слонами, Брандлер не говорит, где надо делать операцию. Тогда какая цена его критике?

„После того, как в течение 2 лет допускали такое положение, говорит Брандлер, вы теперь хотите сразу с ним

покончить". И в конце своей речи, характеризующей и критикующей французскую партию, он говорит: „вы напрасно допускали это положение в течение 2 лет, теперь вы сразу хотите с ним покончить. Я предлагаю допустить его еще в продолжение одного года". (Смех).

Вот смысл его речи. Он ничего больше не говорит, иного ничего не предлагает. Но думает ли он, что в конце третьего года положение улучшится? В этом случае он был бы того мнения, что положение улучшится само собой. Так почему же он нас упрекал в том, что мы его терпели в течение 2 лет, раз оно само собой должно улучшиться?

Он говорит, что нужно больше точности в работе, больше воли, больше однородности. Мы это говорили много раз. Он это только повторяет с опозданием на один или два года. Мы это говорили и повторяли. Пускай он перечитает наши речи, решения и письма Исполкома. То, что мы хотим сегодня, это—вывести заключения, точно формулировать резолюции и решения в полном контакте с французской делегацией.

РАБОТА КОММУНИСТОВ В СИНДИКАТАХ.

Брандлер говорит, что мы хотим быстро покончить с положением. Почему? Как? Потому что во Франции нет элементов, которые желали бы достигнуть результатов. Каких результатов? Чтобы в синдикатах были коммунисты, которые были бы коммунистами.

Чего же мы требуем? Чтобы коммунисты в синдикатах были коммунистами, чтобы они подчинялись дисциплине; чтобы тот факт, что они работают в синдикатах, не давал бы им права постоянно не подчиняться партии. Они должны выбрать. Они могут работать в синдикатах, как свободомыслящие по системе Вердье и Кентонов, если они вышли из партии, или они должны подчиняться партии, если они состоят ее членами. В этом вся суть вопроса.

Брандлер замечает, что в течение двух лет коммунисты работали в синдикатах по своему, индивидуально, не подчиняясь дисциплине. Но мы предлагали и требовали много раз, чтобы их заставили подчиниться дисциплине. Нам это не удалось.

Теперь мы требуем еще кое-чего. Чтобы составить списки делегатов коммунистов на съезде в Сент-Этьене, чтобы собрали партийную фракцию, чтобы рассмотрели и обсудили то, что должны делать коммунисты. Тогда будет видно, являются ли коммунисты действительно коммунистами, готовыми выполнить свой долг по отношению к партии, и Интернационалу.

Разве этот первый шаг не является абсолютно необходимым? И если бы оказалось, что $^{9}/_{10}$ коммунистов на съезде — не коммунисты, что они не хотят подчиняться Центральному Комитету, положение явилось бы столь печальным, что трудно было бы предвидеть последствия этого.

ЧЕГО ХОТЯТ РАБОЧИЕ.

Но я этого не думаю. Неправильно думать, что французские рабочие не хотят сближения между партией и синдикатами. Это неверно. Это как раз бюрократы из синдикатов не хотят этого сближения, потому что они боятся конкуренции партийных интеллигентов.

Рабочие хотят революции. Почему Жуо имел возможность осуществить свое желание раскола? Потому что он использовал непреодолимый напор революционных элементов в синдикатах. Значит, форма синдикатов не есть для рабочих абсолютный фетиш, нечто стоящее выше всего. Самым важным для них является прежде всего суть.

Чего хотят рабочие? Революционеры хотят иметь в руках оружие революции. Для одних это—синдикат, для других это—партия. Когда эти организации сближаются для революционных целей, то рабочие, непримиримые не только на словах, приветствуют в одно и то же время и партию и синдикаты.

Но есть синдикалистские бюрократы, которые называют себя революционерами, которые составляют клики со своей собственной клиентурой, со своим приходом и которые говорят: „Не трогайте нашего владения, в нем лишь мы охотимся". Если партия держится в стороне, они сторожат свое владение и постоянно его расширяют. Но в тот момент, когда партия является, как рабочая партия, и высказывает свою мысль, тогда эта клика, бюрократия, оказывается между физическим давлением массы и идеологическим давлением партии. Если клика эта не захочет итти с массой, то последняя уничтожит ее.

Итак, коммунисты должны создать фракцию на конгрессе синдикатов. Разве это исключает блок с Монмуссо, с синдикалистами-доктринерами? Ничуть! Ничего подобного. Блок вполне возможен.

Если для того, чтобы повлиять на большинство, мы сделаем уступки синдикалистам оттенка Монат-Монмуссо, мы сделаем это как партия, после того, как мы обсудим и наметим в коммунистической партии или в коммунистической фракции съезда все стороны, все возможности. Вот чего Интернационал должен требовать.

Имеем ли мы право требовать, чтобы каждый коммунист подчинялся проголосованным решениям? Да, это элементарно ясно. Вот почему я нахожу образ мыслей тов. Брандлера слишком пессимистичным. Можно подумать, что французская партия, французское рабочее движение так больны, что надо обходить кругом на большом расстоянии, говорить вполголоса, принимать необыкновенные предосторожности, как я об этом писал товарищу Кер. Это неверно. Рабочее движение и наиболее революционные элементы, которые им руководят, совершенно здоровы и серьезны. Они будут хорошо работать, в особенности, при помощи Интернационала. Это все, чего мы требуем.

ФЕДЕРАЦИЯ СЕНЫ.

В частных беседах меня упрекали в том, что я выдвинул вопрос о Сенской федерации. Мне сказали: „все-таки невозможно решать вопрос о Сене здесь; это—местный вопрос".

А я, товарищи, думаю, что во Франции никогда не будет пролетарской революции, если не изменить духа и организации Сенской федерации (возгласы одобрения).

Нельзя совершить во Франции революции вне Парижа.

И даже для того, чтобы подготовиться к этой революции, надо иметь централизованную партию, а Центральный Комитет не может руководить партией без Сенской федерации и, в особенности, против нее. То же самое и у нас: разве можно было бы руководить Российской партией в разрез с Московской организацией как до революции, так и после нее?

Центральный Комитет должен создать свой плацдарм. А этот плацдарм — это Париж, а организация Парижа — это Сенская федерация. Я также уверен, что в этой федерации найдутся элементы, которые очень хорошо поймут свои ошибки, когда мы им их объясним. Товарищи из рабочих кварталов Парижа полагают найти в прошлом французского движения подтверждение необходимости федерализма. Это совершенно неверно. Потому что федеративный принцип в жизни партии, в действительности, всегда приводит к преобладанию анонимной олигархии.

Если в организации отсутствует глава, в виде Комитета, который должен руководить этой организацией, и нет непрерывной последовательности в действиях, неизбежно появляются элементы, которых не контролируют, которые берутся за бразды правления и руководят федерацией без того, чтобы масса себе отдавала отчет—зачем и почему. И

это совершенно аморфная система приводит всегда к результату, обратному тому, к которому стремились.

Если же есть централизованная организация с комитетом во главе, ограниченным в правах, но вполне ответственным, тогда имеется действительная возможность контролировать.

Федеративная форма дает нам ключ к пониманию того, почему крайняя левая поддерживала в качестве главного секретаря товарища из крайней правой. Вот к чему приводит федеративная форма: к результату, обратному тому, к которому стремились. Необходимо, значит, поставить в комиссии вопрос о Сене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Все вопросы, которые мы поставим, мы поставим просто, не как властный хозяин, который изрекает безупречные истины, и не как врачи у постели умирающего. Ничего подобного! Мы поставим их так, как и должен их ставить Интернационал, представители которого собрались и хотят на этот раз достигнуть совершенно определенных результатов.

Я не перечислил всех необходимых предложений. Они будут сделаны в комиссии. Но что необходимо, так это, чтобы на этот раз принятые резолюции были для всех обязательны. Потому что причина гибели II Интернационала заключается именно в том, что там принимали резолюции для того, чтобы их не проводить. Мы не можем этого допускать.

Если находят, что мы недостаточно информированы, тогда пускай нас информируют. Пускай продолжат эту дискуссию. Я первый попрошу Исполком дать еще один, два дня, чтобы нам могли представить, в особенности, французские товарищи, все сведения, которые нам не достают. В комиссии будем работать все двадцать четыре часа в сутки, если это потребуется, чтобы рассмотреть необходимые сведения, дабы никто после этого не смел бы писать: „Интернационал не был достаточно осведомлен". Мы хотим быть до конца и вполне осведомлены.

Но после того, как мы вынесем решения, мы, в свою очередь, потребуем, чтобы они тоже были выполнены до конца и полностью (аплодисменты).

РЕЗОЛЮЦИЯ РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА И.К.К.И.

(По докладу т. Троцкого).

ПРОГРАММА, ТАКТИКА, УСТАВ.

Важнейшей задачей ближайшего конгресса должно быть принятие программы, тактики и устава, вполне отвечающих

задачам партии в нынешнюю эпоху подготовки к социальной революции. Необходимо немедленно же приступить к выработке соответственных проектов и к их опубликованию как в органах французской партии, так и в органах всего Интернационала, дабы мысль и опыт всех коммунистических партий и Исполнительного Комитета могли бы быть привлечены к обсуждению и выработке основных документов, долженствующих обеспечить полную сплоченность и боеспособность партии французского рабочего класса.

СТРУКТУРА ПАРТИИ.

Центральный Комитет. Создание однородного Центрального Комитета, способного обеспечить руководство партии на основе решений международных и национальных коммунистических конгрессов, должно быть тщательно подготовлено уже с настоящего момента и затем проведено на ближайшем партийном съезде.

Надо признать безусловно необходимым, чтобы рабочие, действительно связанные с массами, составляли более половины членов Центрального Комитета.

Все члены Центрального Комитета должны посвятить себя или партийной работе, или профсоюзной работе, или должны быть рабочими, связанные своим ремеслом, с жизнью рабочей массы. Подбор кандидатов, соответствующих этим условиям, проверка их прошлого, их политической устойчивости и ознакомление с ними в той или другой форме местных партийных организаций является важнейшей частью подготовительной работы, которая, естественно, ложится на всех тех членов нынешнего Центрального Комитета, целиком стоящих на почве резолюций Коминтерна и намеренных обеспечить их проведение организационным путем.

При такого рода составе Центрального Комитета большинство его членов будет осуществлять связь Центрального Комитета с местными организациями, синдикатами, прессой и т. д. В то же время должно быть выделено из состава Центрального Комитета постоянно действующее политбюро, пребывающее в Париже, сосредоточивающее в своих руках все нити по руководству работой партии, подготовляющее все необходимые данные для выяснения наиболее принципиальных и ответственных решений Центральным Комитетом в его полном составе и наблюдающее за осуществлением этих решений через генерального секретаря Центрального Комитета.

ДИСЦИПЛИНА.

Центральный Комитет должен обладать правом объявить вне партии того или другого члена или группу членов в каждом отдельном случае, когда это вызывается необходимостью и соображениями политического характера.

В случаях, требующих подробного расследования относительно нарушения дисциплины или других поступков и преступлений против интересов партии, Центральный Комитет может передать вопрос на обсуждение конфликтной комиссии.

Но в тех случаях, когда политический характер вопроса не вызывает никаких сомнений и когда элементарные интересы партии требуют исключения, Центральный Комитет сам постановляет об исключении, и это постановление может быть обжаловано лишь пред партийным съездом.

СЕНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ.

Организация Сены имеет исключительное значение в судьбах французского коммунизма, а, следовательно, и международного. Исходя из этой оценки, Интернационал считает необходимым призвать как коммунистов Сенской федерации, так и всей нашей французской партии к радикальному изменению тех основ, на которых построена ныне Сенская организация.

Принцип федерализма является совершенно несовместимым с действительными интересами революционной организации. Ссылки на федеративную конституцию Советской Республики должны быть признаны в корне ошибочными, так как организация коммунистической партии не может быть отождествлена с организацией Советского государства. Коммунистическая партия во всех федеративных республиках едина и строго централизована. Коммунисты Украины, Грузии, Азербейджана и пр. связаны с коммунистами Москвы, Петербурга и т. д. не на началах федерализма, а на началах строжайшего демократического централизма. Только благодаря единству этой централистской организации рабочего класса, России удалось отстоять себя в борьбе со своими бесчисленными врагами. Интернационал самым решительным образом предостерегает против применения принципов федерализма и автономизма в революционной партии, которая должна быть могучим рычагом революционного действия.

Ставить во главе партийной организации комитет из сотни членов, значит фактически лишать организацию всякого последовательного и твердого руководства.

В соответствии с организационными принципами Коммунистического Интернационала во главе Сенской организации должен быть поставлен комитет из небольшого числа членов, выбранных на началах демократического централизма и безусловно ответственных за политическое и организационное руководство Сенской организацией.

Вместе с тем, в виду указанного выше исключительного значения Сены, надлежит признать безусловно необходимым, чтобы 2—3 члена Центрального Комитета являлись бы также членами комитета Сены (путем ли выбора в состав Центрального Комитета соответственных работников Сенской организации или путем введения в состав Сенского комитета особым постановлением Центрального Комитета). Таким путем будет обеспечена необходимая связь между руководящим центром партии и ее важнейшей организацией.

СИНДИКАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Интернационал констатирует, что величайшую опасность для французского рабочего и в особенности синдикального движения представляют индивидуалистические, мелко-буржуазные элементы, враждебные духу пролетарской дисциплины и искусно избегающие всякого организационного контроля над своей деятельностью. В лице Вердье, Кентона и др. мы видим такого рода деятелей, которые под прикрытием фраз об автономии синдикатов организуют свои небольшие клики внутри синдикатов и стремятся захватить руководство движением в свои руки, не давая организационно рабочему классу никаких гарантий не только правильного руководства, но даже и простой преданности интересам пролетариата. Деятельность такого рода мелко-буржуазных индивидуалистов тем опаснее, что они, как те же Вердье, Кентоны и др. проникают даже в ряды нашей партии и, прикрываясь ее авторитетом, но не подчиняясь ее контролю, ведут глубоко деморализующую работу, противопоставляя синдикаты партии и отравляя их взаимоотношения.

Использовав в своих целях гостеприимство партии, такие элементы легко затем покидают ее ряды, так как режим идейной последовательности, дисциплины и ответственности, т.-е. режим партии чужд духу этих браконьеров рабочего движения.

Интернационал считает безусловным долгом всех передовых и сознательных элементов рабочего класса и в первую голову руководящих органов коммунистической партии беспощадно бороться с этим явлением и с его виновниками. Сама партия должна быть, разумеется, целиком и полностью

очищена от духовных братьев Вердье и Кентона, поскольку таковые еще остаются в ее рядах.

Необходимо поэтому уже во время Сент-Этьенского съезда при содействии коммунистической фракции и ее бюро установить и разоблачить тех лже-коммунистов, которые рассматривают и партию и синдикаты, как арену для деятельности безответственных клик. Они должны быть беспощадно выброшены из наших рядов, дабы они в будущем не могли приносить рабочему классу того неисчислимого вреда, какой они приносили ему в прошлом и приносят еще в настоящем.

* * *

Принимая во внимание, что в синдикатах, которые остались в составе C. G. T. имеются коммунисты, члены партии, нужно признать безусловной обязанностью партии сохранение с этими товарищами правильной организационной связи.

Коммунисты в реформистских синдикатах должны организовывать правильно действующие партийные ячейки, тесно связанные с соответственными органами партии.

Независимо от того, как разрешится вопрос о взаимоотношениях между C. G. T. и C. G. T. U. и каково дальше будет поведение партии в ее борьбе против реформистов, коммунисты должны вести борьбу внутри за овладение всеми органами C. G. T.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ.

Интернационал констатирует, что пресса и руководящие органы Французской Коммунистической Партии совершенно неправильно информировали партию о смысле и значении тактики единого фронта. Интернационал попросту отметает поверхностные суждения журналистов, которые пытаются видеть возрождение реформизма там, где есть углубление метода борьбы с реформизмом.

Попытка представить образование комиссии 9, как создание руководящего органа, стоящего над тремя Интернационалами, порождено полным непониманием духа и характера Коммунистического Интернационала. Это значит смешивать Коммунистический Интернационал со старыми, чисто парламентскими, реформистскими организациями, делегаты и представители которых становятся над организованной рабочей массой и диктуют ей свою волю. При характере Коммунистического Интернационала и духа проле-

тарской дисциплины 3 делегата, отправленные в комиссию 9, были только временным исполнительным органом для определенной цели и под безусловным контролем Коминтерна.

Самая славная страница истории французского пролетариата—Парижской Коммуны—была нечем иным, как блоком всех организаций и оттенков французского рабочего класса, объединившегося против буржуазии. Если, несмотря на осуществление единого фронта, Коммуна была быстро разгромлена, то в первую голову это объясняется тем, что на левом фланге единого фронта не было подлинно-революционной, дисциплинированной и решительной организации, которая в огне событий могла бы быстро овладеть руководством.

В таком именно смысле Коммуна была рабочим правительством—блоком рабочих партий и группировок, противопоставляющих себя буржуазии. В качестве рабочего правительства Коммуна и являлась этапом к установлению социалистического строя. Сознательному французскому пролетариату нужно только глубоко продумать опыт Коммуны, чтобы в своем героическом прошлом найти все необходимые доводы в пользу истинно-революционной тактики единого фронта с вытекающими из этой тактики требованиями рабочего правительства.

* * *

Идея левого блока в настоящих условиях способна развратить большое число малоопытных в политическом отношении рабочих. Французская Коммунистическая партия должна иметь в виду эту перспективу, которая представляет собою очень серьезную опасность. Во всей своей ежедневной пропаганде она должна систематически противоставить идее левого блока идею блока всех рабочих против буржуазии. Само собою разумеется, что во время выборов партия должна повсюду выступать со своим, независимым от других, коммунистическим списком.

Только такая тактика, настойчиво проводимая во всех областях (экономической, политической, муниципальной и пр.), способна свести к минимуму число рабочих, которые будут вовлечены в орбиту левого блока, и расширить влияние партии на незатронутые ею круги рабочих.

О ПАРТИЙНОЙ ПЕЧАТИ.

Повышение политического и теоретического уровня массы членов партии осуществимо только при том условии, если руководящая пресса партии окончательно порвет с нравами

и обычаями буржуазного журнализма, предоставив свои столбцы не в распоряжение того или другого журналиста развивающего свои личные тенденции, а в распоряжение партии, которая через посредство своих журналистов, систематически и планомерно проводит свою мысль и свою волю. Для этого необходимо, чтобы передовые статьи, посвященные принципиально выдержанному освещению событий мировой и внутренней, экономической и политической жизни, появлялись без подписи, не как мнение отдельных лиц, а как голос самой партии. Центральный Комитет через свои соответствующие органы должен постоянно контролировать и инспектировать прессу, ставя ей определенные задачи, вытекающие из политической обстановки, и этим обеспечивая полную согласованность между работой прессы и его собственной работой как внутри партии, так и во всей политической борьбе. Ни в каком случае не могут и не должны появляться в качестве руководящих статей, хотя бы и за подписями, такие статьи, которые критикуют уже вынесенные и подлежащие проведению решения Коммунистического Интернационала или французской партии. Если бы появление таких статей сочтено было руководящими органами партии целесообразным в целях окончательного выяснения вопроса, то такие статьи могут печататься лишь в качестве дискуссионных, с точным указанием со стороны редакции имеющихся уже решений партии по этому вопросу, с энергичной защитой этих решений в руководящих статьях.

ВОПРОС О ФРАКЦИЯХ.

Интернационал констатирует, что во французской партии, на ряду с другими явлениями кризиса, наблюдается симптом возрождения фракций.

Крайнее правое крыло партии, пунктом концентрации которого является „Journal du Peuple“, получило совершенно несоответствующее его идейному и политическому весу значение на верхах партии и в ее прессе. Отсутствие решительных мер противодействия со стороны Центрального Комитета фатально вело к попыткам возрождения левой фракции. В свою очередь, борьба этих двух фракций неизбежно должна подкапывать боеспособность партии, а в дальнейшем может представить угрозу для ее единства.

Интернационал выражает свою глубокую уверенность в том, что только полное сплочение подавляющего большинства партии против ничтожного правого крыла и энергичное проведение всех вынесенных настоящей конференцией

решений вырвет всякую почву из-под ног фракционных группировок.

Вместе с тем, Интернационал энергично призывает левое крыло, отстаивая и впредь принципы революционного коммунизма, ни в коем случае не обособляться в особую фракцию, а вести свою работу в рамках обще-партийных учреждений и организаций, всемерно содействуя сотрудничеству с центральным ядром партии во всей практической работе и, в частности, в борьбе с реформистскими, пацифистскими и анархо-синдикалистскими уклонениями.

ГАЗЕТА „L'INTERNATIONALE" И ЕЕ РЕДАКТОР ТОВ. ДАНИЭЛЬ РЕНУ.

Главный редактор вечерней парижской газеты „L'Internationale", член Центрального Комитета партии, тов. Даниэль Рену принимал самое активное участие в работах февральской сессии расширенного Исполкома, при чем по всем вопросам, кроме единого фронта, Исполком достиг полного соглашения со всеми членами французской делегации, в том числе и с тов. Рену.

По вопросу об едином фронте тов. Рену, выступавший в качестве докладчика и голосовавший затем вместе с большинством французской делегации против тактики единого фронта, заявил, однако, в самой категорической и торжественной форме, что, в качестве верных солдат революции, французские коммунисты безоговорочно подчинятся решению, вынесенному после обширной и лойяльной дискуссии.

Обязательства, взятые на себя делегацией Центрального Комитета, оказались в самых своих существенных частях невыполненными вследствие недостаточной активности и решительности самого Центрального Комитета в их проведении. Однако, важнейшую причину невыполнения вынесенных постановлений и напряженности во взаимоотношениях между Интернационалом и его французской секцией конференция усматривает в поведении газеты „L'Internationale" и его редактора.

В полном противоречии с принятыми обязательствами и со своим торжественным обещанием тов. Даниэль Рену, вместо разъяснения принятых решений и призыва к их единодушному исполнению, повел ожесточенную кампанию против тактики единого фронта и Коммунистического Интернационала вообще. Не ограничиваясь литературной полемикой, тов. Даниэль Рену выступал на таких авторитетных собраниях, как конференция Сенской организации с

призывом демонстративно голосовать против политики единого фронта.

Констатируя явное нарушение тов. Даниэлем Рену обязанностей члена Коммунистического Интернационала и попрание обязательств, им же самим на себя принятых и торжественно провозглашенных, расширенный пленум объявляет тов. Даниэлю Рену,—как делегату французской партии в Москве и как редактору „L'Internationale" — порицание.

Вместе с тем, Интернационал предлагает Центральному Комитету и его генеральному секретарю принять все меры к тому, чтобы в остающиеся до партийного съезда месяцы газета „L'Internationale" стала органом действительного проведения решений Коммунистического Интернационала.

ДЕЛО ФАБРА.

Исключение Фабра вместе с его журналом из партии является одним из моментов борьбы с духом интеллигентской анархо-журналистической богемы, которая, особенно во Франции, последовательно принимает все формы, все цвета анархизма и оппортунизма и неизменно кончает ударом ножа в спину рабочего класса. Из этой лаборатории вышли и Бриан, и Эрве и сотни других. Интернационал твердо расчитывает на то, что как Центральный Комитет, так и пресса партии разъяснит рабочим массам политическое значение исключения Фабра. Только при этом условии принятая мера явится смертным приговором для фабризма в партии и обеспечит общественному коммунистическому мнению ту революционную упругость, при которой журналистские искатели приключений всегда будут автоматически и без затруднения извергаться из рядов партии.

БЛИЖАЙШИЙ СЪЕЗД ПАРТИИ.

Подготовка ближайшего съезда партии должна вестись под знаком борьбы за идейное и организационное укрепление партии против тенденций мелко-буржуазного пацифизма, анархо-сандикализма, словесного революционизма, против теорий, отождествляющих пролетариат с крестьянством и направленных тем самым против классового характера партии и пр. В виду того, что указанные течения уже успели внести чрезвычайную смуту в сознание партии, партийная печать должна внести во все эти вопросы ясность, освежив в памяти партии соответственные резолюции Коммунисти-

ческого Интернационала, в частности, 21 условие присоединения партии к III Интернационалу. Все эти решения должны быть освещены опытом последнего года или иллюстрированы примерами явно несовместимых с этими резолюциями литературных и политических выступлений ряда ответственных работников партии.

День созыва съезда должен быть установлен по соглашению между Центральным Комитетом и И. К. К. И.

ВОЗЗВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Принимая во внимание необходимость глубокого поворота во внутренней политике французской партии, что может быть осуществлено при сознательном содействии подавляющего большинства ее членов, Интернационал считает желательным опубликование соответствующее торжественное воззвание Центрального Комитета ко всей партии, с выяснением существа принятых на настоящем расширенном пленуме решений, долженствующих открыть новую эру в жизни Французской Коммунистической партии.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ ТРЕНУ.

Дорогой товарищ Трен.

Я Вам очень признателен за Ваше интересное письмо, которое в общем совпадает с той информацией, какую мы здесь имеем, как из нашей французской прессы, так и из писем и бесед. Мы еще не перевалили во Франции через все трудности в деле формирования революционной партии пролетариата. Победа в Туре досталась слишком легко. Теперь история требует от коммунизма, чтобы он эту суммарную победу оправдал и реализовал при помощи ряда частичных побед. Это ведет к борьбе внутри нашей собственной партии. Борьба вызывает расходование сил, известное перенесение внимания с внешних врагов на внутренние трудности, порчу личных отношений и пр., и пр. Все это вообще безусловно неприятно и, если это брать вне времени и пространства, то может получиться повод для горьких сетований по поводу партийной внутренней борьбы и пр. К несчастью, нет другого, более экономного пути для развития революционной партии — особенно во Франции.

Иногда высказываются в том смысле, что очищение и возрождение партии надо производить на основе массовых действий, и тогда самый процесс очищения будет менее болезнен. В такой общей форме эта мысль верна, но она

слишком обща и поэтому может стать источником неправильных выводов. Окрепнуть, в качестве подлинно революционной партии, французский коммунизм может только на основании массовых действий. Но, с другой стороны, именно нынешнее состояние партии (борьба тенденций, недостаточность руководства, неопределенность печати) крайне мешают ей встать на путь массовых действий. Я уже не говорю, как вредна именно в этом отношении позиция партии в вопросе об едином фронте. Другими словами, связь между внешним состоянием партии и массовыми действиями не механическая, а диалектическая: одно затрудняется или облегчается другим. Именно для того, чтобы партия могла начать, действовать, ей необходим известный минимум единства ее собственного сознания, ее собственной воли. Приходится для обеспечения такого внутреннего единства расходовать энергию, и очень значительную энергию. Это расходование энергии, которое с поверхностной точки зрения может показаться излишним (faux frais), целиком окупится при первом же серьезном испытании партии в массовом выступлении. С другой стороны, такого рода участие партии, более единой, чем нынешняя, послужит к дальнейшему повышению ее сплоченности и активности. Вот почему мы здесь без преувеличенной тревоги наблюдаем внутреннюю борьбу во французской партии. Наоборот, эта борьба свидетельствует о здоровой реакции партийного организма против бацилл центризма, пацифизма, журналистского индивидуализма, анархо-синдикализма и пр. Le vin est tirè, il faut le boire*). Борьбу надо довести до конца. Она пойдет тем менее болезненно, чем меньше будут революционные элементы партии, т.-е. ее несомненное большинство, оказывать снисхождения индивидуалистской журналистике и парламентской трибуне, которые не хотят или неспособны революционно перевоспитаться и подчиниться дисциплине боевой партии.

Результаты съезда в С.-Этьене представляют собою несомненный шаг вперед. Он, однако, был бы сведен к нулю, если бы сейчас же не сделать второго и третьего шага. Безнаказанность анархо-синдикалистских выступлений под коммунистическим знаменем была и остается величайшей опасностью. Партия до тех пор не установит правильного отношения с синдикатами, пока лже-коммунисты, противодействующие влиянию коммунизма в синдикатах, не будут автоматически вылетать из партии. В связи с этим, я хотел бы сказать несколько слов о том, совершенно ложном впечатлении, которое создалось у некоторых француз-

*) Что в переводе означает — необходимо осушить бокал до дна. *Пер. ред.*

ских товарищей—на основании крайне несовершенной, повидимому, передачи т. Фроссара — насчет моего отношения к группе Монмуссо и о его резолюции. Можно было понять так, будто я предлагал объявить войну группе „La Vie Ouvrière". Это было крайне неверно. Чего я, как и всякий член Исполкома, требовал, так это того, чтобы коммунисты поступали так, как приказывает коммунистическая партия. Если партия решает голосовать за присоединение к Профинтерну без оговорок, то всякий коммунист, голосующий против этой резолюции (скажем — за Монмуссо), должен быть исключен из партии. Весь вопрос в том, можно ли, при данном положении партии, вынести обязательное решение о голосовании за присоединение без оговорок. Т. Фроссар категорически заявил, что, по соотношению сил, партия такого решения вынести не может. Тогда оставался блок с группой Монмуссо. Но опять-таки голосовать за резолюцию Монмуссо коммунисты могут только по решению партии. Они и в данном случае должны подчиняться не дисциплине фракции Монмуссо, а дисциплине своей партии. Иначе—они исключаются. В то время я всемерно подчеркивал необходимость для нас итти рука об руку с группой Монмуссо, представляющей чрезвычайно ценные элементы французского рабочего движения. Тут, разумеется, нет никакого противоречия. Можно и должно уважать Моната и Монмуссо и их единомышленников, стремясь во что бы то ни стало договориться с ними, и в то же время исключить из партии тех коммунистов, которые ставят дисциплину фракции Монмуссо выше дисциплины партии.

Вы спрашиваете о моем мнении относительно того, как мы здесь себе представляем коалицию левых со всеми революционными элементами центра и существование левой? Надо исходить из фактов. Левая, центр и правая существуют, как тенденция к личной группировке и до известной степени и при известных условиях грозят превратиться в замкнутые фракции. Было бы, в условиях внутренней партийной борьбы фарисейством требовать от единомышленников, чтоб они не встречались, не совещались и не обсуждали линий поведения. Это относится, разумеется, и к левым, ибо у левых, стремящихся отстоять резолюцию Интернационала, не может быть никаких оснований лишать себя тех средств борьбы, какими располагают другие группировки. Необходимо, однако, мне кажется, соблюдение следующих условий: 1) левая ни в каком случае не конституируется в организованную фракцию, т.-е. категорически отвергает идею раскола; 2) активно стремится к сближению со всеми революционными элементами центра, не приходя

в отчаяние от частичных неудач и неутомимо отстаивая „единый фронт“ центра и левой против антикоммунистических элементов и группировок внутри партии; 3) левая устанавливает правильную перспективу в отношении различных уклонений внутри партии и добивается того, чтобы и центр эту оценку и перспективу сделал своей.

Что касается этой оценки и перспектив внутри партийной борьбы, то они представляются мне следующими: а) реформистские, пацифистские элементы, сторонники левого блока, националисты, парламентские и журналистские индивидуалисты: с этой интеллигентской группой нужно расправиться беспощадно, раз навсегда выжечь каленым железом язвы адвокатского и депутатского индивидуализма в коммунистической партии и тем самым поднять к ней уважение и доверие революционных рабочих; б) синдикалистские элементы, т.-е. те рабочие, которые входят в коммунистическую партию, но в то же время проводят тенденцию Моната и Монмуссо, опирающиеся на недоверие к революционности и пролетарской сущности партии: здесь необходима терпеливая и настойчивая идейная борьба против антикоммунистических тенденций с целью завоевания всех здоровых элементов, т.-е. подавляющего большинства этой группы, для коммунистической партии; в) федералистские элементы, крайняя левая и пр.: несомненно, основание этих группировок революционно, многие неясности и ошибки проистекают из молодости и неопытности; здесь нужен спокойный, товарищеский и, отчасти, даже педагогический подход; г) так-называемый пейзанизм (как Вы выражаетесь); несомненно, что если бы партия дала развиться такой тенденции до ее логического конца, то и это привело бы к созданию фракции в духе наших эсэров; критика здесь совершенно необходима; но, разумеется, нужно приложить все усилия к тому, чтобы такие ценные и многообещающие коммунисты, как Рено Жан, не были бы отброшены в лагерь правой, от которой Рено Жан, по своему революционному духу бесконечно далек.

Позвольте, дорогой товарищ, на этом закончить свое письмо, копию которого я посылаю т. Фроссару.

Преданный Вам *Л. Троцкий.*

Москва, 28/VII 1922 г.

ПИСЬМО ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА СЕНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Дорогие товарищи!

Интернационал посвятил в период последней сессии расширенного пленума Исполкома значительную часть своих работ изучению положения французской партии и, особенно ее наиважнейшей организации, Сенской федерации.

За несколько месяцев перед тем, в феврале, расширенный пленум уже обсуждал этот вопрос совместно с многочисленной делегацией французской партии и указал этой последней на опасности, которым подвергается Сенская федерация и партия, благодаря признанию федералистического принципа за основу коммунистической организации.

Явная живучесть федералистических предрассудков и отсутствие выправления линии парижской коммунистической организации в соответствии с общей структурой Интернационала и всех входящих в него компартий вынудили Исполком подвергнуть специальному обсуждению вопрос о Сенской федерации. В полном согласии с генеральным секретарем Французской Компартии и присутствовавшими при этом французскими делегатами, Исполком, после исчерпывающих прений в комиссии и в пленарном заседании, единогласно принял резолюцию, приглашающую Сенскую федерацию построиться сообразно правилам, содержащимся в положениях Интернационала, касающихся структуры и организации коммунистических партий.

Интернационал убежден, что эта резолюция встретит хороший прием у подавляющего большинства французских товарищей, убедившихся как на теоретических выкладках, сделанных проницательными коммунистами, так и на практическом опыте, значение которого подтверждается существующим состоянием Сенской федерации. Интернационал настаивает на широком опубликовании этой резолюции, сообразно духу дружеской революционной откровенности, которая должна являться правилом среди коммунистов различных секций Интернационала, дабы обсудить и оценить ее имели возможность все члены партии.

Принципы и правила организации, установленные Интернационалом, не являются продуктом интеллигентского воображения, результатом опыта, насчитывающего три четверти века освободительной борьбы пролетариата двух миров. Не напрасно боролся и страдал рабочий класс, проходя первые этапы революционного пути. И поражения и победы убеди-

ли его в необходимости спайки в рядах борющихся пролетариев, дисциплины классовой организации, единого руководства.

Вот почему международные коммунистические конгрессы в своих тезисах и специальных резолюциях, в сжатом виде дающих сумму знаний и опыта, приобретенного рабочими партиями всех стран, выдвинули принцип демократического централизма, как главную основу политической организации пролетариата.

Централизм,—потому что необходимо обеспечить единство действий всех частей пролетариата, одновременность выступлений под одним общим лозунгом, что достижимо только при действительном сосредоточении руководства в руках ответственных центральных и местных органов, устойчивых в своем составе и в отношении своей политической линии. Демократизм,—потому что эти руководящие центральные и местные органы, которые в известных условиях могут быть очень малочисленны, избираются всеми членами партии, ими контролируются и перед ними отчитываются.

Против централистического сосредоточения руководства выдвигается иногда тот упрек, что оно ведет будто бы к засилию вождей, к недостаточной активности массы, к созданию режима олигархии. Само собой разумеется, централизм при неправильном его применении может выродиться в систему олигархии. Но вина будет не в централизме, а именно в неправильном использовании его методов и преимуществ. По существу же строго централистическая организация в наивысшей мере способствует активности массы, поскольку обеспечивает планомерное, устойчивое, преемственное политическое руководство. Те, которые говорят, будто рабочий класс вообще не нуждается в вождях, вводят только рабочих в заблуждение. Без тщательного отбора руководителей в местном и общегосударственном масштабе, без постоянной проверки вождей в действии, рабочий класс никогда не победит. Федералистическое построение партийной организации ведет к текучему составу руководителей, к бесформенности руководства и к отсутствию определенной личной ответственности. Именно в такой обстановке нередко слагаются в рамках организации группы, никем не контролируемые, но фактически завладевающие руководством за спиной массы, убаюканной мнимыми преимуществами федерализма.

Ссылки на федеративный строй Советской Республики приходится в данной связи признать чистейшим недоразумением. Федерализм в государственной организации применен Советской Республикой постольку, поскольку прихо-

дится объединять огромные территории, населенные разными национальными и племенными группами (белоруссы, украинцы, грузины, армяне и т. д.). Такая форма организации вызывается некоторыми национально-государственными функциями (государственный язык, национальная школа и пр.). Но этот принцип федерализма никогда не применялся и не применяется нами к построению партии пролетариата. Украинские, грузинские, армянские и прочие коммунистические организации входят в рамки единой партийности не на федералистских, а на строго централистических началах. И если бы не было этого партийного централизма, то рабочему классу России никогда не удалось бы отстоять Республику Советов, ни даже притти к ней путем завоевания власти.

Каждому сознательному рабочему ясно, что пред лицом строго централизованной и дисциплинированной силы буржуазии, необходима не менее централизованная и дисциплинированная сила пролетариата. Вот почему те, кто борется против идеи демократического централизма, провозглашенной Интернационалом, этим самым доказывают, что они чужды духу, царящему в просвещенной части пролетариата и бессознательно наносят вред интересам революции.

Коммунистические партии—это не клубы академических дискуссий и не общества пропаганды: это боевые организации и они должны быть построены, как таковые. Современные рабочие революции, трагическая борьба пролетариата с капиталистическим гнетом, неоценимые жертвы, приносимые лучшей частью пролетариата, служат незабвенным уроком борющемуся авангарду социальной революции. Не Сенской коммунистической федерации, этому духовному наследнику Парижской Коммуны, игнорировать наиглавнейшие причины поражения Коммуны: мелко-буржуазные демократические и федералистические принципы, отсутствие сильной руки, направляющей революцию, объединяющей ее, дисциплинирующей и централизирующей.

Интернационал убежден, что сообразно революционным интересам Сенской федерации он наметил лучший путь организации. Он с удовольствием констатирует наличие во французской партии широкого течения, вдохновляемого идеями Интернационала и способного объединить в себе на будущем съезде федерации все ее здоровые силы.

Исполком доволен тем, что в порядке дня предстоящего съезда имеется вопрос о 9 параграфе устава Интернационала. Обсуждение этого пункта позволит бросить яркий свет на основное отличие III Интернационала от II, отличие, которому Коминтерн в значительной степени обязан доверием широких рабочих масс.

Подобно каждой компартии в отдельности Интернационал—централистическая организация, руководство которой сосредоточивается в Исполкоме, наделяемом полномочиями созываемым ежегодно всемирным конгрессом. Таким образом Коминтерн, в отличие от прочих международных организаций, пропитанных национальными предрассудками, не является федерацией независимых национальных партий, но единой и великой Международной Коммунистической Партией. Неоспоримое право Интернационала — отказывать в принятии и исключать принятых раньше—в промежутках между всемирными конгрессами осуществляется Исполкомом. Таков смысл 9 параграфа устава.

Это значит, что параграф этот составлен не в разгаре битвы, не под наплывом вызванных случайными и временными обстоятельствами соображений. Он логически вытекает из органического принципа демократического централизма и может исчезнуть лишь с исчезновением самого понятия боевой организации, с отказом пролетариата от завоевания в напряженной борьбе освобождения.

Ставить под вопрос 9 параграф или толковать его, отнимая у него революционное содержание, значит — ставить под вопрос органический принцип Коммунистического Интернационала. Каждая национальная секция обладает правом и обязанностью требовать пересмотра принципа, который на опыте оказался бы необоснованным и плохо применимым, и французская секция вольна использовать свое право на IV всемирном конгрессе. Но Сенская федерация поймет, что вопрос такой важности должен быть поставлен во весь рост и в правильную плоскость; если бы она нашла необходимым пересмотреть самые основы международной организации, то вопрос надлежало бы ставить, не случайно придравшись к инциденту дисциплинарного характера.

Интернационал счел необходимым использовать право, устанавливаемое параграфом 9 для исключения из своих рядов гражданина Фабра и всех солидарных с ним. Исполком руководился в этом постановлении соображениями революционной целесообразности. В старой буржуазной и парламентской стране, как Франция, давление буржуазного общественного мнения особенно могущественно. Это общественное мнение ищет для себя рычагов, чтобы проникнуть в недра революционной партии, расколоть, ослабить и отравить ее. Орган Фабра является одним из таких рычагов буржуазного общественного мнения. Игнорирование такого рода явления представляет величайшую опасность для каждой революционной партии. Именно поэтому Исполни-

тельный Комитет Интернационала счел своим долгом привлечь к группе Фабра внимание всей партии. Диссиденты и буржуазия немедленно сделали дело Фабра своим—именно потому, что раньше Фабр защищал внутри партии дело буржуазии. Шум вокруг Фабра придает ему некоторую видимость значения. Но с того момента, как для буржуазии станет ясно, что коммунистическая партия радикально очистилась от фабризма, Фабр и его орган потеряют для нее какое бы то ни было значение, и эта безыдейная паразитическая группа лопнет, как мыльный пузырь.

Таким образом, интересы революции требовали изгнания Фабра и его единомышленников из рядов партии. Политический интерес стоит выше каких бы то ни было формальных и юридических соображений. Но само собой разумеется, что во вторую очередь должны быть приняты во внимание и соображения формального порядка. Но как раз с чисто формальной точки зрения наличность в распоряжении Коминтерна § 9 обнаружила все свои преимущества в данном случае. Центральный Комитет Французской Коммунистической Партии, подавляющее большинство которой признавало необходимость исключения Фабра, не имело возможности, однако, провести это исключение в силу особенностей устава французской партии. Конфликтная комиссия, значение которой в организме партии очень велико, по существу имеет своей задачей точное, внимательное и беспристрастное рассмотрение тех индивидуальных случаев, где дело касается морали и чести отдельных членов партии, конкретного нарушения ими в отдельных случаях партийной дисциплины, товарищеской морали и пр. и пр. Но в деле Фабра речь шла не о сложном процессуальном расследовании, а о политической оценке группы, всем своим духом враждебной коммунизму. В таком вопросе решение должно, разумеется, принадлежать не контрольной комиссии, а Центральному Комитету партии, как высшей руководящей инстанции между двумя съездами. Поскольку Центральный Комитет считал себя, на основании нынешних статутов не в праве исключить клику Фабра, постольку долг Исполнительного Комитета был применить § 9 статута Интернационала. Вывод, который вытекает из этого крайне поучительного опыта, требует не устранения или ограничения § 9 устава Интернационала, а изменения устава Французской Коммунистической партии, в смысле предоставления ее Центральному Комитету всей полноты прав по охране идейной чистоты и дисциплины партии пролетариата.

Опыт всех партий свидетельствует, что неустойчивые, политически - шаткие, полу - оппортунистические элементы

обычно проявляют свою тенденцию не в открытой борьбе с революционным направлением, а в противодействии ему по второстепенным, формальным, юридическим и другим поводам. Этим колеблющимся и неустойчивым элементам федерация Сены даст надлежащий урок, предложив им подчиниться коммунистической дисциплине и, вместо косвенной поддержки Фабру по формальным мотивам, ложность которых очевидна, принять участие в беспощадной политической борьбе с остатками фабризма в партии.

Концентрация всех подлинно революционных элементов, которая встретит неограниченную поддержку рабочих масс партии, должна быть программой предстоящей Сенской конференции. Нужно обеспечить первой по значению организации французского пролетариата твердое революционное руководство. Конференция Сены должна стать достойным вступлением к предстоящему в октябре съезду партии, задачей коего также явится концентрация революционно-коммунистических элементов, уничтожение центристских, пацифистских тенденций, установление в партии режима революционной дисциплины, прекращение внутри партии фракционной борьбы и обеспечение в руках однородного Центрального Комитета подлинного политического руководства.

Процесс формирования коммунистической партии есть трудный и сложный процесс, неразрывно связанный с самокритикой и внутренним очищением. Исполнительный Комитет не сомневается в том, что авангард французского пролетариата справится с этой задачей и что в этой работе Сенская федерация займет подобающее ей первое место.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

СЪЕЗДУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогие товарищи!

Предстоящий съезд Французской Коммунистической Партии имеет исключительное значение: он должен помочь партии, после года глубокого внутреннего кризиса, парализовавшего ее волю, выйти на широкую дорогу революционного действия. Чтобы съезд с успехом выполнил эту задачу, нужно, чтобы вся партия критически оглянулась на пройденный путь, дала себе ясный отчет в причинах тяже-

лого внутреннего недомогания, ведущего к политической пассивности, и твердой рукой провела бы на своем съезде необходимые меры оздоровления и возрождения. Цель настоящего письма—оказать общественному мнению нашей Французской Партии содействие в деле разрешения этой задачи.

1. ОБЩИЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ПАРТИИ.

Официальный французский социализм и официальный французский синдикализм во время империалистической войны оказались насквозь пропитаны отравой демократической и патриотической идеологии. Со страниц „L'Humanité" и со всех других партийных и синдикальных трибун изо дня в день проповедывалось, что эта война есть последняя война, что эта война за право, что Антанта с Францией во главе, представляют высшие интересы цивилизации, что победа Антанты приведет к демократическому миру, к разоружению, к социальной справедливости и пр. и пр. После того, как эти, отравленные шовинизмом, фантазии нашли свое воплощение в подлой и отвратительной реальности версальского мира, официальный французский социализм попал в совершенно безвыходное положение. Его внутренняя фальшь обнаружилась с неотразимой наглядностью. Идейная тревога овладела массами, верхи партии потеряли равновесие и доверие к себе. В этих условиях произошло преобразование партии на съезде в Туре и ее присоединение к Коммунистическому Интернационалу. Разумеется, результаты этого съезда были подготовлены неутомимой героической работой Комитета III Интернационала. Тем не менее, быстрота, с какой эти результаты были достигнуты, поразила тогда весь международный пролетариат. Подавляющее большинство партии, вместе с ее важнейшими органами и в том числе и „L'Humanité", превратилось во французскую секцию Коммунистического Интернационала. Откололись от партии наиболее скомпрометированные элементы, всеми своими интересами и всем своим мышлением связанные с буржуазным обществом. Эта быстрота превращения социалистической партии в коммунистическую, явившаяся результатом вопиющего противоречия между идеологией демократического патриотизма и версальской реальностью, имела неизбежно и свои отрицательные последствия. Партия отшатнулась от прошлого, но это вовсе не значило, что она успела за короткий период критически продумать и проработать теоретические принципы коммунизма и методы революционной пролетарской политики.

К этому присоединилось еще и то, что революционное движение за последние два года приняло во всей Европе более медленный, затяжной характер. Буржуазное общество обрело некоторую видимость нового равновесия. На этой почве внутри коммунистической партии стали оживать старые предрассудки реформизма, пацифизма и демократизма, от коих партия формально отказалась в Туре. Отсюда неизбежная внутренняя борьба, приведшая к глубокому кризису партии.

После Тура в партию вошло значительное количество революционных синдикалистов. Сам по себе этот факт являлся крайне ценным. Но так как именно по вопросу о взаимоотношении между партией и синдикатами в нашей партии совершенно отсутствовала ясность воззрений, то синдикалистские взгляды, требовавшие „невмешательства" партии в область синдикального движения, подкрепили собою в корне неправильный взгляд, будто партия и профсоюзы представляют собою две совершенно самостоятельные державы, связанные, в лучшем случае, взаимным благожелательным нейтралитетом, другими словами, не революционные синдикалисты подвергались переработке в горниле партии, а, наоборот, они наложили на партию свой анархо-синдикалистский отпечаток, еще более усиливая этим идейный хаос.

Можно, таким образом, сказать, что съезд в Туре наметил лишь общие грубые рамки, внутри которых и совершается до сего дня трудный процесс перерождения партии из демократической и социалистической в коммунистическую.

2. ВНУТРЕННИЕ ГРУППИРОВКИ ПАРТИИ.

Наиболее очевидное и острое выражение кризис находит себе в борьбе тенденций внутри партии. Этих тенденций, если свести их к основным группировкам, четыре:

а) Правое крыло. Его возрождение и сплочение внутри коммунистической партии пошло по линии наименьшего сопротивления, именно по линии пацифизма, который всегда может расчитывать на поверхностный успех в стране с такими традициями, какие у Франции, особенно после империалистической войны. Гуманитарный и слезливый пацифизм, не заключающий в себе ни единого революционного атома, создает наиболее удобную маскировку для всех других воззрений и симпатий в духе реформизма и центризма. Правое крыло партии начинало чувствовать себя тем увереннее и тверже, чем более обнаруживался затяжной

характер пролетарской революции, чем более европейская буржуазия овладевала государственным аппаратом после войны, чем большие хозяйственные трудности возникали пред Советской Республикой. Правые элементы сознавали и чувствовали, что только бесформенность и смутность партийного сознания может обеспечить их влияние, поэтому они, не всегда решаясь открыто нападать на коммунизм, вели тем более непримиримую борьбу против требований ясности и отчетливости в идеях и в организации партии. Под лозунгом „свободы мнений" они отстаивали свободу мелко-буржуазных интеллигентов, адвокатских и журналистских группок вносить в партию сумбур, хаос и тем парализовать ее способность к действию. Все нарушители партийной дисциплины находили сочувствие со стороны правого крыла, которое усматривает особое мужество в том, когда депутат или журналист попирает ногами программу, тактику или устав пролетарской партии. Под лозунгом национальной автономии они открыли борьбу против Коммунистического Интернационала. Вместо того, чтобы бороться внутри Интернационала, к которому они формально примкнули, за ту или другую точку зрения, правые стали оспаривать самое право Интернационала „вмешиваться" во внутреннюю жизнь отдельных партий. Они пошли далее и, отождествляя Интернационал с Москвой, стали в прикрытой и тем более злостной форме намекать французским рабочим, что те или другие решения Коммунистического Интернационала диктуются не интересами мировой революции, а оппортунистическими государственными интересами Советской России. Если бы это было так, или если бы правые серьезно думали, что это так, они были бы обязаны поднять против русских коммунистов непримиримую борьбу, объявить их изменниками делу международного коммунизма и призвать русских рабочих к свержению такой партии. Но правые и не думали становиться на этот единственно-последовательный и принципиальный путь. Они ограничивались намеками и инсинуациями, стремясь играть на националистических струнках известной части партии и рабочего класса. Это кокетничанье с лже-демократизмом („свобода мнений") и национализмом Париж—Москва, дополнялось вздохами по поводу раскола с диссидентами и нащупыванием почвы для подготовки политики левого блока. Таким образом, правое крыло по всему духу своему враждебно коммунизму и пролетарской революции. Элементарным требованием самосохранения партии является очищение ее рядов от тенденций этого рода и от тех элементов, которые являются проводниками таких тенденций. Само собой разумеется, что

члены партии, явно обнаружившие после Тура свою фактическую принадлежность к правому крылу, не могут занимать никаких ответственных постов в коммунистической партии. Это первое, совершенно очевидное условие для преодоления внутреннего кризиса.

б) „Крайнее левое“ крыло. На противоположном фланге партии мы видим так называемую крайнюю левую, в которой, под мнимым радикализмом слов, нередко скрываются, наряду с революционным нетерпением, чисто оппортунистические предрассудки в вопросах тактики и организации рабочего класса. Локализм, автономизм и федерализм, совершенно несовместимые с революционными потребностями рабочего класса, находят своих сторонников в среде так называемого крайнего левого крыла. Отсюда же иногда раздавались призывы к мнимо-революционным действиям, явно не отвечающим обстановке и несовместимым с реалистической политикой коммунизма. Большинство крайних левых, как свидетельствует опыт последнего года и особенно Сенской федерации, представляет собою прекрасный революционный материал и при правильном и твердом руководстве со стороны партии освобождается от мнимо-революционных предрассудков во имя действительно-коммунистической политики. Но несомненно, что в этом крыле имеются отдельные представители анархо-реформистского склада, готовые в любой момент на блок с правыми против коммунистической политики. Внимательный и строгий контроль над дальнейшей деятельностью этих элементов должен дополнить собою педагогическую просветительную работу в тех партийных кругах, неопытность коих эксплуатируется анархо-синдикалистами „крайнего“ левого крыла.

в) Левое течение является, как в идейном отношении, так в значительной мере и по личному составу, продолжением и развитием Комитета III Интернационала. Левое течение, бесспорно, прилагало все усилия к тому, чтобы направить политику партии в действительном, а не только в словесном согласии с принципами Коммунистического Интернационала. Известное возрождение активности левой группировки было вызвано сплочением правого крыла и его агрессивной политикой против принципов, политики и дисциплины коммунизма. Исполком, распустивший в свое время во имя единства партии Комитет III Интернационала, принял необходимые меры к тому, чтобы избежать возрождения режима фракций, опасность которого стала совершенно очевидной с того момента, как правое крыло, не встречая необходимого отпора, осмелилось открыто попирать идеи коммунизма, устав партии и Интернационала,

Исполком не видел и не видит в деятельности левой группы (la gauche) таких шагов, которые говорили бы, что левые стремятся создать замкнутую фракцию. Наоборот, в полном согласии с решениями и указаниями Исполкома, левая группировка отстаивает необходимость полного единения и слияния всех искренно коммунистических элементов для очищения партии от дезорганизующих и разлагающих ее пережитков прошлого.

г) Наиболее широкая и наименее оформленная группа *центра* полнее всего отражает охарактеризованную в начале этого письма эволюцию французской партии. Быстрота перехода от социализма к коммунизму, под давлением революционных настроений снизу, привела к тому, что в рамках партии оказались многочисленные элементы, вполне искренно относящиеся к коммунистическому знамени, но еще далеко не ликвидировавшие своего демократически-парламентского и синдикалистского прошлого. Многие представители этого центра вполне искренно думали, что достаточно отказаться от наиболее скомпрометированных формул парламентаризма и национализма, чтобы тем самым превратить партию в коммунистическую. Формальное принятие 21 пункта в Туре уже само по себе казалось им решением вопроса. Не отдавая себе достаточного отчета в том, какое глубокое внутреннее перерождение должна еще претерпеть партия, чтобы стать руководительницей пролетарской революции в главной цитадели капиталистической реакции, считая, что съезд в Туре уже разрешил главные затруднения, представители центра неодобрительно относились к возбуждению в партии тактических и организационных вопросов и склонны были в принципиальных столкновениях видеть личные конфликты и кружковые домогательства. Правое крыло, идейно ничтожное и скомпрометированное, могло поднять голову только благодаря тому, что руководящий партией центр не оказал ему сразу необходимого отпора. Ограниченный с двух сторон более или менее оформленными правой и левой группировками, сам центр лишен самостоятельной политической физиономии. Попытка отдельных представителей центра, как т. Даниэль Рену, создать самостоятельную платформу, приводила на деле к тому, что он по одним вопросам сходился с правой, по другим — с крайней левой, только увеличивая этим идейную путаницу. Несомненно, что отдельные представители центра целиком тяготеют к правой и остаются тормазом партийного развития. Но задача большинства руководящих элементов центра—и мы надеемся, что они эту задачу выполнят—состоит в том, чтобы стать обоими ногами на почву решений Коммуни-

стического Интернационала и, рука об руку с левой, очистить партию от всех тех элементов, которые на политическом опыте обнаружили, обнаруживают и еще обнаружат, что им не место в коммунистических рядах, — чтобы таким путем укрепить дисциплину партии и сделать ее надежным орудием революционного действия.

На ряду с представителями левой, доказавшими свою верность делу пролетарской революции в труднейший период, в Центральный Комитет партии должны войти те представители центра, которые действительно обнаружили готовность открыть новую эру в жизни французской партии.

3. ВОПРОС О ЕДИНОМ ФРОНТЕ.

Вопрос о едином фронте встал перед Интернационалом в той мере, в какой коммунистические партии важнейших стран от подготовительной идейной и организационной работы переходили на путь массового действия. В силу указанной выше причины Французская Партия оказалась застигнутой вопросом о едином фронте врасплох, что и нашло свое выражение в виде неправильных решений партии по этому вопросу. Между тем, именно для французского рабочего движения политика единого фронта, проводимая однородной централизованной революционной партией, может и должна получить неизмеримое значение.

Социальные отношения Франции имели до войны наиболее косный характер во всей Европе; из относительной устойчивости хозяйственных форм, при многочисленности мелкого крестьянства, вытекал консерватизм политической жизни, отражавшийся и на рабочем классе. Нигде не было такого цепкого режима революционных и мнимо-революционных сект, как во французском рабочем движении. Чем неопределенней были перспективы социальной революции, тем больше каждая из группировок, фракций и сект стремилась превратиться в замкнутый мирок. Иногда эти фракции боролись друг с другом за влияние, как гэдисты и жоресисты, иногда же размежевывали свое влияние на основе принципа невмешательства, как жоресисты и синдикалисты. Самое существование каждой группировки казалось ей самой, особенно ее бюрократии, самоцелью. К этому присоединились неизбежные карьеристские соображения: пресса становилась самоцелью для журналиста, парламентские места—для депутатов. Эти традиции и навыки—результат долгого демократического прошлого в условиях консервативной среды—еще и сейчас очень сильны во французском рабочем движении.

Коммунистическая партия возникла вовсе не для того, чтобы существовать, как одна из фракций, в пролетариате, наряду с диссидентами, анархо-синдикалистами и проч., а для того, чтобы потрясти эти консервативные группировки и фракции в самой их основе, обнаружить их полное несоответствие потребностям и задачам революционной эпохи и тем заставить пролетариат почувствовать себя, как класс, все части которого активно связаны единством фронта против буржуазии и ее государства. Организация парламентского социализма и пропагандистская секта могут в течение десятилетий существовать в одних и тех же рамках, которые обеспечивают им несколько парламентских мест или известный сбыт их брошюркам. Партия социальной революции должна учиться на деле сплачивать большинство рабочего класса, пользуясь для этого каждой открывающейся возможностью массового действия. В то время, как пережившие себя группировки и фракции заинтересованы в устойчивости и незыблемости перегородок, разделяющих рабочий класс на части, мы, наоборот, кровно заинтересованы в том, чтобы нарушать консерватизм этих перегородок и учить этому рабочие массы. В этом весь смысл политики единого фронта, и этот смысл непосредственно вытекает из социально-революционного существа нашей партии.

С этой точки зрения разговоры о том, что мы готовы идти на единый фронт с массами, но не с их вождями, представляют собою чистейшую схоластику. С таким же успехом можно сказать, что мы согласны вести стачки против капиталистов, но не согласны вступать с ними в переговоры. Как нельзя вести стачечной борьбы, не вступая в известные моменты в переговоры с капиталистами или их уполномоченными, так нельзя звать организованные массы к объединенной борьбе, не вступая в переговоры с теми, кого данная часть массы уполномачивает. Здесь под видом революционной непримиримости явно выступает политическая пассивность, не видящая перед собой той важнейшей работы, ради которой и создавалась коммунистическая партия.

Мы считаем необходимым рассмотреть здесь те возражения против единого фронта, которые выдвинуты были в последнее время, в особенности, товарищем Даниэлем Рену, и которые как бы опираются на опыт Коммунистического Интернационала и отдельных его секций.

Указывают на то, что попытка созыва всемирного рабочего конгресса не увенчалась успехом и, наоборот, привела только к усугублению борьбы 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов против коммунизма. Тот же самый вывод пытаются сделать из опыта политики единого фронта в пределах Германии:

на деле мы видим там, — говорят нам, — не единый фронт пролетариата, а объединение социал-демократов и независимых против коммунистов.

Эти факты бесспорны; но видеть в них довод против политики единого фронта могли бы только те, которые надеялись бы при помощи политики единого фронта достигнуть смягчения политических противоречий или превратить Эберта, Шейдемана, Вандервельде, Реноделя, Блюма и Лонгэ в революционеров. Но такую надежду могли бы питать только оппортунисты, и мы действительно видим, что точка зрения тов. Рену и его единомышленников есть позиция не революционеров, а пришедших в отчаяние оппортунистов. Наша задача вовсе не в том, чтобы перевоспитать Шейдемана, Блюма, Жуо и компанию, а в том, чтобы расшатать консерватизм, их организации и открыть в массе вывод к действию. В последнем счете от этого может выиграть только коммунистическая партия. Стремление к единству в массах велико. Наша агитация вынудила в известный момент даже 2 и $2^1/_2$ Интернационалы вступить с нами в переговоры по поводу единого рабочего конгресса. Совершенно неоспоримо, что социал-демократы и независимые всеми силами стремились сорвать единство действий и еще более сблизились друг с другом в процессе борьбы на этой почве с коммунистами. В Германии это привело к подготовке полного слияния этих двух партий. Видеть в этом крушение политики единого фронта может только тот, кто совершенно не понимает сложных путей политического развития рабочего класса. Слияние независимых с социал-демократами временно создает видимость их усиления против нас. Но на самом деле слияние целиком пойдет нам на пользу. Независимые будут пытаться мешать социал-демократам выполнять их буржуазно-правительственную роль; с несомненно большим успехом социал-демократы помешают нынешним независимым выполнять их „оппозиционную“ роль. С исчезновением бесформенного пятна независимых коммунистическая партия останется перед рабочим классом, как единственная сила, борющаяся с буржуазией и призывающая рабочий класс к единому фронту в этой борьбе. Это не сможет не изменить соотношения сил в нашу пользу. Вполне вероятно, что через некоторое время, когда наше усиление обозначится, объединенная социал-демократическая партия окажется вынужденной в том или другом случае принять лозунг единого фронта. Так как в этом случае коммунисты, как более решительные в борьбе за частные и общие интересы рабочего класса, могут только выиграть во мнении трудящихся, то в результате временного сотрудничества

социал-демократы снова еще резче отшатнутся от коммунистов и откроют против них еще более неистовую кампанию. Борьба коммунистической партии за влияние на рабочий класс идет не по прямой, а по очень сложной ломаной линии, которая ведет, однако, в одном и том же направлении,— при условии однородности, выдержанности и дисциплинированности самой коммунистической партии.

Несомненные политические успехи достигнуты в Германии политикой единого фронта уже сейчас, как видно из прилагаемой к этому письму справки т. Клары Цеткин.

* *

В то время, когда некоторые французские товарищи, даже готовые „в принципе" признать тактику единого фронта, считают ее неприменимой в настоящее время во Франции, мы, наоборот, полагаем, что нет другой страны, где тактика единого фронта являлась бы столь неотложной и настоятельной, как во Франции. Это обусловливается, в первую голову, состоянием французского синдикального движения.

Раскол французских профессиональных организаций, произведенный Жуо и К° по политическим мотивам, представляет собою не меньшее преступление, чем поведение этой клики во время войны. Каждая тенденция и доктрина имеет возможность создавать свою группировку в рабочем классе. Но профессиональные союзы являются основной формой организации пролетариата, как класса, и единство профессиональных организаций диктуется уже необходимостью защиты самых элементарных интересов и прав трудящихся масс. Раскол профессиональных союзов по политическим мотивам является одновременно изменой рабочему классу и признанием своего банкротства. Только изолированием небольшой части рабочего класса от революционных группировок путем раскола Жуо и К° могли надеяться сохранить еще в течение известного времени свое влияние и свою организацию. Но этим самым реформистские профессиональные союзы переставали быть профессиональными союзами, т.-е. массовыми организациями трудящихся, а становились замаскированной политической партией Жуо и К°.

Нет никакого сомнения, что сторонники раскола были также и в среде революционных анархо-синдикалистов. Чуждые широких задач пролетарской революции, эти элементы, по существу, ограничивают свою программу созданием поповско-анархической секты со своей иерархией и своими прихожанами. Они создают свой „пакт", тайное соглашение, где обязуются друг другу помогать при захвате ответственных должностей, и в этом смысле раскол профес-

сиональных союзов как нельзя лучше устраивает дела подобной клики.

Наша позиция была и остается в этом вопросе совершенно непримиримой. Интересы нашей партии и здесь, как и во всем остальном, совпадают с подлинными интересами рабочего класса, которому нужны единые профессиональные союзы, а не их осколки. Разумеется, революционная Конфедерация Труда нам ближе, чем реформистская. Но нашей обязанностью является борьба за восстановление единства профессиональных организаций — и не в неопределенном будущем, а теперь же, немедленно, для отпора наступлению капитала. Раскол профессиональных союзов—дело преступной синдикальной бюрократии. Масса в обоих группировках не хотела и не хочет раскола. Мы должны быть с массой против раскольничьей и предательской синдикальной бюрократии.

Революционная Конфедерация Труда называет себя объединительной (unitaire). Если для анархо-синдикалистов это лишь лицемерный звук, то для нас, коммунистов,—это знамя. Мы должны при каждом подходящем случае, особенно при всякой возможности массового действия, выяснять, что существование революционной Конфедерации труда—не самоцель, а только средство к скорейшему достижению единства синдикального движения. Обратилась ли партия по поводу гаврской стачки с открытым предложением к обоим конфедерациям о координировании своих условий в деле обслуживания стачки? Нет, это крупнейшая ошибка. То обстоятельство, что C. G. T. U. этого не хотела, ни в каком случае не может служить оправданием. Ибо мы не обязаны делать только то, чего хочет C. G. T. U.,—такие уж у нас свои, коммунистические воззрения на задачи синдикальной организации, и когда эта последняя делает ошибку, мы должны за собственной ответственностью эту ошибку открыто поправлять пред лицом трудящихся масс, чтобы помочь рабочему классу избежать подобных ошибок в будущем. Мы обязаны были опросить обе конфедерации открыто, пред лицом всего пролетариата: готовы ли они встретиться для выработки программы сотрудничества по обслуживанию гаврской стачки? Такого рода конкретные предложения, заранее выработанные нами деловые программы, нужно выдвигать неутомимо по каждому подходящему поводу, в локальном или в общегосударственном масштабе, в зависимости от характера вопросов и размера движения. C. G. T. U. не сможет и не будет противиться такой инициативе. C. G. T., охраняя своих сторонников от соприкосновения с революцией, будет неизбежно упираться. Тем хуже для C. G. T. Политика еди-

ного фронта станет тем тараном, который пробьет брешь в последних укреплениях Жуо и К°.

Но этого мало. Мы сами, как партия, не можем оставаться в стороне от такого крупного события, как гаврская стачка. И мы не можем позволить г.г. диссидентам отсиживаться и отмалчиваться в стороне. Мы должны были обратиться с прямым и открытым предложением совещания и к ним, к диссидентам. Нет и не может быть ни одного здравого и серьезного довода против такого обращения. И если бы диссиденты, под влиянием обстановки и под нашим давлением, сделали пол-шага вперед, навстречу интересам стачки, они этим оказали бы рабочим реальную услугу, а большинство рабочей массы, в том числе и примыкающие к диссидентам, увидело бы, что эти последние сделали свой политический шаг под нашим давлением. Если бы диссиденты отказались, они только скомпрометировали бы себя. Мы же не только выполнили бы наш долг по отношению к активно борющейся в данный момент части пролетариата, т.-е. к гаврским стачечникам, но и повысили бы наш авторитет. Только такая неутомимая, настойчивая и гибкая пропаганда единства, на почве живых фактов массового действия, способна разбивать перегородки сектантства и кружковой замкнутости внутри рабочего класса, повышая его чувство классовой сплоченности и тем самым неизбежно увеличивая наше влияние.

На основе всей этой работы лозунг рабочего правительства, выдвинутый в подходящую минуту, может развить могущественную притягательную силу. В известный момент, подготовленный событиями и нашей пропагандой, мы скажем, обратившись к тем рабочим массам, которые еще отрицают революцию и диктатуру пролетариата, или же просто не доросли до этих вопросов: вы видите сейчас, как буржуазия переустраивает единство своего класса под вывеской левого блока и подготовляет „левое“ правительство, фактически объединяющее всю буржуазию; почему же нам, рабочим разных партий, направлений и беспартийным, не создать наш, пролетарский блок для защиты наших интересов и не выдвинуть нашего, рабочего правительства? Вот естественная, простая, ясная постановка вопроса! Но мыслимо ли нам, коммунистам, заседать в правительстве с Реноделем, Блюмом и пр.?—спросят некоторые товарищи. При известных условиях это может оказаться временно неизбежным, как и мы, русские коммунисты, уже после нашей победы в октябре соглашались допустить в состав правительства меньшевиков, эс-эров и фактически привлекли левых эс-эров. Но сейчас для Франции вопрос еще не стоит, к сожалению,

столь практически. Дело идет не о немедленном или близком образовании рабочего правительства с участием Фроссара и Блюма, а об агитационном противопоставлении рабочего блока блоку буржуазии. Прежде, чем дело дойдет до создания самого рабочего правительства, нужно, чтобы большинство рабочего класса присоединилось к этому лозунгу. Когда мы этого достигнем, т.-е в тот момент, когда рабочие диссиденты и члены всеобщей конфедерации потребуют объединенного рабочего правительства, акции Реноделя, Блюма и Жуо будут стоять крайне низко, ибо эти господа только и держатся своим союзом с буржуазией при расколе рабочего класса.

Совершенно очевидно, что, когда большинство французского рабочего класса объединится под знаменем рабочего правительства, у нас не будет никакого основания беспокоиться относительно состава этого правительства. По существу дела, действительный успех лозунга рабочего правительства уже означал бы пролог к пролетарской революции. Вот чего не понимают те товарищи, которые берут лозунги формально и измеряют их мерилом словесного радикализма, не отдавая себе отчета в тех процессах, какие происходят в самом рабочем классе.

Выдвинуть программу социальной революции и „непримиримо" противопоставить ее диссидентам, синдикалистам-реформистам, отказываясь вступать с ними в какие бы то ни было переговоры до тех пор, пока они не признают нашей программы,—это очень простая политика, для которой не нужно ни находчивости, ни энергия, ни гибкости, ни инициативы. Это не коммунистическая политика. Мы, коммунисты, ищем способов и путей политически, практически, на деле довести еще несознательные массы до революционной постановки вопроса. Объединить авангард рабочих под знаменем социальной революции—это уже сделано в виде коммунистической партии. Теперь эта коммунистическая партия должна попытаться объединить весь рабочий класс, как на почве экономического отпора капиталу, так и на почве политического отпора буржуазии и ее правительственному блоку. Таким путем мы фактически приблизим социальную революцию и подготовим пролетариат к победе.

4. ВАЖНЕЙШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ФРАНЦУЗСКОГО КОММУНИЗМА.

Борьба против версальского договора, вовлечение в эту борьбу все более широких масс и придание этой борьбе все более решительного характера является центральной политической задачей Французской Коммунистической Партии.

Французская буржуазия может поддерживать тот чудовищный и гибельный для Европы режим, какой установлен версальским миром, только путем милитаристического напряжения сил французского народа и непрерывного грабежа и разорения Германии. Постоянные угрозы оккупацией германской территории являются одной из сильнейших помех развитию пролетарской революции в Германии. С другой стороны, похищаемые у германского народа материальные средства идут на укрепление позиции французской буржуазии, представляющей сейчас главную контр-революционную силу не только в Европе, но и во всем мире.

Несомненно в то же время, что французская буржуазия, использовывая германскую контрибуцию, создает привилегированное положение для наибольшей части французского рабочего класса, чтобы тем самым облегчить французскому капиталу натиск против французского пролетариата в целом. Эту политику, но в более широком масштабе, мы в течение десятилетий наблюдали в Англии, буржуазия которой, грабя свои колонии и эксплуатируя более отсталые страны, расходовала небольшую частицу своей мировой добычи создание привилегированного слоя рабочей аристократии, которая помогла буржуазии тем более жестоко и безнаказанно эксплуатировать рабочие массы. Именно таким путем была воспитана насквозь растленная бюрократия виликобританских трэд-юнионов. Разумеется, империалистические усилия французской буржуазии являются запоздалыми в этой области, как и во всех остальных: европейский капитализм находится не в стадии прогрессивного развития, а в стадии разложения, и борьба французского капитала за поддержку версальского режима, окупается ценой дальнейшей дезорганизации и углубляющегося обнищания хозяйства всей Европы. Совершенно, однако, очевидно, что срок, в течение которого французский капитал будет еще сохранять возможность продолжать свою гибельную работу, зависит в огромной степени от той энергии, с какой коммунистическая партия развернет в стране активную борьбу против версальского мира и его автора — французской буржуазии.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что диссиденты и синдикалисты-реформисты имеют активных, сознательных сторонников в той ничтожной части рабочего класса, которая прямо или косвенно заинтересована в разбойничьем режиме контрибуций. Экономика и психология этих элементов имеет по существу паразитарный характер. Господа Блюм, Жуо и др. являются законченными политическими и профессиональными выразителями того духа паразитизма, который связывает известные элементы проле-

тарской аристократии и бюрократии с версальским режимом в Европе. Эти клики не способны вести серьезную борьбу против нынешней грабительской гегемонии Франции, ибо эта борьба наносила бы неизбежно раны им самим.

Борьба за социальную революцию во Франции встает сейчас пред пролетариатом прежде всего, как борьба против милитаристской гегемонии французского капитала, против разграбления Германии, против версальского мира. Именно на этом вопросе должен обнаружиться и развернуться подлинно интернациональный и подлинно революционный характер нашей Французской Коммунистической Партии.

Во время войны интернациональный характер пролетарской партии выражался в отказе от принципа национальной обороны, ибо тогда этот отказ имел действенный характер, вел за собою мобилизацию рабочих масс против буржуазного отечества. В настоящее время, когда французская буржуазия пожирает и переваривает небывалую добычу, отказ коммунистической партии от принципа национальной обороны сам по себе необходим, но совершенно недостаточен. Буржуазия легко может мириться с этим декларативным антипатриотизмом до новой войны. Сейчас актуальный и действительно революционный характер может иметь только борьба против разбойничьих плодов национальной обороны, против контрибуций и репараций, против версальского мира. Только в этой борьбе партия в то же время может проверить и закалить свой внутренний состав, беспощадно выметая вон элементы, затронутые язвой национального паразитизма, если бы такие элементы оказались в том или другом углу самой коммунистической партии.

Ваш съезд и в этом вопросе должен открыть новую эру массовой и революционной борьбы против Версаля и версальцев.

5. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ.

Из развитых выше соображений организационные вопросы вытекают сами собой: дело идет об обеспечении за коммунистической партией характера подлинно пролетарской политической организации, тесно связанной со всеми формами рабочего движения, протягивающей свои щупальцы во все объединения и группировки рабочих в одинаковой мере контролирующей и направляющей деятельность коммунистов в парламенте, в прессе, муниципалитетах и кантональных советах, профессиональных союзах и кооперативах.

С этой точки зрения проекты изменений, выработанные Центральным Комитетом, по вопросу об уставе партии и о режиме прессы представляют собой несомненный шаг вперед. Само собою разумеется, что эти уставы и формально-организационные изменения могут получить реальное значение лишь в том случае, если им будет соответствовать по всему своему содержанию работа руководящих учреждений партии. С этой точки зрения исключительное значение получает вопрос о составе Центрального Комитета партии. При определении этого состава решающую роль, по нашему мнению, должны играть два критерия: во-первых, Центральный Комитет должен воплощать собой объединение левой и центра против правой, то-есть против оппортунизма и централизма, во имя развития революционной политической активности масс; во-вторых, большинство Центрального Комитета должно состоять из рабочих и притом преимущественно из таких рабочих, которые неразрывно связаны с синдикальными организациями. Значение первого критерия выяснено выше, о втором критерии необходимо сказать несколько слов.

Обеспечить партии связь с массами—значит в первую голову обеспечить эту связь с профессиональными союзами. Надо раз навсегда покончить с чудовищным, самоубийственным с точки зрения революции воззрением, будто партии нет дела до профессиональных союзов и их работы. Разумеется, профессиональная организация, как таковая, автономна, то-есть сама на основах рабочей демократии направляет свою политику. Но и партия автономна в том смысле, что никакие анархо-синдикалисты не смеют ей предписывать, каких вопросов она может касаться и каких не может. Коммунистическая партия не только в праве, но обязана стремиться занять руководящее положение в профессиональных союзах на основе добровольного доверия членов союзов к лозунгам и тактике партии. Тому режиму, когда союзами заправляли анархо-синдикалистские клики, связанные с секретными договорами в духе масонского карьеризма, должен быть раз навсегда положен предел. Партия выступает в союзах с открытым забралом. Все коммунисты работают в профессиональных союзах, как коммунисты, и связаны партийной дисциплиной в коммунистические ячейки. В вопросах синдикального действия коммунисты, разумеется, подчиняются синдикальной дисциплине. С этой точки зрения огромное значение приобретает привлечение в состав Центрального Комитета значительного числа активных работников синдикального движения. Если они обеспечат связь Центрального Комитета с массовыми

организациями, то, с другой стороны, для них самих Центральный Комитет станет высшей академией коммунистической политики, а наша французская партия чрезвычайно нуждается в воспитании революционных пролетарских вождей.

* * *

Таковы главные задачи предстоящего съезда Французской Коммунистической Партии. Коммунистический Интернационал будет с величайшим вниманием следить за его ходом и результатом. Требовательность, проявляемая Интернационалом в отношении к коммунистической партии Франции, есть требовательность по отношению к самому себе, ибо французская партия является одной из важнейших его частей. Глубокие противоречия, заложенные в положении республики французского капитала, открывают пред французским пролетариатом в близком, надеемся, будущем возможности величайших исторических действий. В подготовке к ним нужна высшая бдительность и требовательность к себе. Этой мыслью о великой исторической миссии французского пролетариата внушено настоящее письмо. Требовательность, проявляемая Интернационалом к своим партиям, опирается на глубокое доверие к революционному развитию мирового пролетариата и прежде всего пролетариата Франции.

Французская Коммунистическая Партия преодолеет свой внутренний кризис и будет на высоте своих неизмеримых революционных задач.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ЕДИНЫЙ ФРОНТ В ГЕРМАНИИ *)

Предстоящее слияние С. П. Г. и Н. С. П. Г. является не результатом политики единого фронта, а его карикатурой; оно навязано вождями этих двух партий для того, чтобы скрыть свое банкротство новым обманом. Реформистские вожди обоих лагерей, учитывая необходимость единения пролетарских сил, необходимость, чувствуемую массами, употребляют ее во зло, объединяясь с буржуазией против коммунистов. Это объединение является естественным и неизбежным завершением того факта, что обе партии подменили платформу классовой борьбы политикой „священного единения“, классового сотрудничества. И вся разница только в том, что шейдемановцы отбросили революционную

*) Это приложение—письмо тов. Клары Цеткин Исполкому Коминтерна. *Прим. ред.*

фразу, а дитмановцы еще прибегают к ней. Таким образом, между этими двумя реформистскими партиями нет ни принципиальных, ни тактических разногласий, а поэтому ничто не мешает им слиться. Да они и должны это сделать, чтобы вернуть себе силу, или по меньшей мере, хоть видимость ее. С. П. Г. потеряла за последний год 46.000 членов— огромная потеря даже при ее превосходной организации. Н. С. П. Г. еще не опубликовала своего отчета, но секретом полишинеля является тот факт, что она не знает, как покрыть дефицит, и что центральный орган партии „Freiheit" находится в агонии. Но, главным образом, обе партии должны приложить все усилия к тому, чтоб вернуть хоть отчасти свою былую популярность, скомпрометированную их реформистской политикой, бросающей их в объятия Стиннеса. Так они поступают, злоупотребляя наиболее популярным лозунгом в массах. Но последние скоро узнают, какая глубокая и существенная разница между органическим союзом этих двух реформистских партий и единением пролетарских масс в их борьбе.

На ряду с органическим союзом обоих реформистских партий неослабно продолжается работа К. П. во имя единого фронта против вождей этих партий и бюрократии профсоюзов. Успех сказался уже в кампании, открытой по поводу убийства Ратенау. В Прирейнской области и Вестфальских провинциях, с их крупными промышленными центрами, во многих городах и округах образовались комитеты действия из представителей обоих реформистских партий, коммунистической партии и профсоюзов (в некоторых случаях комитеты были организованы в „Gewerkschaftliche Kartelle" данной местности или округа и выборы в них производились из представителей 3 рабочих партий). Под давлением организованных масс вожди реформистских партий— в особенности D. A. G. B. (Исполком Германского Объединения Профсоюзов)—оказались вынужденными войти в сношения с коммунистической партией. Невзирая на всю непродолжительность этой совместной работы, повсюду в Германии состоялись, одна за другой, две крупных манифестации, и благодаря этим переговорам и манифестациям коммунистическая партия вошла в тесный контакт с рабочими массами на территориально весьма обширном пространстве. Комитеты действия в целях разоружения контрреволюции существовали дольше, чем движение протеста, которое быстро пошло на убыль из-за предательства реформистов.

Идея единого фронта снова и крупными шагами идет вперед. Ей способствует современный кризис. Экономиче-

ская борьба заставляет рабочих и служащих объединяться и требовать от своих представителей в профсоюзах и политических партиях совместной дружной работы. Примером может служить объединенное собрание фабричных делегатов в Берлине. На нем присутствовало более 6.000 делегатов, несмотря на то, что профсоюзная бюрократия Н. С. П. Г. и С. П. Г. предупреждала своих членов о недопустимости участия в собрании.

Это собрание, которое явилось настоящим событием, выбрало комитет из 15 человек для подготовки обще-германского съезда фабрично-заводских делегатов. В комитет входят члены всех рабочих партий. Ему поручен созыв съезда на тот случай, если Исполком Объединения Профсоюзов не сделает этого. Цель заключается в организации „комитетов контроля" над производством, распределением, ценами и т. п. Во многих промышленных городах комитеты контроля уже образовались; весьма значительно число городов, где рабочие созывали собрания фабрично-заводских делегатов, на которых и происходила организация комитетов, требующих контроля над производством. Повсюду коммунисты были во главе этого движения с целью привести к единению в борьбе.

Правда, в нашей партии некоторые занимают позиции против единого фронта. Однако, эти позиции направлены, главным образом, против допущенных ошибок, против неправильного применения его. В дальнейшем ошибок будет все меньше и меньше. Партия должна научиться маневрировать в новых условиях и установить общий фронт, сохранив и выявив одновременно свою собственную политическую физиономию.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

Москва, 13 сентября
1922 года.

ПАРИЖСКОМУ СЪЕЗДУ Ф. К. П.

Накануне открытия Парижского съезда Ф. К. П. положение в Париже настолько осложнилось, что И. К. К. И. видит себя вынужденным в дополнение к уже опубликованным документам обратиться к парижскому съезду со следующим:

1. И. К. К. И. *предлагает Парижскому съезду произвести специальное и поименное голосование 21 пункта*, одобренных II Всемирным Конгрессом Коминтерна. И для Ф. К. партии и для всего Коминтерна будет лучше *создать полную ясность* в этом вопросе,

Само собой разумеется, что если Ф. К. П. хочет предложить IV конгрессу сделать те или иные изменения в 21 пункте, парижский съезд имеет полное право это сделать. Каждое предложение парижского съезда IV конгресс рассмотрит с величайшим вниманием и тщательностью.

2. В виду того, что большинство старого состава Ц. К., к удивлению Исполкома Коминтерна, не исключило из партии Верфейля и его единомышленников даже после их последних вопиющих анти-коммунистических выступлений,— И. К. К. И. вынужден заявить парижскому съезду, что он *не* считает более членами Коминтерна Рауля Верфейля и тех, кто вместе с ним подписал известное обращение к партии, начинающееся словами: „La situation dans laquelle se trouve le parti"... *).

Содержание этого обращения целиком подтверждает предыдущее заявление И. К. К. И. отом, что Рауль Верфейль и его единомышленники являются злостными противниками коммунизма, оставшимися в Ф. К. П. только для того, чтобы разлагать ее изнутри.

Если парижский съезд разойдется с И. К. К. И. в этом вопросе, окончательное решение вопроса будет принадлежать IV всемирному конгрессу Коминтерна.

И. К. К. И. еще раз предлагает парижскому съезду поставить ребром все наиболее важные вопросы, разделяющие в данный момент французскую партию. Тяжелый урок, полученный итальянской социалистической партией, которая только на-днях, после двух тяжелых лет ошибок и колебаний, должна была признать правоту требований Коминтерна, не должен пропасть даром.

Коминтерн уверен, что парижский съезд положит конец шатаниям и создаст действительно коммунистическую партию, достойную руководить героическим пролетариатом Франции.

Исполком Коминтерна.

Москва, 6/X 1922.

„ПРОТИВОРЕЧИЯ" СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ.

Человеку, даже и внимательно следящему за политической жизнью Франции, нет надобности читать „Le Populaire", орган реформистов и социал-патриотов. Газета не дает ни фактов, ни идей. Именно этим она и отражает свою партию. Статьи пишутся по общему правилу людьми, которые по крайней мере девять десятых своего внимания уделяют вопросам и делам, не имеющим ничего общего с социализмом.

*) „Положение, в котором находится партия"... *Пер. ред.*

С этим последним одни из этих господ связаны старыми привычками, давно опустошенными, другие—раздражением за обманутые надежды, третьи—весьма отчетливыми карьеристскими соображениями. О работе социалистической мысли, которая под единым углом зрения анализирует обстановку, оценивает борющиеся силы, делает революционные выводы, здесь нет и помину. Фраза и фраза, стертый шаблон, случайно удержавшиеся в памяти обрывки старых речей Жореса или Геда,—и все это приправлено мелкой стряпней неопрятной политической кухни. Когда вы берете свежий номер, вам кажется, что вы его уже несколько раз читали. Несмотря на то, что в газете пишут люди, из коих многие по своему не глупы и во всяком случае прекрасно знают, где раки зимуют, издание в целом как бы покрыто лаком глупости, которая, впрочем, достаточно целесообразна с точки зрения тех задач, которым служит „Le Populaire".

Читать газету нет надобности, но заглядывать в нее время от времени все же приходится, ибо здесь мы находим в более или менее чистом виде ту бациллу, которая отравляет—увы!—известные и не столь уж малочисленные элементы и на верхах Французской Коммунистической Партии. Так, именно на столбцах „Le Populaire" вы лучше всего можете усмотреть, что значит для господ адвокатов, журналистов и франк-масонских карьеристов, гримирующихся для рабочих собраний социалистами, „свобода мысли", „свобода критики" и все прочие высокие ценности, безусловно необходимые политиканам, которые великодушно соглашаются пользоваться трамплином пролетарской организации, но никак не согласны подчинять ее дисциплине свою высокую индивидуальность.

Сейчас мы хотим остановиться на классической в своем роде статье г. Леона Блюма, фактического вождя диссидентов, о политике русских коммунистов в отношении Франции и Французской Коммунистической Партии. Опираясь на отголоски в буржуазной прессе поездки г. Эрио в Россию, Леон Блюм делает ряд поистине счастливых выводов и обобщений, которые прекрасно освещают—если не политику русских коммунистов, то невероятную путаницу, царящую в некоторых головах, и не только в голове Блюма, и не только в его партии. Блюм рассказывает, что советское правительство предлагает Франции „все или почти все": не только признание довоенных долгов, но и более того—свой союз: „союз экономический, интеллектуальный, моральный и даже, если нужно, политический и дипломатический". И если г. Блюм признает желательными мирные отношения

Франции и России, то он, видите ли, решительнейшим образом протестует—уже теперь, заранее, то-есть вполне своевременно, вполне проницательно—против восстановления... старого франко-русского союза, который был бы направлен против Германии. Никто, разумеется, и не мог сомневаться, что партия Реноделя, Бонкура и Блюма окажется на своем посту, как только дело коснется защиты Германии от империалистических планов нового франко-русского союза. Вчерашний день этой партии является достаточной порукой!

Но доказано ли в самом деле,—спросите вы—что Советская Россия готова помочь капиталистической Франции додушить Германию до конца? Какое же может быть в этом сомнение? „Г. Эрио принимают, как наиболее чествуемого из гостей, но из коммунистической партии исключают тем временем Верфейля и его друзей, пока дойдет очередь до следующих. Г. Пуанкаре и французским капиталистам предлагают все формы сотрудничества, но осуждают всех тех сторонников Тура, которые не склоняются пред абсолютной дисциплиной и абсолютной ортодоксией. Собираются раздавать концессии; но все еще держат в тюрьме социалистов-революционеров...“ В этих строках целиком заключена философия не только Блюма, но и Верфейля; не только исключенного Верфейля, но и его более застенчивых единомышленников, остающихся во французской коммунистической партии.

Но как же в самом деле, разве это не вопиющее противоречие: принимать вежливо г. Эрио и невежливо исключать Верфейля из партии; раздавать концессии и в то же время настаивать на выполнении коммунистических резолюций? Явное и притом чудовищное противоречие! И не говорите, пожалуйста, господину Блюму, что Совет Народных Комиссаров и Исполком Коминтерна два разных учреждения: он знает, что руководящие русские коммунисты входят туда и сюда, и он разоблачает их двойственность: их крайний практический оппортунизм, идущий рука об руку с их крайней теоретической непримиримостью.

Как ни трудно наше положение, мы попытаемся все же дать некоторые разъяснения, притом, как можно популярнее, ибо возражения идут со стороны господ адвокатов, журналистов, депутатов, франк-масонов, т.-е. из среды наиболее косной, ограниченной, политически-тупоумной. Надо поэтому начинать с азов и гвозди вгонять крепко.

На заводе Рено работают рядом двое рабочих: один из них—революционер, коммунист, другой—католик. Но коммунист подчиняется тем же правилам заводского обихода, что и католик, выполняет указания мастера и распоряжения

администрации. Практический „оппортунизм“ этого рабочего не находится ли в вопиющем противоречии с его теоретической непримиримостью? Вот тема для размышлений. Признаемся, мы тут не видим противоречия—рабочий добровольно вступил в коммунистическую партию; он добровольно принял ее дисциплину; он всеми силами сознания и воли стремится к тому, чтобы его партия стала орудием низвержения капиталистического рабства. Но это рабство еще существует; коммунист вынужден продавать свою рабочую силу; чтобы не погибнуть с голоду, он не может не подчиняться правилам, установленным его эксплуататорами. Чем враждебнее он относится к этому навязанному ему режиму, тем большей непримиримости требует он от своей партии.

Когда Мануильский покупал для своей трубки табак в одной из табачных лавочек г. Пуанкаре, то делегат Коминтерна доставлял несомненную прибыль буржуазной республике и тем возмещал некоторую, правда, очень скромную, часть ее расходов на милитаризм. Не находится ли эта практическая „концессия“ (уступка) Мануильского в вопиющем противоречии, с его теоретической непримиримостью? Более того, если бы содержательница табачной лавочки узнала, что господин, который так вежливо сказал ей, только что „мерси, мадам“, и есть большевик Мануильский, она, вероятно, немедленно написала бы передовую статью на тему: „почему же этот любезный человек требовал исключения из партии Верфейля?“

Мы брали до сих пор индивидуальные примеры. Попробуем осторожно — имея в виду указанный выше характер опонентов — раздвинуть рамки нашего анализа.

Для того, чтобы издавать „L'Humanité“, Французская Коммунистическая Партия вынуждена покупать бумагу у капиталистических фирм и, таким образом, содействовать капиталистическому накоплению. Нет ли тут вопиющего противоречия с революционными задачами партии? Мы думаем, что нет. Если бы можно было по желанию не подчиняться законам капиталистических отношений — рыночных, законодательных, международных и иных, — тогда не было бы нужды в пролетарской революции.

После этих предварительных разъяснений попытаемся перейти непосредственно к тем противоречиям, которые так встревожили чувствительную социалистическую совесть Блюма. Большевики принимают, видите ли, г. Эрио, как гостя. В то же время они голосуют за исключение Верфейля из партии. Но, ведь, г. Эрио мы не принимали в партию, о чем, впрочем, он и не ходатайствовал. Он явился в Рос-

сию, как не официальный, но авторитетный, представитель той части правящего класса Франции, которая стоит за возобновление с нами нормальных хозяйственных и дипломатических сношений. Мы всячески стремились облегчить г. Эрио знакомство с действительным положением страны. В лице г. Эрио мы видели возможного буржуазного контрагента. Если говорить языком уподоблений, то переговоры с г. Эрио, видным политиком страны, которая пять лет воевала с нами и блокировала нас, аналогичны переговорам локаутированных рабочих с представителем той части капиталистов, которая готова итти на компромисс. Такое соглашение рабочих с патроном является лишь эпизодом классовой борьбы, как и отдельная стачка, как и отдельный локаут. Верфейль же находился в наших рядах, в составе нашей партии, которая должна сохранять единство и дисциплину при всяких условиях: и во время гражданской войны, и во время затишья, и во время наступления, и во время отступления, и во время стачки, и во время локаута, и во время переговоров и соглашений. В наших рядах Верфейль оказался *штрейкбрехером*. Он нас ослаблял извнутри во время нашей борьбы с классовым врагом. Какое же тут противоречие, если рабочие, идя на вынужденную сделку с капиталистом, торопятся в то же время изгнать штрейкбрехеров из своей среды? Правда, русские рабочие ведут переговоры с капиталистами не от лица профсоюзов или партии, а от лица советского государства. Но это потому, что русские рабочие пять лет тому назад завоевали государственную власть.

Если следовать методам г. Блюма, то можно о нем самом сказать: „вот социалист, который в парламенте подчиняется председательскому звонку господина Рауль Пэрэ, выплачивает налоги капиталистической республике, склоняется пред ее законами, судами и фликами (полицейскими) и который в то же время не хочет подчиняться председательскому звонку Зиновьева, платить взносы в кассу Коммунистического Интернационала и подчиняться его уставу“. Но нет, этого противоречия мы г. Блюму в вину не поставим: парламента и республики он не выбирал, а партию он выбрал себе — по образу и подобию своему.

Как рабочий-коммунист на заводе Рено не может индивидуально выскочить из условий товарного оборота, рынка, продажи рабочей силы, так русская республика рабочих не может искусственно выскочить из условий мирового капиталистического хозяйства. Капиталистические надсмотрщики на заводе Рено и буржуазные правительства во всем мире представляют собой пока-что несомненный и довольно круп-

ный факт. Мы вынуждены с этим фактом считаться, то-есть вступать с существующими правительствами в сношения, заключать с капиталистами соглашения, покупать и продавать. От рабочего коммуниста на заводе Рено можно и должно требовать, чтобы в своих вынужденных сделках с капиталом он не нарушал солидарности рабочего класса, не поступал, как штрейкбрехер, наоборот, боролся бы со штрейкбрехерством. Того же можно и должно требовать от советского государства в его сношениях с буржуазными правительствами. Но на этот счет мы не можем предложить никому никаких дополнительных гарантий, кроме тех, которые заключаются в природе нашей партии и в природе Коммунистического Интернационала, частью которого она является. И мы думаем, что этого достаточно. Что же касается торжественно провозглашенного намерения г. Леона Блюма вместе с Реноделем и Бонкуром отстаивать интересы угнетенной Германии от агрессивного франко-русского союза, то здесь мы умолкаем. Эта тема по праву принадлежит Гассье*). Его аргументы будут несравненно сильнее наших.

На ряду с гипотезой об империалистском франко-советском союзе, г. Блюм строит другую гипотезу, не менее счастливую: о том, как русская советская власть, связывающая себя через г. Эрио с левым блоком во Франции, станет завтра побуждать французских коммунистов к поддержке французских радикалов и даже к вступлению с ними в союз. И эта гипотеза, как известно, также не осталась без влияния на кое-какие элементы коммунистической партии. Известно, что под этим углом зрения некоторые французские товарищи пытались оценивать политику единого фронта. Попробуем и на этот счет объясниться со всей популярностью.

Мы считаем, что смена национального блока, все менее способного поддерживать господство французской буржуазии, левым блоком, явится шагом вперед — при условии, если эта смена произойдет при совершенно-самостоятельной, независимой, критической, непримиримо революционной политике партии рабочего класса. Новая эпоха реформистски-пацифистских иллюзий, после иллюзий войны и победы, неизбежна во Франции и может стать прологом пролетарской революции. Победу этой революции способна обеспечить только та партия, которая ни в малейшей мере не повинна в сеяньи реформистски-пацифистских иллюзий, ибо радикальное разочарование рабочего класса в иллюзиях

*) Французский карикатурист-коммунист.

левого блока превратится, прежде всего, в ненависть и презрение его к демократически-пацифистскому социализму. Только та партия, которая, даже признавая относительную историческую „прогрессивность“, в указанном выше смысле, „левого блока“, по сравнению с национальным, ведет в то же время непримиримую борьбу против вовлечения в левый блок рабочих и стремится на деле противопоставить пролетариат, как класс, всем буржуазным группировкам,—только такая партия, каковы бы ни были временные колебания настроений в самом рабочем классе, в критический момент получит господствующее значение в нем, а стало-быть, и в жизни всей страны. Мы не сомневаемся ни на минуту, что в тот момент, когда г. Эрио и его друзья будут руководить судьбами Франции, друзья Блюма будут находиться целиком в распоряжении левого блока и в решительный момент попрежнему будут поддерживать всякие международные союзы своей буржуазии,—конечно, под прикрытием реформистски-пацифистских фраз, обманывая известную часть рабочах, а отчасти и самих себя. Вхождение Ренодeля, Бонкура или Блюма в министерство Эрио есть перспектива немножечко более вероятная, чем блок радикалов с коммунистами. И, признаемся, такая перспектива нас вовсе не пугает. Г. Блюм, в качестве „социалистического“ министра буржуазной Франции, был бы несравненно более на месте, чем в качестве публициста, защищающего социалистические принципы международной политики от советской России,—во всяком случае, он сослужил бы более серьезную службу делу социализма, разумеется, методом от обратного, как наши Церетелли и Керенский. Но все это при одном условии: при наличии единодушной боевой коммунистической партии без подголосков Блюма в ее рядах.

Радикальные министерства во Франции бывали не раз. Если они сходили со сцены, сменяясь другими буржуазными комбинациями, то это потому, что экономическое положение буржуазного государства было гораздо прочнее, а у пролетариата не было еще подлинно-революционной партии. Сейчас, в послевоенной Франции, левый блок может, а в известном смысле, должен, появиться на сцену, как последний политический ресурс расшатанного в конец режима. Политика Интернационала по отношению к французскому коммунизму диктуется заботой о том, чтобы левый блок, звезда которого восходит над Францией, действительно вошел в историю, как последнее правительство французской буржуазии.

Вот почему и после обличений г. Блюма, мы будем вежливо принимать всякого французского буржуа, который

явится к нам для налаживания нормальных сношений или для вывоза щетины — сейчас или после победы левого блока. И в то же время Коминтерн будет попрежнему изгонять из своих рядов всякого ренегата, который захочет проповедывать французским рабочим политику левого блока. Единомышленникам Блюма непонятна логика этой политики? Тем беспощаднее на них обрушатся ее последствия.

3 ноября 1922 года.

ДРАМА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА *).

Французский поэт Марсель Мартинэ написал драму, которую можно, в полном смысле слова, назвать драмой французского рабочего класса. Уже это одно обеспечивает ей право на внимание.

Мартинэ — коммунист, прошедший школу синдикалистской группы „La Vie Ouvrière", т.-е. хорошую школу. Как художник, Мартинэ прошел хорошую школу Ромэн Роллана. От него нельзя, следовательно, ждать или опасаться чисто-агитационных или, если угодно эстетам, „вульгарно"-агитационных произведений, где политика только случайно находит для себя рамки драмы или метрику стиха. Марсель Мартинэ глубоко психологичен. Он все вопросы нашей большой эпохи проводит через личное сознание, субъективно согревая их; вернее сказать, только через личное, субъективное, индивидуальное он находит путь к общему и универсальному. Это и делает его художником.

Мартинэ вышел из школы Роллана, но он духовно перерос эту школу. Это и позволило ему стать коммунистом... За время войны Роллан, поставивший себя „над свалкой", вызывал законное уважение к своему личному мужеству — в эпоху, когда стадный героизм покрывал трупами рвы и долины Европы, а личное мужество, хотя бы и в скромной

*) Статья эта формально как бы выходит за рамки настоящего тома, так как она посвящена художественному произведению, а не политическому факту. Мы думаем, тем не менее, что статья тесно связана со всем содержанием настоящей книги. Цель статьи не литературная, а политическая. На материале драмы Марселя Мартинэ статья характеризует определенный этап в революционном развитии французского пролетариата.

Мы в данном случае сделали отступление от общего правила, которого мы придерживались во всем расположении материала (т.-е. располагая его строго хронологически), поместив настоящую статью не в порядке хронологическом, а в конце III отдела книги. *Прим. ред.*

дозе, встречалось так редко, особенно в среде „аристократов духа". Роллан отказался выть с отечественными волками по-волчьи, поднялся „над свалкой", вернее, отошел в сторону от нее; окопался в нейтральной стране. Он продолжал и под грохот войны, правда, очень заглушенный в нейтральной Швейцарии, ценить немецкую науку и немецкое искусство и проповедывать сотрудничество обоих народов. Программа, в конце-концов, не бог весть какая смелая, но в тот период повальной шовинистической разнузданности ее провозглашение требовало некоторого минимума личной независимости. И это подкупало. Однако, и тогда уже были ясны вся ограниченность мировоззрения Роллана и, если позволительно так выразиться, эгоистический характер его гуманности. Роллан окопался в нейтральной Швейцарии, а все остальные? Народ не мог встать „над свалкой", ибо он то и был ее пушечным мясом. Французский пролетариат не мог выехать в Швейцарию. Ему Роллан не давал программы действий. Знамя Роллана было предназначено исключительно для личного употребления— знамя большого художника, воспитавшегося на французской и германской литературе, вышедшего из военно-обязанного возраста и обеспеченного необходимыми средствами для переселения из страны в страну. Ограниченность роллановской гуманности полностью обнаружилась позже, когда проблема войны, мира и культурного сотрудничества встала, как проблема революции. Роллан и здесь решил оставаться „над свалкой". Он не признает ни диктатуры, ни насилия—ни справа, ни слева. Правда, от признания или непризнания исторические события не зависят, но зато он, поэт, сохраняет за собой право давать им свою моральную или эстетическую оценку. Для него, для гуманитарного эгоцентриста, этого достаточно. А народные массы? Если они рабски претерпевают диктатуру капитала, Роллан будет поэтически и эстетически осуждать буржуазию. Если же трудящиеся попытаются опрокинуть насилие эксплуататоров единственным средством, какое имеется в их руках, революционным насилием, они встретят этическое и эстетическое осуждение со стороны Роллана: ведь, человеческая история есть, в конце-концов, только материал для художественного воспроизведения или нравственной оценки. Претенциозный индивидуалист Роллан принадлежит прошлому.

Мартинэ в своем отношении к человеческой истории гораздо шире, жизненнее, человечнее; он не становится „над свалкой" человеческой истории и берет проблему освобождения человеческой культуры, войны и мира, сотрудниче-

ства наций, не как проблему личных оценок, а как проблему массового действия. Революционное действие угнетенных он драматизирует в своем последнем произведении „Ночь“.

Драма написана белыми стихами. Они настолько свободны, что почти не стесняют речи, но зато приподнимают ее над обыденным, придавая ей формальную значительность, которая отвечает глубокой исторической значительности действия. Вы поэтому—по крайней мере при чтении—ощущаете их необходимость.

Реалистична ли драма? Да, у ней реалистическая основа в целом, как и у каждой фигуры в отдельности. Персонажи живут. Но через их личную жизнь на каждом этапе драмы проходит жизнь их класса, их страны, жизнь современного нам человечества. Над их головами сгущаются невидимые социальные силы. Отсюда — символическая значительность образов.

В драме, как нам кажется, есть недостатки. Пробуждающаяся мысль народа, истерзанного войною, находит свое выражение через его случайных вождей и представителей. Их речи хороши, в духе той умной и благородной простоты, которая так дорого дается в искусстве. При чтении они захватывают. Можно, однако, опасаться, что на сцене они слишком замедляли бы действие. Но нашей задачей не является художественная критика драмы, тем более со стороны театральной техники. Другие сделают это лучше.

Центральная фигура — старуха Мариетт, крестьянка 70 лет. Вокруг нее группируются крестьяне и крестьянки опустошенного артиллерией северного района страны. Своим мудрым мужеством, своей мудрой добротой Мариетт неограниченно господствует над своим мирком. Это французская мать. Это мать французского народа. У нее глубокие крестьянские корни, но она прошла уже через века новой истории, через чередование революций, знала много надежд и разочарований, много скорби за своих истекающих кровью детей. Она не знала, однако, отчаяния и не хочет знать даже теперь, в годы великой бойни. Сердце ее остается неизменно источником неутомимой доброты. Старший сын Мариетт на войне. С ней ее невестка хрупкая, молчаливая и героическая Анна-Мария, которую старуха в момент трагического и нежного раскрытия душ называет „тихой кошечкой цвета пепла“; с ними — внук и сын, 12-летний Луизон, который пробудился и не по летам окреп душою в страшном напряжении войны. Окрестные жители собираются в единственном уцелевшем домике Мариетт: люди, лишенные крова, старики, потерявшие сыновей, матери, у

которых артиллерия — своя или чужая — отняла детей. Кругом холод, снег, опустошение, война. Люди, больше четырех лет не выходящие из пламени и грохота, уставшие надеяться, уставшие отчаиваться, жмутся к общей матери, Мариетт, которая с большей мудростью и большей добротой переживает то же, что и они.

Но что-то произошло. Артиллерия затихает. Люди оглушены внезапной тишиной. Что случилось? Сквозь холод и метель прорезывается невероятный слух о том, что *она* прекратилась. Солдаты той стороны отказались драться. Сказали: „мы не хотим более". Арестовали своих начальников и даже, и даже—неужели можно этому верить?—своего императора. Он у них в руках. И солдаты этой стороны, после переговоров с теми, перестали стрелять: к чему? И от того такая тишина.

Новые и новые солдаты, полупьяные от усталости, надежды и тревоги, появляются в избе и подтверждают, что *она* прекратилась. Конец. Теперь начнется нечто такое, чего не бывало. Солдаты той стороны захватили своего императора и хотят передать его сюда—„на хранение". Разве это не прекрасная мысль, а? А главное: *она* прекратилась. Конец.

Но вот генералиссимус Бурбуз: старый солдат, с природной и отчасти напускной грубостью, с напускным и, может быть отчасти природным добродушием. Фигура ничтожная и в ничтожестве зловещая. Бурбуз собирается временно расположиться со своим штабом в домике Мериетт. Хозяевам предлагается уйти из своего жилища. Куда? Кругом изрытая равнина, обломки, еще не убранные трупы, холод и снег. Мариетт протестует. Ведь *она* прекратилась. Бурбуз разъясняет, что он собирается отсюда довершить победу, но в конце-концов разрешает старухе с семьей остаться в чердачном помещении.

На сцене неожиданно сам побежденный император; солдаты той стороны препроводили его сюда. Бурбуз приветствует монарха, битого вдвойне, ибо все тело его в синяках. Попав в неприятельский штаб, император сразу ободряется: это уже не его солдаты. Он разъясняет Бурбузу, что низложение его, императора, лишает Бурбуза плодов победы: с кем победителю теперь вести переговоры? Кто подпишет трактат? Уж не революция ли? Бурбуз охвачен тревогой: и впрямь! Между ним и императором сразу натягиваются нити солидарности. Не найдет ли пример мятежа подражания по сю сторону? Во всяком случае, его величество может—гм, гм? — располагаться, как у себя дома. Величеству отводится изба Мариетт. Превосходительство

со штабом лезет на чердак. Старуха с невесткой и внуком изгоняются из дома—в холодную снежную ночь.

Но зараза уже действует. Среди солдат Бурбуза неспокойно. Они чего-то ждут, возбужденно толкуют и, как бы нечаянно, сотни их собираются под кровлей разрушенного кафе. Нужно отдать себе отчет в том, что случилось. Нужны ответы, идеи, лозунги, вожди. Толпа выкликает тех, которые заслужили доверие в траншее. Это—честный немолодой крестьянин Гутодье; это размашистый краснобай Фавроль; это молодой, сразу обозначающийся вождь Ледрю, с орлиным взором, но без опыта. И вот где раскрывается подлинная драма начинающегося восстания угнетенного класса—без программы, без знамени, без правильной организации, без испытанных и на деле проверенных вождей. Гутодье всей душой за солидарные действия трудящихся, за прекращение войны, за соглашение с той стороной: честный ограниченный пацифист. И речь пожилого крестьянина в солдатской шинели куда выше и привлекательнее пацифистской риторики Жоржа Пиока или пацифистских каламбуров Виктора Мерика! Масса приветствует Гутодье, но она не удовлетворена: цель кое-как намечена, но не указаны пути. Пацифизм пассивен и выжидателен по существу: у него есть надежды и чаяния, но нет программы действий. А между тем в ней сейчас все дело, ибо поднялась масса. Выступает Фавроль. Его внутренняя пустота, его крикливая безответственность скрываются за решительностью предложений. Фавроль пытается экспромтом провести решение, о котором он, вероятно, не раз болтал с завсегдатаями анархического кафе: немедленно перебить всех офицеров, начиная с Бурбуза, а там видно будет. Собрание настораживается, часть одобряет, большинство пугается. Раскол в массе приводит к растерянности, растерянность—к деморализующему чувству бессилия.

Тогда выступает молодой Ледрю. Он не страшится применения революционного насилия, он признает его неизбежность, но кровавой расправы над офицерством не поймет сейчас страна. Крайние меры, не подготовленные развитием событий, не мотивированные психологически, внесут раскол в солдатские массы. Преждевременное применение революционного террора изолирует людей действия. Ледрю предлагает прежде всего создать представительный орган революционной армии: каждая сотня солдат посылает в совет своего депутата... На этом опускается занавес.

Революция ширится в армии и в стране. Везде возникают советы восставших. Но в центре, в столице уже создалось временное правительство из дельцов крайнего левого

резерва буржуазии. Их задача—раздробить и парализовать революцию, прибрать ее к рукам. Для этого им служат привычные приемы демократии, грузный авторитет официальной государственности, искусная паутина лжи, неуверенность масс в себе, выжидательный пацифизм Гутодье, как и кровавый авантюризм Фавроля. Во временном правительстве сидят никак не гении, наоборот, весьма заурядные люди. Но ведь их задача не в том, чтобы создавать новое, а в том, чтобы отстоять старое. За них думает и действует весь опыт господствующих. В этом их сила. Ближайшая задача пошлых ловкачей новой центральной власти—устоять на ногах под первой волной, высмотреть слабые места и незащищенные пункты революции, обворовать и ослабить ее под ее же знаменем, подорвать веру и волю массы прежде, чем поднимется вторая, более решительная волна.

Критический момент! В армии, в рабочих районах движение идет вширь, выбираются советы, частичные столкновения с местными властями разрешаются в пользу восставших, но действительный враг, правящий класс, не сломлен, он выжидательно маневрирует, у него в столице удобный обсервационный пункт, у него привычный централизованный механизм, а главное—уверенность в своем праве на победу и богатейший опыт обмана. После полууспеха первого стихийного удара по старому обществу, движению необходимо подняться на более высокую ступень, получить сознательный общегосударственный характер, обеспечить свою внутреннюю согласованность,—общностью цели, единством методов ее осуществления,—иначе крушение неизбежно. Местные вожди, люди случая, импровизированные революционеры, которые никогда ранее не размышляли над проблемами массовых движений, плавают, как щепы, на волнах движения и надеются на то, что события собственной логикой своей обеспечат им и далее успех, как до сих пор. Для выхода из всех затруднений у диллетантов революции имеются, вместо мыслей, клише: „Восставший народ непобедим!“ „Штыками нельзя остановить совести!“ и пр. Но революция требует не общих мест, а руководства, отвечающего ее внутренней закономерности, приуроченного к ее последовательным этапам. Этого нет. В развитии событий наступает фатальная заминка. Ледрю политическим инстинктом улавливает логику революции. Совсем недавно он дал отпор кровавому бахвальству Фавроля, отклонив предложение о расстреле офицеров. Тогда в отношении Бурбуза ограничились арестом. Сегодня Ледрю чувствует, что надвигается роковой перелом; массы не отдают себе отчета в том, что главные трудности еще впереди; враг

завладевает без боя каждой незащищенной позицией, немедленно же выдвигая щупальцы вперед. Завтра мнимо-добродушный солдафон Бурбуз снова встанет во главе вооруженных сил контр-революции и раздавит цвет восставшего народа. Ледрю приходит к выводу, что нужны крик об опасности, громовое предостережение, призыв к беспощадности. Сегодня он за переход к решительным мерам, за расстрел Бурбуза. Но логика революции, которую улавливает молодой вождь, прислушиваясь к смутному пульсу массы, находит лишь запоздалое отражение в головах ее полувождей. Революции не предшествовала долгая идейная подготовка. Во главе массы нет организации, привыкшей коллективно мыслить, единообразно оценивать события и согласованно вмешиваться в них. Нет революционной партии. Единодушие в движении наблюдается лишь до тех пор, пока оно не встречает препятствий. Как только положение усложняется, импровизированные вожди без опыта, без программы, без кругозора вступают в борьбу друг с другом, у каждого свой путь и свой метод,—ни дисциплины мысли, ни дисциплины действия.

Резче выступают наружу трудности, недочеты, лишения—последствия войны и самой революции. Открываются колебания; за ними следом идет малодушие. Те, что раньше сомневались втайне, говорят ныне во весь голос. Нет ничего легче, как выдвигать против сегодняшних задач революции ее завтрашние трудности. Те, которые не утратили веры в дело, стараются перекричать скептиков, но каждый по-своему. Масса, ощупью бредущая среди нарастающих трудностей, пытается равняться по вождям, но разноголосица пугает и обессиливает ее.

Тут-то и появляется на сцену член временного правительства Бордье Дюпатуа: опытный демагог, политический ум невысокой марки, но с почти безошибочным инстинктом там, где дело касается усыпления, разделения, развращения массы и подкупа ее вождей. Все искусство французской контр-революции, от деятелей термидора и ранее до Аристида Бриана, в распоряжении Дюпатуа — толстяка, мнимого простяка и балагура, в кучерском плаще мехом наружу. Он пробирается не спеша сквозь солдатскую толпу, нюхает и слушает, калякает, льстит восставшим, хвалит вождей, обещает, дружески укоряет, расточает рукопожатия, и к тому моменту, когда он появляется у входа в революционный штаб Ледрю, огромная масса солдат, утомленных ожиданием и неизвестностью, уже цепляется надеждой за Дюпатуа, как за якорь спасения. Незваный гость приветствует революционный штаб тоном благожелательного

хозяина и хвалит Ледрю той коварной хвалою, которая должна окончательно подорвать авторитет молодого трибуна. Фразер Фавроль уже на стороне временного правительства. Неслышно честного Гутодье, события переросли через его голову. Растерянный, он растворился в растерянной толпе. Ледрю улавливает ритм событий, но он уже стоит пред массой не как вождь революции, а как герой трагедии. С ним и вокруг него нет организации закаленных единомышленников, привыкших думать и бороться вместе, нет революционной партии. Ненаправленная и неиспользованная энергия массы обратилась вовнутрь и постепенно отравляет ее ядом малодушия. Дюпатуа уже твердо стоит на ногах. Он переводит на язык политической лести сомнения, беспокойства, тревогу, усталость, неуверенность самих восставших. В толпе у него свои агенты, платные и бесплатные. Они прерывают Ледрю, протестуют, ворчат, проклинают, создавая необходимое эхо для Дюпатуа. В хаосе бурного собрания раздается выстрел, и Ледрю падает замертво.

Наступает минута апофеоза для Дюпатуа: он произносит павшему „молодому другу" хвалебное надгробное слово, в котором, снисходительно отмечая его ошибки и чрезмерный задор, отдает должное чистоте его бесплодных намерений. Этим подлым глумлением он окончательно примиряет с собой наиболее мятежных. Революция разбита. Дело временного правительства обеспечено. Разве это не историческая драма французского пролетариата?

Те же крестьяне и крестьянки собираются у старой Мариетт. Она всей душой была на стороне восставших. Да и как же иначе: Мариетт — это мать французского народа, это сама Франция. Она крестьянка, но века и века событий и испытаний обогатили и насытили ее политическую память. Ее сыны падали в битвах великой революции, которая закончилась цезаристской диктатурой. Она видела возвращение Бурбонов, новую революцию, новые измены, междоусобия в среде самих трудящихся, новые обманы, надежды и разочарования Коммуны, ее страшный разгром, чудовищный, трусливый и хищный милитаризм Третьей Республики, великую войну, истребление лучших поколений, угрозу самому существованию французской расы — все пережила, перечувствовала и по-своему передумала старуха Мариетт,— мать народа. Крестьянка, она возвысилась опытом и материнским инстинктом до рабочего города, его надежд и борьбы. Целиком на стороне восставших, Мариетт матерински благословляла их, ждала их победы и ждала возвра-

щения своего перворожденного сына, который давно не подавал о себе вести из своей траншеи.

Но восстание разбито. Жертвы приносились втуне. Бурбуз снова во главе армии. Иллюзии о братстве с теми, которые низложили своего императора, рассеяны, как дым. Враг отступает—враг должен заплатить за все опустошения, какие причинил. Вперед, в наступление! Бурбуз командует.— и после тяжелой заминки в развитии событий, после внутренней смуты, это преследование отступающих, это движение вперед кажется обманутому народу разрешением кризиса, выходом из тупика. Крестьяне и крестьянки отворачиваются от Мариетт. Она поддерживала их дух в самые черные месяцы войны, но ведь она же подняла их надежды в дни восстания на несбыточную высоту и — обманула их. Они безжалостно мстят Мариетт за свои разбитые надежды. Один за другим покидают они дом старой крестьянки со словами убийственной горечи на устах.

Мариетт одна. Внук ее Луизон тревожно спит в постели. Невестка Анна-Мария нарушает свою героическую молчаливость, чтобы сказать старой Мариетт, что она, Анна-Мария, с нею: она была с нею во время войны, она была с нею в часы революционных надежд, и она с нею теперь в горькие дни пораженья и отверженья. Мариетт прижимает к старому сердцу свою тихую кошечку цвета пепла. Анна-Мария поднимается по лестнице к себе. Мариетт садится к постели, на которой спит в кошмарах ее внук,— будущая Франция. Новая Франция, которая растет под громами и молниями страшнейшей из эпох. А там, над потолком,—Анна-Мария, новая французская мать, которая идет на смену старой усталой Мариетт. Но раздается стук в дверь. Входят трое и вносят четвертого — труп перворожденного сына. Он погиб в боях последних дней, во время преследования революционной армии врага, после разгрома собственной революции.

Последняя колонна сокрушенного мира надежд рушится над старой головой. Трое прибывших кладут то, что было сыном, рядом с кроватью, где спит внук. Но нет, внук не спит, он все слышал. Прекрасен в своей трагической напряженности его диалог с бабушкой. Они склоняются оба, прошлое и будущее, у постели, где застыло настоящее. Луизон снова дремлет. Нет сил терпеть, нечего ждать,— пора уходить от старой жизни, в эту ночь, что открывается за окном. Но неиссякаем источник доброты и надежды в сердце матери,—старуха снова находит себя. Есть невестка, есть внук. На развалинах начнется новая жизнь. Она будет, она должна быть лучше той, что была. Ночь прохо-

дит. И старая тяжело поднимается по лестнице и зовет невестку: пора вставать, Анна-Мария, уже занимается день!

На этом кончается драма. Подлинная драма революции. Политическая трагедия французского класса,—трагедия всего его прошлого и предостережение для будущего. Ни у какого другого пролетариата нет таких богатых исторических воспоминаний, ибо не было такой драматической судьбы, как у французского. Но это же прошлое тяготеет над ним, как страшная угроза будущему. Мертвые цепко держат живых. Каждый этап завещал не только свой опыт, но и свои предрассудки, свои формулы, лишенные содержания, свои секты, не желающие умирать. Гутодье? Мы все встречали его: это—рабочий, с чертами мелкого буржуа, или мелкий буржуа, который тяготеет к рабочим,—демократ, пацифист, всегда с полумерами, всегда на полпути. Это — коллективный отец Бурдерон, честная ограниченность которого являлась не раз уже в прошлом тормозом революции. И все мы знаем Фавроля, рыцаря фразы, который сегодня проповедует кровавую расправу, чтобы завтра оказаться в лагере победоносной буржуазии. Фавроль—самый распространенный, самый разнообразный и всегда в своем разнообразии единый тип во французском рабочем движении. Это Эрве—крикун, площадной ругатель, антимилитарист, „без отечества", проповедник саботажа и прямого действия, затем патриотический оракул консьержек, газетный прислужник пьяных шовинизмом клик мелкой буржуазии; это Себастьян Фор, либертер, педагог, мальтузианец, краснобай, антимилитарист, всегда вооруженный вещательной программой, освобождающей его от необходимости предпринять какой бы то ни было практический шаг, и всегда готовый на постыдную сделку с префектом, если тот сумеет ему польстить. Словесный радикализм, политика непримиримых формул, которые не дают выхода к действию и потому освящают пассивность под прикрытием экстремизма, был и остается самой злокачественной ржавчиной во французском рабочем движении. Ораторы, которые, начиная первую фразу, не знают, что скажут во второй; искусные бюрократы журналистики, которые отписываются от событий; „вожди", которые не размышляют над последствиями собственных действий; индивидуалисты, которые под знаменем „автономии" — чего угодно: провинции, города, синдиката, организации, газеты— отстаивают неизменно свой собственный мелкобуржуазный индивидуализм от контроля, ответственности и дисциплины; синдикалисты, которые не только не чувствуют потребности, но инстинктивно боятся сказать то, что есть, назвать

ошибку — ошибкой, потребовать от себя и от других точного ответа на вопрос и маскируют свою беспомощность под привычными оборотами революционного ритуала; великодушные поэты, которые хотят излить на рабочий класс резервуары своего великодушия и своей идейной путаницы; люди подмостков, импровизаторы, которые ленятся думать и обижаются, что на свете существуют люди, привыкшие и умеющие думать; болтуны, безыдейные каламбуристы, оракулы своих приходов, мелкие революционные попы борющихся друг с другом церквей,—вот страшный яд французского рабочего движения, вот угроза, вот опасность! Об этом говорит нам драма Мартинэ своим мужественным языком, который высшую правду жизни, *правду истории*, сочетает с правдой искусства. Повелительностью художественных образов драма требует от пролетарского авангарда внутреннего очищения, укрепления в единстве и дисциплине. Последнее действие развивается в атмосфере сгущающегося трагизма, вся драма названа „Ночью", и на поверхностный взгляд может показаться, что она внушена пессимизмом, почти отчаянием. На самом деле она продиктована глубоким беспокойством, законной тревогой. Франция обескровлена. Лучшие поколения в земле. Перворожденный сын Мариетт не вернулся с войны, чтобы установить новые порядки. Но есть внук, которому в конце войны было 12 лет, которому теперь 16. В такое время месяцы идут за годы. Луизон олицетворяет в драме будущее. Над его напряженно работающей юной головой загорается завтрашний день, и об этом говорит последний примиряющий и обнадеживающий возглас Мариетт. Но нужно, чтобы Луизон не повторил истории Ледрю. Помните об этом вы, лучшие рабочие Франции! Драма Мартинэ —не мрачное пророчество, а суровое предостережение.

P. S. Найдется ли в революционной России такой театр, который захочет и сумеет поставить пьесу Мартинэ? Для этого нужны: идейное мужество и высокая художественная техника.

Найдется ли такой театр в предреволюционной Франции?

15 мая 1922 г.

IV

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА.

КОММУНИЗМ И... ФРАНК-МАСОНСТВО.

Капиталистическое развитие непрерывно углубляло и углубляет противоречия между классами. Усилия буржуазии всегда направлены на то, чтобы притуплять эти противоречия в политике. История последнего столетия дает картину чрезвычайного разнообразия средств и приемов буржуазии в этом направлении. Голая репрессия является последним доводом и открыто выступает лишь в критические моменты. В „нормальные“ же времена искусство буржуазной политики состоит в том, чтобы, так-сказать, снять с порядка дня самый вопрос о господстве буржуазии, замаскировать его политическими, юридическими, моральными, религиозными, эстетическими декорациями и создать, таким образом, в обществе атмосферу незыблемости существующего строя.

Смешно и наивно—чтобы не сказать: глуповато—думать, будто политика буржуазии делается только в парламентах и в передовых статьях. Нет, эта политика делается в театре, в церкви, и в лирическом стихотворении, и в академии, и в детской школе. Буржуазия обволакивает сознание промежуточных слоев и очень значительных групп самого рабочего класса со всех сторон, отравляя мысль, парализуя волю.

Запоздалая и бездарная русская буржуазия меньше всего преуспела в этой области,—и жестоко поплатилась. Обнаженный царский кулак, вне сложной системы маскировки, лжи, обмана, иллюзий, оказался недостаточным. Русский рабочий класс овладел властью.

Германская буржуазия, несравненно более давшая в области науки и искусства, в политической сфере была разве только одним классом выше русской буржуазии: главным государственным ресурсом немецкого капитала являлся прусский Гогенцоллерн и прусский лейтенант. И мы видим, что сейчас германская буржуазия занимает одну из первых очередей на пути к исторической гибели.

Кто хочет изучить, как, какими методами и способами, буржуазия водила за нос народ в течение столетий, тот должен взять в руки историю старейших капиталистических стран: Великобритании и Франции. В этих странах господ-

ствующие классы из десятилетия в десятилетие укрепляли свое господство, нагромождая на пути рабочего класса препятствия, тем более могущественные, чем они менее заметны.

Трон английской буржуазии был бы разбит вдребезги, если бы он не был окружен атмосферой респектабельности, ханжества и спортсменства. Английский полисмен с дубиной охраняет только самую последнюю траншею буржуазного господства, и когда дело дойдет до нее—спасения для буржуазии уже не будет. Во сто крат важнее для сохранения великобританского режима та незаметная паутина респектабельности и трусости пред буржуазными заповедями и „приличиями", которая обволакивает мозги трэд-юнионистов, вождей рабочей партии и очень значительного слоя самого рабочего класса.

Французская буржуазия в политической области живет преимущественно процентами с капитала Великой Французской Революции. Лживость и развращенность парламентской демократии достаточно известны и, казалось бы, не оставляют места никаким иллюзиям. Но буржуазия даже эту развращенность режима превращает в свою опору. Каким образом? Через посредство своих собственных социалистов. Эти последние своей критикой и оппозицией собирают с народных масс налог доверия, а в критические моменты передают целиком собранные ими голоса капиталистическому государству. Таким образом, социалистическая критика является сейчас одним из важнейших устоев буржуазного господства. Подобно тому, как французская буржуазия пользуется для своих целей не только католической церковью, но и осмеянием католической церкви, так же точно она заставляет себе служить не только парламентское большинство, но и его социалистических, а нередко и анархических обличителей. Величайший пример тому — последняя война, в которой аббаты и франк-масоны, роялисты и анархо-синдикалисты выступали восторженными барабанщиками кровавого капитала.

Мы упомянули о франк-масонстве, которое играет в политической жизни Франции не малую роль. Оно является по существу мелко-буржуазной подделкой феодального по своим историческим корням католицизма. Французская буржуазная республика, выдвигая то правое, то левое свое крыло, то оба вместе, пользуется для одной и той же цели и подлинным католицизмом, церковным, открытым, и его мелко-буржуазной подделкой франк-масонством, где роль кардиналов и аббатов играют банкиры, парламентские дельцы, продажные журналисты, еврейские адвокаты, уже разжиревшие, или только стремящиеся к тому. Франк-масонство,

разбавив крепкое вино католицизма и сократив, в целях мелко-буржуазной экономии, небесную иерархию, от которой оставлено только „высшее“ существо, (l'Etre suprême), приспособило в то же время к своему обиходу терминологию демократии: Братство, Гуманность, Истина, Справедливость, Добродетель. Франк-масонство является неофициальной, но чрезвычайно важной составной частью буржуазного режима. По внешней форме оно аполитично, как и церковь; по существу оно контр-революционно, как и она. Обострению классовых противоречий оно противопоставляет мистические, сентиментальные, моральные формулы, и так же, как церковь, сопровождает их маскарадной обрядностью. Будучи по своим источникам бессильным мелко-буржуазным противоядием против классовой борьбы, разъединяющей людей, масонство, как и все такого рода движения и организации, само становится незаменимым орудием классовой борьбы—в руках господствующего класса против обездоленных. Великое искусство английской буржуазии всегда состояло в том, чтобы окружать выдвигающихся рабочих вождей вниманием, льстить их респектабельности, морально и политически подкупать их, выхолащивая их души. Разнообразные английские секты и церковные общины, где встречаются и сталкиваются на общей „нейтральной“ почве представители разных партий, являются важнейшим средством этого приручения и развращения. Недаром Ллойд-Джорж назвал перковь центральной электрической станцией политики. Во Франции такую роль, по крайней мере, часть ее, играют франк-масонские ложи. Для французского социалиста, а затем и для синдикалиста, вхождение в ложу означало приобщение к высшим сферам политики. Здесь, в ложах, завязывались и завязываются карьеристские связи, создаются группировки и клиентелы, и вся эта кухонная работа покрыта флером морали, обрядности и мистики. Франк-масонство не меняет своей испытанной тактики и в отношении к коммунистической партии: оно не исключает коммунистов из своей среды, наоборот, открывает им широко свои двери. Масонство не было бы самим собою, если бы поступало иначе. Его политическая функция—всасывать в свои ряды представителей рабочего класса, чтобы содействовать размягчению их воли, а по возможности и мозгов. „Братья“ из адвокатов и префектов, конечно, очень любознательны и даже склонны послушать доклад о коммунизме. Но разве младший, левый брат может преподнести старшему, правому брату коммунизм в грубом образе большевика с ножом меж зубов? О, нет. Коммунизм, который сервируется для масонских лож, должен быть очень высоким,

утонченным, пацифистским, гуманитарным учением, которое тончайшей философской пуповиной связано с франк-масонским братством. Масонство в целом означает одну из форм политического сервилизма мелкой буржуазии пред крупной. Участие в масонстве „коммунистов“ означает духовный сервилизм отдельных мнимых революционеров пред мелкой буржуазией, а через нее—и пред крупной.

Незачем говорить, что так-называемая „Лига защиты прав человека и гражданина“ является одним из подъездов того же универсального здания капиталистической демократии. Если в ложах уловление и растление душ происходит под знаменем Братства, то в „Лиге“ все вопросы поставлены на почву Права. Вся политика „Лиги“—это опять-таки ярче всего доказала война—движется в пределах, предуказанных патриотическими и национальными интересами французского капитала. В этих рамках „Лиге“ предоставлено по поводу отдельных несправедливостей и нарушений права производить шум, необходимый для привлечения карьеристов и оглушения простаков.

И „Лига защиты“, и масонские ложи всегда были ареной политической коалиции социалистов с буржуазными радикалами. В этой коалиции социалисты выступают, конечно, не как представители рабочего класса, а индивидуально. Но значение, какое отдельные социалисты имеют в ложах, определяется не весом их индивидуальной добродетели, а тем политическим весом, какой они имеют в рабочем классе. Другими словами: в ложах и других подобных учреждениях господа социалисты учитывают в свою собственную пользу свою роль в рабочем движении. Концы здесь тем легче прятать в воду, что все махинации покрыты идеалистическим ритуалом.

Униженность, ожидание крох с барского стола, лизоблюдство, искательство, карьеризм, паразитизм, в самом прямом материальном смысле или в более прикрытом „духовном“—вот что означает франк-масонство для тех, кто приходит к нему снизу. Если друзья Леона Блюма и друзья Жуо обнимаются в ложах с прочими братьями по левому блоку, то они при этом целиком остаются в рамках своей политической роли: они доделывают на секретных масонских заседаниях то, что неудобно делать на открытых заседаниях парламента или в прессе. Но не иначе, как краску жгучего стыда, может вызвать в нашей среде тот факт, что в рядах коммунистической (!!!) партии имеются люди, которые идею диктатуры пролетариата дополняют братством с диссидентами, радикалами, адвокатами и банкирами на заседаниях масонских лож. Если бы мы ничего другого не знали о состоянии нашей французской партии, кроме этого факта, мы и тогда сказали

бы вместе с Гамлетом: „В датском царстве что-то гнило“... Может ли Интернационал позволить этому поистине постыдному явлению длиться и даже развиваться? Это значило бы допустить, чтобы Французская Коммунистическая партия заняла в системе демократического консерватизма то место *опоры слева*, которое занимала ранее социалистическая партия. Но этого не будет—мы слишком твердо верим в революционный инстинкт и в революционную мысль французского пролетарского авангарда. Остро отточенным мечом он перережет и разрубит все политические, философские, моральные и мистические связи, которые еще прикрепляют верхи его партии к явным или замаскированным органам буржуазной демократии: ее ложам, ее лигам, ее прессе. Если этот меч оставит за оградой нашей партии несколько сотен или даже тысяч политических трупов,—тем хуже для них. Тем хуже для них, и тем лучше для партии пролетариата, ибо сила и значение ее вовсе не определяются одним только числом членов.

Организация в 50 тысяч членов, но правильно построенная, твердо знающая, чего хочет, недопускающая никаких уклонений с революционного пути, может завоевать и завоюет доверие большинства рабочего класса и займет руководящее место в революции. Организация в 100 тысяч членов, заключающая в своей среде центристов, пацифистов, франк-масонов, буржуазных журналистов и пр. и пр., будет неизбежно топтаться на месте,—без программы, без мысли, без воли—и никогда не завоюет доверия рабочего класса.

Франк-масонство—злокачественная язва на теле французского коммунизма. Эту язву нужно выжечь каленым железом!

25 ноября 1922 г.

Ф. К. П. НА IV КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА *).

Сегодня у нас в порядке дня чрезвычайно важный и очень трудный вопрос, вопрос о нашей французской партии.

Французская Коммунистическая партия переживает весьма тяжелый кризис. И этот кризис партии странным образом совпадает с кризисом французской буржуазии и ее государства.

Я говорю: странным образом—потому что, по общему правилу, как раз кризисы буржуазии создают обстановку, благоприятную для развития революционной партии. Революционная партия обычно питается кризисами буржуазного общества.

*) Доклад т. Троцкого на заседании конгресса 1 декабря 1922 г.
Прим. ред.

Поэтому совпадение обоих кризисов позволяет мне сделать заключение, что французская партия не достигла еще в своей организации, в своей деятельности той абсолютной свободы по отношению к капиталистическому обществу, которая необходима для того, чтобы широко использовать кризис последнего. В дальнейшем это уяснится нам более подробно, более глубоко.

Но в чем же состоит этот кризис, наличия которого никто не отрицает?

Указывают на приостановку притока новых членов, даже на уменьшение их числа. Тираж наших газет и, в частности, „L'Humanité", падает. Внутренняя жизнь организаций прозябает и дремлет.

Вот наиболее разительные и вместе с тем наиболее очевидные и неоспоримые признаки кризиса.

Имеются и другие. В партии установился режим фракций. Фракционная борьба, острая и зачастую чисто личная полемика—вот еще одно из проявлений бесспорно глубокого кризиса партийного организма.

Не все указанные внешние признаки одинаково важны для оценки развития нашей французской партии.

Уменьшение притока новых членов не следует считать большой опасностью, если уменьшение это временно и если в нем находит свое выражение лишь тот факт, что в начале наша партия увлекла за собою те элементы, которые чужды нам по своему умонастроению и по своим взглядам, и теперь партия устраняет их по мере своего роста и укрепления своего коммунистического единства и сплоченности. Даже уменьшение тиража нашей прессы не представляется опасным. Оно может оказаться преходящим явлением, вызванным изменением политической обстановки.

Что является бесспорным, так это то (мы это видели в истории наших различных партий), что развитие партии не идет по совершенно прямой линии, а в нем замечаются неизбежные приливы и отливы; во время прилива партия должна развивать широкую деятельность извне, увлекая за собою массы, а во время отлива партия должна сосредоточиться в себе, развивать свою организацию, уточнять свои идеи, готовиться к неизбежным боям.

На кризис партии указывают скорее наличность в ней фракций и борьба между ними.

Откуда берутся эти фракции? Кто несет ответственность за их образование?

Можно дать на этот вопрос ответ, являющийся скорее описательным; ответ этот мы довольно часто находим в

прессе нашей французской партии. Я приведу слова хорошо известного вам товарища Фроссара, он написал в „L'Humanité" от 16-го июля статью, озаглавленную: „Значит, этому не будет конца". Заимствую из этой статьи следующие фразы: „Какие мы византийцы, как мы стремимся расщепить волос на 4 части, какие мы жалкие спорщики! И как следует жалеть наших читателей, воистину героев, которые читают нас".

Вот достаточно мрачная картина. Но в этих словах мы находим лишь внешнее описание ситуации, создавшейся в партии. Почему мы—византийцы, жалкие спорщики и т. д.? Каков смысл этого?—Вот вопрос, требующий ответа. Некоторые спрашивают, откуда, с какой стороны пошла эта полемика, как общая, так и личная.

Товарищи, принадлежащие к тому же направлению, что и товарищ Фроссар, часто указывают на левую, как на зачинщицу этой полемики и вместе с тем фракционного режима. Но этот фракционный режим очень часто осуждается теми товарищами, которые сами принадлежат к фракциям и все же смотрят на этот режим, как на чисто искусственный, нисколько не основанный на принципах и не отвечающий политическим целям. Я позволю себе процитировать статью Даниэля Рену в одном из сентябрьских номеров „L'Humanité": „Как сказал мой друг Дюре,—ему никто не возразил по этому пункту,—серьезная и правильная классификация может установиться лишь в процессе действия и посредством его".

Итак, мы видим, что, с одной стороны, фракции ведут друг с другом ожесточенную борьбу, а с другой стороны, представители обоих фракций утверждают, что группировки эти образовались искусственно, и что лишь посредством действия (т.-е. будущего действия) можно будет установить правильную классификацию различных направлений в партии. Не думаю, чтобы этот анализ был правилен.

Прежде всего, следовало бы задать себе вопрос, каким образом товарищи, отрицающие идеологический и политический смысл этих фракций, все же принадлежат к одной из трех важнейших фракций.

Затем следует спросить себя, правильна ли даваемая аргументация: будем ждать, пока само действие сгруппирует нас в совершенно правильных рамках.

Если речь идет о революционном действии, т.-е. о борьбе за захват власти рабочим классом, тогда мы совершили ошибку, отделяясь от диссидентов, так как последние утверждают, что раскол был продиктован внешней волей, а не внутренней необходимостью партии.

Но вся жизнь партии должна представлять собою ряд действий, которые образуют цепь, долженствующую вести к самому большому действию, захвату власти пролетариатом.

Если хотят сказать, что создавшиеся группировки неокончательны, то мы согласны с этим; и я полагаю, что мы не станем оспаривать справедливость подобного утверждения.

Я думаю, что всегда будет существовать разделение по направлениям, и что в момент решающего революционного действия огромное большинство членов всех фракций сплотится на общей основе; это верно. Но утверждать, что существующие и взаимно борющиеся в настоящее время направления представляют собой лишь нечто искусственное, это значит поистине быть несправедливым к французской партии, которая основана на направлениях и вне их не существует; итак, должны иметься важные причины существования этих фракций и их борьбы.

Говорят, что группировка может создаться лишь в процессе действия, но ведь именно посредством действия Интернационал и пытался в течение полутора лет добиться перегруппировки во французской партии, при чем Интернационал предложил для этого два пути, ведущих к одной и той же цели. Это—работа в профсоюзах и действие через них, а также действие посредством единого фронта.

Чтобы руководить каким-либо действием, необходимо иметь о нем более или менее точное представление, а также опираться на сочувствие большинства партии. Когда была предложена перегруппировка партии на основе определенных действий, то эти последние всегда наталкивались на немедленные препятствия. Не хотели допустить методичной и организованной работы партии в наиболее важных и крупных—хотя и уменьшившихся—организациях Франции, а также деятельности под лозунгом единого фронта.

В настоящее время стало банальной истиной, что в стране, где не располагают доверием, по крайней мере, подавляющего большинства рабочего класса, где пролетариат разделен в профсоюзах и политических партиях на различные фракции, где члены этих фракций составляют в синдикатах и в партии лишь незначительную часть рабочего класса, — что при всех этих условиях нельзя развить действия иначе, как под лозунгом единого фронта, иначе, как действуя сообща. И если отталкивают эту, не надуманную, а вызванную необходимостью возможность действовать, то тем самым отталкивают всякое действие вообще.

И если после этого жалуются на существование партийных группировок, то этим лишь увеличивается число недопустимых противоречий.

Вы знаете, товарищи, что в течение последнего года между Интернационалом и французской партией, т.-е. большинством ее, представляемым в данном случае обеими фракциями, центром и направлением Рену, велась,—я должен употребить это слово,—беспрестанная борьба.

Нашу французскую партию убеждали в необходимости единого фронта. Вчера в комиссии, которую вы выбрали для рассмотрения французского вопроса, тов. Зиновьев напомнил об аргументе, которым во Франции пользовались против Интернационала в этом важном вопросе, именно о том, будто Интернационал под видом единого фронта вынуждает французскую партию вернуться к сотрудничеству классов и мильеранизму. Вот до каких крайностей дошли недоразумения по вопросу, который в то же время являлся могущественным средством для развития действия во французской партии.

Теперь этим аргументом завладела буржуазная пресса; это наказание за ошибки, совершенные в пылу полемики. Наказание—видеть, как враг ухватывается за неправильные формулы, придает им более резкую форму и выбрасывает их на политический рынок. Вот что мы читали, напр., в „Le Temps“:

„Еще не сказано, что эта унизительная покорность сможет смирить гнев Москвы, так как не всякий может уловить дух и букву политики Интернационала, которая меняется до бесконечности, сообразно с временными интересами советского правительства и с теми обстоятельствами, с которыми это правительство вынуждено считаться, чтобы хоть сколько-нибудь прикрыть полный крах коммунизма“.

Формула эта не является изобретением „Le Temps“. Она заимствована у представителей известных направлений нашей партии, ей придано более резкое выражение, и она брошена против партии в целом.

Несколько дней тому назад Фроссар, который также боролся против единого фронта, обратился к реформистам с предложением действовать совместно, согласно принципам единого фронта.

В ответе диссидентов мы находим всю хорошо известную нам терминологию, с которой мы встречались уже в прессе нашей партии и которая стала теперь орудием наших врагов. Но, что еще хуже,—французская партия более года ждала и позволила таким образом диссидентам завладеть идеей единого фронта; уже не Французская Коммунистическая партия является в глазах пролетариата провозвестницей этой формулы; нет, диссиденты уже конкурируют с нею на этом поприще. Достаточно прочесть в „Le Populaire“

статьи о восстановлении единства профессионального движения.

Итак, фракционный режим создался не искусственным путем, не случайно и не под влиянием чужой воли; режим этот зиждется на направлениях, создавшихся в результате действия—или недостатка действия, который, в свою очередь, не случаен для французской партии.

Что касается политики, то, если спросят, кто ответственен за нее, я отвечу: не левая, но, к несчастью, и сам Интернационал, быть-может. Наши французские товарищи не могли осуществить действия, так как не хотели принять предпосылок этого действия. Необходимо поэтому посредством полемики уничтожить идеологические препятствия на пути к этому действию. Вот почему Интернационал взял на себя инициативу полемики.

Чтобы мне самому проверить нашу линию поведения за последние два года по отношению к французской партии, я разыскал одну из речей по французскому вопросу, произнесенных мною в июне 1921 г. в заседании расширенного Исполкома, стало-быть, полтора года тому назад.

Должен признаться, что я был поражен тем, как мы все время топчемся на одном месте.

Я напомню лишь несколько мест из этой речи:

„Не хотят видеть той пропасти, которая должна быть вырыта нашей прессой, нашими речами между коммунистической партией и всем буржуазным обществом. Ее не видят. Необходимо, чтобы рабочие теперь сказали вам: что же вы там делаете? почему же вы не говорите коммунистическим языком? У вас мы видим те же серенькие тени, лишь слегка подкрашенные, что и у лонгетистов. Я добавляю к этому: „надо еще знать и оценить также и следующее: деятельность партии по отношению к синдикалистам является совершенно неправильной“...

И далее: „Итак, следует дружественно, но все же энергично сказать Французской Коммунистической партии: мы не требуем, чтобы вы предпринимали революционные выступления, не отдавая себе отчета в том, благоприятна ли обстановка или нет. Но мы требуем, чтобы вы порвали, не только формально, но и на деле, в ваших идеях, в ваших чувствах и во всем вашем поведении с вашими старыми навыками, порвали прежние ваши связи с капиталистическим обществом и его учреждениями“.

Разве не кажется, что слова эти произнесены на этих днях во время дискуссии о масонстве.

Далее, еще одно место: „Мы требуем, чтобы ваша революционная воля выражалась в вашей прессе, в парламенте,

в синдикатах, везде и, наконец, нашла свое высшее выражение на баррикадах Парижа".

Вот в каком виде представляли мы вопрос на заседании Исполкома. Мой голос был лишь голосом Исполкома, вполне единодушного в этом вопросе; с тех пор прошло полтора года. Мы боролись против духа консерватизма, представлявшего прошлое, за революционный дух, представляющий будущее. И я не могу сказать, чтобы борьба наша была бесплодна. Кое-что изменилось в партии. Нынешний кризис, конечно, очень тяжкий, нанес все же смертельный удар консерватизму партии.

Разумеется, если партия не найдет достаточно сил, чтобы победить этот кризис, то он может повлечь за собою шаг назад во всем революционном развитии французского пролетариата. Но нет оснований для пессимистической оценки возможностей, открывающихся пред французской партией. Я повторяю: кризис является результатом, с одной стороны, полемики, а с другой стороны, борьбы Интернационала против консерватизма, и тяжесть этого кризиса, его болезненный характер объясняются тем, что консерватизм остается очень сильным, слишком сильным.

После Тура у нас осталось много старых навыков и обычаев, не уступающих своего места новым обычаям и навыкам коммунистической деятельности. Вот почему создался фракционный режим, который есть не что иное, как борьба будущего против прошлого или серединный между ними оттенок, который ищет своей ориентировки.

Часто указывалось на то, что разные посторонние партии факторы затрудняют более быструю эволюцию самой партии, указывалось на французские традиции и на индивидуализм французского рабочего. Но партия, желающая стать партией борьбы, не должна становиться исключительно на точку зрения историка, который возвышается над внутрипартийной схваткой и ограничивается лишь тем, что указывает причины, мешающие прогрессу будущего.

Я заимствую у нашего товарища Вайяна Кутюрье превосходный аргумент. Он сказал: „вы жалуетесь, что вам приходится иметь дело с рабочими, насквозь проникнутыми индивидуализмом, и что он препятствует организации революционной партии. Но разве во время войны капиталистическое общество остановилось пред французским индивидуализмом? Разве для социал-патриотов этот индивидуализм явился помехой? Нет, — при посредстве полиции и армии и, в особенности, через общественное мнение они оказали огромное давление на этот индивидуализм француз-

ского рабочего и повели его в траншеи, в которых он оставался в течение $4^1/_2$ лет".

Этот индивидуализм умели побеждать, когда речь шла об интересах буржуазии. Неужели же он оказывается совершенно непреодолимым, когда победа над ним требуется в интересах самого пролетариата?

Нет, эту аргументацию следует отвергнуть. Верно, что в каждом рабочем — главным образом благодаря французской истории—есть черты индивидуализма, быть может-более развитые, чем у других рабочих. Но в нем есть также смелость. Надо уметь апеллировать к этой смелости, открывая пред рабочим перспективу такой деятельности, которой он сможет поистине отдать все свое самоотвержение, и вы увидите, что он сумеет жертвовать не только своими материальными интересами, но и своею жизнью, если этого потребует борьба.

Но надо уметь это сделать. И когда я слышу, что коммунист говорит: „ничего нельзя сделать—рабочие слишком индивидуалисты", то я говорю, что такое объяснение может породить лишь недоверие по отношению к партии или определенной фракции ее и доказать их бессилие.

На этом конгрессе мы много говорили о профессиональном движении и встретили со стороны центра и группы Рену те самые препятствия, отражение которых мы видим в отчетах парижского конгресса.

Я приведу вам несколько выражений нашего товарища Жакоба, одного из члена делегации синдикатов. Его речь на парижском конгрессе в высшей степени характерна и важна и, по дружбе я сказал бы, совершенно неверна и неверна до опасного.

Товарищ Жакоб—член партии и в то же время видный член профессиональной организации. Вот что он говорит о роли партии в рабочем движении: „Партия не должна стеснять деятельность синдикатов; между тем, известные пункты в резолюции Центрального Комитета могут лишь нанести ущерб этой деятельности.

„Мануильский плохо осведомлен о гаврской забастовке. Фроссар и Лепец говорят, что коммунистическая партия не выполнила своего долга во время забастовки. Мы же говорим, что партии нечего было там делать"...

Вот крайне опасный взгляд. Могут сказать, что это лишь преувеличение, вызванное темпераментом. Возможно. Но он все-таки остается крайне характерным для умонастроения нашей партии. Ведь здесь сами члены партии—не дружественные ей синдикалисты, в роде Монмуссо, с одной стороны, и Моната, с другой,—нет, сами члены партии го-

ворят ей: „тебе нечего делать при событиях в роде гаврской забастовки“.

Вы знаете, что в эту гаврскую забастовку вмешались мэр города Гавра—Мейер, радикальный буржуазный политик, депутат Зигфрид, ныне покойный; вмешались также ружья господина Пуанкарэ, а что же это, как не политика? Одна лишь партия, как партия, не вмешалась в эту забастовку. Конечно, партия сделала многое для забастовщиков: она собрала по подписке крупные денежные суммы было написано много статей, но все это лишь в качестве организации, которая может давать советы, но не должна наносить ущерба движению синдикатов. Необходимо было показать свое политическое лицо рабочим и сказать: „мы здесь, чтобы помочь вам, чего вы от нас требуете? Мы готовы сделать“. Партии нечего делать в гаврской забастовке!

Были из местных синдикалистов, которые говорили, — я узнал это от товарищей здесь: „не компрометируйте нас в глазах правительства: оно скажет, что мы проводим коммунистическую забастовку, чего доброго, продиктованную из Москвы“.

И партия увильнула.

Я понимаю, что могут быть такие обстоятельства, при которых партия во время забастовки делает уступки даже самым отсталым взглядам масс и их местных представителей. Но в таком случае следовало написать в „L'Humanité“: мы предложили наши услуги руководителям гаврской забастовки; они ответили нам:—„у нас есть связь с Мейером и с Зигфридом, не компрометируйте нас“. Хорошо, в таком случае мы не вмешиваемся, но мы говорим им, берегитесь, вы имеете дело с буржуазными политиками, которые предадут вас! Одна только партия не покинет вас в минуту серьезной борьбы, это коммунистическая партия.

И, если бы вы сказали эти слова в первые же дни гаврской забастовки или по мере ее развития, после трагических событий 28-го августа и после убийства рабочих, ваш авторитет был бы значительно выше, так как оказалось бы, что вы предвидели ход событий.

Но, нет, вы уступили. Товарищ Фроссар сказал: „партия ничего не могла сделать в этой области“; а вот даже коммунист, работающий в синдикатах, и то заявил: „партии здесь нечего делать“.

Это очень печальное и опасное положение, так как отсюда лишь один шаг до нашего товарища Эрнеста Лафона, который в своей речи на парижском конгрессе вдохновляется „лагарделлизмом“. Вы знаете, что такое „лагарделлизм“? Это не синдикализм, это смесь кое-каких огрызков

синдикалистской идеологии с политиканством. И вот Эрнест Лафон говорит: „Синдикаты—это вещь второстепенная, и я не создан для таких второстепенных вещей". Лагардель был большим философом,—сейчас он является приказчиком в капиталистических организациях. И вот партия продолжает эту совершенно оппортунистическую, реформистскую, нереволюционную линию, основываясь на философии, согласно которой революция должна произойти вне партии, и Эрнест Лафон находит счастливую формулу, говоря: „какое дело нам, адвокатам, до синдикатов?".

А товарищ Жакоб, который не адвокат и не лагарделлист, а хороший коммунист и хороший рабочий-синдикалист, говорит: „да, партии здесь нечего делать".

Такое совпадение крайне опасно.

Я нахожу его отчасти и в декларации, подписанной Монатом, моим другом, а также товарищами Лузоном, Шамбеланом и другими.

Можно понять Моната, не являющегося членом партии, когда он говорит: „мы—революционные синдикалисты, это значит, что мы придаем синдикатам решающую роль в борьбе за освобождение пролетариата".

Такова последняя декларация, появившаяся после парижского конгресса в „Lutte de classe", редактируемой тов. Росмером; она сопровождается примечаниями от редакции.

Я понимаю подобные заявления со стороны Моната, который стоит вне партии—но который совершает ошибку, оставаясь вне партии, — но мне трудно понять Лузона, Шамбелана, Клавеля и Орланжа, которые состоят в партии и в то же время являются членами Исполнительного Комитета В. О. К. Т. *).

Что это значит: „мы приписываем профсоюзу решающую роль в революционной освободительной борьбе"? О каком профсоюзе идет речь? Мы знаем во Франции различные профсоюзы. Говорится ли здесь о проф. союзах сторонников Жуо? Очевидно, нет. О профсоюзе нашего товарища Монмуссо? Может быть. Но вы хотите добиться объединения, слияния этих двух профсоюзов. Генеральным секретарем В. О. К. Т. состоит ныне Монмуссо, но еще недавно во главе В. О. К. Т. стояла административная комиссия, находившаяся в руках авторов „договора"—Бенаров, Вердье и. т. д.

---

*) Всеобщая Объединенная Конфедерация Труда.

Прим. ред.

Под их ли руководством пролетариат может итти к революции и совершить ее? Неужели вы серьезно думаете, что руководящая роль рабочего класса принадлежит профсоюзу? Считаете ли вы лучшей рабочей организацией в мире профсоюз, руководимый реформистами, конфузионистами, коммунистами, которые не хотят соблюдать партийную дисциплину и следовать программе своей партии, или профсоюз, стоящий на платформе проводимой нами коммунистической программы? Вы повторяете формулу синдикализма, лишив ее революционного и идеологического содержания, и говорите: профсоюз—это важнее всего на свете.

Конечно, если мы имеем дело с профсоюзом, руководимым лучшими элементами рабочего класса, вполне организованными и сознательными, и следующими доктрине, защищающей интересы революционной борьбы, то такой профсоюз—превосходная вещь, но его не существует, особенно во Франции. Надо его создать. Каким путем? Путем сотрудничества между товарищами, не принадлежащими к партии, и ее членами, путем организации лучших элементов рабочего класса, путем распространения среди них коммунистической идеологии и проникновения ее во все рабочие организации.

Вы допускаете вхождение в профсоюзы рабочих, которые стоят вне партии, не являются революционерами и придерживаются самых отсталых предрассудков, например, рабочих-католиков. Вы должны это делать потому, что если бы в профсоюзе были одни только коммунисты и синдикалисты, которые еще не вступили в партию из-за некоторых предрассудков, если бы в профсоюзе не было других элементов, то его существование не имело бы никакого смысла, потому что он представлял бы собой второе издание партии.

Но это не было бы хуже, потому что партия более однородна или, по крайней мере, должна быть более однородной, чем профсоюзы, в которые входят коммунисты, не соблюдающие партийной дисциплины, и синдикалисты, которые не входят ни в какую партию, и боятся партии, несмотря на то, что анализировать свои идеи и методы они не могут без политической партии.

Если бы профсоюзы имели только такой характер, то это было бы ухудшенное издание политической партии.

Значение профсоюза заключается в том, что его большинство состоит или должно состоять из элементов, которых еще не коснулось влияние партии; но, как известно, в профсоюзах есть различные слои—слои вполне сознательные и слои сознательные, но с остатками предрассудков,

слой, которым еще нужно дойти до полной революционной сознательности.

На кого же тогда ложится руководящая роль?

Мы не должны забывать значения „договора". Его необходимо сделать наглядным примером для каждого французского рабочего, даже самого отсталого, наименее развитого. Надо объяснить, что вследствие слабости партии в области профессионального движения некоторые анархистские и анархизирующие элементы создали секретный „договор", чтобы захватить в свои руки руководство рабочим движением. Профсоюзы выделяют из своего состава лучшие элементы, которые имеют потребность в идейном руководстве; эти идеи не могут возникнуть из ничего, они не падают с неба; они должны быть цельными, должны быть теоретически обоснованными, должны быть подвергнуты на практике испытанию, анализу и критике. И вся эта работа должна совершаться партией.

В настоящее время главное возражение, выдвигаемое против нас, заключается в том, что мы подчиняем профсоюзы партии.

Да, мы хотим подчинить сознание рабочего класса революционной идеологии. Таково наше стремление. Глупо говорить, что мы можем действовать давлением извне, не опирающимся на свободную волю самих рабочих, или что партия обладает средствами оказать давление на профсоюзы, которые в смысле численности сильнее ее или, по крайней мере, должны быть сильнее. Только реакционеры во всех странах постоянно повторяли, что партия и профсоюзы хотят подчинить рабочий класс своей воле.

Обратимся к наиболее реакционной и наиболее коварной печати во Франции, в Германии, в Америке и повсюду. Везде мы найдем те же утверждения, будто рабочие организации против воли рабочего класса принуждают его к тем или иным действиям, навязывают ему свою волю и с помощью своих маневров добиваются подчинения рабочего класса профсоюзам.

А что отвечаете им на это вы? Вы говорите: „нет, мы оказываем услуги рабочему классу, мы завоевываем себе доверие в профсоюзах. Передовая часть рабочего класса входит в профсоюзы; широкие массы поддерживают профсоюзы в их борьбе и постепенно входят в них".

Не то ли самое происходит и с партией? Мы хотим завоевать доверие членов профсоюза. Разве не наше право и не наш долг—проявить себя в каждом выступлении, и особенно в трудных выступлениях, самыми преданными участниками, чтобы воодушевить и толкнуть их вперед, разве не наш

долг и право занимать самые ответственные и опасные посты, чтобы доказать, что коммунисты везде и всегда являются наиболее самоотверженными участниками революционной борьбы.

Разве это не наше право и не наш долг?

Прочитайте, что пишет об этом т. Сутиф в статье, помещенной в последнем или предпоследнем номере „Bulletin Communiste", следовательно, после парижского конгресса. Во Франции распространен особый способ критиковать Интернационал: отвесить поклон Интернационалу, а затем дать хорошего пинка левой, особенно в тех вопросах, в которых левая правильно следует программе Интернационала. Сутиф говорит: „Эта резолюция,—речь идет о резолюции Росмера, которую я нахожу превосходной,—эта резолюция утверждает, что коммунистическая партия *считает себя наилучшим выразителем стремлений рабочего класса и лучше всех способна обеспечить его освобождение.* Большинство Центрального Комитета, разумеется, отвергло эту резолюцию".

Центральный Комитет партии, которая претендует на роль лучшего защитника интересов рабочего класса, должен, „разумеется", отвергнуть подобное утверждение. И это пишет в нашем партийном органе член Центрального Комитета, обвиняющий левую в великом преступлении, — что она думает, будто наша партия более всего способна служить интересам рабочего класса.

Тут ничего нельзя понять. Если мы будем позволять подобные выпады против нас в наших органах членам нашего Центрального Комитета, то как можем мы завоевать доверие рабочего класса? И допускать это на протяжении целых недель! Живая партия, которая хочет завоевать доверие рабочего класса, должна немедленно научить автора этой статьи азбуке коммунизма.

И это не единственный. Это один из целого ряда, на который мы указываем в письмах, в переговорах, в телеграммах.

Последствием явилась гаврская забастовка и особенно— всеобщая забастовка протеста, объявленная к концу гаврской забастовки, после убийств 28-го августа.

Всем нам известен ход событий. Гаврская забастовка продолжалась 110 дней. Она кончилась убийствами. Четверо рабочих было убито и несколько ранено. Позвольте процитировать вам несколько документов, которые останутся в истории французского рабочего движения; это вырезки из „L'Humanité". Это воззвание В. О. К. Т. и Сенской федерации профсоюзов, напечатанное в „L'Humanité". В понедельник рабочим сообщают о гаврских убийствах, а за-

тем следует: „во вторник 24-часовая всеобщая забастовка“. Итак, уже на следующий день! После этого прибавлено: „федерация строительных рабочих постановляет: в ожидании дальнейшего объявить всеобщую забастовку на сегодняшний день“.—Уже на понедельник!

Наш товарищ Жакоб говорит, что партии нечего было делать в гаврской забастовке — это была экономическая забастовка. Экономически убили четырех рабочих и нескольких ранили,—дело исключительно профсоюзное. Есть экономические организации, которые могут заняться этим делом; это первым делом—федерация строительных рабочих, которая „в ожидании дальнейшего“, вернее, не ожидая выступления, саботируя его, пускается в забастовку и объявляет ее всеобщей забастовкой.

Что же делает В. О. К. Т.? Она покорно следует за федерацией. Потому что она не может отстать от анархистов, дабы они не оказались лучшими революционерами, чем другие, и не могли сказать: „мы объявили всеобщую забастовку, а синдикалисты и полукоммунисты из В. О. К. Т. саботировали наше большое выступление“. На самом деле это было не выступление; дело ограничилось тем, что в этот момент был провозглашен лозунг всеобщей забастовки.

В. О. К. Т. покорно следует за этой грубой ошибкой.

А что делает партия? Она покорно следует за В. О. К. Т. Так одна ошибка влечет за собой другую. Кто положил этому начало? Несколько молодых анархистов, которые, может-быть, не так уж виноваты. Они пришли в центр своей организации и сказали: „надо что-нибудь сделать“. И они нашли там товарища, который ответил: „да, конечно, нужно что-нибудь сделать; сейчас мы объявим всеобщую забастовку“.

И В. О. К. Т. подчиняется; партия подчиняется. Партия, которой нечего делать в гаврской забастовке, которая играла роль безучастного свидетеля диалога, происходившего между гаврскими рабочими и буржуазным обществом, вмешивается здесь, подчиняясь В. О. К. Т.

Результат?—Разгром. Полное фиаско. Почему? Потому что это было предопределено, предрешено. Те цитаты, которые я вам привел, должны были с понедельника до вторника поднять на ноги для всеобщей забастовки французский рабочий класс. Возможно ли это?

Даже в стране, где в распоряжении партии имеется и телеграфная сеть, и радиостанции, как у нас в России, где партия сильна, где профсоюзы работают в полном согласии с ней, где нет ни партий, ни профсоюзов, враждебных нашей партии, это невозможно. Так, например, для манифестации в честь IV всемирного конгресса нужно было объ-

яснить рабочим, что такое IV конгресс. Среди солдат, проходивших перед вами 7-го ноября, наблюдался известный энтузиазм; может-быть, и вы заметили его. Чем он был вызван? Среди них много молодых крестьян, которые не очень хорошо знают географию и которым неизвестно, что происходит во Франции, что происходит вообще вне России. Надо было объяснить им, что такое IV всемирный конгресс. А между тем, что от них требовалось? Просто продефилировать пред иностранными делегатами с братским приветствием.

Вы, призывая французский рабочий класс ко всеобщей забастовке, должны были объяснить ему, что происходит в Гавре, и объяснить не только при помощи вашей формулы „правительство убийц".

Во Франции эти формулы в гораздо большем ходу, чем в других странах; здесь в этом знают толк. Необходимо было объяснить каждому рабочему и каждой работнице, сельским рабочим, крестьянам и крестьянкам, что происходит в Гавре: убили четырех рабочих после того, как убили полтора миллиона их во время войны. Надо было, если возможно, показывать фотографии убитых, портреты детей этих убитых рабочих. Надо было немедленно послать в Гавр корреспондентов, знакомых с этими вопросами и с жизнью рабочих, товарищей, которые могут подойти к семействам убитых, разделить их горе и рассказать обо всем ужасе рабочему классу.

Необходимо было немедленно мобилизовать в Париже и во всей стране тысячу лучших коммунистов и революционных синдикалистов, действуя рука-об-руку с В. О. К. Т., и разослать их повсюду, не только во все уголки Парижа, но по всей стране, по городам и деревням, для развития энергичной пропаганды; надо было в то же время опубликовать в двух, трех или четырех миллионах экземпляров копии переговоров и воззвания, чтобы поставить рабочий класс в курс всего происходящего и сказать ему: „мы не можем не протестовать против этого преступления". Нужно ли было для этого пускаться с места в карьер в 24-часовую всеобщую забастовку? Нет. Надо привести в движение весь рабочий класс посредством энергичной пропаганды, т.-е. объяснения происходящего. Надо было объяснить, коротко рассказать все рабочему классу,—вот первое условие.

Почему этого не сделали? Боялись, что чувство негодования в рабочем классе уляжется через три, четыре или пять дней. Это полное недоверие. Это бюрократическое недоверие нашего революционного синдикализма и нашего коммунизма по отношению к рабочему классу (аплодисменты).

Надо было рассказать ему о событиях и объяснить их. А рабочие из департамента Па-де-Калэ спустились в шахты и только после этого узнали, что надо объявить забастовку. Конечно, выступление было заранее парализовано и скомпрометировано. Я не знаю, можно ли было действовать иначе, чтобы его скомпрометировать.

Таким образом, были спасены—конечно, не навсегда—диссиденты, реформисты, сторонники Жуо. Почему? Это очень просто, товарищи. Буржуазия, убивая четырех рабочих во Франции, поставила своих друзей-диссидентов и реформистов в очень трудное положение. С помощью реформ, с помощью идеи национального блока, с помощью участия Жуо в буржуазных собраниях для улучшения положения рабочего класса, еще можно обманывать рабочих. Вот почему гаврские убийства были почти смертельным ударом для наших противников.

Что надо было делать? Надо было в каждом номере „L'Humanité" в течение одной или двух недель вести всю возможную пропаганду, задавать реформистской Г. К. Т. и диссидентам вопрос: „что вы предлагаете теперь? Речь идет не о диктатуре пролетариата, — мы этого вам не предлагаем, хотя мы убежденные сторонники диктатуры пролетариата. Но что вы предлагаете предпринять против буржуазии, которая только-что убила четырех рабочих, против правительства, против Пуанкарэ?"

Этот вопрос надо было повторять каждый день, партийные и профсоюзные пропагандисты и агитаторы должны были повторять его на всех перекрестках, во всех углах Франции, во всех деревнях, где есть хоть один рабочий или одна работница, и продолжать это в течение одной или двух недель. Это действительно создало бы великую эпоху в рабочем движении. Но, вместо этого, все дело было испорчено. Выпустили этот безумный призыв к немедленной забастовке. Нельзя так: в понедельник назначать всеобщую забастовку на вторник, потому что диссиденты и реформисты находят в этом удобный предлог, чтобы отвильнуть, говоря: „мы не участвуем в таком рискованном предприятии".

И так как всеобщая забастовка была заранее сорвана, они решили отдать однодневный заработок в пользу жертв забастовки. И даже это вряд ли выгорело. Но все забыли об этой преступной пассивности и бездействии, — внимание рабочего класса было целиком сосредоточено на срыве всеобщей забастовки.

А после этого „Le Temps" пишет: „неудача всеобщей забастовки позволяет с большой уверенностью смотреть на будущее".

И газета права. А „Humanité“ пишет: „буржуазия хочет воспользоваться неслыханной пассивностью рабочего класса“.

Это было страшное поражение, но на следующий день говорили, что это был все же крупный успех. Так как трудно было отстоять эту позицию, то потом прибавляли: „буржуазия хочет воспользоваться этой неслыханной пассивностью рабочего класса“. Всегда ответственность взваливают на рабочий класс. Когда рабочие не следуют за В. О. К. Т. или за партией, вина за неудачу сваливается на рабочий класс. Рабочий класс не потерпит такого образа действий. Он должен предложить своим лидерам анализировать свои ошибки и научиться чему-нибудь из опыта борьбы. Действительно, пора, товарищи.

Злополучная забастовка протеста лишь повторила другое более важное событие во Франции: выступление 1 мая 1920 г. Партии тогда еще не существовало, как коммунистическая партия. Раскол в профсоюзах еще не произошел. Но силы, действовавшие в области политического и профессионального движения, были те же самые. Левые элементы не подготовили выступления. Правые сделали все, чтобы скомпрометировать и погубить его своим предательством. Им это удалось. Вы знаете, как важна эта дата, 1 мая 1920 года в послевоенной истории Франции!

Революционный порыв рабочего класса сразу упал. Устойчивость буржуазного строя сразу возросла. После неудачи этой всеобщей забастовки положение радикально изменилось.

После этого предметного урока прошло два года и три месяца, и эта забастовка повторяется в форме протеста проти в гаврского расстрела. Естественным результатом этого должно было явиться разочарование и пассивность рабочего класса и, как неизбежное следствие, усиление реформизма и синдикализма типа Жуо.

Почему? Потому что партия не сумела во-время дать свой совет, потому что она оставалась инертной, не анализировала положения, не высказалась о нем, не предложила нашему товарищу Монмуссо, который стоит вне партии и не желает органической связи с ней, выработать план совместных действий. Надо было сказать ему: вы предлагаете назначить на завтра всеобщую забастовку, но это совершенно невозможно. Вы ее только скомпрометируете и создадите неблагоприятное положение для пролетарской классовой борьбы.

Я уверен, что наш друг Монмуссо ответил бы: „я согласен вести с вами переговоры, но моя организация авто-

номна и примет те решения, которые она найдет своевременными и нужными".

Но разве не было необходимо собраться за общим столом, чтобы проанализировать положение и обменяться мнениями?

И это тем более, что В. О. К. Т. только и делала, что подчинялась инициативе профсоюза строительных рабочих. Результат налицо. После 1 мая 1920 г. были потеряны целые месяцы, даже больше, чем месяцы, а время—вещь первостепенной важности в классовой борьбе. Буржуазия времени не теряла. Мы же потеряли два года, и есть еще товарищи, которые уверяют, что за это время мы многое выиграли.

Во время парижского конгресса наш товарищ Фроссар охарактеризовал отношение партии к Интернационалу следующей формулой: „выиграть время".

Генеральный секретарь партии, который был ее секретарем уже во время турского конгресса—следовательно, самое квалифицированное лицо для представительства партии—выразился таким образом согласно отчету „Humanité" под заглавием—„Кризис":

„Каковы причины кризиса? В течение двух лет я борюсь между верностью Интернационалу и интересам моей партии. Для меня создается постоянный конфликт, кризис долга. Говорят, что я менял позиции. Это потому, что я не уверен в себе. (Продолжительные аплодисменты)".

Аплодируют в тот момент, когда товарищ, являющийся наиболее авторитетным, чтобы представлять партию, говорит: я борюсь между своей верностью Интернационалу и своей верностью партии. Итак, эти две верности не совпадают, а противоречат одна другой, и если вы говорите, что у меня есть колебания, что я занимаю две различные позиции, то это вследствие постоянного внутреннего антагонизма во мне. И после этого, согласно отчету „Humanité", раздаются продолжительные аплодисменты.

Затем этот же товарищ продолжает:

„Пред лицом некоторых неприменимых, как я утверждаю, решений Интернационала, я старался выиграть время. Я предпочитал действовать таким образом, чем сломать хребет своей партии".

Итак, спор между Интернационалом и Французской Коммунистической Партией генеральный секретарь партии переживает, как внутреннюю борьбу, и старается, прежде всего, выиграть время, чтобы не сломать позвоночника своей партии. Это достаточно серьезно. Каждый раз, перечитывая

цитированное место, я вновь поражаюсь, настолько это неожиданно.

Как можно принадлежать к Интернационалу в течение двух лет и после этого заявлять, что резолюция, принятая Интернационалом, угрожает сломать хребет партии? Тогда зачем же сохранять связь с Интернационалом?—Непонятно. Невозможно ничего понять.

Когда я получил этот номер „Humanité“ и в первый раз прочел цитированное место, я сказал себе: это—подготовка разрыва с Интернационалом.

Мы достаточно хорошо знаем нашего товарища Фроссара; это не такой человек, которого может увлечь пылкость его темперамента. Это человек холодного расчета, и если он говорит, не мимоходом, а на конгрессе своей партии, выступая в качестве ее генерального секретаря, что в течение двух лет старался только выиграть время, потому что Интернационал принял злополучные для французской партии резолюции, то я спрашиваю, можно ли понять это иначе, как подготовку к разрыву с Интернационалом? (Аплодисменты).

Дело приходится признать еще более серьезным, если принять во внимание факты, которые предшествовали речи тов. Фроссара. В так-называемом предложении Фроссара—Суварина, подписанном Фроссаром и предложенном съезду партии, мы читаем следующее:

„Следует признать на основании опыта, что пережитки социал-демократического духа старой партии и непонимание значения резолюций Коммунистического Интернационала помешали усилению и развитию молодой коммунистической партии“.

Накануне парижского съезда в этом предложении говорится, что Французской партии повредило непонимание значения резолюций Интернационала.

Дело идет о резолюции о едином фронте и о работе в профессиональном движении. Фроссар подписывает предложение, и еще не обсохли чернила на его подписи, как он уже заявляет с трибуны, что московские резолюции, резолюции Интернационала, угрожали сломать хребет партии.

Если кто-нибудь это понимает, я прошу его объяснить нам смысл этой позиции. Мы хотели услышать объяснение из красноречивых уст нашего тов. Фроссара. Мы приглашали его; мы повторяли наше приглашение в письмах и телеграммах и даже в постановлениях Исполкома. К сожалению, мы не имели успеха. Между тем, мы были бы очень счастливы получить объяснение этой позиции, которая нам кажется непоследовательной и неясной.

Чтобы, хотя бы в общих чертах, нарисовать вам картину взаимоотношений Интернационала и французской партии (главным образом, ее Центрального Комитета и ее генерального секретаря), чтобы показать вам, как со стороны Исполкома грозила опасность переломать хребет Французской Коммунистической Партии, вы мне позволите прочесть список посланных нами писем, телеграмм и резолюций. Это будет сухо и мало увлекательно. Это целый каталог. Я не упоминаю частных писем. Я роздал членам большой комиссии копии тех писем, которые я посылал французским товарищам от своего имени, но всегда с согласия Исполкома и в полном единодушии с ним. Итак, я перечислю лишь совершенно официальные документы.

В июне месяце 1921 г. состоялось заседание расширенного Исполкома, где я произнес речь, из которой я цитировал вам некоторые существенные отрывки.

В июле 1921 г. были приняты три резолюции Исполкома (после III всемирного конгресса): о контроле над печатью, о работе в профсоюзах и о роспуске комитета III Интернационала.

Возьмите эти резолюции: какая из них угрожала партии? Может быть, резолюция о контроле над печатью, принятая по поводу Фабра и Бризона, которые прикрывались авторитетом членов партии для того, чтобы обделывать чисто личные дела, компрометирующие партию? Разве не пора было прекратить эту манеру сотрудничать в буржуазных газетах, отравляющих народные массы, и в то же время сохранять за собой самые значительные посты в коммунистической партии?

Вот две резолюции, которые, по моему мнению, угрожали переломать хребет вовсе не французской партии, а лишь нескольким журналистам-карьеристам, состоящим во французской партии. Эти резолюции не были проведены в жизнь.

Я вам уже рассказал в общих чертах нашу дискуссию по поводу работы в профсоюзах.

Лишь одна из этих трех резолюций была проведена в жизнь, а именно: резолюция относительно роспуска комитета III Интернационала.

Если мы совершали ошибки (а мы сделали не одну ошибку), я думаю, что мы, прежде всего, ошибались, слишком уж доверяя верности товарищей, стоявших во главе французской партии в то время.

26 июля 1921 г. конфиденциальное письмо Исполкома Центральному Комитету с дружественной критикой и рядом указаний по поводу работы партии в парламенте, отношений партии и Интернационала, парламентских отчетов в

„Humanité“ (товарищ Марта Биго сделала по этому поводу в комиссии замечание, подтверждающее правильность нашей критики); по поводу отношений с синдикалистами, работы в профсоюзах, реорганизации Центрального Комитета. Здесь впервые мы письменно предложили создать ту „страшную олигархию“, которая называется политическим бюро Центрального Комитета.

Кроме того, по поводу строения партии, недостатков „Humanité“, контроля над печатью. Наконец, приглашение Фроссара и Кашена в Москву.

1 октября 1921 г.: телеграмма, предлагающая партии послать Фроссара в Москву.

15 декабря 1921 г.: открытое письмо Исполкома марсельскому конгрессу с критикой и указаниями по поводу слабости руководства партией, дисциплины, политики партии в профессиональном движении, контроля над печатью, правой тенденции в „Journal du Peuple“. Это не впервые, так как началось это дело во время разговоров с французской делегацией на III конгрессе. Резолюция о контроле над печатью была принята в июле 1921 г., когда впервые был поставлен вопрос о Фабре. В третий раз об этом заговорили 15 декабря 1921 года. О, конечно, мы „преувеличили“ значение Фабра, но теперь все элементы, отброшенные партией, группируются вокруг „Journal du Peuple“. Это назревает нарыв, но на сей раз он назревает вне партии и при содействии отныне знаменитой братии мэров из предместий.

В том же письме говорилось о проникновении партии на заводы, о включении рабочих в Центральный Комитет, о равнодушии партии к жизни Интернационала.

19 декабря 1921 г.: конфиденциальное письмо Центральному Комитету с критикой и указаниями по следующим вопросам: терпимость к „Journal du Peuple“ (в третий раз), неисполнение постановлений Исполкома; терпимость к Бризону и к его газете „La Vague“ отношения партии к Интернационалу, президиуму или политическому бюро партии.

Если вы меня спросите, почему я не перечисляю вам ответов? Потому, что их не было. Нам ни разу не ответили.

9 января 1922 г.: резолюция по поводу марсельских отставок; телеграммы, вызывающие в Москву представителей партии.

9 января 1922 г. начинается новая серия.

13 января 1922 г.: телеграмма с новым приглашением французских делегатов в Москву по поводу кризиса в партии.

23 января 1922 г.: телеграмма, вызывающая Фроссара и Кашена и сообщающая о внесении французского вопроса в

порядок дня февральской сессии расширенного пленума Исполкома.

24 января 1922 г.: телеграмма, настаивающая на приезде Фроссара и Кашена и подчеркивающая нежелательное впечатление, которое создастся в случае их отсутствия.

27 января 1922 г: телеграмма, вновь требующая приезда Фроссара, „отсутствие которого произвело бы самое дурное впечатление на весь Исполком" и сообщающая, что расширенный Исполком будет отложен на несколько дней, чтобы дать возможность Фроссару приехать во-время.

Когда мы готовились передать французский вопрос на обсуждение Интернационалу и примыкающих к нему партий, мы каждый вечер и каждое утро спрашивали друг друга по телефону:

— Как вы думаете, Зиновьев, приедет он?

— Почем я знаю? — А как вы думаете, Троцкий, он приедет?

Я тут ничего не понимаю.

Мы ждем, мы посылаем телеграммы, а в чем же дело? Ведь, если бы мы могли съездить в Париж немедленно, чтобы посоветоваться с тамошними друзьями, каждый из нас бросился бы первым в поезд. (Аплодисменты).

Нужно обсудить, анализировать и разрешить трудные проблемы французской партии. Мы всегда стараемся пригласить наиболее ярких ее руководителей, чтобы они обсудили эти вопросы с нами. Этим объясняется пять телеграмм с приглашением вождей французской партии явиться в Интернационал для разрешения французского вопроса.

Та же эпоха: переговоры Радека с Кашеном в Берлине, с целью убедить его поехать в Москву.

Февраль 1922 г.: расширенный Исполком — резолюция по поводу французского кризиса — критика оппортунизма, левого блока, мелко-буржуазного пацифизма, пассивности по отношению к синдикализму, неудовлетворительности руководства партией, федерализма.

Обещание делегации центра исключить Фабра (вопрос ставится четвертый раз), восстановить в правах руководящих товарищей, вышедших в отставку в Марселе, провести в жизнь тезисы по профессиональному вопросу, принятые в Марселе.

Апрель 1922 г.: национальный совет французской партии.

9 мая 1922 г.: исключение Фабра из Исполкома (вопрос был поставлен в пятый раз, при чем применена 9-я статья устава).

12 мая 1922 г.: конфиденциальное письмо Центральному Комитету с критикой и указаниями по следующим вопросам:

неопределенная позиция партии; растущее влияние правого крыла; пассивность в деле Фабра (это в шестой раз); молчание „Humanité“ по наиболее жгучим вопросам: инертность в отношении к анархистам и синдикалистам; враждебное отношение к тактике единого фронта, кампания в „Humanité“ и в „Internationale“, саботирующая действия Коммунистического Интернационала; недисциплинированность партии в отношении постановлений Коммунистического Интернационала; злая воля при проведении резолюций, за которые голосовали различные французские делегации в Москве; напоминание о различных примирительных попытках со стороны Коммунистического Интернационала; предложение уяснить впредь взаимоотношения между французской партией и Интернационалом.

Та же эпоха: телеграмма Фроссару, приглашающая его присутствовать на расширенном Исполкоме в июне.

Июнь 1922 г.: расширенный Исполком — резолюции по вопросам:

о структуре партии;
о внутренней дисциплине;
о Сенской федерации;
о профессиональном движении;
о едином фронте;
о левом блоке;
о партийной печати;
о фракциях в партии;
о вынесении порицания Даниэлю Рену;
о деле Фабра (это в седьмой раз);
о партийном съезде;
о необходимости издания манифеста Центральным Комитетом:

Июль 1922 г.: три телеграммы, предлагающие партии исключить Верфейя, Майю и Лафона.

Июль 1922 г.: письмо к Сенской федерации по вопросам:

о федерализме и централизме;
о девятом параграфе нашего устава;
о деле Фабра (это в восьмой раз);
о дисциплине.

Сентябрь 1922 г.: послание Парижскому съезду Французской Коммунистической Партии касательно всех вопросов, перечисленных в предыдущих письмах.

6 октября 1922 г.: дополнительное послание парижскому съезду по вопросам:

о новом голосовании 21 условий;
об исключении Верфейя.

Резолюция Исполкома, одобряющая постановление Сенской федерации об исключении Верфейля.

Ноябрь 1922 г.: несколько телеграмм, приглашающих Фроссара и Кашена присутствовать на IV конгрессе.

Я дал вам краткий перечень писем, телеграмм, предложений и указаний, посланных нами и оставшихся почти без отклика и ответа в течение полутора лет. Вот то время, которое, по его словам, выиграл наш тов. Фроссар. Мы заявляем, что это время будет вписано в историю французской партии, как потерянное, вследствие пассивности, материальной и политической инертности руководящих партийных товарищей, ответственных за деятельность партии в эту эпоху.

Пусть теперь скажут, какое из перечисленных мною предложений могло быть вредным или даже гибельным для партии?

Почему нужно было выигрывать время в деле исключения Фабра, которое было так просто и необходимо, а также в вопросах о печати, о политическом бюро и, в особенности, о работе в профсоюзах, о тактике единого фронта?

Никто не спорит, что члены Интернационала могут ошибаться, но разве в этих указаниях, предложениях и резолюциях Интернационал совершил ошибки? В чем эти ошибки? И пусть докажут, что, пренебрегая указаниями и директивами Интернационала, товарищи принесли пользу французской партии. Пусть докажут, что этим выиграно, а не потеряно время.

Раз сам генеральный секретарь партии заявляет, что он выиграл время против Интернационала, угрожающего переломать хребет французской партии, то ясно, что официальные партийные пропагандисты должны говорить то же самое и делать то же дело, да еще гораздо проще. Так тов. Оклер рассказывает молодежи, что решения Коммунистического Интернационала основаны на сплетнях—это его выражение.

Когда мы спросили Фроссара: правда ли, что он дал Оклеру место партийного пропагандиста, он нам ответил: это только на время. Это было верно.

Но после парижского конгресса этот товарищ сохраняет свой пост и, когда мы представляем наши возражения нашим французским товарищам из центра, они говорят: вы преувеличиваете. Мы преувеличиваем из-за Фабра, мы преувеличиваем из-за Оклера, мы преувеличиваем с нашими предложениями о едином фронте, о работе в профессиональном движении, мы преувеличиваем по вопросу о печати,— мы всегда преувеличиваем.

Вполне естественно, чтобы мы всегда выступали против всех проявлений антикоммунистического духа в роде выступлений Фабра и Оклера или в роде сотрудничества в буржуазной печати. Каждый из этих фактов, если рассматривать его отдельно, имеет глубокие корни в глубоких слоях партии. Неправильно представлять эти факты, как неимеющие значения; эти признаки не могут обмануть борца. Какие же вам нужны еще другие признаки антикоммунизма? Если Фроссар говорит, что резолюция Интернационала угрожает переломать ребра французской партии и если Оклер дополняет его, говоря, что эти резолюции приняты на основе сплетен, можно представить себе, какие сведения распространяются в партийных низах, лишенных правильной информации.

Мы имеем чрезвычайно точное свидетельство нашего товарища Луи Селье, — которого не нужно смешивать с Анри Селье, исключенным из партии—Луи Селье в течение некоторого времени был представителем партии в Москве. Он вернулся во Францию, где выставлена его кандидатура на очень важную должность заместителя генерального секретаря партии. Это показывает, что этот товарищ пользуется большим уважением французской партии. Мы, познакомившиеся с ним в Москве, разделяем это уважение к тов. Луи Селье.

В „Humanité“ от 27 августа 1922 г. он опубликовал статью под заглавием: „Устраним, прежде всего, нелепые сказки“, в которой он говорит:

„Среди нас есть очень хитрые товарищи. Они сначала, приложив руку к сердцу, утверждают, что их преданность русской революции была и остается беспредельной. Но... И затем начинается целая серия угрожающих, торжественных и нелепых „но“ и „если“. Но, если Москва хочет превратить партию в маленькую секту стипендиатов и прислужников, если Москва хочет отнять у партии всякую независимость и воздвигнуть постоянную гильотину внутри партии... и т. д“.

И далее:

„Мы не выполнили бы самого элементарного нашего долга, еслиб мы не кричали нашим товарищам из большинства, нашим товарищам из центра, что их хотят обмануть, рассказывая им о Москве глупости, из которых мы перечислили наиболее зловредные. Москва просто не хочет, чтобы III Интернационал потерпел крах, подобно II“.

Это пишет Луи Селье. Итак, нужно „кричать“ товарищам из центра, что Москва не хочет создать маленькой

секты стипендиатов и прислужников. И это говорит член группы центра.

Луи Селье приводит такое выражение: „если Москва хочет отнять у партии всякую независимость“. В большой французской комиссии мы также слышали несколько слов в том смысле, что, мол, вмешательство Интернационала в некоторых случаях угрожает достоинству партии. Эти чувства, эта психология и настроения совершенно чужды и непонятны нам.

В феврале этого года здесь заседала комиссия по русскому вопросу. В этой комиссии председательствовал, если не ошибаюсь, тов. Марсель Кашен. Дело шло о внутренней болезни нашей русской партии. Эта комиссия, к сожалению, не работала в Париже, потому что мы еще не можем созывать наших конгрессов в Париже. Придет время и этому. Итак, это происходило в Москве. Эта комиссия из иностранных товарищей должна была разрешить вопрос, очень тяжелый для нашей партии,—дело шло о рабочей оппозиции против Центрального Комитета партии.

Комиссия вызвала Зиновьева, меня и некоторых других товарищей. Мы высказали наше мнение. Мы все испытывали чувство облегчения, что существует международное учреждение, высшая инстанция, и никто не чувствовал себя униженным и не боялся умаления авторитета нашей партии. Наоборот, мы были счастливы, что мы можем разрешить важный вопрос при помощи Коммунистического Интернационала.

Вмешательство этой комиссии имело очень хорошие последствия для нашей партии, так как рабочая оппозиция прекратилась после этого верховного вмешательства.

Итак, в чем заключается достоинство партии? Существуют интересы партии, это высший закон, и каждый из нас должен склониться пред ним. Вот в чем состоит достоинство партии в целом и каждого члена партии в отдельности. (Аплодисменты).

Я на этом остановился потому, что на парижском конгрессе пустили в ход этот жупел,—достоинство партии. Вы все знаете обстановку, созданную парижским съездом. За несколько месяцев до конгресса мы предложили образовать блок двух наиболее сильных фракций—центра и левой против правой, при чем он должен был занять, я бы сказал, выжидательную позицию по отношению к течению Рену—Дондиколь. В чем суть этого плана? Она была очень проста. Исполком предвидел борьбу фракций. Мы неоднократно повторяли нашему товарищу Луи Селье, что, если центр не откажется от своего консерватизма, создание

фракций будет неизбежно, как необходимая и благотворная для партии реакция, вызванная стремлением не дать ей погрязнуть в болоте пассивности.

В то время, как развивался этот неизбежный процесс внутри партии, надо было дать партии возможность проявить свою деятельность извне. Фракция Рено-Дюре проводила тогда самую крайнюю оппозицию единому фронту. Нельзя было приступить к сотрудничеству с этой фракцией, хотя в Исполкоме знали, что в ее состав входили превосходные рабочие элементы; эти элементы решительно восставали против парламентаризма и парламентских комбинаций с диссидентами, с реформистами, эти рабочие элементы были вполне революционны, но плохо информированы. Мы заняли выжидательную и критическую позицию по отношению к этому течению.

В то же время мы никогда не упускали из виду того факта, что, несмотря на ту или иную ошибку, совершенную левой, только она одна представляла в партии передовую тенденцию, направленную против консерватизма и пассивности.

С другой стороны, мы не игнорировали центра, несмотря на его ошибки, угрожавшие самым основам партии. Эта фракция имеет много превосходных рабочих элементов, которые завтра или послезавтра объединятся на платформе общего революционного выступления. Поэтому мы предложили блок между двумя наиболее крупными группировками: между центром и левой, чтобы облегчить работу парижского съезда, задача которого заключалась исключительно в том, чтобы уточнить, формулировать руководящие идеи партии и создать центральные органы для руководства ею. Фракционная борьба завела партию в тупик. Нужно было предложить комбинацию, которая, может-быть, не была совершенной, но все же давала более или менее подходящее разрешение вопросов, хотя бы в будущем году.

Этот блок должен был быть заострен против правой и работать на основе резолюций, диктуемых коммунистическим духом и подготовленных левой. Переговоры по поводу этого блока начались в Москве с тов. Луи Селье, Люси Лесьяг и Фроссаром, как представителями центра.

Мы всегда настаивали на проведении этого блока на революционной основе. Этот блок должен был энергично бороться против правой для того, чтобы окончательно разрешить этот вопрос политически, и при таких условиях мы имели бы возможность активно работать, и партия могла бы предстать пред IV конгрессом гораздо более дисциплинированной и подготовленной к действию.

Мы неоднократно повторяли: если центр будет противиться, если он даст увлечь себя консервативным и реакционным элементам, если он предастся пассивности и будет выигрывать время, то он станет разлагаться, а разложение центра вызовет самый тяжелый кризис во всей партии в целом.

Я не буду рассказывать здесь историю переговоров в Париже по поводу центральных органов.

Фракции наталкивались на затруднения и не находили выхода. Когда идут переговоры между двумя борющимися фракциями, организационные вопросы всегда трудно разрешимы: были недоразумения, чрезвычайные претензии с обоих сторон. Иначе и невозможно, но разрыв произошел из-за совершенно определенных предложений не из-за чрезмерных претензий левой, как это утверждают, он произошел из-за предложений представителей Исполкома о паритетном представительстве.

Центр предпочел прервать переговоры. Он отверг паритет, даже временно, до конгресса. Тов. Кер произнес большую речь по этому вопросу 17-го октября. Он поставил вопрос таким образом: „надо знать, вольна ли французская партия сама назначать людей, которые должны руководить ею". Я цитирую по отчету „Humanité" от 18-го октября (заседание 17-ое).

В тот момент, когда переговоры срываются по инициативе центра, провинциальным делегатам, еще незнакомым с предложениями Интернационала, заявляют: надо знать, вольна ли французская партия сама назначать людей, которые должны руководить ею.

Что это означает? Ведь центр, а не кто иной вел переговоры с левым крылом о составе центральных органов; ведь центр решил, что эти переговоры не могут привести к цели; ведь центр нашел вмешательство Исполкома необоснованным и опасным, но вместо того, чтобы сказать: мы несогласны с другой фракцией относительно состава центральных органов, допускают распространение ложных слухов о переговорах, и заявляют: надо знать, вольна ли французская партия сама назначать людей, которые должны руководить ею.

Другими словами, обвиняют, с одной стороны, левое крыло, а с другой стороны, представителей Интернационала в намерении лишить французскую партию ее свободы, ее права распоряжаться собой, ее партийной автономии. Это обвинение совершенно несправедливо и крайне опасно в смысле национальных и антиинтернационалистских тенденций.

Это обвинение повторяется также в воззвании нового Центрального Комитета, состоящего из представителей центра. Непосредственно после парижского съезда в воззвании говорится: „IV всемирный конгресс рассмотрит положение партии. В ней произошел конфликт, который сводится, главным образом, к выяснению вопроса: может ли съезд партии быть лишен права избирать людей, которых он хочет облечь своим доверием и которые должны представлять его в руководящих органах партии".

Товарищи, если бы речь шла о том, чтоб формулировать линию поведения каждой партии в том или ином выступлении, давать советы организационного характера, следить за их течениями, то партии могли бы поставить вопрос имеют ли они право распоряжаться собой?

Но в чем заключается право партии распоряжаться своей судьбой? В данном случае оно заключалось в том, чтобы две фракции, которые вместе составляют подавляющее большинство партии, по взаимному соглашению выработали общий список, совместно наметили состав центральных органов и, представив этот список съезду, заявили: вот что мы вам предлагаем, вот что мы вам советуем принять, так как это лучший выход из создавшегося положения, которое угрожает разложением партии.

Но вопрос был представлен не в такой форме. После переговоров с левым крылом и с представителями Интернационала, как с органами и лицами, якобы угрожающими достоинству и самостоятельности французской партии, после съезда со всей его суматохою и нервозностью, выпускается за подписью Центрального Комитета воззвание, в котором говорится следующее: „этим вопросом должен будет заняться всемирный конгресс. Нужно выяснить, имеет ли национальный конгресс право самостоятельно избирать свой Центральный Комитет".

Но этого права никто не оспаривает. Мы видим, как это право проведено в жизнь. Мы видим, что те же товарищи не осмелились—я считаю это выражение уместным—предложить партийному съезду, который они повергли в такое состояние, полностью подчеркнуть и проявить свою самостоятельность, создав нормальный Центральный Комитет. Они сами предложили создать временный Центральный Комитет. Почему? Потому что они сами парализовали самостоятельность съезда, потому что, парализовав эту самостоятельность, они при существующем положении французской партии не могли предложить съезду выбрать Центральный Комитет двумя пятыми всех голосов. После этого остава-

лось обратиться только к международному конгрессу для восстановления связи, порванной по вине центра.

Товарищи, я уже сказал, что не могу излагать вам историю парижского съезда. Однако, на этом съезде имел место инцидент, который я считаю необходимым довести до вашего сведения. Это тот самый инцидент, который был разъяснен в большой комиссии нашим товарищем Кларой Цеткин. Речь идет о крайне прискорбном случае, ибо он связан с именем Жана Жореса. Я считаю необходимым сказать об этом несколько слов не для того, чтобы воспроизвести здесь сцену парижского съезда, а исключительно для того, чтобы выдвинуть серьезный принципиальный вопрос. Конфликтной комиссией, секретарем которой, по моим сведениям, состоял товарищ из левого крыла, была представлена резолюция. В этой резолюции предлагалось исключить Анри Селье,—вопрос вполне назревший,—при чем указывалось, что Анри Селье в своей демократической концепции исходил из жоресистских традиций.

Однако, всякий согласится, что в резолюции об исключении не было никакой надобности упоминать о Жоресе, хотя бы даже косвенно. Эта бестактность была раздута в политический инцидент, и не только на съезде, но и после него—в партийной печати.

Резолюция была составлена наспех, а из нее сделали принципиальный вопрос: стоим ли мы за, или против традиций Жореса? Идем ли мы с Жоресом или против него? Вот как был поставлен этот вопрос. Я не думаю, чтобы это принесло пользу как памяти Жореса, так и самой партии.

Мы все знали Жореса, если не лично, то как политического деятеля. Нам всем знакома эта величественная монументальная историческая фигура, которая переросла его взгляды и остается и останется в истории, как один из прекраснейших представителей человечества. И мы смело можем сказать, как теперь, так и завтра, что всякая революционная партия, всякий притесняемый народ, всякий притесняемый класс и, прежде всего, авангард притесняемых народов и классов — Коммунистический Интернационал — могут гордиться Жоресом, его памятью, его образом, его личностью. Жорес является нашим общим достоянием: он принадлежит всем революционным партиям, всем притесняемым классам и народам.

Но Жорес играл известную роль, в известную эпоху, в известной стране, в известной партии, в известном течении этой партии. В этом заключается другая сторона Жореса.

История его политической деятельности известна нашему товарищу Марселю Кашену лучше, чем мне.

До войны во французской социалистической партии имелись два течения, при чем духовным и политическим отцом второго течения был Жюль Гэд — тоже великий и прекрасный образ в истории французского и международного рабочего класса. Между Жоресом и Гэдом происходила великая борьба, и в этой борьбе был прав Гэд, а не Жорес.

Мы этого никогда не забудем.

Нам говорят, что мы порываем с традицией Жореса. Но из этого не следует, что мы вверяем личность и память Жореса грязным рукам диссидентов и реформистов. Из этого следует только, что в нашей политике наступила большая перемена.

Мы будем бороться против пережитков и предрассудков так-называемой жоресистской традиции во французском рабочем движении.

Плохую услугу оказывают французскому рабочему классу те, которые хотят раздуть этот инцидент в борьбу принципов, как-будто коммунисты действительно могут хвататься за демократические и социалистические традиции Жореса.

Перечитывая книги Жореса, — его социалистическую историю великой революции, его книгу о новой армии, его речи,—мы не можем не поддаться обаянию этого великого ума и его великой веры. Но в то же время мы не можем не замечать великих слабостей, которые привели к крушению II Интернационала. Ведь мы не являемся хранителями слабостей и предрассудков II Интернационала, того II Интернационала, который в самой гениальной своей форме был представлен Жоресом. Мы не являемся хранителями этих предрассудков, напротив, мы боремся против этой традиции, мы должны против нее бороться и вытеснять ее коммунистической идеологией.

Товарищи, назначенная вами большая комиссия—после долгих и подчас бурных прений, выделила подкомиссию, на которую были возложены организационные вопросы и составление проекта политической резолюции. Вы получили наше предложение в письменной форме. При составлении его мы руководствовались двумя соображениями.

Необходимо осудить ошибки и политические промахи, совершенные главной руководящей фракцией Французской Коммунистической Партии, т.-е. центром.

Необходимо подчеркнуть ошибки, совершенные группой Даниэль Рену—Дюре—Дондиколь.

Наконец, необходимо признать, что каковы бы ни были ошибки, допущенные левой фракцией, все же эта левая фракция правильно представляла Интернационал, его идеи

и его требования в важнейших для жизни и для борьбы французского рабочего класса вопросах.

Это мы и выразили в нашей политической резолюции.

Что же касается нашего предложения об организации и составе центральных органов партии, то мы пытались оценить соотношение сил различных течений и согласовать состав этих центральных органов с нынешним положением партии. Обычно мы, конечно, поступаем не так. Мы категорически отвергаем принцип пропорционального представительства, потому что этот принцип грозит сделать из партии федерацию различных течений. Он поощряет каждую группу к образованию самостоятельного течения. Такой порядок гибельно отражается на партии и на ее деятельности.

Но мы находимся в состоянии, обусловленном предшествовавшими событиями, а я вам уже говорил о них, надеюсь, достаточно, чтобы вы поняли нашу политику.

Итак, при данном положении, для данного Центрального Комитета и других центральных органов партии мы потребовали пропорционального представительства. Подкомиссия, выработавшая это предложение, состоит из следующих товарищей: Цеткин, Бордига, Коларов, Эмбер-Дро, Катаяма, Мануильский, Троцкий.

Большая комиссия, которой мы представили этот проект, выработанный после длительного обсуждения, единодушно одобрила все предложения политического и организационного характера. Мы просим конгресс последовать ее примеру и единодушно согласиться с принятыми резолюциями.

ФРАНК-МАСОНСТВО.

Во время прений большой комиссии пред нами встал новый вопрос—вопрос о франк-масонстве, который до сих пор не поднимался в жизни партии. Он ни разу не вызвал ни одной полемической статьи. В печати никогда не упоминалось, что в коммунистической партии, как, впрочем, и в профсоюзах, революционных и реформистских, имеется не мало товарищей, принадлежащих одновременно к масонской ложе. Когда этот факт дошел до сведения комиссии, в ней воцарилось немалое изумление, ибо ни один из иностранных товарищей не мог предположить, что через два года после Тура во Французской Коммунистической Партии еще могли остаться товарищи, принадлежащие к организациям, характер которых излишне определять на конгрессе Коммунистического Интернационала.

Я пытался это сделать сначала в статье *), напечатанной в органе конгресса—в „Большевике". Чтобы написать эту статью, я должен был найти в своей памяти давно уже забытые, покрытые пылью, аргументы против франк-масонства; я совершенно забыл о нем, как о существующей силе.

Я не буду вас задерживать повторением этих аргументов. Факт тот, что либеральничающая буржуазия Франции, располагающая лишь весьма посредственными вождями и весьма скудной печатью, пользуется тайными организациями, прежде всего, франк-масонством, для прикрытия своих реакционных начинаний и вожделений, своего вероломства в области идей, направлений и программ. Франк-масонство является одной из этих организаций, одним из этих орудий буржуазии.

Полтора года тому назад мы заявили французской партии: мы не замечаем той пропасти, которую наша печать и наши устные выступления должны создать между коммунистической партией и всем буржуазным обществом.

Теперь мы видим, что не только этой пропасти не существует, но что имеются мосты, отлично построенные, немного замаскированные и прикрытые, и что эти мосты ведут к франк-масонству, „Лиге прав человека и гражданина", и т. д. Через эти мосты установлена связь между Лигой и франк-масонством, с одной стороны, и органами партии – редакцией газеты, Центральным Комитетом и Федеральным Комитетом—с другой.

Правда, наши товарищи во Франции говорят и пишут, что необходимо раздавить это развращенное общество посредством классовой борьбы пролетариата. И что эта борьба должна вестись пролетариатом под руководством партии, безусловно независимой от буржуазного общества. И вот эти последовательные революционеры бросаются в масонских ложах в объятия старших братьев, представителей буржуазных классов.

Такая психология и такой образ действий совершенно непонятны. Некоторые товарищи говорят: да, мы тоже придерживаемся мнения, что коммунист должен посвятить партии все свои силы, что он не должен уделять, хотя бы их часть другим занятиям, другим начинаниям, другим организациям... Но дело не в этом одном. Если коммунист в то же время музыкант и посещает концерты и театры, мы не можем требовать чтобы он от них отказался, если только отказ этот не диктуется особыми обстоятельствами; если

---

*) См. Статью „Коммунизм... и франк-масонство на странице 317. *Прим. ред.*

он отец семейства и хочет посвятить своим детям часть своей жизни, то мы, конечно, можем от него требовать многого, но не можем требовать, чтобы он перестал интересоваться своими детьми. Но дело вовсе не в этом: речь идет не о распределении интересов и всей жизни коммуниста между двумя различными занятиями. Нет!

Если вы поставите этот вопрос пред рабочим классом в такой форме, рабочий класс никогда не поймет, почему Интернационал этим заинтересовался. Необходимо указать на полную, безусловную и абсолютную несовместимость революционного духа с духом масонствующей мелкой буржуазии—этого орудия крупной буржуазии (аплодисменты).

К сожалению, этот вопрос не был поднят непосредственно после турского съезда. Он дошел до нашей комиссии, исключительно благодаря борьбе фракций. Как только комиссия узнала о таком положении вещей, она немедленно учла его громадное значение, включив его в порядок дня своей работы.

Нам говорят: вы преувеличиваете.

Опять старая история. Это повторение дела Фабра. Фабр бессмертен. Он однажды уже был убит Коммунистическим Интернационалом. Но он постоянно возрождается под другим именем, под другой маской и даже под маской тайного франк-масонства.

Нам говорят: вы преувеличиваете. Но мы, напротив, считаем, что возникший вопрос может послужить рычагом, при помощи которого удастся внести во французскую партию некоторые весьма реальные и немедленные перемены.

Пред нами крупные вопросы: о профсоюзах, о едином фронте,—они основа, на которой развивается рабочее движение. Но парламентские традиции французской партии повели к образованию в ней верхов из журналистов, адвокатов, интеллигентов; они в известной мере образовали государство в государстве.

Дух оппортунизма преобладает, главным образом, среди интеллигентских элементов, ибо их умы подчас затуманены расплывчатыми воспоминаниями о различных пережитых ими ситуациях прошлого.

Здесь необходима некоторая встряска. Именно среди верхов встряска будет целительна и не только для партии,—что важнее всего,—но и для тех ценных элементов, которые, несомненно, существуют в этом руководящем слое, с его несколько традиционной и слишком консервативной психикой, постоянно оглядывающейся на вчерашний день, вместо того, чтобы смотреть в будущее.

Да, это будет великая встряска. Здесь речь идет не о постоянной линии рабочего класса, а исключительно об отношениях, привычках и личных нравах товарищей из верхов партии.

Многие из должностных лиц партии посещают масонские ложи. Несомненно, что они там не скрывают своего коммунизма, подобно тому, как они скрывают в нашей среде свое франк-масонство. Но, во всяком случае, они приспособляют свой коммунизм к требованиям буржуазных „братьев" и к нравам этого столь деликатного общества со столь чувствительными нервами. Поэт Метерлинк однажды сказал, что, витая в надзвездных сферах, мы перестаем находить самих себя. Точно так же, когда вращаешься в подобной среде, когда приноравливаешь свои взгляды к изысканным вкусам этих „братьев", изощренных в радикальной политике, то, в конце-концов, перестаешь находить свою истинную физиономию коммуниста-революционера.

Вот почему мы считаем, что этот вопрос имеет колоссальное значение для руководящих кругов партии. Несомненно, что когда Центральный Комитет выполнит свою задачу, которую мы ему предлагаем выполнить, то против него восстанет девять десятых официального общественного мнения Франции. Мы уже с некоторым революционным злорадством предвидим, как эти реакционные католические и франк-масонские круги типа Леона Додэ или оттенка друзей Эрио и вся их пресса набросятся на Интернационал и на Французскую Коммунистическую Партию. Если вы начнете приводить извинения и смягчающие обстоятельства, если вы скажете, что франк-масонство само по себе не является чем-то безусловно предосудительным, но, что нельзя делить свое сердце между партией и франк-масонством, потому, что партия требует отдать ей все свои помыслы, тогда, товарищи из Центрального Комитета, у вас создастся невыносимое положение. Напротив, партия должна энергично ударить кулаком по столу и заявить: да, мы совершили ошибку, допустив, чтобы ценные товарищи по злополучной инерции принадлежали к масонской ложе. Но, поняв эту ошибку, мы провозглашаем беспощадную борьбу против этого орудия обхода революции. Лига прав человека и франк-масонство являются буржуазными орудиями, усыпляющими сознание представителей французского пролетариата. Мы объявляем этим методам беспощадную борьбу, ибо они представляют собой тайный и коварный рычаг буржуазного механизма.

Если Центральный Комитет с беспощадной энергией приступит к борьбе, то против него естественно восстанут

диссиденты, союзники Леона Блюма. Католики будут защищать масонов. Масоны будут исключать коммунистов по образцу католической церкви. Против партии восстанет буржуазия во всей ее пестроте, во всех ее оттенках. Но коммунистическая партия останется твердой против всей этой политиканствующей камарильи, всего обмана буржуазного общества; она противопоставит им революционный блок, отстаивающий высшие интересы пролетариата. Я уверен, что если вы приступите к этой целительной встряске, то через месяц или два, три вы увидите нашу партию в совершенно ином состоянии, чем то, в котором она предстала пред IV всемирным конгрессом.

Будет не мало криков против „приказов" Москвы. Раздадутся новые призывы к свободе мнений, но мнений франк-масонских. Опять те же товарищи будут требовать свободы мысли и критики. Но считаются ли эти товарищи, выступающие за свободу мысли и взглядов, с неизбежными расхождениями в рядах коммунистов?—Нет. Они хотят дать место в своих рядах и пацифистам, и франк-масонам, и проповедникам святой католической веры, и реформистам, анархистам и синдикалистам. Вот что они подразумевают под свободой мысли.

Эти люди—в большинстве случаев интеллигенты—проводят девять десятых своего времени в буржуазной среде. Они имеют профессии, которые отделяют их от рабочего класса. Их психология поддается воздействию этой среды в течение шести дней, которые они в ней проводят. По воскресеньям они возвращаются в свою партию. Они уже успели забыть ее принципы и должны начать сызнова,—с критики, прежде всего, с сомнений. Они говорят: мы требуем для нас свободы мнений. Тогда выносится против них новая резолюция. После этого они возвращаются в свою среду и начинают все сначала. Это любители, диллетанты, среди них находится также не мало карьеристов.

Необходимо их исключить. Необходимо освободить партию от элементов, для которых она является лишь открытой дверью к должности или мандату.

Вот почему мы предлагаем принять следующую неукоснительную линию: девять десятых находящихся в распоряжении партии мандатов должны быть предоставлены рабочим, и притом не рабочим, которые сами стали должностными лицами партии, а тем, которые еще продолжают работать у станка или за плугом.

Надо показать рабочему классу, что до сих пор его обманывали и что различные партии пользовались им, как ступенькой для прыжка, как средством сделать карьеру;

наша же партия считает свою парламентскую деятельность лишь частью своей революционной деятельности. Здесь действует рабочий класс, в парламент надо вводить его чистейших и совершеннейших представителей, наиболее ярко выражающих его волю; разумеется, в дополнение к ним надо посылать и преданных надежных товарищей, обладающих некоторой эрудицией. Но подавляющее большинство наших парламентских, муниципальных, кантональных и прочих фракций должно вербоваться в гуще рабочего класса; так должно быть, в особенности во Франции, в виду господствующих в ней нравов, обычаев и взглядов.

ПЕЧАТЬ.

Надо раз навсегда покончить с представлением о печати, как о поприще для упражнения таланта журналистов. Очень хорошо, когда тот или иной журналист обладает талантом, но печать есть не что иное, как орудие борьбы, которое должно быть по возможности автономным, коллективным, отражающим руководящую идею рабочего класса, а не частные взгляды того или иного индивидуума.

С этой точки зрения „Le Populaire" прекрасно отражает традиции парламентской партии.

У меня в руках передовица „Populaire" с примечанием от редакции. Главный редактор пишет: „Считаю своим долгом отметить, что ответственность за руководящие статьи газеты несут лишь их авторы".

Вот так нравы: ответственность за статьи несет лишь их автор. Рабочих призывают жертвовать трудовые су на газету, объявляющую себя социалистической, и тут же заявляется в качестве общего правила, что ответственность за передовицы несет лишь их автор.

У нас ответственность за статьи несет партия. Журналист, поступая в распоряжение партии, становится безыменным. Если господа журналисты—я тоже отчасти принадлежу к этой касте—заявят, что это—покушение на их личное достоинство—мы ответим, что наивысшая честь для журналиста-коммуниста — служить вернейшим, по возможности, безличным, орудием духа, политики, борьбы рабочего класса.

РАБОТА СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА.

Я должен остановиться еще на двух вопросах. В первую очередь—на нашей деятельности среди крестьянства.

На парижском конгрессе этот вопрос был обсужден более поспешно, чем все другие принципиальные вопросы. Выдвинул его тов. Жюль Блан, заявивший, что письма

крестьян свидетельствуют о присущем им революционном инстинкте и что наличие его дает право протестовать против слишком поспешно применяемого к крестьянству эпитета „мелко-буржуазное“; далее, что распространять брошюры, где крестьянство трактуется, как мелкая буржуазия,— значит оказывать плохую услугу партийной пропаганде.

То же возражение было сделано тов. Рено Жан, и я считаю необходимым сказать несколько слов по поводу нашей работы среди крестьянства.

Термин „мелкая буржуазия“ отнюдь не ругательство. Это научный термин, и в основе его лежит тот факт, что производитель является собственником своих средств производства, не совсем еще оторван от средств производства и не является наемным рабочим.

Вот, что означает термин „мелкая буржуазия“.

Если в пропагандистской речи,—а не научной лекции— крестьянин меня спросит: разве я мелкий буржуа?—я ему дам объяснения, которые, полагаю, его не обидят. Многие крестьяне отличают себя от пролетариев, у которых нет ничего, тогда как они—владельцы средств производства. Отсюда проистекает их индивидуалистическая идеология по сравнению с пролетарской.

Этот термин правилен и необходим, дабы мы не обманывались сами и не вводили в заблуждение рабочих насчет истинных свойств крестьянства. Но разница в жизни и взглядах этих двух классов отнюдь не может мешать нашей работе среди крестьянства.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Другой вопрос — колониальный. Не помню, цитировал ли здесь резолюцию алжирской секции Сиди-Бель-Абес. Эта резолюция группы, претендующей на звание коммунистической, — крупный скандал, хотя она и принята мелкой группой. В ней говорится: „в колониальном вопросе она (секция) совершенно несогласна с московскими тезисами... Право устанавливать тактику для местных коммунистических выступлений принадлежит исключительно туземным коммунистическим федерациям. Коммунистические алжирские федерации ни в коем случае не могут допустить опубликования в Алжире воззваний, за которые они должны нести ответственность, не будучи согласны ни с духом, ни с текстом их“.

Это равносильно тому, что Интернационал не должен вмешиваться вплотную во внутренние вопросы партии. Эта

колониальная секция восстает против партии и Интернационала и говорит: „нет, нет, там, где речь идет о туземцах, это исключительно наше дело“.

В резолюции говорится далее:

„Победоносное восстание алжирских мусульманских масс, если ему не будет предшествовать победоносное восстание пролетарских масс в метрополии, роковым образом вернет Алжир в состояние, близкое к феодализму, что отнюдь не может быть целью коммунистического выступления“ *).

Итак, вот в чем дело. Восстание недопустимо, и особенно недопустимо победоносное восстание туземцев в колониях, так как, имея глупость освободиться от ига французской буржуазии, они вернутся к феодализму, а алжирские и французские коммунисты не могут примириться с тем, чтобы путем революционного восстания несчастные туземцы освободились от ига французской буржуазии и вновь впали в феодализм.

Ни единого часу, ни единой минуты нельзя терпеть в своей среде товарищей, проникнутых духом рабовладельцев и жаждущих, чтобы Пуанкарэ распространял на них блага

---

*) В моей речи, я упустил необходимое опровержение квази марксистского аргумента Сиди-Бель-Абесской группы. Пытаются угрожать нам состоянием варварства, в которое неизбежно впали бы туземцы в случае, если их восстание против деспотизма французской буржуазии увенчалось бы успехом. Этот аргумент позаимствован у довоенных правых социал-демократов. Но надо признать, что у этих последних подобное рассуждение имело некоторое оправдание, так как капитализм находился еще на своей восходящей линии. Теперь же, когда европейский капитализм находится в состоянии полного разложения, видеть в нем прогрессивный фактор для развития колоний — является отрицанием самых простых истин исторической науки.

Существует лишь социализм—после того, как он заменит капитализм и распространит свое влияние на колонии,—который в действительности может их вытащить из „варварства“, т.-е. из того отсталого положения, в котором они находятся.

Всякое колониальное движение, которое ослабляет капиталистическое господство в метрополии, является прогрессивным, потому что оно облегчает революционную работу пролетариата.

Очевидно, что восстание в колониях не может быть вызвано в произвольно выбранный момент. Необходимы определенные условия, чтобы подобное движение окончилось победой. Но это уже вопрос стратегии: всегда следует выбирать благоприятный момент и подходящие методы. Но это правило стратегии не имеет никакого отношения к той формуле, о которой идет речь: рабы колоний, оставайтесь рабами до того момента, когда мы, высшие существа метрополии, изменим все, потому что если вы заблаговременно освободитесь от защиты воспитательной буржуазии, то вы неизбежно впадете в свое естественное варварство.

капиталистической цивилизации; ведь Пуанкарэ действительно осуществляет пожелания этой группы, спасая своим гнетом бедных туземцев от феодализма и варварства.

Предательство на деле всегда прикрывается маской независимости, автономии, свободы действия. Эти люди обыкновенно протестуют против вмешательства Интернационала или даже французской партии. Во французской партии предстоит многое изменить. Мы видим, как радуются диссиденты современному положению партии, заявляя в статьях, за которые ответственен только автор: „развал коммунистической партии создает благоприятный для нас момент. Теперь предстоит не самооборона, а переход к решительному наступлению и т. д.“.

Диссиденты предсказывают крупный расцвет своей партии. Этому пророчеству не суждено сбыться. Наоборот, можно заранее сказать, не боясь стенографического протокола, что, если партии останутся такими, каковы они теперь, когда рабочая масса видит перед собой лишь два оттенка, из которых каждый имеет своих приверженцев, две церкви с их иерархической бюрократией, это может длиться годы и десятилетия; но с того момента, как произойдет коренное изменение внутри компартии и она станет непохожа на другие, с момента, когда рабочие смогут увидеть в ней нечто большее, чем партию, а именно—подготовку пролетарской революции, диссиденты сойдут со сцены, прекратят свое существование точно так же, как и реформисты из Генеральной Конфедерации Труда. С полной уверенностью говорю, что Генеральной Объединительной Конфедерации Труда собственными силами не убить реформистской конфедерации. Только крупная, мощная, подлинно революционная, объединяющая в себе лучшие элементы рабочего класса партия способна раздавить политический и профсоюзный реформизм. Вы это скоро увидите.

В первые недели борьбы с франк-масонством или с „Лигой прав человека“ будут моменты слабости, будут дезертиры, переходящие на сторону диссидентов: эти последние сначала выиграют, я в этом уверен, но к ним отойдут лишь отбросы и экскременты коммунистической партии. (Аплодисменты).

Необходимо произвести энергичную мучительную операцию, чтобы ускорить процесс и начать крупное революционное действие. От имени комиссии мы вам предлагаем программу действий, предложенную в комиссии левыми и принятую единогласно, с незначительными поправками,

По существу дела уже сейчас возможен широкий революционный размах деятельности партии, при условии устранения из нее элементов, препятствующих таковой; неправда, будто выдвигание непосредственных требований может положить начало новому реформизму во французском движении. В современную эпоху распада буржуазного общества повседневные требования становятся ключом к подлинно революционному движению. Исходным пунктом этого движения могут быть фабзавкомы, а его необходимым лозунгом—единство фронта; он открывает максимальную возможность выступления и успеха. В качестве другого лозунга, особенно необходимого именно во Франции, мы выдвигаем рабочее правительство. Пора кончить споры по этому вопросу: разыгрывающаяся вокруг него полемика лишь поколеблет сознание рабочих, уже и без того достаточно поколебленное.

Идея правительства Блюм—Фроссар имеет лишь символическое значение: для образования возможного рабочего правительства недостаточно внутри-парламентских комбинаций. Чтобы иметь большинство в парламенте, чтобы держать в руках и диссидентов, и коммунистов, весь рабочий класс должен голосовать за диссидентов и коммунистов, а для этого необходимо, чтобы диссиденты не призывали рабочий класс голосовать за левый блок, чтобы они вышли из этого блока, оторвались от буржуазии. В первую очередь надо доказать французскому рабочему классу необходимость окончательного разрыва с буржуазией. Пред лицом гаврской стачки и убийства рабочих мы говорим пролетариату, что, будь у него рабочее правительство, подобные убийства не имели бы места. Наши представители в парламенте должны заявлять, что для рабочего класса неприемлемо правительство Пуанкарэ или левого блока; ему нужно правительство, являющееся представителем рабочего класса, рабочее по составу.

Мы, коммунисты, всеми силами стремимся к рабочему правительству, созданному революционным движением; если же рабочие полагают, что подобное правительство можно создать парламентским путем, мы говорим: попробуйте, но для этого, прежде всего и безоговорочно, вы должны порвать с левым блоком, с буржуазными комбинациями и создать рабочий блок. Если вы резко рвете с буржуазией, но все еще верите в парламентские пути, мы вам говорим: мы не верим в этот метод, но мы поддерживаем ваше выступление, поскольку вы рвете с буржуазией. Если нас спросят: возможно ли коалиционное правительство из партий, именующих себя рабочими, я отвечаю: конечно, но не на

основе парламентской комбинации, а лишь на основе крупного движения, охватывающего все области борьбы пролетариата, в том числе и парламент.

Главное в том, что такое движение внедряет в рабочий класс весьма простую идею о возможности создания рабочего правительства самими рабочими и для рабочих.

Если вы спросите: уверены ли мы, что диссиденты нас не предадут, я отвечу: мы никогда в этом не можем быть уверены. Вот почему, собираясь создать вместе с ними революционное рабочее правительство, мы должны следить за ними столь же внимательно и недоверчиво, как следим за наихудшими врагами: в момент их предательства мы должны выкинуть их из правительства, как выкинули у нас левых эс-эров, являвшихся представителями крестьянства в созданном нами рабочем правительстве; мы вынуждены были их выкинуть и оставить правительство целиком в руках рабочего класса.

Лозунг рабочего правительства означает в первую очередь абсолютную независимость нашей партии. Эта независимость должна быть достигнута быстро.

В ближайшие же недели французский центр должен взять на себя ответственность за энергичное проведение работы во Французской Компартии. Я убежден, что мучительные объяснения, которые мы имели с французскими товарищами в комиссии и которые вылились в форму моего доклада, не могут больше повториться. Речь Фроссара наглядно иллюстрирует опасность: я ее цитировал и толковал; дело центра—предупредить, окончательно устранить опасность. Я не вижу оснований для раскола; наоборот, я считаю положение крайне благоприятным для нашей коммунистической партии. Перед нами развал национального блока, абсолютная невозможность репарации, затруднительное положение левого блока, и я полагаю, что будущее Франции, а этим самым—и всего человечества, в руках нашей партии. Мы твердо уверены, что воодушевленный этими величественными и грандиозными перспективами центр до конца выполнит свой долг, и что на ближайшем конгрессе мы увидим партию единой, однородной, революционной, верной своему долгу, вплоть до момента победоносной революции французского пролетариата. (Продолжительные аплодисменты).

РЕЗОЛЮЦИЯ IV КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ВОПРОСУ*).

КРИЗИС ПАРТИИ И РОЛЬ ФРАКЦИИ.

IV конгресс Коммунистического Интернационала констатирует, что эволюция французской партии от парламентарного социализма к революционному коммунизму происходит с чрезвычайной медленностью, которая объясняется отнюдь не объективными только условиями, традициями, национальной психологией рабочего и пр., и пр., но прежде всего прямым, и временами чрезвычайно упорным сопротивлением некоммунистических элементов, которые еще очень сильны на верхах партии и особенно во фракции центра, в руках которого после Тура и находилось, главным образом, руководство партией.

Основной причиной нынешнего острого кризиса партии является крайне нерешительная, колеблющаяся, выжидательная политика руководящих элементов центра, которые пред лицом неотложных потребностей партийной организации, пытаются выиграть время, создавая, таким образом, прикрытие для политики прямого саботажа в вопросах синдикальных, единого фронта, партийной организации и проч. Время, которое таким образом выигрывали руководящие элементы центра, являлось потерянным для революционного развития французского пролетариата.

Конгресс вменяет Исполкому в обязанность со всем вниманием следить за внутренней жизнью Французской Коммунистической Партии, дабы, опираясь на ее несомненно революционно-пролетарское большинство, освободить ее от влияния элементов, породивших кризис и неизменно обостряющих его.

Конгресс отстраняет самую мысль о расколе, который ни в какой мере не вызывается положением дел в партии. Подавляющее большинство ее членов искренно и глубоко предано делу коммунизма. Только недостаточная еще ясность сознания партии позволила ее консервативным центристским и полуцентристским элементам внести столь острое замешательство и породить фракционные группировки. Твердое, настойчивое выяснение существа спорных вопросов пред всей партией объединит на почве решений настоящего конгресса подавляющее большинство членов партии и, в

*) Принята единогласно на 29 заседании конгресса 2 декабря 1922 г.
Прим. ред.

первую голову, ее пролетарскую основу. Что касается элементов, состоящих в партии, но в то же время связанных по всему складу своей мысли и жизни с нравами и обычаями буржуазного общества и неспособных ни понять подлинно пролетарскую политику, ни подчиниться революционной дисциплине, то дальнейшее очищение партии от таких элементов является необходимым условием ее оздоровления, сплочения и дееспособности. Коммунистический авангард рабочего класса нуждается, разумеется, в тех интеллигентах, которые принесли в его организацию свои теоретические знания, агитаторские или писательские дарования, но при условии, если эти элементы целиком и бесповоротно порвали с нравами и обычаями буржуазной среды, сожгли за собой все мосты в тот лагерь, из которого они вышли, и не требуя для себя ни изъятий, ни привилегий, подчиняются дисциплине партии на ряду с ее рядовыми членами. Столь многочисленные во Франции интеллигенты, которые входят в партию, как любители или карьеристы, причиняют величайший ущерб партии, нарушают ее революционный облик, компрометируют ее пред пролетарскими массами и мешают ей завоевать доверие рабочего класса. Беспощадное очищение партии от таких элементов и закрытие пред ними в дальнейшем дверей должно быть проведено во что бы то ни стало. Лучшим средством для этого является перерегистрация партийного состава через посредство особой комиссии, составленной из рабочих, безупречных в партийно-моральном отношении.

Конгресс констатирует, что попытка исполкома смягчить организационные проявления кризиса путем создания руководящего учреждения на основе равенства двух главных фракций центра и левой—была сорвана центром под несомненным влиянием его наиболее консервативных элементов, которые получают неизбежное преобладание в центре каждый раз, когда центр противопоставляет себя левой.

Конгресс считает необходимым разъяснить всем членам Французской Коммунистической Партии, что усилия Исполкома, направленные на то, чтобы достигнуть предварительного соглашения между руководителями фракций, имели своей задачей облегчить работу парижского съезда, ни в коем случае не являясь покушением на права его, как верховного органа Французской Коммунистической Партии.

Конгресс считает необходимым установить, что, каковы бы ни были те или другие частные ошибки левой, она в основном стремилась проводить политику Коммунистического Интернационала, как до, так и во время парижского конгресса, и в важнейших вопросах революционного дви-

жения—в вопросе о едином фронте и в вопросе синдикальном—занимала правильную позицию в противовес позиции центра и группы т. Рену.

Конгресс настойчиво призывает все истинно-революционные, истинно-пролетарские элементы фракций центра, составляющие в нем несомненное большинство, положить конец противодействию консервативных элементов и объединиться с левой в общей работе. То же самое относится к третьей по своей численности фракции, ведшей наиболее резкую борьбу против политики единого фронта.

КРАЙНЕЕ ЛЕВОЕ КРЫЛО.

Ликвидировав федералистский характер своей организации, Сенская федерация тем самым отвергла явно ошибочную позицию так-называемого крайнего левого крыла. Это последнее, в лице товарищей Гейно и Лавернь, сочло, однако, возможным дать гражданину Дельпланк императивный мандат, силой которого гражданин Дельпланк обязывался воздерживаться от голосования по всем вопросам и не принимать на себя никаких обязательств. Такой образ действий указанных представителей крайней левой свидетельствует о полном непонимании смысла и сущности Коммунистического Интернационала. Лежащие в основе нашей организации принципы демократического централизма в корне исключают возможность императивных мандатов, идет ли речь о федеральных, национальных или международных съездах. Съезды имеют смысл лишь постольку, поскольку коллективные решения организаций—местных, национальных или международных—вырабатываются путем свободного обсуждения и решения всех делегатов. Совершенно очевидно, что прения, обмен опыта и аргументов на съездах лишились бы всякого смысла, если бы делегаты были связаны заранее императивными мандатами.

Нарушение основных организационных принципов Интернационала в данном случае усугубляется еще более отказом этой группы брать на себя какие бы то ни было „обязательства“ по отношению к Интернационалу, как если бы самый факт принадлежности к Интернационалу не налагал на всех его членов обязательств безусловной дисциплины и проведения в жизнь всех принятых решений.

Конгресс предлагает Центральному Комитету нашей французской секции обследовать на месте весь этот инцидент и сделать все вытекающие из него политические и организационные выводы.

СИНДИКАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Решения, принятые конгрессом в синдикальном вопросе, заключают в себе известные организационные и формальные уступки, долженствующие облегчить партии сближение с синдикальными организациями и с синдицированными массами, поскольку они не стоят еще на коммунистической точке зрения. Но полным извращением смысла этих решений была бы всякая попытка истолковать их в смысле одобрения той политики синдикального возрождения, которая являлась господствующей в партии и которую проповедуют и сейчас еще многочисленные члены ее. Тенденции, представляемые в этом вопросе Эрнестом Лафоном, стоят в полном и непримиримом противоречии с революционными задачами рабочего класса и со всей концепцией коммунизма. Партия не может и не хочет покушаться на автономию синдикатов, но она должна непримиримо разоблачать и карать тех своих членов, которые требуют автономии для своей собственной дезорганизаторской, анархистской работы в синдикатах. В этом важнейшем вопросе Интернационал потерпит меньше, чем в какой бы то ни было области, дальнейшие уклонения от коммунистического пути, единственно правильного, как с точки зрения теории, так и с точки зрения международной политики.

УРОКИ СТАЧКИ-ПРОТЕСТА ПО ПОВОДУ ГАВРСКИХ УБИЙСТВ.

Гаврская стачка, несмотря на свой местный характер, представляет собой, несомненно, свидетельство возросшей боевой готовности французского пролетариата. Капиталистическое правительство ответило на стачку убийством четырех рабочих, как бы торопясь напомнить французским рабочим о том, что завоевать власть и низвергнуть капиталистическое рабство они смогут только ценой величайшей борьбы, героизма, самоотвержения и многих жертв. Если ответ французского пролетариата на гаврские убийства явился совершенно недостаточным, то ответственность за это падает не только на давно ставшую правилом измену диссидентов и синдикалистов-реформистов, но и на явно ошибочный образ действий органов C. G. T. U. и коммунистической партии. Конгресс считает необходимым остановиться на этом вопросе потому, что он дает нам яркий пример в корне неправильного подхода к задачам революционного действия. Следуя принципиально-неправильному разграничению классовой борьбы пролетариата на две будто

бы независимые области—экономическую и политическую,—партия и на этот раз не проявила никакой самостоятельной инициативы, сведя свою работу к поддержке C. G. T. U., как-будто бы в самом деле убийство четырех пролетариев правительством капитала было экономическим актом, а не политическим событием первостепенной важности. Что же касается C. G. T. U., то последняя, под давлением парижского синдиката строительных рабочих, на другой день после гаврского убийства, в воскресенье, назначила всеобщую стачку протеста на вторник. Рабочие Франции далеко не везде успели узнать не только о призыве к всеобщей стачке, но и о самом факте убийства. В этих условиях всеобщая стачка была заранее обречена на провал. Несомненно, что C. G. T. U. и на этот раз приспособила свою политику к тем анархистским элементам, которым органически чуждо понимание революционного действия и его подготовки и которые революционную борьбу заменяют революционными призывами своих кружков, не заботясь о претворении в жизнь призывов; в свою очередь партия молчаливо капитулировала пред явно ошибочным шагом C. G. T. U., вместо того, чтобы попытаться в дружеской, но настойчивой форме добиться от последней отсрочки стачечной манифестации с целью развития широкой массовой агитации. Первой обязанностью, как партии, так и C. G. T. U. перед лицом подлого преступления французской буржуазии было немедленно мобилизовать тысячи лучших агитаторов партии и синдиката, как в Париже, так и в провинции, для разъяснения самым отсталым элементам рабочего класса смысла гаврских событий и для подготовки народных масс к протесту и отпору. Партия обязана была в подобном случае издать в миллионах экземпляров воззвание к французскому рабочему классу и крестьянству по поводу гаврского злодеяния. Центральный орган партии должен был ежедневно ставить пред соглашателями, социалистами и синдикалистами вопрос, какой путь борьбы предлагают они в ответ на гаврские убийства? Со своей стороны, партия, вместе с C. G. T. U., должна была выдвигать идею всеобщей стачки, не назначая заранее ее срока и длительности, а сообразуясь с развитием агитации и движения в стране. Необходимо было попытаться на отдельных фабриках и заводах, в отдельных кварталах, округах и городах создать временные комитеты протеста, в состав которых коммунисты и революционные синдикалисты должны были привлекать представителей местных соглашательских организаций. Только такая планомерная, концентрированная, всесторонняя, напряженная, неутомимая кампания в течение недели и более того могла бы

увенчаться крупным и внушительным движением в виде массовой стачки протеста, уличных манифестаций и пр. Прочным результатом такой кампании явилось бы увеличение связей, авторитета и влияния в массах, как партии, так и C. G. T. U., их сближение на революционной работе друг с другом и сближение с ними той части рабочего класса, которая еще идет за соглашателями.

Так-называемая всеобщая стачка 1 мая 1921 года, которую революционные элементы не успели подготовить, а соглашатели преступно сорвали, явилась поворотным моментом во внутренней жизни Франции, ослабив пролетариат и усилив буржуазию. Октябрьская „всеобщая стачка" протеста явилась, по существу, повторением предательства правых и ошибок левых. Интернационал самым решительным образом призывает французских товарищей, в какой бы отрасли пролетарского движения они ни работали, относиться с чрезвычайным вниманием к вопросам массового действия, тщательно изучать их условия и методы, подвергать внимательной критической проверке ошибки своих организаций в каждом конкретном случае, тщательно подготовлять самую возможность массового действия путем широкой напряженной агитации и соразмерять лозунги с готовностью и способностью массы к действию.

Вожди соглашателей в своих предательских действиях опираются на советы, внушения и указания всего буржуазного общественного мнения, с которым они неразрывно связаны. Революционные синдикалисты, которые не могут не быть меньшинством в синдикальных организациях, будут тем более свободны от ошибочных шагов, чем больше партия, как таковая, будет посвящать свое внимание всем вопросам рабочего движения, тщательно изучая условия и обстановку, выдвигая через своих членов пред синдикатами те или другие предложения в соответствии со всей обстановкой.

ФРАНК-МАСОНСТВО, ЛИГА ПРАВ И БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ.

Несовместимость франк-масонства с социализмом считалась общепринятой в большинстве партий II Интернационала. Итальянская социалистическая партия исключила из своей среды франк-масонов в 1914 году, и эта мера была, несомненно, одной из причин, позволившей партии во время войны проводить оппозиционную политику, так как итальянские франк-масоны в качестве орудия Антанты действовали в пользу интервенции.

II конгресс Коммунистического Интернационала не присоединил к условиям вступления в Интернационал особого пункта о несовместимости коммунизма с франк-масонством, только потому, что считал это само-собой разумеющимся и, как явствует из протоколов, не допускал мысли о возможности одновременной принадлежности к партии пролетарской диктатуры и к чисто буржуазной организации, прикрывающей избирательно-карьеристские происки формулами мистического братства. Неожиданно обнаружившийся для IV конгресса Коммунистического Интернационала факт принадлежности значительного числа французских коммунистов к масонским ложам является в глазах Интернационала самым ярким свидетельством того, что наша французская партия не только сохранила психологическое наследие французского реформизма, парламентаризма и патриотизма, но и чисто материальные, крайне компрометирующие верхи партии, связи с секретными учреждениями радикальной буржуазии. И в то время, как коммунистический авангард собирает силы пролетариата для непрерывной борьбы против всех группировок и организаций буржуазного общества во имя пролетарской диктатуры, целый ряд ответственных работников партии: депутатов, журналистов, вплоть до членов Центрального Комитета, сохраняют тесные связи с секретными организациями врага. Особенно печальным является тот факт, что вся партия, во всех ее течениях, не поднимала после Тура этого вопроса, несмотря на его полную ясность, в международном масштабе, и что только в процессе фракционной борьбы внутри партии факт этот обнаруживается пред Интернационалом во всем своем угрожающем значении.

Интернационал считает необходимым раз навсегда положить конец этим компрометирующим и деморализующим связям верхов коммунистической партии с политическими организациями буржуазии. Делом чести революционного пролетариата является очищение всех его классовых организаций от элементов, которые хотят одновременно принадлежать к двум борющимся лагерям.

Конгресс поручает Центральному Комитету Французской Коммунистической Партии не позже, как до 1 января 1923 года, ликвидировать все связи партии, в лице отдельных ее членов или групп, с франк-масонством. Всякий коммунист, принадлежащий к масонам, который до 1-го января не заявит открыто своей организации, с опубликованием в партийной печати, о своем полном разрыве с масонством, исключается тем самым автоматически из коммунистической партии, без права примкнуть к ней когда

бы то ни было. Утайка кем-либо своей принадлежности к масонству будет рассматриваться, как проникновение в ряды партии вражеского агента, и наложит на соответственное лицо пятно бесчестия пред лицом всего пролетариата.

Принимая во внимание, что самый факт принадлежности к масонству, независимо от того, преследовались ли в данном случае те или другие материальные, карьеристские и другие порочащие цели, свидетельствует о крайней неразвитости коммунистического сознания и классового достоинства, IV Конгресс признает необходимым, чтобы товарищи, которые принадлежали до сих пор к масонству и которые ныне порвали с ним, не могли в течение двух лет занимать ответственные посты в партии. Только напряженная работа в пользу революции, в качестве рядовых членов коммунистической партии, может принести этим товарищам полноту доверия и восстановить их права на занятие в партии соответственных постов.

Принимая во внимание, что „Лига защиты прав человека и гражданина" является по существу своему организацией буржуазного радикализма, что отдельные свои выступления против тех или других „несправедливостей" она использует для сеяния иллюзий и предрассудков буржуазной демократии, а главное, в самых решительных и важных случаях, как, например, во время войны, отдает всю свою поддержку капиталу, организованному в виде государства, IV конгресс Коммунистического Интернационала признает безусловно несовместимой со званием коммуниста и противоречащей элементарным основам коммунистического мировоззрения принадлежность к „Лиге прав человека и гражданина", и призывает всех членов партии, входящих в состав Лиги, выйти из рядов Лиги до 1-го января 1923 года, с доведением об этом до сведения своей организации опубликованием в печати.

Конгресс предлагает Центральному Комитету Французской Коммунистической Партии:

а) Немедленно же издать ко всей партии воззвание, разъясняющее смысл и значение настоящей резолюции.

б) Принять все вытекающие из резолюции меры к тому, чтобы чистка партии от франк-масонства и разрыв всех связей с „Лигой прав" были произведены без каких-либо послаблений или упущений к 1 января 1923 года. Конгресс выражает уверенность в том, что в этой своей очистительной и оздоровительной работе Центральный Комитет найдет поддержку со стороны подавляющего большинства членов партии, к каковой бы фракции они ни принадлежали.

Центральный Комитет должен установить списки всех товарищей, которые в Париже или провинции соединяют свою принадлежность к коммунистической партии и даже занятие в партии различных, в том числе и ответственных постов с сотрудничеством в буржуазной печати, и предложить этим элементам до 1 января 1923 года сделать полный и бесповоротный выбор между буржуазными органами развращения народных масс и революционной партией пролетарской диктатуры.

КАНДИДАТЫ ПАРТИИ.

В целях придания партии истинно-пролетарского характера и в целях устранения из ее рядов таких элементов, которые видят в ней только проходной двор—в парламент, муниципалитеты, генеральные советы и пр., необходимо установить в качестве непреложного правила, что списки кандидатов в партии во время выборов составляются, по крайней мере, на девять десятых из рабочих-коммунистов, работающих у станка и из крестьян; представители свободных профессий могут допускаться лишь в строго ограниченном количестве, не более одной десятой общего числа выборных постов, которые партия занимает или надеется занять через посредство своих членов, при чем необходима особая строгость в подборе кандидатов, принадлежащих к свободным профессиям (тщательная проверка их политического стажа, их общественных связей, верности, преданности делу рабочего класса через особые пролетарские по составу комиссии и пр.). Только при таком режиме коммунистические парламентарии, муниципальные, генеральные советники, мэры и прочие перестанут быть профессиональной кастой, в большинстве своем мало связанной с рабочим классом, а станут одним из орудий революционной борьбы масс.

РАБОТА В КОЛОНИЯХ.

IV конгресс еще раз обращает внимание на исключительную важность правильной и систематической работы коммунистической партии в колониях. Конгресс резко осуждает позицию коммунистической секции Сиди-Бэль-Аббес (Алжир), которая лже-марксистской фразеологией прикрывает чисто рабовладельческую точку зрения, поддерживая по существу империалистическое господство французского капитала над его колониальными рабами, конгресс считает, что работа в колониях должна опираться не на

такие насквозь пораженные капиталистическими и националистическими предрассудками элементы, а на лучшие элементы самих туземцев, в первую голову,—на туземную рабоче-пролетарскую молодежь. Только непримиримая борьба коммунистической партии в метрополии против колониального рабства и систематическая революционная работа ее в самих колониях может ослабить влияние крайних националистических элементов угнетенных колониальных народов на трудовые классы, привлечь партии последних к делу французского пролетариата и тем самым не дать возможности французскому капиталу в эпоху революционного восстания пролетариата воспользоваться колониальными туземцами, как последним резервом контр-революции:

Международный конгресс приглашает французскую партию и ее Центральный Комитет уделить несравненно больше внимания, сил и средств, чем до сих пор, колониальному вопросу и колониальной пропаганде и, в частности, создать при самом Центральном Комитете постоянное бюро по работе в колониях с привлечением в это бюро представителей туземных коммунистических организаций.

РАБОЧАЯ И БОЕВАЯ ПРОГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ *).

1. Самой насущной задачей партии является организация сопротивления пролетариата наступлению капитала, развертывающемуся во Франции, как и в прочих крупных промышленных государствах. Защита 8-часового рабочего дня, сохранение и увеличение существующей заработной платы, борьба за все ближайшие экономические требования,—все это создает наилучшую платформу для объединения распылившегося пролетариата и для возвращения ему веры в собственные силы и в свое будущее. Партия должна немедленно взять на себя инициативу объединенных выступлений, могущих разбить наступление капитала и возвратить рабочему классу сознание его единства.

2. Партия должна вести кампанию для разъяснения рабочим зависимости между сохранением 8-часового рабочего дня, с одной стороны, и удержанием заработной платы на том же уровне — с другой, а также неизбежного воздействия одного из этих требований на другое. В своей

*) Эта программа действия принята единогласно на 32-м заседании IV конгресса Коминтерна, 5 декабря 1922 г. *Прим. ред.*

агитации партия должна использовать не только выходки предпринимателей, но также и посягательства государства на ближайшие интересы рабочих, как, например, налог на заработок, и все другие экономические вопросы, особенно интересующие рабочий класс: увеличение квартирной платы, налоги на потребление, общественное страхование и т. д. Партия должна вести среди рабочего класса активную агитацию за создание фабрично-заводских комитетов, охватывающих всех рабочих каждого предприятия, как организованных политически или экономически, так и неорганизованных. Задачей этих фабрично-заводских комитетов является установление рабочего контроля над условиями труда и производства.

3. Лозунги борьбы за насущные материальные требования пролетариата должны послужить средством для осуществления единого фронта против экономической и политической реакции. Тактика единого рабочего фронта должна быть возведена в общее правило для всех массовых выступлений. Партия должна создать благоприятные условия для успеха этой тактики и для этой цели предпринять серьезную подготовительную работу среди своих собственных членов, а также сочувствующих партии элементов, используя для этого все находящиеся в ее распоряжении средства пропаганды и агитации. Пресса, брошюры, всевозможные собрания, — все это должно быть использовано для подготовительной работы, которую партия должна вести во всех пролетарских группах, насчитывающих в своей среде коммунистов. Партия должна обращаться с призывами к важнейшим из других политических и экономических рабочих организаций. При этом она должна время от времени публично пояснять и свои собственные предположения и предположение реформистов, а также все случаи согласия или отказа принять участие в общей борьбе. Она ни в коем случае не должна отказываться от своей безусловной независимости, от своего права критики по отношению к другим участникам совместной борьбы. Она должна все время стараться захватить и удержать в своих руках инициативу, а также влиять на инициативу других в духе своей программы.

4. Чтобы быть в состоянии принимать участие во всех видах рабочих выступлений, влиять на их ход и при известных условиях брать на себя руководящую роль, партия должна, не теряя ни одного дня, приступить к организации своей работы в профсоюзах. Путем образования профсоюзных комиссий в федерациях и секциях (согласно постановлению Парижского Конгресса) и коммунистических ячеек на заводах и в крупных частных и государственных пред-

приятиях, партии удастся проникнуть в рабочие массы и, благодаря этому, содействовать распространению своих лозунгов и усилению влияния коммунистов на пролетарское движение. Во всех партийных и профсоюзных инстанциях профсоюзные комиссии будут поддерживать связь с коммунистами, оставшимися с согласия партии в реформистской Всеобщей Конфедерации Труда, и будут руководить их борьбой против политически официальных вождей. Они будут вести учет членов партии, входящих в профсоюзы, контролировать их деятельность и сообщать им директивы партии.

5. Работа коммунистов во всех без исключения профсоюзах должна прежде всего состоять в восстановлении необходимого для победы пролетариата единства профдвижения. Коммунисты должны пользоваться каждым случаем для разъяснения гибельных последствий существующего дробления и для агитации за объединение. Партия будет бороться против всякого течения, благоприятствующего организационному дроблению, кружковщине — в профессиональных и местных рамках — и анархистской идеологии. Она будет отстаивать необходимость централизации движения, образования широких организаций по отдельным отраслям промышленности и координации отдельных забастовок, чтобы вместо заранее обреченных на неудачу локализованных и частичных выступлений, добиться выступлений объединенных, способных укрепить веру рабочих в свои собственные силы. В Унитарной В. К. Т. коммунисты будут бороться против течений, враждебных объединению французских профсоюзов и Красному Интернационалу Профсоюзов. В реформистской В. К. Т. они будут обличать Амстердамский Интернационал и манипуляции его вождей в интересах сотрудничества. И в той и другой В. К. Т. они будут бороться за общие демонстрации и другие общие выступления, совместные забастовки, единый фронт, организационное единство и за всю программу Красного Профинтерна в целом.

6. Партия должна использовать всякое более или менее широкое массовое выступление,—стихийное или организованное — для разъяснения политического характера всякой классовой борьбы. Она должна использовать все возможности, для самого широкого распространения таких лозунгов политической борьбы, как, например, амнистия, отмена Версальского договора, эвакуация оккупационных войск с левого берега Рейна и т. д.

7. Борьба против Версальского договора и его последствий должна стоять на первом плане всей деятельности

партии. Необходимо претворить в дело солидарность французского и германского пролетариата против буржуазии обеих стран, выигравшей от этого договора. В виду чего настоятельной задачей Французской партии является осведомление рабочих и солдат о трагическом положении их германских братьев, изнывающих под гнетом невыносимых условий жизни, созданных, главным образом, последствиями договора. Для удовлетворения союзников германское государство налагает все большее и большее бремя на рабочий класс. Французская буржуазия щадит германскую буржуазию, ведет с ней переговоры, нарушая интересы рабочих, содействуя захвату частными капиталистами государственных предприятий и обеспечивает ей поддержку и покровительство для борьбы против революционного движения. Бужуазия обеих стран собирается заключить союз между французским железом и германским углем и прийти к соглашению по вопросу об оккупации Рурского бассейна, которое означает порабощение рурских углекопов. Опасность угрожает не только эксплуатируемым элементам Рурского бассейна, но и французским рабочим, которые не в состоянии будут выдерживать конкуренцию с германским производством, ибо последнее, вследствие обесценения марки, будет низведено для французских капиталистов к исключительно низкой цене. Партия должна разъяснить это положение французскому рабочему классу и предостерегать его против угрожающей опасности. Ее печать должна постоянно описывать страдания германского пролетариата, этой жертвы Версальского договора, и доказывать фактическую неосуществимость самого договора. В оккупированных и разрушенных местностях должна вестись особая пропаганда для обличения буржуазии обеих стран, ответственной за тяготеющие над этими местностями страдания, равно как и для развития духа солидарности между рабочими обеих стран. Лозунгом коммунистов должно быть обращение французских и германских рабочих и солдат на левом берегу Рейна. Партия будет поддерживать тесную связь с братской Германской партией дабы привести к удачному концу эту борьбу против Версальского договора и его последствий. Партия будет бороться против французского империализма, и притом не только против его политики по отношению Германии, но и в мировом масштабе: особое внимание должно быть обращено на Сен-Жерменский, на Нейиский, Трианонский и Севрский мирные договоры.

8. Партия должна предпринять систематическую работу по проникновению в армию. Антимилитаристская пропаганда должна резко отличаться от лицемерного буржуазного

пацифизма,—она должна быть проникнута принципом вооружения пролетариата и разоружения буржуазии. В партийной прессе или в парламенте — при каждом благоприятном случае — коммунисты будут поддерживать требования солдат настаивать на признании их политических прав и т. д. При каждом новом призыве, при каждой угрозе новой войны революционная антимилитаристская агитация должна быть усилена. Она будет вестись под руководством специального партийного органа при участии коммунистической молодежи.

9. Партия должна взять в свои руки дело народов колоний, эксплуатируемых и притесняемых французским империализмом, поддерживать их национальные требования, образующие этапы к их освобождению от ига иноземного капитала, отстаивать без всяких ограничений их право на автономию или на независимость. Безоговорочная борьба за их политическую и профсоюзную свободу, против набора туземцев, за требования туземных солдат — вот, в чем заключается непосредственная задача партии. Она должна беспощадно бороться против реакционных тенденций в пользу ограничения прав туземцев, — тенденций, сказывающихся даже среди некоторых рабочих кругов. Она создаст при Центральном Комитете специальный орган для партийной работы в колониях.

10. Пропаганда среди крестьянства, расчитанная на привлечение сельских рабочих, батраков и фермеров к революционному движению и на приобретение сочувствия мелких собственников должна быть дополнена борьбой за улучшение условий жизни и труда сельских рабочих, работающих по найму или на крупных землевладельцев. Для этой борьбы необходимо, чтобы областные партийные организации вырабатывали и распространяли программы ближайших требований соответственно особым условиям каждой области, партия должна поощрять профессиональные и кооперативные сельские объединения, идущие навстречу индивидуалистическим запросам крестьянства. Она должна обратить особое внимание на создание и развитие профессиональных союзов сельских рабочих.

11. Партийная работа среди женщин имеет первостепенное значение и нуждается в специальном органе. Необходимо создать при Ц. К. Центральную Комиссию с постоянным секретариатом, местные комиссии, постоянно возрастающие по численности, орган, посвященный пропаганде среди женщин. Партия должна настаивать на объединении экономических требований рабочих и работниц, на уравнении заработной платы за одну и ту же работу, без различия

пола, на участии эксплуатируемых женщин в выступлениях рабочих.

12. К расширению движения молодежи партия должна приложить более методические и упорные усилия, чем до сих пор. Между всеми инстанциями партии и организациями коммунистической молодежи должны быть установлены тесные взаимоотношения. Следует принять за принцип, что молодежь должна быть представлена во всех комиссиях, образованных при Центральном Комитете. Федерации пропаганды и секции партии обязаны оказывать поддержку уже существующим группам молодежи и создавать новые. Центральному Комитету надлежит следить за развитием печати молодежи и отводить для последней специальные страницы в центральных органах. В профсоюзах партия должна принять под свою защиту требования рабочей молодежи, согласные с ее программой.

13. В кооперативах коммунисты будут отстаивать принцип единой национальной организации и создадут коммунистические группы, примыкающие к Кооперативной Секции Коммунистического Интернационала через посредство комиссии при Центральном Комитете. В каждой федерации должна быть создана специальная комиссия для партийной работы в кооперативах. Коммунисты будут прилагать все усилия для использования кооперации, как вспомогательной силы в рабочем движении.

14. Выборные в парламенте, в муниципалитетах и т. д. должны вести самую энергичную борьбу, тесно связанную с борьбой рабочих и с выступлениями, предпринимаемыми партией и профорганизациями вне парламента. Депутаты-коммунисты—под контролем и руководством Центрального Комитета партии, равно как и выборные коммунисты в муниципиях и округах — под контролем и руководством секций и федераций должны быть использованы партией в качестве агентов для агитации и пропаганды, согласно тезисам II Конгресса Коммунистического Интернационала.

15. Партия должна усовершенствовать и укрепить свою организацию по примеру крупных коммунистических партий других стран, и согласно порядкам Коммунистического Интернационала, дабы возвыситься до задач, начертанных в ее программе, равно как национальными и международными конгрессами и дабы быть в состоянии осуществить эти задачи. Она должна добиться строгой централизации, несокрушимой дисциплины и тесной субординации каждого отдельного члена ее по отношению к ответственным органам партии, каждой низшей партийной инстанции по отно-

шению к более высшей. Необходимо также развить марксистскую подготовку борцов, систематически увеличивая число теоретических курсов в секциях, открывая партийные школы, при чем эти курсы и школы должны находиться под руководством Центральной Комиссии при Ц. К.

РЕЗОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМИССИИ *).

А. *Центральный Комитет*. Вследствие острого кризиса, вызванного Парижским Съездом, Центральный Комитет, в виде исключения, будет составлен по принципу пропорционального представительства, при чем за основу будет принято голосованием Съезда по вопросу о центральных органах.

Представительство отдельных фракций будет установлено согласно следующей норме:

Центр: 10 членов и 3 кандидата.

Левая: 9 членов и 2 кандидата.

Течение Рену: 4 члена и 1 кандидат.

Меньшинство Рено Жана: 1 член.

Молодежь: 2 представителя с совещательным голосом.

Политическое бюро будет составлено по тому же принципу, при следующем представительстве фракций: Центр—3, Левая—3, Течение Рену—1.

Во избежание споров персонального характера, которые могли бы осложнить кризис, члены Центрального Комитета, равно как и члены Политического Бюро и других важных центральных органов будут назначены фракциями в Москве. Выработанный на таких началах список будет представлен Французской делегацией IV Всемирному Конгрессу с обязательством отстаивать этот список пред партией. IV Конгресс принимает эту декларацию к сведению, выражая свое убеждение, что в этом списке заключается единственная возможность разрешить переживаемый партией кризис.

В выработанный фракциями список нового Центрального Комитета вошли следующие товарищи:

ЦЕНТР.

Члены:

Фроссар—Секретарь, Делегат Исполкома.

Луи Селье—Временный секретарь.

---

*) Принята на 29 заседании IV Конгресса Коминтерна 2 декабря 1922 г. *Прим. ред.*

Марсель Кашен.
Жакоб—Секретарь федерации текстильщиков.
Гаршери—Член Парижского муниципалитета.
Люси Лесьяг.
Моран — рабочий — механик, Секретарь Сенской Федерации.
Гурдо—служащий.
Лагесс—учитель в отставке, Секретарь Федерации Сены и Марны.
Пакеро—токарь, Секретарь Федерации Сены и Уазы.

Кандидаты:

Пьерпон—рабочий текстильщик.
Дюпийо—казначей Унитарной Федерации Работников Земли (отставлен для утверждения в Париже).
Плэ—рабочий телефонист.

ЛЕВАЯ.

Члены:

Росмер—служащий.
Трен—учитель в отставке.
Вайян Кутюрье—депутат.
Суварин—журналист.
Томмази—рабочий авиационного завода.
Кристэн—механик.
Амедей Дюнуа—журналист.
Кордье—парикмахер.
Буше—механик.

Кандидаты:

Салль—металлист.
Депортэ—прядильщик.

ФРАКЦИЯ РЕНУ.

Члены:

Варбере—рабочий металлист.
Фромон — „ Авиационного завода.
Дюбюс—углекоп из Па-де-Кале.
Верт—именуемый Роже Жеральдом—металлист.

Кандидаты:

Леспаньол—служащий.

Национальный Совет с полномочиями конгресса утвердит этот список не позже 2-й половины января.

До этого срока временный Центральный Комитет, назначенный Парижским Съездом, продолжает функционировать.

Б. *Печать.* Конгресс утверждает уже установленный для печати режим: 1) Редакция газет передается Политическому Бюро. 2) Передовица без подписи ежедневно передает читателю мнение Партии. 3) Партийным журналистам запрещается сотрудничать в буржуазной печати.

Редактором „Юманите" назначается Марсель Кашен.

Главным секретарем Амедей Дюнуа.

Обоим товарищам предоставляются одинаковые права; другими словами, всякий конфликт, могущий возникнуть между ними, будет передан на рассмотрение Политического Бюро и в этом Бюро будет разрешен.

Секретариат редакции: 1 представитель от центра и 1 от левого крыла.

Редакция „Бюллетень Коммюнист" будет передана товарищу из левого крыла.

Редакторы, вышедшие в отставку, возвращаются в редакцию.

Для подготовки к Национальному Совету будет восстановлена „страница партии", при чем каждому течению будет предоставлена возможность высказываться.

В. *Генеральный Секретариат* будет составлен на паритетных началах: один товарищ от центра и один от левого крыла; всякий конфликт подлежит разрешению Политического Бюро.

Член: Фроссар; кандидаты: Луи Селье и Трен.

Г. *Делегаты в Исполкоме.* В целях установления вполне нормальной тесной связи между Исполкомом и Французской партией, конгресс считает безусловно необходимым, чтобы оба важнейших течения в партии были представлены в Москве товарищами, наиболее квалифицированными и располагающими полным доверием данных течений,—товарищами Суварином и Фроссаром, которые делегируются по крайней мере на 3 месяца, т.-е. до окончания кризиса, переживаемого в настоящее время французской партией.

Представительство французской партии в Москве в лицо Фроссара и Суварина даст полную уверенность в том, что каждое требование Исполкома, вынесенное в согласии с этими двумя товарищами, будет принято всей партией.

Д. *Гонорар должностных лиц партии.* Что касается гонорара должностных лиц партии, редакторов и т. д., то партия создаст специальную партийную комиссию для урегулирования этого вопроса на основе следующих двух принципов: 1. Необходимо предотвратить всякую возможность чрезмерного увеличения гонораров, вызывающего

законное негодование среди примыкающих к партии рабочих масс. 2. Товарищей, работа которых безусловно необходима для партии, нужно поставить в такие условия, которые дадут им возможность посвятить партии все свои силы.

Е. *Комиссии.* 1. Административный Совет „Юманите". 6 представителей от центра, 5 от левой, 2 от течения Рену.

Комиссия допускает, чтобы в исключительных случаях пропорциональное представительство применялось также по отношению к важнейшим комиссиям.

2) Синдикальный Секретариат—1 секретарь от центра, 1 от левой; всякий, могущий возникнуть между ними конфликт, передается на рассмотрение Политическому Бюро.

Ж. *Спорные вопросы.* Спорные вопросы, могущие возникнуть в связи с применением вынесенных в Москве организационных постановлений, должны будут разрешаться специальной комиссией под председательством делегата Исполкома и в составе одного представителя от центра, и одного представителя от левой.

З. *Должности, доступ к которым закрыт для бывших масонов.* Под дожностями, доступ к коим закрыт для бывших масонов, понимаются такие должности, которые лицам, занимающим их, дают возможность более или менее независимо и под своей собственной ответственностью устно или письменно представлять идеи партии пред лицом рабочих масс.

В случае расхождения между обеими фракциями при определении этих должностей, вопрос будет передан на разрешение вышеназванной комиссии.

Технические затруднения, могущие возникнуть в связи с восстановлением отставленных редакторов в их прежних правах, будут переданы на разрешение той же комиссии.

Все постановления, не касающиеся образования Центрального Комитета, подлежат немедленному выполнению.

Помимо этих постановлений поступило ходатайство со стороны течения Рену о предоставлении ему на трехмесячный срок представительства в Исполкоме в лице одного кандидата совместно с товарищами Фроссаром и Суварином.

Комиссия единогласно постановила удовлетворить ходатайство течения Рену.

V.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С СИНДИКАЛИСТАМИ-КОММУНИСТАМИ.

Настоящая статья, вызванная некоторыми печатными выступлениями французского т. Лузона, была написана вскоре после IV Конгресса. Но тогда в порядке дня встал вопрос о борьбе с правым крылом, с диссидентами второго призыва, с г.г. Верфейем, Фроссаром и К°. В этой борьбе мы шли и идем рука об руку с синдикалистами-коммунистами,—и я отложил поэтому печатание статьи. Мы твердо убеждены, что и в дальнейшем наше единение с революционерами синдикализма не нарушится. Вступление в партию нашего старого друга Моната было для нас большим праздником: люди такого закала нужны революции. Но было бы, разумеется, неправильно оплачивать сближение ценою идейной неясности. Очищение и упрочение французской партии сделало за последние месяцы крупнейшие успехи. Мы можем поэтому спокойно и по-дружески объясниться с теми товарищами-синдикалистами, с которыми нам впереди предстоит долгая совместная работа и борьба.

* * *

В ряде статей и выступлений тов. Лузон по важнейшему вопросу о взаимоотношениях между партией и синдикатами защищает и обосновывает позицию, в корне расходящуюся с позицией Коммунистического Интернационала и доктриной марксизма. О преданности т. Лузона делу пролетарской революции с большим уважением отзывались и отзываются французские товарищи, мнение которых я, в свою очередь, привык уважать. Тем необходимее выступить против его неправильных взглядов на такой важный вопрос.

Тов. Лузон отстаивает полную и безусловную „независимость“ синдикатов — от чего? — очевидно, от чьих-то искушений. От чьих? От мнимых покушений партии.

Синдикальной автономии, необходимость которой бесспорна, Лузон придает, однако, какое-то абсолютное значение, почти что мистического характера. При этом крайне неосновательно он ссылается на Марса.

Синдикаты представляют собою — говорит Лузон — „рабочий класс в целом". Партия же есть только партия. Рабочий класс в целом не может быть подчинен партии. Между ними не может быть даже и равенства. „Рабочий класс сам в себе заключает свою цель". Партия же может только обслуживать рабочий класс или служить ему. Партия не может поэтому „аннектировать" (!) рабочий класс. Существовавшее до последних мировых конгрессов в Москве взаимное представительство Коминтерна и Профинтерна означало, по Лузону, признание равноправия и равноценности класса и партии. Теперь это взаимное представительство устранено. Тем самым партия возвращена к ее служебной или подчиненной роли. Т. Лузон одобряет это. Такова была, будто бы, и позиция Маркса в этом вопросе. Поэтому отмену взаимного представительства профессиональной и партийной организации Лузон истолковывает, как отказ от лассальянских (!) и социал-демократических (!!) ошибок и возвращение к принципам Маркса.

Таково существо статьи Лузона в „La Vie Ouvrière" от 15 декабря. Самое поразительное в этой, как в других аналогических статьях, это то, что автор как бы сознательно и притом герметически закрывает глаза на то, что происходит во Франции. Можно подумать, что статья писалась на Сириусе. Иначе, как понять утверждение Лузона, что синдикаты это „рабочий класс в целом". О какой, собственно, стране говорит Лузон? Если речь идет о Франции, то синдикаты там, насколько известно, еще далеко не совпадают, — к несчастью, — с рабочим классом в целом, ни даже с его половиной. Вследствие преступных маневров синдикалистов-реформистов, которым помогали в этом деле слева кой-какие анархисты, французская синдикальная организация расколота на две части. Каждая из этих частей охватывает не больше трехсот тысяч рабочих. Это значит, что ни одна из них в отдельности, ни обе они вместе, не могут быть отождествлены с французским пролетариатом в целом. Они охватывают пока еще лишь незначительную часть его. К этому еще нужно прибавить, что у C. G. T. и C. G. T. U. *разная* политика. У первой — политика соглашательства, у второй — политика революционной борьбы. Тов. Лузон поддерживает C. G. T. U. против C. G. T. — и это очень хорошо. Больше того, внутри самой C. G. T. U. тов. Лузон представляет определенную тенденцию. Как же тут быть с утвер-

ждением, что рабочий класс, совпадающий будто бы с синдикальной организацией, в себе самом заключает свою цель? Через кого же и каким путем рабочий класс Франции эту цель выражает? Через организацию Жуо? Очевидно, нет. Через C. G. T. U.? Но эта организация, имеющая уже крупнейшие заслуги, пока что — увы? — не совпадает с классом. Наконец, не так давно C. G. T. U. стояла под руководством группы „секретного договора“ (анархисты-синдикалисты). Ныне C. G. T. U. стоит под руководством синдикалистов-коммунистов. В какой же из этих двух периодов C. G. T. U. правильнее выражала интересы рабочего класса? И кто это проверит? Если мы захотим это проверить, справившись с международным опытом нашей партии, то мы впадем — по Лузону — в смертный грех, ибо поставим тем самым партию „над классом“ и предоставим ей решать вопрос о том, какая политика нужна классу. Если же мы обратимся к самому классу в его целом, то — увы! — застанем его в состоянии расколотости, беспомощности и бесгласности. Разные части класса, организованные в разных Конфедерациях, разные синдикаты одной и той же Конфедерации, разные группы одного и того же синдиката будут нам давать разный ответ, а подавляющее большинство пролетариата, остающееся вне Конфедераций, пока что... воздержится от ответа.

Ни в какой стране нет профессиональной организации, которая не совпадала бы с рабочим классом в целом. Но в других странах есть профессиональные организации, охватывающие, по крайней мере, очень значительную часть рабочего класса. Во Франции этого нет. Если партия не смеет — по Лузону — „аннектировать“ (что, собственно, это значит?) рабочий класс, то на каком, собственно, основании Лузон предоставляет это право синдикализму?

Тов. Лузон может возразить: „сейчас французская синдикальная организация очень слаба, но мы не сомневаемся в ее дальнейшем росте и окончательной победе“. На это мы ответим: „бесспорно; и мы в этом убеждены; но столь же мало сомнения в том, что и партия завоюет безусловное доверие подавляющего большинства рабочего класса“. Дело идет для партии, как и для синдикатов, не о том, чтобы „аннектировать“ пролетариат, — Лузон напрасно пользуется оборотами и выражениями, обычными для наших противников в их борьбе против революции, — а о том, чтобы завоевать его доверие; достигнуть же этого можно только правильной тактикой, проверяемой через опыт. Где же и кем эта тактика, сознательно, критически и планомерно вырабатывается? Кто предлагает ее рабочему классу? С неба

она не падает и от „рабочего класса в целом“ (Ding an sich), она не излучается. Вот вопрос, над которым тов. Лузон, повидимому, не задумывался.

„Пролетариат в самом себе заключает свою цель“. Если освободить эту фразу от мистической оболочки, то она, очевидно, должна означать, что исторические цели пролетариата определяются его социальным положением, как класса, его ролью в производстве, обществе и государстве. Это совершенно бесспорно. Но это ровно ничего не дает нам для понимания того специфического вопроса, который мы сейчас исследуем: каким путем пролетариат приходит к *субъективному пониманию* исторической цели, обусловленной его объективным положением? Если бы пролетариат в целом способен был непосредственно постигнуть свою историческую цель, то не нужно было бы ни партии, ни синдикатов: революция пролетариата рождалась бы на свет вместе с самим пролетариатом. На самом деле процесс, которым пролетариат приходит к познанию своей исторической миссии, есть очень длительный и очень болезненный процесс, полный внутренних противоречий. В результате долгой борьбы, испытаний, ошибок, опыта *правильное понимание путей и методов развития проникает в головы лучших элементов рабочего класса, составляющих его авангард*. Это относится в общем и целом не только к партии, но и к профессиональным союзам: эти последние тоже начинают с небольшого ядра активных рабочих и растут лишь постепенно, на опыте, завоевывая доверие масс. На всем историческом пути борьбы революционных организаций за влияние на класс, идеологи буржуазии противопоставляют „рабочий класс, как целое“ не только его партии, но и его синдикатам, обвиняя их в стремлении аннектировать рабочий класс. „Le Temps“ пишет это по поводу каждой стачки. Другими словами, буржуазные идеологи противопоставляют рабочий класс, как объект, рабочему классу, как субъекту. Ибо лишь через сознательное меньшинство свое рабочий класс постепенно становится субъектом истории. Таким образом, мы видим, что то, что т. Лузон говорит против „претензий“ партии, целиком распространяется и на „претензии“ синдикатов — особенно во Франции, ибо французский синдикализм—повторим это снова—и как организация, и как теория, был и остается до сего дня партией. Именно поэтому он в свой классический период (1905—1907 гг.) пришел к теории „инициативного меньшинства“, а не „пролетариата в целом“. Что такое инициативное меньшинство, связанное единством доктрины, как не партия? И что такое, с другой стороны, массовая синдикальная организация без руководящего созна-

тельного инициативного меньшинства, если не голая организационная форма без содержания?

Именно тот факт, что французский синдикализм был партией, нашел свое выражение в расколе, когда внутри синдикализма обнаружились политические разногласия. Но партия революционного синдикализма боится отвращения французских масс к „партиям“ вообще. Поэтому революционный синдикализм не принимал *имени* партии и организационно оставался полуоформленным. Это партия, которая рамки свои стремилась слить с рамками синдиката, или, по крайней мере, найти прикрытие в синдикате. Отсюда фактическое подчинение синдикатов претензиям отдельных тенденций, фракций и даже котерий в синдикализме. Отсюда же и pacte, т.-е. франк-масонская карикатура на партийную организацию внутри синдикальной.

И наоборот. Именно Коммунистический Интернационал вел жестокую борьбу против раскола синдикального движения во Франции, то-есть против фактического превращения его в синдикалистские партии. Именно Коммунистический Интернационал выдвигал на первый план исторические задачи рабочего класса в целом и огромное самостоятельное значение профессиональной организации с точки зрения этих задач. В этом смысле Коминтерн с первого дня своего существования отстаивал реальную, жизненную автономию профсоюзов, в соответствии со всем духом марксизма.

Революционный синдикализм, который во многих отношениях был во Франции предтечей современного коммунизма, ограничился теорией инициативного меньшинства, т.-е. партии, не превращаясь открыто в партию. Но как раз этим он мешал синдикатам превратиться в организацию если не „рабочего класса в целом“ (при капитализме это недостижимо),—то, по крайней мере, широких масс его. Коммунисты не боятся имени партии, потому что их партия не имеет и не будет иметь ничего общего с другими партиями. Это не одна из политических партий буржуазного режима, а сознательное инициативное меньшинство рабочего класса, его революционный авангард. Именно поэтому коммунисты не прикрываются — ни идейно, ни организационно — синдикальной организацией, не эксплуатируют ее путем закулисных махинаций, не раскалывают ее, когда они оказываются в меньшинстве, не стесняют ни в чем ее самостоятельного развития и всеми силами помогают ей во всей ее борьбе. В то же время коммунистическая партия сохраняет за собой право высказываться по всем вопросам рабочего движения, в том числе и синдикального, критиковать синдикальную тактику и вносить свои предложения, которые синдикальная

организация вольна принять или отвергнуть. Партия стремится на практике завоевать доверие класса и, прежде всего, его синдицированной части.

Что же означают те цитаты из Маркса, которые приводит т. Лузон? Маркс действительно писал в 1868 году, что рабочая партия вырастет из профсоюзов. Он имел при этом в виду главным образом Англию—единственную в то время развитую капиталистическую страну со значительными рабочими организациями. После того прошло, однако, полстолетия. Исторический опыт в общем и целом подтвердил прогноз Маркса в отношении Англии. Английская рабочая партия действительно выросла на основе тредъюнионов. Думает ли, однако, Лузон, что английская рабочая партия в ее нынешнем виде, с Гендерсоном, Клейнсом и другими во главе, может считаться партией, выражающей интересы „пролетариата в целом"? Конечно, нет. Рабочая партия в Великобритании в такой же мере предает интересы пролетариата, как однородная с нею бюрократия тредъюнионов, хотя как раз в Англии тредъюнионы гораздо ближе к „классу в целом", чем где бы то ни было. Но с другой стороны несомненно, что наше коммунистическое влияние в Англии пойдет в значительной мере через аппарат партии, выросшей из тредъюнионов, будет содействовать обострению внутренней борьбы в ней между низами и верхами, изгнанию из нее изменнической бюрократии, полному ее преобразованию и обновлению. И мы с т. Лузоном принадлежим к тому Интернационалу, который, включая в свой состав мелкую британскую комм. партию, борется против второго Интернационала, опирающегося на английскую рабочую партию, выросшую из тредъюнионов.

В России, — а Россия в пределах общих законов капиталистического развития является антиподом Великобритании — коммунистическая (раньше социал-демократическая) партия предшествовала профессиональным союзам и создавала эти последние. Ныне профсоюзы, с одной стороны, рабочее государство, с другой, стоят у нас целиком под влиянием и руководством коммунистической партии, которая не выросла из профсоюзов, но, наоборот, создавала их и идейно воспитывала. Не захочет ли т. Лузон утверждать, что Россия развивалась „вопреки Марксу"? Не проще ли сказать, что слова Маркса о происхождении партии из синдикатов, как показал опыт, применимы к Англии, да и то не вполне, но никак не являются тем, что сам Маркс с презрением называл „сверх-историческим" законом (la loi supra - historique)?

Все остальные страны Европы, и в том числе Франция, размещаются в интересующем нас вопросе между Великобританией и Россией. В одних странах возникновение синдикатов предшествовало появлению партии, в других, наоборот, партия появлялась раньше, но во всяком случае нигде, кроме Англии и отчасти Бельгии, партия пролетариата не выросла из синдикатов. Во всяком случае ни одна *коммунистическая* партия не выросла „органически" из тредъюнионов. Не станем же мы из-за этого объявлять весь коммунистический Интернационал незаконнорожденным?

Когда английские тредъюнионы поддерживали по очереди то консерваторов, то либералов, являясь рабочим хвостом этих партий, — когда политическая организация немецких рабочих представляла еще левое крыло демократической партии, при чем лассальянцы и эйзенахцы находились в жесточайшей борьбе, Маркс требовал независимости профсоюзов от каких бы то ни было партий. Эта формулировка была продиктована стремлением противопоставить рабочую организацию всем буржуазным партиям и не связывать ее слишком тесно с социалистическими сектами. Но ведь т. Лузон, вероятно помнит, что Маркс основал первый Интернационал, который имел своей задачей направлять и оплодотворять рабочее движение всех стран во всех отношениях. Это было в 1864 году. Но ведь Интернационал Маркса был партией. Маркс вовсе не дожидался, когда из тредъюнионов вырастет (самопроизвольно?) интернациональная партия рабочего класса. Он делал все для того, чтобы обеспечить в тредъюнионах влияние идеям научного социализма, выраженным впервые в 1847 г. в Манифесте Коммунистической *партии*. Если он требовал от тредъюнионов, синдикатов и пр. полной независимости от всех существующих, т.-е. буржуазных и мелкобуржуазных партий и сект, то именно для того, чтобы тем легче обеспечить в них господство идеям научного социализма. Марксу, разумеется, и в голову не приходило видеть в партии научного социализма *одну* из существующих (парламентских, демократических и пр.) политических партий. Интернационал был для Маркса самим рабочим классом, пришедшим к самосознанию — *в лице своего тогда еще очень немногочисленного авангарда.*

Если бы т. Лузон захотел быть последовательным в своей синдикальной метафизике и упорным в своем истолковании Маркса, он должен был бы сказать: „Поставим крест над самостоятельной коммунистической партией и будем ждать, когда эта партия возникнет из синдикатов". Но такая последовательность была бы убийственной — не только для

партии, но и для синдикатов. Ибо нынешние французские синдикаты не смогут восстановить свое единство и достигнуть решающего влияния на массы, если лучшие элементы этих синдикатов не сплотятся в сознательный революционный авангард рабочего класса, то есть в коммунистическую партию. Маркс не давал и не мог давать всеобъемлющую ответа на вопрос, каковы должны быть организационные взаимоотношения между партией и синдикатами. Это зависит в каждый данный момент от различных причин и обстоятельств. Существует ли взаимное представительство Партии и Конфедерации или же они образуют по мере надобности „Комитет действия"—этот вопрос не имеет принципиального значения. Организационные формы могут меняться, но основная роль партии остается неизменной Партия, если она заслуживает этого имени, объединяет авангард рабочего класса и оплодотворяет своим идейным влиянием все отрасли рабочего движения и впервую голову синдикаты. Эти последние, если они заслуживают этого имени, объединяют все возрастающую массу рабочего класса, в том числе и отсталые его элементы. Но эту задачу они могут разрешить только при правильном, придуманном, принципиально-обоснованном руководстве. А такое руководство им доступно только в том случае, если лучшие элементы профсоюзов объединены в партию пролетарской революции.

Происшедшее за последнее время очищение французской партии от слезливых мещан, салонных болтунов, политических гамлетов и пронырливых карьеристов, с одной стороны; сближение партии с революционными синдикалистами, с другой, есть огромный шаг на пути к установлению правильных взаимоотношений между синдикальной и политической организацией рабочего класса. А, стало-быть, и величайший плюс для революции.

21/III 23 г.

Ф. К. П. И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.

(КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО КОММУНИЗМА).

„Во всем мире еще идет борьба. И она в любой момент может перекинуться на нашу территорию, или наша прямая помощь может потребоваться—во имя нашего же самосохранения—на других участках. Понимание этого международного характера наших задач должно составлять стержень воспитания нашей молодежи".

„Нужно, чтобы наша передовая молодежь изо дня в день через газеты, журналы, лекции следила за ходом революционного движения во всей его конкретности; чтобы она знала его силу и слабость, трудности и ошибки, успехи и поражения, его организацию, его вождей (Л. Троцкий: „Мысли о партии").

Мысли о партии, которые волнуют и тревожат глубокий ум наших вождей, должны в не меньшей степени волновать каждого из нас, рядовых членов партии. Ибо от крепости, закала, отшлифовки идущего на смену нам, „старикам", молодого поколения зависит многое в развитии и направлении тех революционных успехов, для достижения которых стойко боролся в течение десятков лет авангард русского пролетариата во главе с нашей славной Российской Коммунистической Партией.

Желание помочь нашей молодежи разобраться в положении Ф. К., этого авангарда французского пролетариата, дабы „она (молодежь) знала его силу и слабость, трудности и ошибки, успехи и поражения, его организацию, его вождей"—является целью настоящего краткого очерка из истории Ф. К. П.

Мы хотим в сжатой, несколько беглой заметке дать возможность молодому читателю познакомиться тут же, в настоящей книге, с элементарными сведениями, необходимыми для понимания сути собранных здесь материалов о „коммунистическом движении во Франции“. По справедливому замечанию тов. Троцкого в его предисловии к настоящему собранию его речей, статей и писем, книга эта „предполагает у читателя некоторое, хотя бы элементарное, знакомство с основными фактами французского рабочего движения, с его прошлым, с его традициями“. Подчеркиваем, что настоящий очерк претендует лишь на то, чтобы дать *самое элементарное* знакомство с историей коммунизма во Франции.

Что касается подробной, *настоящей* истории партии и движения французского пролетариата, то она должна быть написана французскими товарищами, которые в ежедневной тяжелой, полной жертв борьбе непосредственно творят эту историю. И мы имеем все основания надеяться, что французский рабочий класс вплетет много прекрасных страниц в общую историю борющегося за свое освобождение от капиталистического гнета международного пролетариата.

I. ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1789 г. ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г.

Францию можно без сомнения считать колыбелью социалистической мысли. Поэтому история социализма этой страны является древнейшей из историй всех других стран. Но было бы ошибочно думать, что в силу этого сам французский социализм зрелее, крепче, ближе к достижению своей конечной цели, чем в какой-нибудь другой капиталистической стране. Наоборот, действительное социалистическое движение, т.-е организованная, сознательно подготовленная борьба французского пролетариата за осуществление социализма — создание коммунистического общества — недавно только родилось и начинает лишь становиться на ноги. И традиции этой „древней“ истории французского социализма не только способствуют росту и развитию „коммунистического малыша“, но, напротив, служат цепями, сковывающими все члены его юного тела и мешающими движению его.

Как объяснить такое на первый взгляд странное противоречие, что старые традиции французского социализма мешают развитию освободительного движения французского пролетариата и становятся на каждом шагу преградой авангарду рабочего класса Франции, организованному в коммунистическую партию? Это кажущееся противоречие

становится вполне ясным, если проанализировать, что представлял собою в прошлом французский социализм, в какой экономической среде он рос и развивался, *чем* он стал в его теперешней стадии развития и во *что* он должен превратиться в будущем, когда французский пролетариат совершит свой „Октябрь“.

Унаследованный французским пролетариатом традиционный социализм, является в основе своей выражением революционных настроений нарождавшейся во второй половине XVIII столетия французской буржуазии, поведшей борьбу не на жизнь, а на смерть против феодального режима, преградившего путь начавшему развиваться во Франции капиталистическому строю. Движение этого периода, закончившегося победой буржуазии над феодалами, победой, так-называемой, „Великой Французской Революции“, выдвинуло и—в качестве движения, направленного к коренной перетасовке соотношения классовых сил (а такой перетасовкой без сомнения являлся переход от феодализма к капитализму) и нуждавшегося для своей победы в опоре со стороны неимущих слоев населения,—не могло не выдвинуть крайние лозунги о „свободе, равенстве и братстве“. Но вскоре после того, как буржуазия из класса угнетенного превращалась в класс господствующий, она начинает становиться против расширения требований революции, требований, выходящих за пределы ее классовых интересов. Так постепенно превращалась революционная Франция в реакционную. И это превращение шло параллельно с ростом капиталистических отношений во Франции и, как следствие этого, кадров промышленного пролетариата.

Для удержания этих кадров в определенных границах, буржуазия напрягала все свои силы, чтобы свято чтить „великие“ традиции „великой“ революции, совершенной „великими“ предками. Всякую память о своей победе в 1789 г., буржуазия первой половины XIX столетия старалась (да еще и по сей день старается) представить в глазах масс как победу их, этих угнетенных масс, чьими руками 14 июля 1789 г. была разрушена Бастилия, чтобы... вместо нее буржуазия понастроила новые казематы, в которых она томит теперь борцов за пролетарскую революцию. Но во время, так-называемой, „Великой Французской Революции“ угнетенные массы шли за мелкой буржуазией, которая стояла во главе движения 1793 г. „Душу движения 1793 г. составляла мелкая буржуазия. Пролетариат парижских предместий придавал ей свою силу и отвагу, стоя позади нее, толкая ее впереди и доставляя ей наиболее энергичных и самоотверженных борцов, но он еще не доразвился до сво-

его собственного классового сознания. Он думал и чувствовал вполне еще по мелко-буржуазному, особенно потому, что мелкая буржуазия думала и чувствовала еще вполне революционно, и в борьбе против всех господствующих сил, как капиталистических, так и феодальных, видела средство для своего подъема и освобождения" *). Так характеризовал положение пролетариата и мелкой буржуазии в революционную эпоху 1793 г. Карл Каутский, когда он еще смотрел на историю глазами марксиста.

Эти мелко-буржуазные думы и чувства, которые господствовали среди пролетариата в годы революции, оставили глубокий след на всем дальнейшем движении французского пролетариата. Следует отметить, что идеи, господствующие в революционную эпоху и движущие революцией, еще более укрепляются после того, как контр-революция временно задерживает наступательный ход революции. Поэтому мы наблюдаем, как во время монархической реставрации традиции „Великой Революции" господствуют над умами и служат как бы призывом к дальнейшей борьбе. Но эти традиции, как мы указали выше, являются традициями мелкой буржуазии, ее мысль не идет дальше анархических утопий, и социализм того времени отражает в себе черты трусливой мелкой буржуазии: Но именно потому, что пролетариат толкал ее вперед, мелкая буржуазия этой эпохи была вынуждена выдвинуть социалистические идеи.

С 1791 г. *борьба против богатых* сделалась излюбленной темой ораторов крайне демократического оттенка. Особенно отличаются своей ожесточенной борьбой против богатых и роскошествующих Гебер, издававший журнал „Le père Duchêne" и выдвинувшийся, как вождь пролетарских масс. У Гебера уже проявляются вполне коммунистические мысли. Разумеется, этот коммунизм еще не имеет под собой того фундамента, который впоследствии подвел под него Маркс. Но революционного негодования против порабощения человека человеком полон каждый политический шаг Гебера. Он с яростью набрасывается на соглашателей того времени, довольных тем, что попали в барские хоромы. Гебер замечает уже в 1792—93 г. то, что много раз так ярко отмечает в своих речах и статьях, относящихся к французскому движению, современный нам пролетарский трибун,—тов. Троцкий. Именно то, что в результате буржуазных революций народные массы достигли лишь того, что с мягкотелыми из их представителей господа буржуа обращаются „вежливо" и

---

*) Каутский: „Республика и социализм во Франции".

приглашают иной раз „на обед“. Мы подчеркиваем это явление потому, что эти традиции мелкобуржуазной „революционности“ и „социализма“ продолжают еще тяготеть и поныне над известной частью французского пролетариата. Ярким выражением революционного понимания Гебером интересов пролетарских масс отражено в одном из его обращений к депутатам конвента, обращении, в котором говорится: „когда народ сделал вас своими представителями, разве он сказал вам, чтобы вы дали нам конституцию по образцу старой, чтобы вы составили законы, которые дают одним все, а другим—ничего? Разве мы не ясно поручили вам послать к чорту старых идолов, поднять на ноги бедный народ, в течение многих столетий задыхающийся в грязи? Как сдержали вы ваше слово? Вы уничтожили аристократию дворянства и духовенства, но вы создаете в тысячу раз более ненавистную для нас денежную аристократию“.

Гебер, как видим, неоформленно, ощупью, но все-таки разговаривает с угнетателями и соглашателями из своей собственной среды языком порабощенного *класса*. Он гениально предвидит, что *денежная аристократия должна превратиться в тысячу раз более ненавистную для пролетариата, чем свергнутая аристократия дворянства и духовенства.*

Но в этих первых, довольно смелых для этой эпохи шагах немногочисленных представителей пролетарских масс, выступивших уже тогда от имени пролетариата как *класса*, *стремящегося к свержению общества частной собственности и замене его коммунистическим строем*, особенно выделяется — Бабеф. Его проповедь полна ненависти к эксплуататорам; он в каждой фразе своих речей, в каждой строчке своих писаний является ярким выразителем гнева угнетенных и обездоленных; он на каждом шагу обличает изменников „революции бедных против богатых“; он открыто проповедует необходимость замены строя тунеядцев *коммунистическим* обществом.

Для характеристики хода мыслей этого великого французского коммуниста 90-х г. г. XVIII столетия мы приведем выдержку из письма Бабефа, ведшего из тюрьмы, в которой он был заточен „комитетом общественной безопасности“, тайную переписку с одним из своих последователей, Жерменом. Вот, что мы находим в этом письме от 10 термидора:

„Я вижу голыми и босыми чуть ли не всех, кто треплет лен и коноплю, кто только и делает годными к употреблению шерсть, шелк и полотно; кто готовит кожу и обувь. Когда я думаю о том ничтожном меньшинстве, которые ни в чем не нуждаются, я вижу, что все они, кроме лю-

дей, обрабатывающих землю, суть люди ничего не делающие. Что они рады снова и снова составлять заговор части против целого, облекать его в новые одежды, без конца возобновлять его. Они приводят в движение целую массу рук с таким расчетом, чтобы те, кому принадлежат эти руки, не получили созданных ими плодов труда и чтобы огромная часть этих плодов неминуемо попадала в руки преступных спекулянтов. Когда эти последние научились постоянно понижать плату за труд, то они и во взаимных отношениях, и в отношениях к купцам, своим коллегам по воровству, установили такие цены на все предметы, которые доступны только богачам, членам их союза. С этого времени упомянутые выше бесчисленные руки, в которых ничего не осталось, уже ничего не могли добиться, и они, истинные производители богатств, впали в нужду; им оставили лишь грязную пену, убогие остатки продуктов природы. Почему они, производящие необходимо-полезную творческую работу, получают бесконечно меньше, чем, например, купцы, исполняющие второстепенную работу по распределению? Отчего это? Оттого, что спекулянты и купцы объединились с целью постоянно иметь в своем распоряжении истинных производителей богатств и быть в состоянии сказать им: работай много, ешь мало, или ты будешь вовсе без работы и совсем не будешь есть".

Мы видим здесь яркую коммунистическую пропаганду, но без *научного* фундамента марксистского понимания сущности классового общества и задачи пролетариата, его роли и пути, ведущего рабочий класс к неизбежной победе коммунизма через тяжелый путь упорной, длительной, тягчайшей, кровавой *классовой борьбы* между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Коммунизм Бабефа сложился не на основании понимания *неизбежности* замены частной собственности собственностью коммунистической, неизбежности, вытекающей из самого развития общества, основанного на частной собственности, из беспревывно растущих производительных сил и вместе с ними постоянно увеличивающихся и углубляющихся классовых противоречий. Бабефу не видно было, и не могло быть видно, в эпоху *начала* развития капитализма во Франции, то, что ясно стало полвека спустя гениальному уму Маркса, изучавшего капитализм в его развитой форме на родине европейского капитализма — в Англии. То, что теперь, благодаря научному социализму, ясно каждому сознательному рабочему,—что одновременно с рождением капитализма родился и могильщик его,—Бабефу его единомышленникам не было известно. И в этом одна из отличительных черт коммунистического движения того

времени и современного. Бабеф исходил не из научного понимания коммунистического движения пролетариата, а из чувства справедливости, общего счастья, и того положения, что все граждане должны иметь достаточно и никто не должен иметь слишком много. *Поэтому* Бабеф требовал перехода собственности из рук частных владельцев в руки государства.

Но значение Бабефа и его друзей не столько в том, как они понимали коммунизм и излагали его в своих сочинениях, а главным образом в том, каким путем они шли к его достижению. Этот путь был путь пролетарской классовой тактики: организацию восстания угнетенных против угнетателей, сосредоточив руководство этим восстанием в организованном пролетариями надежном центре для торжества *партии* равенства, основанной Бабефом. Нам теперь видно, что в ту эпоху начала развития капитализма, у пролетариата не было и не могло быть тех предпосылок, которые необходимы для замены капитализма коммунизмом и что попытка Бабефа и его единомышленников, если бы даже им удалось поднять восстание, была обречена на неудачу. Но даже в такой исторической перспективе попытка эта имела чрезвычайно важное значение для всего последующего периода борьбы французского пролетариата.

После смерти Бабефа, когда восторжествовал бонапартизм, а вместе с Наполеоном и буржуазия, принципы священной собственности становятся во Франции крепко на ноги. Тогдашнее международное положение Франции, созданное наполеоновскими войнами, втягивает в кадры наполеоновских войск значительные слои французского пролетариата и отвлекает внимание пролетарских масс от борьбы с их внутренним врагом. А враг этот крепнет с каждым днем. Пока Наполеон занят вне Франции, дворянство при молчаливом согласии буржуазии подготовляет реставрацию, которая свергла Наполеона I и постепенно начала вводить дореволюционный порядок, дойдя затем и до покушения на привилегии и самой буржуазии. Это обстоятельство заставляло буржуазию вспоминать о днях ее победы над дворянством; днях, связанных с „Великой Французской Революцией“ 1789 г. Но „революционность“ буржуазии в 20-х годах XIX столетия коренным образом отличалась от крайних идей, господствовавших в 80-х годах XVIII столетия. Потому что с тех пор не только буржуазия успела оформиться в качестве самостоятельного класса, но развитие капиталистической промышленности шло усиленным темпом, Франция превращалась к тому времени из страны феодальной в страну буржуазную со всеми характерными чертами последней. Пауперизм городского

пролетариата быстро рос. Его недовольство стремилось использовать буржуазия, могуществу которой грозила смертельная опасность со стороны реставрации. Неудивительно поэтому, что при таком положении, крайний левый фланг буржуазии, которая аплодировала приговору над Гебером, Бабефом и многими другими коммунистами, выдвинул реформистов-утопистов, стремившихся различными рецептами примирить классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией.

Наиболее яркими представителями утопического социализма во Франции были в этот период Сен-Симон и Фурье. Оба они видели в ассоциациях волшебное средство, долженствующее исцелить все язвы, разъедающие классовое общество. Но оба они в своей реформистской беспомощности, в своих призывах к национальной солидарности и смягчению жадности богатых и зависти бедных, выражали лишь страх и ужас буржуазии пред революцией, приближение которой они предчувствовали. Тем не менее, следует отметить, что оба эти мыслители местами довольно удачно и метко критикуют отрицательную сторону общества, основанного на частной собственности. Но их *положительная* программа, т.-е. те рецепты, которыми эти утописты собирались изменить эксплуататорское общество, является не только полезной, но крайне вредной для пролетариата, потому что она проповедует примирение между рабом и рабовладельцем, между ограбляемым рабочим и капиталистом грабителем. Такой „социализм“ не мог поэтому привиться в рабочем классе, труд которого ежеминутно сталкивается с интересами капитала. Сен-симонизм и фурьеризм были на время захлеснуты поднявшейся в июле 1830 г. революционной волной. Ибо всякая революция является противоположностью любой реформистской теории.

II. ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г. ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.

Сен-симонисты и фурьеристы проповедывали добродетель и любовь, смирение и примирение, а капиталистическое развитие и эксплуатация буржуазии делала свое дело: обостряло классовые противоречия. Восторжествовав в июльской революции и посадив на трон своего ставленника Луи-Филиппа, буржуазия праздновала свою победу. Но вскоре спокойствие победителей было нарушено восстанием рабочих в Лионе. Это восстание произошло на почве столкновения с капиталистами по вопросу о повышении заработной платы. „Революционные“ власти стали на сторону капита-

листов. Восстание рабочих, убедившихся в предательстве, разразилось после 20 ноября 1832 г. На следующий день произошла борьба между рабочими и защитниками капиталистов (полицией, жандармами и т. д.) и 22 ноября Лион оказался в руках рабочих.

Это событие очень важно, хотя о нем почти никогда не вспоминают, так как Парижская Коммуна была самым величественным событием в движении французского пролетариата в XIX веке и как бы затмила собою остальные, менее значительные события. Но лионское восстание рабочих против капиталистов послужило некоторым уроком, из которого участники последующих событий, в том числе и Парижской Коммуны, сделали соответствующие выводы. Лион оказался в руках рабочих и последние не знали, что делать с властью, которой они овладели. Никто не подготовил рабочих к тому, как они должны действовать в момент захвата власти, а те путанные идеи, которые распространяли сен-симонисты и фурьеристы, не давали никакой программы действий. Лионский пролетариат не имел своего идейного центра, поэтому удалось буржуазии через короткое время восстановить „порядок", т.-е. быстрехонько расправиться с восставшими рабочими. Боевое настроение восставших и вместе с тем неоформленность их стремлений ясно выступают из тех лозунгов на черных знаменах, которые разносили по городу восставшие рабочие, как, например, лозунг: „жить трудясь, или умереть в борьбе".

В этом лозунге, как мы видим, выражена вся путанность социалистической мысли того времени и вместе с тем он содержит революционную готовность умереть в борьбе, готовность, унаследованную от коммунистов времен Бабефа. Но положительная часть этого лозунга — „жить трудясь" — совершенно бессодержательна и классово-неопределенна. Но, несмотря на отсутствие революционно-классового сознания в требованиях лионских повстанцев, их восстание, направленное против класса капиталистов, было, разумеется, действием революционным, стоившим достаточно жертв лионскому пролетариату. Эти жертвы не пропали даром: недовольство лионских рабочих с новой силой разразилось в 1834 г. и на этот раз опять по вопросу о заработной плате. Тут приходится остановиться на одном интересном моменте, который является характерным и для современной Франции и так выпукло выступает во всех речах и статьях тов. Троцкого по французскому вопросу: как буржуазия под маской различных „демократических", „либеральных", „братских" и т. п. организаций умеет подбираться к проле-

тариату, чтобы одурачить и опутать его. Так было и на сей раз с событиями в Лионе в 1834 г.

На сей раз *классовая* ненависть между рабочими и капиталистами выражалась в более сознательной форме: рабочие, оставаясь на почве своих экономических требований, становились с каждым днем непримиримее. Возбуждение среди пролетариата росло все более. И тут не замедлило вмешаться парижское „общество прав человека", которое отправило в Лион своих делегатов для „смягчения взаимной ненависти между гражданами". Делегатам этим удалось разными обещаниями и уговорами успокоить рабочих и возбуждение последних немного улеглось. „Общество прав человека" немедленно основало в Лионе свое отделение. Это то самое общество, из которого и вышла впоследствии существующая и поныне во Франции лига под названием „Лига прав человека и гражданина" и о котором так часто встречается в настоящей книге.

После июльской революции создалось много тайных обществ. После принятия закона 10 апреля 1834 г., запрещавшего общество более 20 членов, „общество прав человека" также вынуждено было залезть в подполье. Но в нем уже тогда имелось много агентов буржуазии, хотя было и много искренних революционеров и такой, например, приверженец Бабефа, как Тест, представлявший в „обществе" социалистическое направление. Тест совместно с Вуайе д'Аржансон и Буонарроти развивал в это время коммунистическую пропаганду среди рабочих. О деятельности и личности Буонарроти, этого выдающегося и мужественного последователя Бабефа в его борьбе за коммунизм, мы остановимся немного ниже. Здесь мы хотим вкратце остановиться на той форме организации, которая была создана французскими коммунистами 30—40 гг. XIX столетия. Организация, душою которой были Барбес, Бланки и Бернар, была построена на строго конспиративных началах и до крайности централизована. После разгрома „общества прав человека", которое сорганизовало ряд экономических стачек, а в апреле 1834 г. подняло рабочих на восстание, имевшее чисто политический характер, было создано „общество семейств". Оно строилось таким образом: шесть членов, из которых один считался главой, составляли семью, пять или шесть семей соединялись в квартал, председатели кварталов подчинялись членам тайного комитета, руководившего всем обществом. „Общество семей" развивалось довольно быстро и к концу 1836 г. насчитывало уже около 1.200 членов, что было для того времени довольно значительным размахом для подпольной организации. Но вместе с тем этот размах дал воз-

можность правокаторам проникнуть в эту организацию, тайная пороховая фабрика которой была раскрыта полицией и были вместе с тем арестованы главари организации,—Барбес и Бланки. Тогда оставшийся случайно на свободе Бернар переконструировал „Общество семей“ в „Общество времен года“, которое было построено по тому же принципу, как и первое. Один человек представлял собою день, шесть дней образовывали неделю, подчинявшуюся воскресенью; четыре недели составляли месяц, три месяца составляли время года (сезон) и четыре сезона — год, подчинявшийся агенту „Тайного Комитета“.

После выхода из тюрьмы Бланки и Барбес с новой силой взялись за свою коммунистическую пропаганду. Комитету „общества времен года“, подкрепленному Бланки и Барбесом, удалось наладить издание подпольных газет, листовок и т. п. Они издавали газету „Le moniteur républicain“ („Республиканская газета“), начавшую выходить в ноябре 1837 г., а затем другую газету „L'homme libre“ („свободный человек“). В этих газетах Бланки и его друзья открыто призывали к социальной революции и к расправе над королем и буржуазией. 29 сентября 1838 г. полиции удалось раскрыть тайную типографию и склад оружия. Организация подверглась новому разгрому. Внешне будто настало временное затишье. Но это продолжалось недолго. В мае 1839 г. снова выступило „Общество времен года“, с призывом к вооруженному восстанию. Так как „Обществу“ не удалось подготовить значительные массы к этому восстанию, то восстание это было подавлено в короткое время, в течение которого Барбесу удалось держать под своей властью парижскую ратушу, за что он и был присужден к смертной казни.

„Общество времен года“ было сильно ослаблено этим событием, но вскоре оправилось и преобразовалось в „Ассоциацию рабочих“. Кроме этой организации образовались и две другие: коммунистов - революционеров и эгалитаристов („эгалите“, т.-е. равенство). С этого момента начинается новая эра в *рабочем* движении Франции. Эти три организации соединились в одну, от которой вскоре откололось коммунистическое крыло, расходившееся в своей тактике с правой частью (сен-симонистами, фурьеристами и др.). *Этот момент можно считать началом оформления движения французского рабочего класса.* Разумеется, это оформление намечало лишь контуры будущего движения, эти контуры еще были неясны, формулировки чаяний и требований рабочего класса были еще туманны, но в этот период образовавшиеся революционные организации уже стремились к выработке *программы* действий для того, чтобы знать, „*какие меры сле-*

дует принять и какие средства употребить на завтра после победоносного восстания во Франции, чтобы эта страна направлялась по революционному пути". Так был озаглавлен доклад комиссии по выработке программы.

Для выработки этой программы действий французского рабочего класса, представители всех революционных организаций, начавших группироваться по политическим платформам и положивших таким образом начало образованию *партии рабочего класса*, собрались 4 ноября 1839 г. в Лондоне. На этом первом съезде представителей французского пролетариата был представлен выбранной этим съездом комиссией доклад, в котором была изложена программа (заглавие этого доклада мы привели выше). Этот доклад после обсуждения на съезде был отпечатан в Лондоне, передан на обсуждение всех местных секций и окончательно принят 14 сентября 1840 г.

Сущность этого доклада сводится к следующему. После вводной части, в которой излагаются основы будущего коммунистического строя, — этот строй определяется здесь, как участие всех во всем: в воспитании, труде и наслаждении,—поставлены 18 вопросов, на которые отвечает доклад. Приведем здесь содержание лишь главных из этих программных пунктов, в которых проводится мысль о пролетарской диктатуре, применительно, конечно, к тогдашним условиям борьбы французского пролетариата. Среди этих пунктов мы находим, например, что временное правительство должно составлять триумвират, выбранный не массой населения, но руководителями восстания; триумвират действует революционно. Понятия революции и революционного акта определяются здесь следующим образом: революция есть широкое распространение новых идей на общество и революционно все то, что осуществляет прицепы революции на деле; правительство должно для пользы народа объявить себя верховным руководителем всей индустрии, для которой оно должно иметь одну общую кассу и управление; для правильного обмена продуктов оно должно устроить общественные магазины, в которых эти продукты складываются и оттуда они распределяются; должно быть секвестровано все имущество лиц, действовавших против народа; право наследства ограничивается: могут наследовать лишь прямые наследники, но и они должны отдать определенную часть наследства государству.

В этой программе, в главной ее части, восторжествовали коммунистические взгляды Бланки. Сен-симонизм потерял всякое значение среди рабочих масс, которые, между прочим, никогда и не поддавались влиянию соглашателей того

времени. Наибольшим влиянием на рабочее движение в эту эпоху стали пользоваться коммунистические идеи, распространявшиеся бабувистами. Одним из преданнейших последователей Бабефа явился Буонарроти, участвовавший в заговоре, во главе которого стоял Бабеф, против директории. Из-за своей революционной деятельности Буонарроти скитался по Европе, будучи повсюду преследуем. Очутившись в Брюсселе, он издал „Историю заговора Бабефа". Возвратившись во Францию лишь в 1830 г. он, будучи уже семидесятилетним стариком, немедленно весь ушел в пропаганду коммунистических идей Бабефа. Буонарроти сыграл значительную роль в деле привлечения на сторону коммунизма таких выдающихся деятелей революционного движения, как Барбес, Бланки, д'Аржансон, Тест и др.

После смерти Буонарроти особенно выделялись своей коммунистической работой Пилло и Дезами, которые отдали все свои силы пропаганде своих идей. Им пришлось повести усиленную борьбу с начавшими вновь оживать идеями утопистов-реформистов. В этой борьбе был особенно непримиримым Дезами. Он беспощадно критиковал утопии Кабэ, этого преданнейшего до фанатизма „путешественника в Икарию".

Но наравне с коммунистами бабувистского толка начинает в это время распространяться среди французских рабочих течение коммунистически - анархического толка. Ярким выразителем этого течения являлась газета „Humanitaire", начавшая выходить в 1841 г. Этот орган определял форму организации и обязанности правительства следующим образом: демократическое правительство должно быть анархическим, т.-е. не должно знать президента, диктатора и исполнительной власти; все ассоциации общины управляются сами собой, дабы „индивидуальная воля нашла себе возможно полное выражение", как формулировали тогдашние деятели этого течения свои требования по отношению к личности. В 1849 г. начал издаваться группой этого течения орган „Communiste", который, несмотря на свое название, не представлял собою источника, особенно помогшего пролетарским массам разобраться в социальных противоречиях классового общества, а занимался большей частью вопросом об отношениях между полами в классовом обществе и в обществе коммунистическом.

В 40-х гг. капиталистическое развитие сделало уже довольно значительные шаги во Франции. Полвека, протекшее с 1789 г., произвело во Франции классовую диференциацию, достаточную, с одной стороны, для того, чтобы пролетариат начал сознавать свои интересы *класса*, предназначенного историей для создания будущего коммунистического обще-

ства, а, с другой стороны, чтобы разорение и пролетаризация средних слоев толкали мелкую буржуазию в лагерь недовольных, враждебно настроенных против угнетательского капиталистического общества. Но вместе с тем трусливая, пугающаяся всяких новшеств мелкая буржуазия столь же боялась революции, сколь ненавидела господство золотого мешка. Вот почему мы набюдаем в эту эпоху новый расцвет утопических теорий, значительно отличавшихся от теорий утопистов XVIII и начала XIX столетия. В писаниях утопистов 40—50 гг. прошлого столетия мы уже находим прекрасную, проникнутую духом ненависти и проклятия, критику буржуазного общества. Эта часть в теориях утопистов,—т.-е. та часть их трудов, которая разбирает *отрицательные* стороны капиталистического угнетательского общества, — не только служила нашим учителям и основателям теории научного коммунизма, но с большим интересом читается и теперь. Что же касается *положительной* программы действий, которую утописты этого периода предлагали угнетенным и эксплуатируемым массам, то она является глубоко контр-революционной, вредной, даже опасной для пролетариата, потому что она целиком и полностью ведет к оставлению нетронутым буржуазное общество, а, следовательно, к дальнейшему угнетению. В самом деле, в каждой строке виднейших социалистов-утопистов этой эпохи—Луи Блана, Кабэ и др.—вы чувствуете, как пред вами испуганный мелкий буржуа, с вытаращенными глазами и искаженным от испуга лицом и умоляет: „бедный пролетарий, униженный, оскорбленный, бесправный, ограбленный, голодный, оборванный, умирающий от болезней и падающий под бессильной ношей налогов; ты, рабочий и работница, который служишь навозом для удобрения почвы, на которой создаются неисчислимые богатства дла роскошествования сытых, для укрепления силы и мощи твоих палачей — сделай все: поезжай в Икарию и на вырученный за проданный скарб свои гроши создавай там плантации, организуй свои общественные мастерские, строй свои кооперативы, сделай, словом, все, что хочешь, *только не делай революции!*“

Вот как выражают эту свою мысль более честные и искренние из утопистов этой эпохи: Видаль и Кабэ. Первый в своем опубликованном в 1846 г. сочинении „О распределении богатств“, говорит: „Революция в наше время была бы ужасной, чудовищной, она бы повлекла за собой жертвы, разгром, развалины, не организовав нового строя“. Какой же буржуа не повторит вместе с Видалем, что в *наше* время революция чудовищна и бесполезна. Для любого буржуа революция чудовищна в *его* время. Контр-революционные

мысли еще более определенно высказывает Кабэ, изложивший свою теорию в утопическом романе „Путешествие в Икарию“, где он спрашивает: „но как заставить аристократию согласиться на принцип коммунальности? Надо ли пускать в ход силу?“ И тут же на этот вопрос отвечает: „Нет, ни насилия, ни революции, а, следовательно, ни заговора, ни покушения“. Как этот ответ напоминает современных борцов против „революционного насилия“. В другом месте „путешествия“ Кабэ выявляет свою ненависть к революции еще резче: „если бы я,—говорит он—держал революцию в своей руке, то я бы держал эту руку всегда сжатой, хотя бы мне грозило умереть в изгнании“.

Кабэ не дожил до начала пролетарской революции,—Парижской Коммуны 1871 г., а поэтому мы не знаем, как бы действовала его „сжатая рука“, но другой его современник и самый выдающийся в эту эпоху—Луи Блан,—доживший до мартовских дней 1871 г., открыто перешел на сторону буржуазии и палача Тьера, направив, таким образом, свой старый кулак против Коммуны, против рабочего класса, против пролетарской революции.

III. ОТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Луи Блан открыл в истории французского рабочего движения самую черную и позорную страницу предательства и измены. Он являет собою печальный пример того, как большой человек, каким без сомнения был для своего времени Луи Блан, начав с небольших соглашений с буржуазией, с маленьких измен пролетариату, кончил в лагере заклятых врагов последнего. И какой наивностью кажутся замечания со стороны некоторых товарищей, когда они, в ответ на пророческие слова нашего вождя, беспрестанно повторяющего в своих речах, статьях и письмах: „остерегайтесь, ибо покрывая и потворствуя маленьким отступлениям маленьких людей, в роде Фабра и К°, вы можете докатиться до пропасти, отделяющей пролетариат от буржуазии“,—отвечают: „вы преувеличиваете“. Луи Блан также ответил честному революционеру Флоту, когда последний, после манифестации 17 марта 1848 г. бросил Блану, помогшему временному правительству обмануть во имя „революции“ народ: „итак, стало-быть, и ты — предатель!“ Блан, конечно, считал это преувеличением, а через 23 года он кончил свою карьеру в Версале,—в стане палачей Парижской Коммуны.

Итак, после февральской революции, после расправы буржуазии над лучшими представителями коммунистического

течения в этой революции, французскому пролетариату пришлось в течение больше двух десятилетий накоплять революционную энергию, чтобы 18 марта 1871 г. с новой силой поднять восстание против буржуазии. За это время не только во Франции, но и во всей Европе многое изменилось в рабочем движении: на арену пролетарской борьбы выступила новая, могучая пролетарская сила, — научный коммунизм, основанный Марксом и Энгельсом.

В эту эпоху учение Маркса во Франции еще не играло непосредственную роль, но косвенно уже начало оказывать некоторое влияние на руководителей французского рабочего движения. Во-первых, Маркс, будучи во Франции в качестве эмигранта, лично встречался с руководителями „союза коммунистов"; во-вторых, передовым слоям (очень тонким, правда) французского пролетариата и руководителям его уже были известны в 50 гг. Марксова „нищета философии" и „коммунистический манифест". Во Франции в это время имела большое значение „нищета философии", потому что этот труд Маркса направлен целиком против „философии нищеты" Прудона, путанная теория анархизма которого усиленно пропагандировалась мелкой буржуазией и вследствие своей безвредности для буржуазии пользовалась косвенным покровительством последней.

Другим важным событием, совершившимся в промежутке между 1848 и 1871 гг., это—основание 28 сентября 1864 г. I Интернационала, в котором участвовали представители французского пролетариата и душою которого являлся Маркс. Особенное значение имел на руководителей, рабочего движения III Конгресс Интернационала, состоявшийся в Брюсселе 6 — 13 сентября 1868 г. Первым пунктом в порядке дня этого Конгресса значилось: „как должен отнестись рабочий класс в случае возникновения войны между двумя или несколькими державами, к зачинщику ее?" На этот вопрос Конгресс ответил, что у пролетариата нет отечества и что враг рабочего класса находится внутри той страны, где капитал эксплуатирует его силу. Не меньше влияния имел и IV Конгресс Интернационала, состоявшийся в Базеле 5 — 11 апреля 1869 г., т.-е. совсем незадолго до франко-прусской войны. Мы не имеем здесь возможности остановиться на интересных работах этого конгресса, так как это не входит в прямую задачу нашей настоящей работы, и мы касаемся лишь этого события постольку, поскольку оно влияло на коммунистическое движение во Франции. Но этот конгресс важен для нас тем, что на нем присутствовало 80 делегатов, среди которых французская делегация была довольно значительна.

На этих обоих конгрессах Интернационала французские делегаты совместно с частью бельгийских составляли „меньшинство“ и во многих случаях вносили свое „особое“ мнение. Французским руководителям рабочего движения того времени было столь же трудно отказаться от прудоновской путаницы, сколь для многих современников трудно освободиться от жоресистских традиций. Но если теперь гораздо легче понять пролетариату, прошедшему суровую школу последнего полвека и, в особенности, последнего десятилетия, опасность для него со стороны соглашательского реформизма, даже облеченного в тогу великого трибуна Жореса, то для последователей Прудона было гораздо труднее отречься от своего учителя. И мы знаем, насколько путаники мелко-буржуазного прудоновского анархизма мешали и топтались на месте в самые решительные минуты для Парижской Коммуны. Но на ряду с прудонистами, по большей части остававшимися в Интернационале при „особом мнении“, работы Генерального Совета (Исполкома) Интернационала и Конгрессов его воспитали во Франции людей, начавших смотреть на рабочее движения и на роль рабочего класса глазами „Коммунистического Манифеста“.

После разгрома Коммуны 1871 г. многие участники ее вынуждены были спастись от рук палачей за границу. Многие из них бежали в Англию, где близко соприкасались с Генеральным Советом Интернационала и встречались с Марксом. Эмигранты-коммунары укрепили связь французских рабочих с Интернационалом, на V Конгрессе которого (2—7 сентября 1872 г.) из 64 делегатов, французская делегация насчитывала 16 своих представителей, т.-е. французская секция была главной и основной секцией Интернационала. Но к прудоновской путанице присоединился и приобрел известное влияние среди французских делегатов бакунинский анархизм, который представлял не меньшую путаницу, чем прудоновский, несмотря на то, что сам Бакунин был одним из величайших революционеров XIX столетия.

Учение Маркса пробило себе дорогу и среди французского пролетариата, несмотря на все эти препятствия. Первым выдающимся французским марксистом был Жюль Гед. Возвращение обратно во Францию в 1876 году этого коммунара обозначило *новый период* в движении французского пролетариата. Некоторые из его учеников составляют и теперь лучший элемент современной нам Ф. К. П.

Французским марксистам пришлось начать свою пропаганду научного социализма в эпоху, когда огромная часть французского пролетариата была в духовном плену у бур-

жуазной идеологии, возвышавшей до небес так-называемую демократическую республику. Марксистская пропаганда Геда совпала с периодом, когда республике Тьера, основанной на костях парижских коммунаров, удалось использовать в своих контр-революционных целях апатию и усталость, овладевшую рабочими массами после разгрома Коммуны и страшного разгула белого террора. Поведение тех рабочих, которые проявляли кое-какой интерес к политике, состояло исключительно в поддержке республиканцев, т.-е. буржуазии. „Республиканская буржуазия—писал в 1904 г. Каутский—и пролетариат шли рука об руку, соединенные одинаковой враждой против монархии, против клерикализма, против реакций“ *). Иначе говоря, во имя спасения республики создалось „священное единение“ между эксплуатируемыми и эксплуататорами. В такой момент выступили французские марксисты (в 1876 г.) с агитацией за создание самостоятельных *классовых* организаций пролетариата и за углубление *классовой* борьбы рабочих против буржуазии. Энергичная агитация, развитая Гедом и его друзьями на выборах 1877 г., не прошла бесследно: она заставила республиканцев окрасить свою выборную платформу радикал-социалистическими красками, среди которых было: немедленная и полная амнистия, отмена всех ограничений, касавшихся свободы союзов, слова, печати и т. д., и т. п. Но вместе с тем агитация марксистов не могла тогда проникнуть в глубь пролетарских масс: слишком толстым слоем „революционных“ традиций, „республиканских“ предрассудков, „гуманитарных“ идей облепила буржуазия французских рабочих, которые растворились в рядах республиканцев, отдав им свои голоса. Гед, глубоко в то время понимавший психологию рабочих масс, не сложил оружия. Вот, что он тогда писал в „Radikal“, в котором он сотрудничал: „широкие крестьянские массы, да и многие из городских рабочих все еще не изверились в радикальную буржуазию, и только факты могут убедить их во всей тщете их надежд. До тех пор, пока радикалы с их героем, Гамбеттой, не стали у власти и не показали, что они отнюдь не склонны к каким бы то ни было серьезным экономическим реформам,—до тех пор мы не в силах подорвать эту слепую веру“. Эти слова звучат так современно, что кажется, будто они произнесены не 45 лет тому назад, а во время дискуссии о едином фронте и рабочем правительстве на заседаниях расширенных пленумов И.К.К.И. или Конгрессе Коминтерна.

---

*) К. Каутский: „Республика и социализм во Франции“.

В конце 1877 г. марксистское течение французского социализма основало газету „L'Egalité“ (равенство), главным редактором которой был Гед. В этой газете, кроме целого ряда французских марксистов, Гед пригласил в число сотрудников иностранных деятелей рабочего движения, среди которых находились Бебель, Вильгельм Либкнехт и др. В газете „Равенство“ Гед повел последовательную пропаганду научного коммунизма. В программной статье этой газеты,—а, следовательно, статье, принадлежащей перу Геда,—мы читаем: „мы стремимся уничтожить еще более возмутительное явление современного общественного строя, состоящее в том, что незначительное меньшинство грабит подавляющее большинство для обеспечения бесполезного существования единичных личностей“. Далее доказывалось в „Равенстве“, что достигнуть своей цели могут рабочие, лишь сплотившись в классовую силу и поведя против существующего строя ожесточенную борьбу, пока победоносная пролетарская революция не свергнет буржуазию.

Пропаганда коммунизма крайне медленно проникала в сознание французских рабочих по причинам, на которых мы остановились выше. Это явление особенно резко сказалось на съезде рабочих организаций, состоявшемся в Лионе 8 февраля 1878 г. На этот съезд попало несколько гедистов, которые подверглись резким нападкам со стороны съезда, за критику марксистами реформистской позиции руководителями съезда. „Пусть господа коммунисты и их противники найдут другую трибуну для своих проповедей и оставят в покое национальный конгресс французских рабочих“, заявляли делегаты съезда. Эту нотку отсталых представителей рабочих масс подхватила вся буржуазная печать и началась сильнейшая травля гедистов. Буржуазия подняла страшный вой на завтра же после выступления коммунистов на рабочем съезде; буржуазные писаки закричали о красном призраке Коммуны, о возрождении Интернационала, о вредной пропаганде вражды между классами и т. д. Но все-таки выступление гедистов не прошло бесследно. Под влиянием этих выступлений съезд рассмотрел вопрос о *собственном* представительстве пролетариата в парламенте и в принципе высказался за представительство через рабочих депутатов, формально признавших социалистическую программу своего избирательного комитета. Эта туманная позиция в вопросе о *самостоятельности* представительства рабочего *класса* далека, разумеется, от той, которую теперь требует Коминтерн от своих секций,—создание комфракций, подчиняющихся во всей деятельности директивам партии. Но все-таки это решение съезда провело новую черту в

оформлении классовой позиции французского пролетариата.

После лионского съезда Гед и его друзья продолжали с усиленной энергией пропаганду своих идей среди рабочих, несмотря на нападки, со стороны буржуазии, анархистов, синдикальных палат, несмотря на правительственные преследования. Мало-по-малу гедистам удавалось овладевать полем сражения. К середине 1878 г. к ним присоединились шесть синдикальных палат: столяров, портных, механиков, кожевников, слесарей и приказчиков и одно потребительское общество „Egalitaire". Столяры, портные и приказчики являлись самой революционной группой, хотя немногочисленной, но уже за много лет до появления гедистов стремившейся найти правильную *классовую* линию. Присоединившись к гедистам, перечисленные организации вошли в конфликт с организаторами парижского интернационального конгресса, о созыве которого постановил Лионский съезд. Конгресс должен был собраться в сентябре 1879 г., но полицейские власти запретили созыв его. Тогда революционные синдикальные палаты, примкнувшие к гедистам, выпустили прокламацию (автором ее был Гед), в которой они заявляли, что съезд состоится в сентябре, несмотря ни на какие препятствия. Чтобы обойти запрещение полиции, конгрессу была придана форма частного совещания. Тем не менее 5-го сентября полиция арестовала 34 участника и возбудила против них дело по обвинению в нарушении закона 14 марта 1872 г., направленного против Интернационала. Этот процесс гедисты использовали с большим искусством и уменьем. Защитительные речи Геда, в которых он развивал коммунистические идеи, печатались в тысячах экземпляров и распространялись во всей Франции. Будучи осуждены, гедисты и из тюрьмы St.-Pelagie, в которой они были заточены, продолжали свою революционную работу. Им удалось передать на волю и опубликовать „воззвание к пролетариям, крестьянам и мелким ремесленникам"; целый ряд рабочих организаций объявил себя солидарным с деятельностью осужденных и их коммунистической программой, содержащейся в этом воззвании. Таким образом, судебный процесс, который должен был нанести удар Интернационалу, сделал для пропаганды коммунизма и основания коммунистической партии во Франции гораздо больше, чем мог сделать какой бы то ни было конгресс.

Все эти события произвели чрезвычайно глубокий переворот в передовой части французского пролетариата. Это лучше всего показал рабочий съезд, состоявшийся в Марселе в октябре 1879 г. Доклад о современном состоянии рабочего движения, прочитанный марксистом Ломбаром,

был заслушан с большим вниманием. В этом докладе указывалось, что пунктом, вокруг которого должны вращаться все прения, является *вопрос о создании самостоятельной рабочей партии с разработанной программой. Таким образом 20 октября*, день, когда был сделан этот доклад, можно считать днем, *когда была сделана попытка основать рабочую партию во Франции.*

Гедисты, при поддержке большого числа делегатов съезда, внесли проект резолюции, в которой, между прочим, говорилось: „частная собственность является причиной всякого материального и интеллектуального неравенства, а потому, нижеподписавшиеся заявляют, что переход земли, рудников, машин, путей сообщения, зданий и накопленных капиталов в коллективную собственность представляет собою единственное средство, обеспечивающее каждому полный продукт его труда". В духе этого проекта была принята на двенадцатом (последнем) заседании конгресса резолюция, в которой объявлялось, что „земля и ее недра, орудия труда (машины и пр.) и все сырые материалы должны быть провозглашены общественной собственностью и объявлены неразделимыми и неотчуждаемыми". Средством для достижения этой цели было признано политическое отделение пролетариата от буржуазии, т.-е. *образование самостоятельной рабочей партии.*

В организационном отношении вся страна была разделена на шесть областей: 1) Париж являлся главным городом центральной области; 2) Лион—восточной; 3) Марсель—южной; 4) Бордо—западной; 5) Лиль—северной и 6) Алжир—всей Алжирии. Таким образом, французская рабочая партия была составлена из шести отдельных федераций, которые пользовались широкими автономными правами и ежегодно созывали собственные областные съезды. Во главе всей организации стоял „Главный Исполнительный Комитет (Comité Général Exécutif), избиравшийся на один год на национальном конгрессе. От подобной организационной схемы при основании партии и пошла своеобразная автономность во французском рабочем движении.

В начале 1880 г. состоялся в Марселе областной партийный съезд, который поручил Геду, вышедшему к тому времени из тюрьмы, разработать проект программы партии. Гед привлек в качестве сотрудников для выполнения этого важного партийного поручения своих единомышленников Милона, Лафарга и Брусса. По составлении предварительного проекта программы, Гед отправился в мае 1880 г. в Лондон, чтобы совместно с Марксом, Энгельсом, Лафаргом и Ломбаром окончательно редактировать со-

ставленный проект. Эта первая программа Ф. К. П., составленная и проредактированная такими гениальными людьми, была предоставлена областному съезду центра и с незначительными поправками принята им. В виду исторического значения этого важного документа мы приводим его полностью.

ПРОГРАММА.

Принимая во внимание, что освобождение рабочего класса есть освобождение всех человеческих существ без различия пола и расы; что рабочий класс добьется освобождения только при условии обладания средствами производства; что существуют две формы, в которых средства производства могут им принадлежать:

1. Форма индивидуальной собственности, которая никогда не существовала, как факт всеобщий и которая все более и более исчезает, благодаря промышленному прогрессу.

2. Форма коллективной собственности, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются развитем самого капиталистического общества; принимая во внимание, что переход к коллективной собственности может быть осуществлен только революционным путем со стороны организованного в самостоятельную политическую партию рабочего класса—пролетариев; что такая организация должна быть создана при помощи всех имеющихся в распоряжении пролетариата средств, в том числе и при помощи всеобщего права голоса, которое из орудия обмана, каким оно было до сих пор, должно стать средством освобождения, французские рабочие социалисты, признавая целью своих стремлений в экономическом отношении переход орудий труда в собственность общин,—решили принять участие в выборах на основании следующей программы-минимум, которая рассматривается ими, как средство борьбы и организации:

А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

1. Отмена всех законов, стесняющих свободу печати, союзов и собраний, в частности, отмена закона, направленного против Интернациональной Рабочей Ассоциации. Уничтожение рабочей книжки, унижающей достоинство рабочего класса, равно как и отмена всех параграфов закона, устанавливающих неравномерность рабочего по отношению к его принципалу.

2. Упразднение церковного бюджета; передача всех движимых и недвижимых имуществ, принадлежащих духовным

корпорациям (так-наз. „мертвой руке“—main morte), включая все промышленные и коммерческие учреждения,—в национальную собственность (постановление коммуны 2 апр. 1871 г.).

3. Всеобщее вооружение народа.

4. Самостоятельность общин в административном и полицейском отношениях.

В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

1. Установление одного дня отдыха в неделю, или издание закона, запрещающего работодателю производить работу более шести дней из семи. Законодательное ограничение рабочего дня для взрослых восемью часами. Запрещение в частных ремесленных заведениях детского труда до 14-летнего возраста; ограничение рабочего времени для рабочих в возрасте 14—18 лет шестью часами.

2. Законодательное определение минимума заработной платы, размер которой должен быть устанавливаем ежегодно в соответствии с ценами на съестные припасы.

3. Уравнение заработной платы мужчин и женщин.

4. Всеобщее теоретическое и профессиональное обучение за счет общества, которое представляется государством и общинами.

5. Государственные пенсии старикам и нетрудоспособным.

6. Запрещение работодателям вмешиваться в дела рабочих касс вспомоществования, право управления которыми и контроля над ними принадлежит исключительно самим рабочим.

7. Ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, гарантированная посредством внесения в правительственное учреждение определенной суммы, отвечающей наличному числу занятых в предприятии рабочих и опасности данного предприятия.

8. Участие рабочих в выработке фабричных правил; отмена права предпринимателя, путем штрафов и всевозможных вычетов, удерживать часть заработной платы (декрет Коммуны от 27 апреля 1871 г.).

9. Пересмотр всех договоров, в которых была отчуждена общественная собственность (банку, железные дороги, рудники и проч.) и передача эксплуатации государственных промышленных учреждений в руки рабочих этих последних.

10. Отмена системы косвенного обложения и соединение всех прямых налогов в один прогрессивный налог на доходы свыше 3.000 фр. Отмена права наследования по боковой

линии и прямого наследования имуществ, стоимость которых превышает 20.000 фр.

После принятия этой программы съездом Центральной области против коммунистов ополчились все противники организованной классовой борьбы пролетариата, начиная с буржуазии и ее наемных агентов и кончая анархическими группировками. Противники программы рабочей партии оказались в меньшинстве на трех областных съездах: Парижском, Лионском и Марсельском. Они не решались даже вступить на этих съездах в открытый бой с гедистами. Но на Лильском конгрессе они выступили и потерпели решительное поражение. Противники коммунистической программы рабочей партии решили дать генеральное сражение на национальном конгрессе, который должен был собраться в 1880 г. в Гавре.

Буржуазия пустила в ход всю свою машину клеветы, лжи, обмана, подкупа и через тысячу нитей, прямо или косвенно связанных с организационным комитетом съезда, состоявшим в большинстве из противников коммунизма, ей удалось повлиять на организаторов съезда в том отношении, чтобы установить такой порядок допущения делегатов и утверждения их мандатов, который лишал представительства большую часть революционных рабочих, организованных в партии или примыкавших к ней. Тогда союзное бюро всех социалистических обществ и групп обратилось ко всем социалистам с предложением воздержаться от участия в Гаврском Национальном Конгрессе. Тем не менее представители социалистических рабочих съехались в Гавр. Но когда местный комитет объявил их полномочия недействительными, они покинули съезд и организовали собственный. На открытии этого съезда наиболее революционной части французского пролетариата присутствовало 58 делегатов, представлявших 119 профессиональных союзов и 11 других рабочих обществ. Подавляющее большинство съезда признало себя коммунистами, и присоединилось к принятой Парижским Областным Съездом гедистской программе. Вопреки требованиям 4 анархистов, оказавшихся на этом съезде, последний постановил принять участие в избирательной кампании 1881 г. и на коммунальных и парламентских выборах рекомендовал в качестве избирательной платформы программу-минимум, принятую Областным Парижским Съездом. Выступление партии на выборах нельзя назвать победой. В Париже, например, партия выставила 15 кандидатов в Коммунальные Советы и получила всего 14.786 голосов, в то время, как буржуазные кандидаты получили в общем 233.609 голосов. Но тут важна была не количествен-

кая сторона дела, а принципиальная, впервые выдвинувшая во Франции на арену политической борьбы *самостоятельную* рабочую партию со своей *классовой* платформой.

Таким образом, на Гаврском съезде французская рабочая партия раскололась на две резко отличавшихся друг от друга фракции: коммунистическую, под идейным руководством Геда, и реформистскую, под предводительством Лионнэ и Барберэ, двух бесцветных лиц с карьеристскими стремлениями. Эти два лидера добились затем выгодных для себя официальных должностей, и их фракция почти совершенно прекратила свое существование. В рабочей массе осталась одна пролетарская партия, имевшая в своей среде и оппортунистические элементы на ряду с выдержанными коммунистами—марксистами, каким являлся в то время Гед и его друзья. Вследствие некоторой разнородности партийных верхов в партии существовало различное понимание тактики и средств, какими должен пользоваться пролетариат для достижения своей конечной цели. Это различие мнений еще больше углубилось после того, когда вследствие амнистии конца восьмидесятых годов во Францию начали возвращаться изгнанные и сосланные коммунары. Последние внесли в движение свои старые методы, многие из вернувшихся на родину эмигрантов совершенно не в состоянии были разобраться в борьбе французского пролетариата, находившегося в другом положении и жившего в условиях, значительно отличных от тех, какие существовали до Коммуны. Теперь пришлось рабочему классу иметь дело с организованной, окрепшей, имевшей всю полноту государственной власти буржуазией, не забывшей уроков Коммуны. Но каждый из эмигрантов желал лидерствовать в партии, каждый хотел быть вождем и руководителем, а поэтому многие из них не останавливались пред тем, чтобы создавать внутри партии секты и крохотные секточки. Этот период в жизни французской партии полон интриг и мелких личных недоразумений. Особенно отличились в этом отношении Малон и Брусс, бывшие единомышленники Геда, обрушившиеся на последнего, обвиняя его в том, что он использовывает свой авторитет для подавления авторитета других. Все эти внутренние раздоры имели для партии печальные последствия, которыми не замедлила воспользоваться буржуазия. Достаточно вспомнить, например, что во втором округе 17-й Парижской части (arrondissement) выставили свои кандидатуры четыре представителя различных социалистических группировок. И, разумеется, все четыре были побиты буржуазным кандидатом.

Состоявшийся очень скоро после выборов (30 октября—5 ноября 1881 г.) конгресс партии, на котором участвовало 43 делегата, представлявших 252 профсоюза и др. организаций обошелся без раскола, благодаря усилиям гедистов и самого Геда. Для ослабления идейной „диктатуры“ Геда в партии съезд постановил образовать Национальный Комитет (своего рода Ц.К.), ведующий управлением партии. В виду большого интереса, который представляет и в настоящее время принятая по этому вопросу резолюция, мы ее приводим целиком. Она гласила:

1. Для более тесной связи между областными федерациями, из которых состоит „Рабочая партия“, учреждается особый Национальный Комитет; временным местопребыванием этого комитета назначается Париж.

2. Задачами Комитета являются:

а. Приведение в исполнение решений национального конгресса.

б. Всякого рода сообщения; переписка с областными федерациями и всевозможными социалистическими группами (независимо от того, будут ли эти группы иметь местопребывание во Франции или за границей), стремящимися к уничтожению системы наемного труда.

3. Комитет дает отчет каждому национальному конгрессу.

4. Комитет организовывается таким образом, что каждая федерация избирает пять делегатов, которые могут быть замещены в любое время. Полномочия Комитета имеют силу в продолжение одного года.

5. Каждая областная федерация в местных делах и вопросах, касающихся материальных средств, пользуется полной автономией. Всякие решения, имеющие общий интерес, должны сообщаться остальным федерациям.

6. Комитет не имеет права препятствовать обмену отчетов отдельных федераций и групп.

Таким образом, в партии восторжествовала пресловутая „автономия“ анархистов и других мелкобуржуазных группировок, и осуществление здорового принципа демократического централизма, необходимого и обязательного для всякой рабочей партии, борющейся за собственное существование и достижение своих конечных целей, стало невозможным.

Партийные раздоры, находившие отклик в обоих враждебных друг другу органах, —„Prolétaire“ и „Egalité“—вначале ограничивались исключительно Парижем, но не оставались без влияния на провинцию, которая также стала делиться на фракции: север примкнул к марксистам, юг—к автономистам. Полный разрыв между этими двумя фракциями

произошел на конгрессе в С.-Этьене (24 сентября—1 октября 1882 г.). В предвидении грядущих событий обе фракции послали на съезд возможно больше делегатов, которых всего собралось в С.-Этьене 111 человек, представлявших 350 профессиональных союзов и групп. Уже проверка полномочий не обошлась без бурных прений. При обсуждении второго пункта программы занятий, касавшегося партийной дисциплины, произошел раскол. Гед и меньшинство конгресса, состоявшее из его сторонников, внесли предложение, по которому члены национального и федеративного комитетов, центра и центральной федерации, заинтересованные в споре, были лишены права голоса, если они не хотят соединить в одном лице обвинителя и судью. Когда предложение это было отклонено, гедисты оставили конгресс и опубликовали „манифест к социалистам", подписанный 24 делегатами, представлявшими 34 группы. Оставшееся на сент-этьенском съезде большинство исключило из партии меньшинство с Гедом и Лафаргом во главе. Меньшинство отправилось в Роан (Roanne) и там открыло свой съезд. Освободившись от гедистов, сент-этьенский съезд переделал партийную программу, вытравив из нее марксистскую душу и перекроив ее по-своему. Положительные требования программы были совершенно вычеркнуты и каждая местная организация получила право выработки редакции по своему усмотрению. Не от этих ли строптивых предков унаследовали свои принципы современные нам „автономисты"?

Таким образом, французская партия раскололась на две партии с отдельными программами, с различными методами работ, с разными средствами борьбы; две партии, пошедшие по совершенно расходящимся дорогам: сент-этьеновцы или, как их называли, „поссибилисты" (т.-е. партия, придерживавшаяся принципа, „постольку—поскольку"), пошли направо,—к буржуазии, и являются, как увидим ниже, духовными отцами Мильерана, Бриана, Реноделя, Жуо и прочих предателей дела рабочего класса; марксисты пошли по избранному ими тяжелому, но ведущему к торжеству пролетарской революции, пути непримиримой классовой борьбы и являются идейными предшественниками Французской Ком. Партии. Первые назвали свою партию: „Французской федерацией тружеников социалистов-революционеров" (Fédération française des travailleurs socialistes revolutionnaires); гедисты дали своей партии название: „Рабочая партия" (Parti ouvrier).

Марксисты собрались на II съезде своей партии, который открылся в Рубэ 6 апреля 1884 года. Бланкисты с Эдуардом Вайяном во главе образовали свой собственный „Революцион-

ный центральный комитет“ (Comité révolutionnaire central) и сорганизовались в партию, признававшую бланкистский коммунизм, т.-е. не признававшую теоретической пропаганды, а только революционное действие. Эта вредная для рабочего движения бланкистская традиция еще и теперь свято чтится в некоторых слоях французского рабочего класса. Но Вайян и его друзья, будучи в то время искренними коммунистами шли в практической работе нога в ногу с коммунистами марксистами.

Во время всемирной парижской выставки 1889 г. произошло важное событие в интернациональном рабочем движении, оказавшее особое влияние на движение французского пролетариата: 14-го июля, в день взятия Бастилии, открылся интернациональный конгресс марксистов и примыкавших к ним, положивший основание II Интернационалу. 15-го же открылся в Париже другой интернациональный конгресс—поссибилистов. Соединить эти два конгресса не удалось, несмотря на все попытки вождей марксизма. На конгресс марксистов собралось 395 делегатов, из которых французов было 221, а поссибилистский конгресс собрал 606 делегатов, из которых французских делегатов было 524. Таким образом, конгресс марксистов имел среди французского пролетариата гораздо больший вес в смысле его авторитета и выражения мнения международного пролетариата. Конгресс одобрил тактику „Рабочей партии“ и значение гедистов начало расти. Рабочие начали подходить, хотя небольшими группами, но поближе к партии. Когда же в октябре (с 10 по 21) 1890 г. был созван в Лиле съезд партии, то на него явился 71 делегат, представлявших 212 групп и синдикальных палат. На этом конгрессе были собраны части партии в национальную организацию, был основан центральный партийный орган, „Le Socialiste“, и избран Национальный Совет из семи членов, среди которых были Гед и Лафарг.

В начале 90 г.г. „Рабочая партия“ уже отвоевала значительное место во французском рабочем движении. Так, доклад рабочей партии Брюссельскому Интернациональному Конгрессу (16—23 августа 1891 г.) констатировал непрерывный рост своей силы. Партия, обладавшая в 1889 г. только одной газетой, в 1891 году, помимо центрального органа („Le Socialiste“), владела шестью местными органами: в Лиле выходил „Cri du Travailleur“, в С.-Кентене—„Défense des Travailleurs, в Руане—„Normand Socialiste“, в Коммантри—„Tocsin“, в Бордо—„Question Sociale“ и в Марселе—„Lutte“. Партии кроме того удалось провести своих кандидатов во многие муниципалитеты. В некоторых общинных советах, как, например, в Роанне, Нарбонне и др., социалисты

были даже в большинстве. А в Лиле на дополнительных выборах 1891 г. партии удалось одержать блестящую победу: депутатом был выбран ее кандидат — Лафарг, против которого объединились оппортунисты вместе с клерикалами

1892 г. показал, что марксистская агитация всколыхнула глубокие пролетарские пласты. В рабочих центрах гедисты начали приобретать все большее влияние. Особенно это сказалось во время длившейся более двух месяцев (август—октябрь) стачки в Кармо, ибо эта стачка была первой, которая имела более политический, нежели экономический характер. X Съезд Рабочей партии собрался в Марселе во время этой стачки. На этом съезде уже участвовали 622 синдикальных палаты и социалистических групп, представленных 150 делегатами, среди которых было шесть депутатов парламента: Журд, Лафарг и др.; также присутствовали иностранные социалисты: от германской партии Вильгельм Либкнехт, от бельгийской — Ансель. На этом съезде было решено повести самую широкую агитацию среди мелких крестьян и подготовиться к парламентским выборам 1893 г. Для немедленного улучшения положения сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян съезд выработал следующие меры:

1. Минимум заработной платы должен устанавливаться синдикальными палатами сельских рабочих по соглашению с муниципальными советами.

2. Институт сведущих людей (prud'hommes) распространяется и на сельскохозяйственных рабочих.

3. Отчуждение принадлежащих общинам земельных имуществ воспрещается; остатки от общинного бюджета обращаются на увеличение общинных же земельных владений.

4. Учреждается особая пенсионная касса для стариков и инвалидов; средства ее составляются из специального налога на доходы крупных землевладельцев.

5. Общинами приобретаются земледельческие машины с целью отдачи их на прокат сельскохозяйственным рабочим.

6. Пошлины с купчих крепостей и передаточных документов на имения, стоимость которых не превышает 5000 фр., отменяются.

7. Высота арендной платы устанавливается специальными комиссиями (commissions d'arbitrage), и арендаторы по истечении договорного срока имеют право на вознаграждение за произведенные ими на арендованной земле улучшения. Контроль поземельных книг и бесплатный курс агрономических наук.

Таким образом, рабочая партия впервые выставила специальную программу, содержащую требования аграрных реформ. Программа эта имела большой успех среди крестьянства и городских рабочих, связанных с деревней, и оправдала все ожидания партии. Рост влияния гедистов и их неустанная пропаганда заставили поссибилистов пересмотреть свою тактику и на парижском учредительном съезде (в июне 1891 г.) они занялись переоценкой своих взглядов, решили отмежеваться от буржуазии и переименовались во „французскую партию социал-революционных рабочих" („Parti ouvrier socialiste révolutionnaire français"). Рост силы Рабочей Партии, которая уже собрала, на выборах 1893 года, 246.600 голосов и завоевала 8 мест в парламенте, заставил не только оппортунистов пересмотреть свою тактику, но и некоторых дальновидных политических карьеристов, которым нужно было приобрести при помощи рабочих голосов политический вес, достаточный для того, чтобы добраться до министерского портфеля. Таким пройдохой оказался нынешний президент французской республики Мильеран, который в феврале 1893 г., в первых заседаниях вновь избранного парламента, начал примазываться к рабочей партии. Он по своей инициативе внес радикальную формулу перехода к очередным делам, в которой он требовал пересмотра конституции 1875 г., коренных социальных реформ в положении сельскохозяйственного и городского пролетариата, изъятия национальной собственности, французского банка, рудников и железных дорог из рук крупных капиталистов. Эта резолюция Мильерана, хотя и была подписана социалистическими депутатами, но гедисты тем не менее указывали на ее недостаточность. Лафарг указал на то, что программа Мильерана не ведет к конечной цели пролетариата, ибо победа над крупным капиталом может быть достигнута лишь при условии уничтожения системы наемного труда. Предателю Мильерану не стоило много труда, чтобы изменить свои взгляды согласно требований партийной программы, лишь бы влезть в партию, чтобы, выскочив из нее, попасть в министры.

Мильеран и его друзья, Бриан и Вивиани, впоследствии проделавшие для достижения своих карьеристских целей тот же сальто-мортале, что и Мильеран, взялись за организацию самостоятельной социалистической партии, так как руководство в существовавших значительных рабочих партиях (Рабочая партия и Революционная Социалистическая партия бланкистов) уже находилось в твердых руках. Поэтому эта теплая компания политических авантюристов, совместно с некоторыми наивными буржуа, в роде Де-

Прессансэ, и будущими предателями, в роде Реноделя, основала в 1898 г. „Союз Независимых Социалистов Франции". В этом союзе „социалистов" палачи рабочего класса, Мильеран и Бриан, играли, разумеется, первую скрипку, на которой они наигрывали такие мотивы, какие требовались буржуазии, агентами которой они являлись.

Таким образом, к концу 90 гг. прошлого столетия уже существовали во французском рабочем движении три оформившихся течения: марксисты (Рабочая партия) с Гедом во главе, бланкисты (Революционная Социалистическая партия) с Вайяном во главе и „Союз Независимых Социалистов Франции" под руководством Мильерана. К этим главным течениям примыкали небольшие группы и союзы. Так, например, к марксистам, а в некоторых вопросах, к бланкистам примыкало „революционно-коммунистическое объединение"; затем существовал „союз революционных независимых социалистических групп", одно название которого показывает, какую путаницу и неразбериху представлял собою этот союз „революционных", „независимых" и т. д. Тем, кто пришел в пролетарский лагерь, чтобы разлагать революционные ряды рабочего класса, был на руку этот хаос, существовавший в группировке пролетарских сил. Но у каждого честного представителя французского пролетариата появлялось естественное опасение за подобное положение в движении французского пролетариата. Мысль о создании единого пролетарского фронта все более углублялась в сознание передовых пролетариев тогдашней Франции и стремление к объединению росло все сильнее.

IV. ОТ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ДО ТУРА.

1898—99 года отличаются во Франции своей особенно обостренной борьбой между начавшим крепнуть движением французского пролетариата и собравшей все свои реакционные силы буржуазией. Последняя, очутившись пред колоссальным ростом влияния социалистов, за 5 лет удвоивших свои силы (сумма голосов, полученных на выборах 1898 г. всеми социалистическими партиями, составляла 839.888 против 436.983 голоса в 1893 г.; из этой суммы одни только гедисты получили 382.426 голосов), поняла, что марксизм— это „чуждое французским рабочим немецкое учение" как кричала и продолжают кричать буржуазия и ее наймиты — является одним из острейших оружий в руках рабочего класса в его повседневной борьбе со своими классовыми врагами. Буржуазия спустила с цепи всю свою свору бешеных собак,

которые должны были беспрестанно лаять на это „жидовское“ ученье. Почва для травли передовых рабочих и оплевывания выдающихся марксистов была создана французской черной сотней, благодаря процессу Дрейфуса. Французские биржевики и фабриканты преследовали в этом процессе двоякую цель: борьбу с еврейскими банкирами и с французскими рабочими. Вот почему все, что было честного не только в рабочем классе, но и на крайнем фланге либеральной буржуазии (Эмиль Зола, Жорес и др.), бросилось отбивать наступление буржуазной реакции во Франции.

Естественно, что в авангарде бросившейся в контр-атаку передовой части французского общества шли социалистические партии, а в первых рядах этого авангарда шагали гедисты. Был создан „Комитет для наблюдения“, включавший все социалистические партии и группы, а вскоре этот комитет был переобразован в „объединительный комитет“. Независимые социалисты также были приглашены в этот О. К. для объединения всех социалистических сил. Но в это время пришедший к власти и нуждавшийся в поддержке левых Вальдек-Руссо пригласил Мильерана в свою переднюю и вручил ему портфель министра торговли. Будучи уполномочен парижской биржей торговать, „социалистический“ министр Мильеран начал показывать рабочим свой полицейский кулак. Но карьера еще не была закончена, и Мильеран еще нуждался в рабочей опоре, чтобы устоять на своих эксплуататорских ногах: без „социалистических“ костылей Мильеран в то время не мог бы и шагу сделать по гладкому паркету капиталистических передней. Вот почему в это время он еще старался прятать свои волчьи клыки, натягивал на себя овечью шкуру и согласился, наконец, чтобы его партия участвовала во всеобщем съезде французских социалистических организаций, который состоялся 3 декабря 1899 года. На этом съезде был поставлен в порядке дня и вопрос „за или против вхождения в буржуазное министерство“. Гедисты развили свою точку зрения на этот вопрос и доказывали, что участие в буржуазном правительстве представителей рабочих является изменой делу пролетараита. Поборовшись против соглашателей и предателей на подобном же всеобщем съезде, созванном в 1900 г., и видя бесплодность идейной борьбы с Мильеранами, гедисты покинули этот съезд. В 1901, приняв в свои ряды бланкистов и „коммунистический союз“, влившиеся в „Рабочую партию“, гедисты образовали „Социалистическую партию Франции“ (Parti socialiste de France). Другие социалистические группировки, не вошедшие в партию гедистов, образовали в 1902 г. „Французскую Социалистическую Партию“.

Так постепенно стягивались отдельные отрядики борющейся пролетарской армии, частично соединялись. Временами лучшие пролетарии делали попытку слить воедино все социалистические оттенки во французском социалистическом движении. Но это объединение шло во Франции, и особенно в этой стране, крайне медленными шагами, натыкаясь постоянно на различные препятствия, расставленные, как мы видели, на всем пути развития французского коммунизма. Эти препятствия еще и поныне стоят на пути в образе огромной массы предрассудков, традиций, привычек, стремлений к „свободе мнений", отвращения к „диктатуре" вождей, т.-е. твердому руководству и т. д. Вот что писал Каутский в 1904 г., когда он еще не был ренегатом: „Свобода мнений" социалистических журналистов и парламентских депутатов во Франции, их независимость от пролетарских организаций, возможность того, чтобы их политика шла в разрез с политикой этих последних,—вот *злокачественная язва французского социалистического движения*" *). Эта злокачественная язва долго мешала объединению французских пролетариев в одну мощную организацию борьбы. Эта язва еще и до сих пор разъедает тело французского рабочего класса; замечу, между прочим, что анализу этого явления и методам борьбы с ним посвящена большая часть настоящего тома.

Большую услугу делу объединения французских социалистов оказал амстердамский интернациональный социалистический конгресс в 1904 г. Пред конгрессом начались переговоры между „Социалистической партией Франции" и „Французской социалистической партией". На Амстердамском конгрессе, благодаря содействию влиятельных иностранных товарищей, эти переговоры подвинулись значительно вперед и привели в 1905 г. к установлению единого фронта французского пролетариата, к образованию „Объединенной Социалистической партии".

К этому времени Мильеран, Бриан, Вивиани и К° уже начали сбрасывать с себя красный покров: они не вошли в объединенную партию, а образовали свою „социалистическую" партию, которая стояла за сотрудничество с буржуазией, а после третьего своего съезда прекратила свое бесславное существование.

„Объединенной" в строгом смысле этого слова, партия была скорее на бумаге, чем на деле, так как в ней происходила беспрерывная борьба между реформистами и марксистами. На всех тринадцати съездах, которые партия созы-

*) К. Каутский: „Республика и социализм во Франции".

вала в промежутке от 1905 по 1914 г., эти два фланга единой партии не могли притти к окончательному единодушию. На левом фланге стоял Гед, на правом—Жан Жорес, который из стана либералов перешел в социалистический лагерь.

Жорес, обладая большой эрудицией и глубоким умом, соединял в себе огромный ораторский талант и благородную душу. Но это не мешало ему быть насквозь пропитанным соглашательским реформизмом. Особенно в первый период своей партийной деятельности (приблизительно до 1905—11 гг.) Жорес свято хранил и развивал в своей пропаганде старые утопии на новый лад. Он оставался долгое время непримиримым врагом последовательной классовой борьбы, а вместе с тем и убежденным противником марксистской тактики в пролетарском движении. И то, что называется жоресистской традицией, является смесью мелкобуржуазного примиренчества и возмущения благородного чувства против угнетения человека человеком. Благородства было, без сомнения, у честного Жореса очень много, во всяком случае гораздо больше, чем веры в то, что угнетательский строй капитализма неизбежно будет заменен коммунизмом лишь посредством непримиримой классовой борьбы. Жорес обладал большими знаниями, был довольно дальновидным политиком, но вместе с тем его идеализм заслонял ему историческую перспективу рабочего движения. Жорес смотрел глубоко, но не мог заглянуть в даль, он иногда решал правильно, что следует делать сегодня, но вряд ли он был бы способен определить, какое следует взять направление в историческое завтра: для этого одаренному гигантскими способностями Жоресу недоставало всего лишь марксистской диалектики. Вот почему Жорес не мог оставить традиций, которые помогали бы французскому пролетариату искуснее и увереннее бороться с буржуазией и победить ее, а, наоборот, вся прошлая, без сомнения безупречная, деятельность Жореса учила тому, как смягчить остроту классовой ненависти пролетариата к буржуазии, как сгладить острые углы, как примирить непримиримое. Поэтому, и *только* поэтому, так называемые, жоресистские традиции являются для пролетариата не только бесполезными, но и вредными, несмотря на то, что каждый честный рабочий может быть полон уважения к идейной личности Жореса.

Если мы остановились немного подробнее на анализе того, что составляет традиции Жореса, так это потому, что традиции эти еще и поныне занимают довольно значительное место в движении французского пролетариата и еще не совсем изжиты и в самой Ф. К. П. Эти традиции играли

большую роль во время империалистической бойни 1914—1918 гг. Какой социал-изменник во Франции не прикрывался жоресистской традицией, несмотря на то, что любой честный революционер затруднится сказать с уверенностью, на чьей стороне были бы Жорес, если бы он не пал жертвой преступного убийцы,—на стороне ли империалистических разбойников и их приказчиков, в роде Реноделя, Эрве и К°, или же на стороне революционного пролетарского авангарда, который начал в 1915 г. собирать свои силы.

Таким образом, за то почти десятилетие, которое продолжалось существование „объединенной социалистической партии", Жорес и его друзья оказывали большое влияние на развитие рабочего движения во Франции. Это влияние усилилось еще тем, что на вожде марксистского крыла, Геде, начала сказываться преклонность его лет. К 1910—12 гг. Гед уже не принимал активного участия в партийной работе, крайне редко показывался на собраниях, на которых он совершенно перестал бывать, совершенно не выступал и даже за свое абсолютное молчание (в качестве партийного лидера) французские рабочие прозвали его „великим молчальником". А к концу жизни судьба жестоко надсмеялась над Гедом: он—ярый враг буржуазии, непримиримый противник войны между народами, но призывавший во всю свою долгую жизнь к борьбе между классами, Гед, не могший хладнокровно произнести имя Мильерана и Бриана,—должен был заседать в империалистическом правительстве, ведшем самую кровавую, грабительскую, империалистическую войну; Гед должен был заседать в одном правительстве „священного единения" во имя спасения „отечества" рядом с Брианом и Мильераном!... Правда, уже заседал не Гед—борец, огненная речь которого когда-то зажигала сердца пролетариев, не Гед—марксист, не Гед—выразитель возмущения ограбленных пролетарских масс, а лишь физический труп Геда, в котором гедистская душа была уже мертва. И этот живой труп не мог не заражать собою атмосферу и так уже достаточно зараженную шовинизмом и звериным национализмом.

Тем больше заслуг пред французским пролетариатом той небольшой группы французских товарищей, которые оставались революционерами - интернационалистами, несмотря на то, что в партии и во всем рабочем движении наступил резкий перелом, отразившийся в искаженном лице Эрве, Жуо и др.

Зигзагообразный путь, который мы в настоящем очерке проследили в развитии коммунизма и всего рабочего движения во Франции, не мог не оставить глубоких следов. Те изви-

лины и ухабы, через которые французским пролетариям приходилось перескакивать, останавливаться, спотыкаться, начиная от эпохи Бабефа и кончая 1914 годом, не могли не искривить пути. Эта кривизна особенно обозначилась, когда в августе 1914 года мировые спекулянты бросили угнетаемые ими народы друг против друга.

В первый же день кровавой схватки — 1 августа 1914 г.— „объединенная“ партия разлетелась вдребезги: она не представляла собою прямой фронт против войны, а разбилась на три группировки. Правая часть с Реноделем и Альбером Тома во главе немедленно и безоговорочно перешла на сторону буржуазии, раскаялась во всех своих прошлых „социалистических“ заблуждениях и превратилась в неприкрытых агентов буржуазии. Вторая — середка, группа, так-называемых „межстульников“, т.-е. состоящая из таких элементов, которые постоянно норовят в одно и то же время усесться на двух, далеко отстоящих друг от друга, стульях— с Жаном Лонгэ во главе часами хныкала и искала „левая, правая, где сторона“, но неизменно присоединялась к правой, голосуя военные кредиты, поддерживая все грабительские шаги французского правительства и т. д. Эта группа, по мере утомления пролетарских масс войною, начала превращаться из стоячего болота в движущуюся жижицу. Из этой жижицы удалось некоторым выкарабкаться. Третья группа— крайне незначительная количественно, но закаленная в пролетарской борьбе,—не дрогнула и не выпустила красного знамени из своих железных рук: эта группа сплотилась вокруг стойких революционных синдикалистов: т.т. Моната, Росмера, и др. и повела энергичную борьбу за восстановление интернациональных связей международного пролетариата. Для этой цели они основали „Комитет для возобновления интернациональных сношений“ (Comité pour la réprise des Rélations Internationales). Эта маленькая группа честных пролетариев спасла таким образом честь французского рабочего класса.

Этот „Комитет“, в котором, между прочим, принимал активное участие живший тогда в Париже тов. Троцкий, был представлен на Циммервальдской конференции и участвовал также в работах Киентальской конференции. После этих конференций „Комитет для возобновления“ развил большую коммунистическую пропаганду. К тому времени началось массовое отрезвление пролетариата от шовинистического угара войны. Поэтому к моменту русской революции уже было рассеяно много коммунистических ячеек (не носивших, понятно тогда еще названия „коммунистические“), которые ожидали после свержения самодержавия, победы русского про-

летариата над буржуазией. Октябрьская революция, поразившая, как громом, всю международную буржуазию и ее „социалистических“ агентов, возбудила безграничную радость и окрылила надеждами лучших французских пролетариев, находившихся под влиянием пропаганды „Комитета для возобновления“. Французский рабочий осознал себя снова. Он вспоминал в эти дни не традиции бесхребетного реформизма, а славные боевые мартовские дни 1871 г., когда красное знамя развевалось над Парижской Коммуной. Таким образом, к моменту I конгресса Коминтерна (март 1919 г.) во французском пролетариате была подготовлена достаточная почва для восприятия идей Коммунистического Интернационала. В мае 1919 г. „Комитет для возобновления“ преобразовался в „Комитет III Коммунистического Интернационала“.

Революционная ситуация, в которой находилась в это время вся Европа, беспрерывный рост влияния Коминтерна облегчали задачи наших французских товарищей, руководивших „Комитетом III Интернационала“. К началу 1920 г. вокруг „Комитета“ сплотилась значительная партийная масса, за которой верхи партии вынуждены были плестись. И под давлением этой массы партийный съезд, состоявшийся в Страсбурге в конце февраля 1920 г., вынужден был постановить: отправить делегатов в Москву для переговоров о вступлении французской партии в ряды Коминтерна. Эти переговоры привели к тому, что французские делегаты, вернувшись во Францию, предложили Ц. К. своей партии созвать партсъезд для обсуждения 21 условия, которые выработал II Конгресс Коминтерна (июль—август 1920 г.) и принятие которых обязательно для каждой, вступающей в Коминтерн, Коммунистической партии. Партийный съезд был созван в Туре в декабре 1920 г.

V. ОТ ТУРСКОГО СЪЕЗДА ДО IV КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА.

К моменту созыва Турского съезда французская социалистическая партия насчитывала около 200.000 членов *). В Тур прибыли представители всех трех течений в партии. На этом съезде победил коммунизм: за вступление в Коминтерн без оговорок высказалось 3252 голоса, за вступление с оговорками—1082 голоса и 397 голосов воздержалось.

*) Рост Ф.С. Партии виден из следующих данных: в 1910 году было 53.000 членов в 1914 году—90.000, в 1919 г.—150.000.

В этой главе мы будем очень кратки, так как периоду охватываемому настоящей главой, посвящена вся книга, содержащая глубокий анализ одного из величайших марксистов нашего времени. Но мы хотим дать короткое пояснение выше приведенным результатам голосования, прежде чем перейти к цифровым данным о количественном состоянии французской компартии к моменту IV всемирного конгресса Коминтерна.

Интересно отметить, что *против* вступления не было подано в Туре ни одного голоса, хотя во главе воздержавшихся были такие заклятые враги Коминтерна, как Ренодель и Блюм. *За вступление с оговорками* стоял Лонгэ с его приверженцами. Теперь это странно звучит: Лонгэ за вступление в Коминтерн! Лонгэ, этот качающийся маятник, созданный самой природой для того, чтобы не пристать ни к тому ни к другому, а вечно воздерживаться, не осмелился присоединиться тогда к реноделевской компании. Он голосовал *за*, но, конечно, с оговорками, чтобы при помощи этих оговорок обмануть впоследствии французских рабочих. Но это ему не удалось: подавляющее большинство съезда стояло за немедленное вступление в ряды борющегося за коммунизм мирового пролетариата. Лонгетисты и реноделевцы откололись (поэтому они называются диссидентами) и образовали свою партию, в которую вступило около 40.000 членов прежней партии, 130.000 членов, образовали Ф. К. П., являющуюся французской секцией Ком. Интернационала. Поведение диссидентов на Турском съезде показывает, что коммунистическое движение захватило тогда такие широкие массы французского пролетариата, что *открыто* выступать против коммунизма никто не осмеливался. Но зато в Туре остались скрытые враги, которые выжидали удобного момента, чтобы начать расшатывание коммунистических рядов французского пролетариата. Борьба с этими элементами и вопрос об очищении партии от них занимает много места в речах, статьях и всех прочих документах, помещенных в настоящем томе.

* * *

Отчет о деятельности Ф. К. П., опубликованный Ц. К. к парижскому съезду (октябрь 1922 г.) приводит следующие данные о количестве членов партии в октябре 1921 г. и в июле 1922 г.

Название федерации.	Число парт. билетов, выданных к 1/X 1921 г.	Число парт. билетов, выданных к 31/VII 1922 г.
Авеирон	334	100
Алжир	380	450
Алие	1.950	1.700
Альпы (нижние)	300	200
Альпы (верхние)	67	50
Альпы (прибрежные)	550	365
Ардеш	630	350
Арден	683	550
Ариеж	500	400
Буш-дю-Рон	1.400	1.100
Вандея	330	200
Вар	834	1.100
Вогезы	550	400
Воклюз	2.300	1.000
Вьен (верхний)	1.000	700
Вьен	612	400
Гаронна (верхняя)	500	300
Гар	1.600	1.120
Геро	730	500
Де-Севр	250	200
Дордойн	1.499	900
Дром	1.500	700
Дуб	1.025	575
Жер	265	330
Жиронда	1.300	1.025
Изер	1.270	900
Иль-де-Вилен	456	400
Ион	600	600
Кальвадос	334	200
Канталь	200	150
Константин	267	300
Коррез	2.000	1.600
Корсика	145	100
Крез	667	600
Кот-д'Ор	900	500
Кот-дю-Нор	260	150
Ланд	400	300
Ло	200	160
Ло и Гаронна	1.017	1.200
Лозэр	110	100
Луара	1.500	1.600
Луара и Шер	420	300
Луара (верхняя)	105	60
Луара (нижняя)	600	500
Луарэ	472	350
Манш	183	125
Майен	60	50
Марна	640	500
Марна (верхняя)	350	240
Мартиника	110	—

Название федерации.	Число парт. билетов, выданных к 1/X 1921 г.	Число парт. билетов, выданных к 31/VII 1922 г.
Мерт и Мозель	684	530
Мозель	3.334	1.500
Морбиган	200	125
Мэз	167	—
Мэн-и-Луара	480	313
Ниэвр	1.500	940
Нор	11.252	8.000
Об	2.250	1.500
Од	450	350
Оран	100	170
Орн	274	160
Па-де-Кале	6.000	3.500
Пиренеи (нижние)	300	300
Пиренеи (верхние)	228	150
Пиренеи (восточные)	600	500
Пюи-де-Дом	620	500
Рейн (нижний)	2.922	3.000
Рейн (верхний)—Бельфор	500	350
Рейн (верхний)—Милуз	1.667	1.200
Рона	3.300	2.500
Савойя	500	160
Савойя верхняя)	545	430
Саон и Луара	1.445	1.000
Сарт	445	300
Сена	15.167	10.000
Сена (нижняя)	2.000	1.153
Сена и Марна	1.334	1.450
Сена и Уаза	5.700	4.000
Сомма	640	500
Тарн	600	500
Тарн и Гаронна	312	150
Тонкин	—	10
Тунис	200	300
Уаза	1.334	775
Финистр	778	360
Шарант	1.010	1.000
Шарант (нижний)	600	550
Шер	1.200	900
Эир	412	400
Эир и Луар	500	400
Эйн	634	670
Эн	707	570
Эндр	550	400
Эндр и Луара	1.250	1.000
Юра	250	200
Иностранная группа	100	122
Итальянская группа	—	240
Всего	109.391	78.828

Как видно, за отчетный год партия понесла значительную убыль, которая зависит, понятно, от объективных причин, но также и от субъективных причин, о которых в книге часто упоминается. Что касается партийной печати, то упомянутый отчет показывает, что имеется: 1) 5 ежедневных газет, в том числе центральный орган партии „L'Humanité", 2) два органа, выходящих два раза в неделю, 3) 30 еженедельников, 4) шесть двухнедельников и 5) шесть органов, выпускаемых в издании „Голос Крестьянина".

* * *

Из всего материала, собранного в настоящей книге о „Коммунистическом движении во Франции" видно, что французский пролетариат с большим трудом пробивает себе путь к коммунизму. История пролетарских масс Франции является историей героических схваток, жертв, борьбы, наступлений и отступлений. История многих вождей французского рабочего движения есть часто история глубочайших измен и предательств. Вот почему так строг французский рабочий-коммунист к своим вождям и отталкивает всех тех, кто недостаточно силен, чтобы достойно держать в своих руках красное знамя коммунизма. Ибо французский рабочий знает и верит, что недалек тот день, когда во Франции вся буржуазная комедия, с ее героями и статистами парламентской сцены, придет к страшному концу под свист и крик народа, и что заглавие следующей пьесы, которую сыграют после поднятия занавеса, будет Царство Коммунизма.

М. Зеликман.

Москва 10/IV 1923 г.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЧИК ИМЕН И СОБЫТИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Самые удачные пояснения многих лиц и событий находятся в самом тексте, ибо трудно, а подчас и невозможно, найти более точное и вместе с тем характерное определение лица или события, какое дает каждому из встречающихся в книге лиц и событий тов. Троцкий. Поэтому лучшие пояснения читатель найдет в самой книге. И если я, по предложению издательства, тем не менее помещаю настоящий словарчик с краткими пояснениями, то мною руководит лишь единственное желание—помочь рядовому читателю легче и быстрее ориентироваться в материале.

Считаю своим долгом отметить, что главным источником для составления помещаемого словаря в части, касающейся текущих событий и современных нам лиц, служили мне речи, статьи и письма Льва Давидовича, собранные в настоящем томе.

Этот словарчик страдает, конечно, многими недочетами и недостатками. Но справедливость требует указать, что часть этих недостатков следует отнести за счет отсутствия необходимого времени и соответствующего материала.

Москва, 10 апреля 1923 г. *М. Зеликман.*

Амьенская хартия. Так названа резолюция, принятая французскими профсоюзами на съезде, состоявшемся в 1906 г. в Амьене. Резолюция признает полнейшую независимость профсоюзов от каких бы то ни было политических партий и групп. Эта „хартия" констатирует, что профсоюз объединяет трудящихся независимо от их политических взглядов, но никто не должен вносить в профсоюз исповедуемые им политические взгляды.

Ансель, Эдуард (род. 25 июля 1856 г. в Генте). Сын сапожника. Чтобы служить лучше пролетарскому делу он научился типографскому искусству и содействовал выпуску еженедельника „Werker", ко-

торый он каждое воскресенье сам разносил. В 1886 г. А. был предан суду за преступление против законов о печати. В то время, когда он находился в тюрьме, брюссельские рабочие выставили его кандидатуру в парламент, но избран он не был.

Аржансон (д') Ауайе (Veyer d' Argenson), Марк Рене (1771 г.—1842 г.). Во время реставрации примкнул к левому крылу республиканцев. Встретясь с Буонарроти (см. это сл.), Аржансон примкнул к коммунизму.

Артур, Рэнсом. Английский журналист, посетивший Советскую Россию и опубликовавший затем в Manchester Guardian ряд статей о голоде в России.

Бабеф, Франсуа Ноэль (1760 г.—1797 г.). Был приговорен к смертной казни за свою коммунистическую деятельность, но покончил с собой 27 мая 1797 г. прежде, чем отдаться в руки палачей. Б. является одним из самых выдающихся революционеров-коммунистов во Франции в эпоху, так-называемой, великой французской революции (1789 г.). В октябре 1795 г. Б. основал тайный комитет, ставивший себе задачу подготовку восстания против тирании, за что и был обвинен в заговоре. Друзья Б. продолжали пропаганду его коммунистических взглядов, завоевали в 30 г.г. XIX ст. значительное число последователей, называвшихся „бабувистами". Учение Б. известно в истории французского коммунизма под именем „бабувизма".

Бакунин, Михаил (1814г.—1876г.). Известный русский анархист „бунтарь". Бакунин является одним из величайших революционеров XIX столетия, лично руководил и участвовал во многих восстаниях. Но теория Б. построена не на научном анализе классового общества, а исключительно на основе удачно подготовленного мятежа вне зависимости от фазы промышленного развития, экономического положения и соотношения классовых сил. Такая точка зрения на революцию превратила Б. в ярого противника учения Маркса, с которым Б. вел упорную борьбу в I Интернационале.

Барбес, Арман (1809 г.—1870 г.). За руководство восстанием, вспыхнувшим во Франции 15 мая 1839 г., Барбес, которого нашли у подножия одной из баррикад, был предан суду в качестве предводителя восставших и приговорен к смертной казни. Казнь была заменена ему пожизненным тюремным заключением. Революция 1848 г. освободила Б. из тюрьмы, и он снова стал во главе революционного движения. После поражения революции Б. был снова посажен в тюрьму и опять приговорен к пожизненному тюремному заключению. Шесть лет спустя он был помилован и по выходе из тюрьмы покинул пределы Франции, переселился в Брюссель, а затем в Гаагу, где он оставался до конца своих дней.

Барбюс, Анри. Известный французский писатель, являющийся вместе с тем одним из крупных литературных талантов современной нам Европы. Б. воплощает в себе, с одной стороны, все честное, бескорыстное, благородное, что еще осталось в некоторой части французской интеллигенции, и, с другой стороны, проклятие, ненависть и возмущение, которые пролетарские массы Франции чувствуют по отношению к буржуазии и империалистической правящей клике, хладнокровно подготовлявшей и организовавшей в 1914 г. страшную бойню, в которой невольным участником

пришлось быть мобилизованному и отправленному на фронт Б. Там, на фронте, в этом огненном аду бесконечного истребления человеческих жизней и разрушения во имя победы капитала закалил свой революционный дух Б. После войны Б. стал во главе „Интернационала бывших участников войны“ и является генеральным секретарем его. Этот Интернационал объединяет огромные массы бывших воинов и ставит себе цель—воспрепятствовать всеми средствами ведению войны во имя укрепления власти буржуазии. Естественно, что передовые элементы этого Интернационала очень близки коммунистам. Б. подошел вплотную к коммунизму, но долгое время стоял вне партии. Но когда в начале 1923 г. на Ф. К. П. посыпались правительственные удары и лучшие французские коммунисты были брошены в тюрьму, преданный коммунизму Б. вступил в ряды Ф. К. П.

Барту. Один из крупных политиков империалистической Франции. Участвовал несколько раз в министерстве. Был председателем французской делегации на Генуэзской конференции и сыграл одну из активнейших ролей в срыве этой конференции.

Бебель, Август (1840 г.—1913 г.). Рабочий, токарь, двадцатилетним юношей принимает участие в рабочем движении и в 1862 г. выдвигается уже, как крупный деятель этого движения. Благодаря своему огромному ораторскому таланту, глубокому пониманию марксизма и безграничной преданности рабочему классу, Б. становится самым влиятельным вождем последнего и до своей смерти оставался одним из лучших руководителей германской С. Д. и вместе с тем одним из самых влиятельных вождей II Интернационала. В 1869 г. Б. был приговорен к тюремному заключению за распространение „опасных для государственного строя учений“. В 1871 г. Б. был избран депутатом парламента, в котором он заседал беспрерывно (за исключением промежутков отбываний тюремного наказания) до конца своей жизни. Б. оставил много трудов, из которых самым значительным и распространенным произведением (оно было переведено на много языков, в том числе и на русский) является „Женщина и Социализм“.

Бернар, Мартин (1808 г.—1883 г.). Будучи рабочим типографии и сыном типографа, Б. примкнул к революционерам-коммунистам 30 гг. XIX ст. Б. основал общество „прав человека“, а затем, вместе с Барбесом и Бланки (см. эти сл.), основал общество „времен года“ (см. статью: Ф. К. П. и ее предшественники). Б. участвовал во многих баррикадных боях и отбывал долгие годы тюремного заключения.

Бланки, Луи-Огюст (1805 г.—1881 г.). Один из самых отважных революционеров Франции прошлого столетия. Б. был убежденнейшим коммунистом, но его коммунизм не был построен на научном основании. Единственным методом для свержения угнетательского строя капитала, Б. считал заговор, главным средством—восстание. Б. часто применял этот метод и пользовался этим средством, не считаясь с соотношением классовых сил. Поэтому ни одно из многих, организованных им восстаний не привело ни к какому результату. Б. сражался на баррикадах и умел воодушевлять своих приверженцев. В 1840 г. был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Б. долгие годы отбывал наказание, участвовал в Парижской Коммуне, был избран членом ее, но захвачен версальским правительством и задержан в качестве заложника. 15 февраля 1872 г. Б. в четвертый

раз был судим военным судом и приговорен к ссылке. Бланки оставался до конца своей жизни непримиримым врагом буржуазии.

Блан, Луи (1811 г.—1882 г.). Б. начал свою деятельность в стане революции, а кончил свою карьеру в рядах контр-революции. В период 1838—1848 гг. Б. пользовался большим влиянием среди французских революционеров. Уже в февральской революции 1848 года Б. проявил свои карьеристские стремления: будучи выдвинутым революцией в члены временного правительства, Б. стал на путь измены пролетарским массам. Но когда революция была разгромлена, Б. бежал в Англию, откуда вернулся в феврале 1870 г. и во время Парижской Коммуны перешел на сторону палачей рабочего класса и поддерживал все меры против Коммуны.

Блюм, Леон. Один из вождей правого крыла французской социалистической партии и непримиримый враг коммунизма.

Бонкур, Поль. Глашатай за блок с буржуазией, Бонк., являясь членом фр. соц. пар., сотрудничает в газетах так-называемого, левого блока (см. речь тов. Троцкого от 8/VI—1922 г.). Бонкур восхваляет в своих статьях предательскую политику Жуо (см. это сл.), ведущую к тому, чтобы профсоюзы служили интересам буржуазии.

Бриан, Аристид. В начале 90 гг. прошлого столетия Бр. с другими, ему подобными (Мильеран, Вивиани и др.), участвовал в основании партии „независимых социалистов", которая, впитав в себя несколько реформистских группок, преобразовалась в 1898 г. в „союз независимых социалистов Франции". Бр. был в этом союзе на левом фланге, как и при образовании „объединенной соц. партии" до тех пор, пока добился карьеры и получил портфель министра. Тогда Бр. показал свое истинное звериное лицо: он, получив власть, оказался одним из свирепых палачей французского пролетариата. Особенно выделился Бр. репрессиями против рабочих во время железнодорожной забастовки в 1910 г. Бр. участвовал во многих министерствах и с января 1921 г. по январь 1922 г. был председателем совета министров, пока его не сменил Пуанкарэ.

Бризон. Депутат парламента, по профессии учитель, в 1915—1916 гг. стоял на интернациональной точке зрения и участвовал в Киентальской конференции (см. э. сл.). В конце войны его интернационализм начал бледнеть, а вместе с ним и сам Б., который теперь с Верфеем (см. э. сл.) нападает на коммунизм, занимается журналистикой и издает газетку „La Vague" („Волна").

Брусс, Поль. По профессии доктор медицины, участвовал в 70 гг. XIX ст. в революционном движении во Франции, примыкая к анархистам бакунинского толка (см. сл. Бакунин). После мытарств по Европе, Б. отправился в Лондон, где познакомился с Марксом и Энгельсом, отрешился от своих анархических идей и по возвращении во Францию сотрудничал в органе французских марксистов „Egalité" (Равенство).

Буонарроти, Михаил (1761 г.—1837 г.). Один из выдающихся друзей и последователей Бабефа. Во время директории он принимал участие в заговоре Бабефа и был приговорен судом к ссылке. Б. скитался по Европе, спасаясь от преследований буржуазии, которая считала коммунистическую пропаганду Б. опасной. В 1830 г. Б. возвратился во Францию, снова развил пропаганду

идей Бабефа и ему удалось привлечь на сторону коммунизма ряд выдающихся лиц: Барбеса, Бланки, д'Аржансона (см. эти сл.) и др.

Бурдерон. Старый деятель французского рабочего движения, но без постоянной твердой линии. Б. был одним из основателей „революц. социалистической рабочей партии" (в 1882 г.), вместе с другими членами этой партии вошел в „объединенную „соц. партию, во время войны примкнул к правому крылу циммервальдского течения, а теперь Бурд. пребывает во французской „социалистической" партии.

Вайян, Эдуард (1840 г.—1916 г.). По образованию был медиком; медицину он последовательно изучал в Париже, Гейдельберге, Тюбингене и Вене, где одновременно знакомился с коммунистическими теориями. В 1870 г. Вайян проникся идеями Бланки (см. э. с.), принял активное участие в Парижской Коммуне, после разгрома которой бежал в Англию, откуда вернулся во Францию в 1880 г. В конце 80 гг. В. стал примыкать к марксистскому направлению, но последовательным марксистом он никогда не стал. В 1914 г., когда вспыхнула империалистическая война, В. во имя спасения „отечества" забыл заветы, за которые он боролся в течение полвека, и стал на сторону защиты „отечества", голосуя в парламенте все военные кредиты, поддерживая правительство „войны до конца", и всеми силами содействуя победе *своей* буржуазии. Но увидеть „победу" и все последствия версальского договора ему не пришлось.

Вайян-Кутюрье. Член Ц. К. Ф. К. П., прекрасный оратор, развивающий среди французских рабочих широкую коммунистическую пропаганду. Являясь депутатом парламента, Вайян-К. особенно горячо выступает и в парламенте и на собраниях в пользу мира между народами и войны между классами. В.-К. участвовал в качестве мобилизованного в империал. войне, из которой он вышел убежденным противником защиты буржуазного „отечества". После войны В.-К. вместе с Барбюсом (см. э. сл.) организовал „союз бывших воинов", который ставит себе целью воспрепятствовать войне всеми мерами. Вайян-К. был делегатом от Ф. К. П. на III конгрессе Коминтерна.

Верфей. Журналист, был во время войны с Лонгэ (см. э. сл.), на турском съезде ушел сначала с диссидентами, но вернулся обратно и вместе с большинством съезда вошел в Ф. К. П., оставшись по некоторым вопросам при „особом" мнении; затем Вер. это мнение спрятал, приладился к требованиям момента, был избран на марсельском съезде членом Ц. К. партии и, пользуясь этим званием, начал усердно сотрудничать в „Journal du Peuple"—газете Фабра (см. э. сл.), помогая последнему клеветать на Коминтерн. На Парижском съезде партии (в октябре 1922 г.) В. внес резолюцию против Коминтерна, которую он раньше (в сентябре) внес на конференции Сенской федерации, исключившей В. из рядов Ф. К. П. Это исключение было утверждено съездом. Теперь В. является открытым врагом коммунизма и ведет усиленную борьбу против Ф. К. П. и Коминтерна.

Вивиани. В молодости был „социалистом" группы Бриана,-Мильерана затем обменил свои юношеские „увлечения" на министерский портфель. В начале объявления войны В. был призван на пост председателя коалиционного совета министров, состоявших из капиталистов, ренегатов (Мильеран, Бриан) и предателей (Альбер Тома).

Видаль, Франсуа (1812—1872 гг.). Был приверженцем Луи Блана и одним из ближайших сотрудников последнего во время пребывания Блана во временном правительстве и созданной им „Люксембургской комиссии", секретарем которой был назначен В. По своим воззрениям В. принадлежал к социалистам-утопистам первой половины XIX ст.

Гасье. Карикатурист. Карикатуры Г. печатались в „L'Humanité". Теперь Г. в фроссаровской компании (см., Фроссар.)

Гебер, Жак-Рене (1757 г.—1794 г.). Коммунист, приближавшийся к теории Бабефа. Он вел упорную борьбу против аристократии и духовенства. В 1790 г. Г. начал издавать журнал „Le père Duchêne" защищавший интересы бедного люда.

Гед. Жюль (1845 г.—1922 г.). Является основателем французской „Рабочей партии"; примыкнувшие к группировке Геда были названы „гедистами". Эта партия первая приняла марксистскую программу. Во время Парижск. Коммуны Г. жил в Монпелье и издавал там „Права человека". Будучи в то время ярым защитником коммунизма, Г. был приговорен несколько раз за восхваление Коммуны в своих статьях, бежал в Швейцарию (Женеву), где основал секцию Интернационала; в 1876 г. вернулся во Францию. Гед имеет большие заслуги пред французским пролетариатом, среди которого он в течение десятилетий энергично сеял марксистские семена. Но уже за несколько лет до войны Г. по старости вышел из строя активных руководителей франц. партии и лишь пользовался прежним авторитетом. В начале войны социалистическая партия послала Геда в министерство Вивиани в качестве представителя от соц. партии. Гед считался министром без портфеля.

Генеральная (или Всеобщая) Конфедерация Труда. (Conféderation Générale du Travail или C. G. T.) является центром профессиональных союзов всей Франции (в роде нашего В. Ц. С. П. С.) Г. К. Т. была основана в 1903 г. и объединяла все франц. профсоюзы. C. G. T. считалась до войны самой революционной организацией во Франции. Но оказалось, что „революционность" вождей C. G. T. заключалась лишь в красивых фразах руководителей C. G. T. с Жуо (см. э. сл.) во главе. Но как только грянула империалистическая война и буржуазия бросилась за спасением к „сынам отечества", большая часть вождей Конфедерации очутилась в числе самых преданнейших „сынов" хищной французской буржуазии. После войны лидеры Г. К. Т. уже превратились в профессиональных предателей и повели отчаянную борьбу против коммунистического движения и коммунистически настроенных рабочих внутри профсоюзов. На съезде профсоюзов в Лиле (в 1921 г.) уже проявилось значительное число делегатов, стоявших против амстердамского объединения. К началу 1922 г. революционные синдикалисты образовали свою отдельную от реформистов Конфедерацию Труда, которую они назвали *объединительной* (Генеральная Объединительная Конф. Тр. или C. G. T. U.), стремящейся к единому фронту рабочего класса, в отличие от раскольнической тактики реформистов.

Гендерсон. Вождь английской рабочей партии, которая по тактике и методам борьбы является скорее партией антипролетарской, в особенности в своих верхах с Генд. во главе. Гендерсон участвовал во время войны в правительстве, в которое он вступил 26 мая 1915 г. чтобы помочь английским капиталистам вербовать добровольцев для защиты „отечества". Г. втягивал в эту патриотиче-

скую „работу“ большую часть своей партии. Г. всегда чувствовал себя среди буржуазии, как свой человек, но особенно он стал вхож в гостиные фабрикантов и банкиров после министерского поста. Этот „рабочий“ вождь не брезгает отведать и королевскую кухню, куда он иногда приглашается на обед.

Гладстон (1809 г.—1898 г.) Английский политический деятель, лидер либералов. Глад. стремился смягчить угнетение Ирландии, желая поработить ирландцев „мирным“ путем.

Грумбах. Эльзасец „патриот“. Его патриотизм заключался в том, что он содействовал устной и печатной пропагандой победе французского империализма. Г. после войны остается на крайнем правом фланге фр. „соц.“ партии и вместе с Реноделем, Блюмом и др. остается одним из преданнейших капиталу агентов буржуазии.

Гюисманс. Бельгийский „социалист“, бывший до войны (и продолжавший считаться во время войны) секретарем II Интернационала. Г. во время войны разделил свою работу с Вандервельде: первый взял на себя роль бельгийского „интернационалиста“, и все хлопотал о созыве в Гааге международной конференции, а второй разыгрывал патриотического шута. Но несмотря на эту разницу ролей оба преданные агенты буржуазии прекрасно уживаются теперь в одном болоте, называемым II Интернационалом.

Дезами, Теодор. Социалист-утопист первой половины XIX ст. (Д. умер в 1850 г.). Дезами отличается от своих современников-утопистов тем, что он строил свою теорию на движении и в отличие от утопистов-анархистов Д. понимал, что человек есть лишь часть огромного хозяйственного целого и является продуктом окружающей его среды. Особенно упорную борьбу Д. вел против утопии Кабэ (см. э. сл.)

Дешанель, Поль (1856 — 1920 г.). Представитель буржуазии во франц. парламенте, обладавший особенной „вежливостью“ и выбиравшийся за это качество несколько раз под ряд председателем палаты, а в 1919 г. банкиры нашли его подходящим для президентского поста и приказали своим депутатам и сенаторам избрать его. Д. не долго президентствовал, так как с ним случилось несчастье: во время поездки он выпал из поезда, был тяжело ранен и лишился рассудка, а вскоре и умер. Д. сменил на президентском кресле Мильеран (см. э. сл.).

Диссиденты (dissident, т.-е. раскольник). Так названа та группа, которая на турском съезде (см. э. сл.) откололась от пролетарского авангарда французского рабочего класса.

Дрейфус. Капитан французской армии, против которого в 90 гг. пр. стол. было возбуждено дело по обвинению его в шпионаже. Дрейфус был осужден на вечную каторгу и сослан на Чортов остров. Но так как невинность Д. в возведенном на него обвинении была известна некоторым высшим военным кругам, преданным республиканским идеям (дело против Д. было возбуждено монархистами-антисемитами, выбравшими Д., как еврея, в качестве удобной мишени для стрельбы в республику вообще), то, благодаря усилиям этих честных военных, удалось обратить внимание лучшей части тогдашнего фр. общества на неслыханную провокацию против Д. со стороны правительства. Создалось большое общественное движение вокруг этого дела; Д. был в конце-концов оправдан. „Дрейфусовский“ период (1896—1899 г.) послужил значительным толчком также и для движения франц. рабочего класса.

Дюмулен. „Честный“ренегат типа Мерргейма (см. э. сл.); в начале войны— циммервальдец, а ныне достойный соратник генерального секретаря Всеобщ. Кон. Труда Жуо (см. э. сл.), являясь ближайшим сотрудником последнего. Этот „честный“ патриот мильерановской Франции является одним из злостнейших клеветников и наемных лаятелей против Советской власти (см. статью: „Французский социализм накануне революции“).

Дюнуа, Амедэ—член Ц.К.Ф.К.П., Д. принадлежит к левой группировке в Ф.К.П. и является одним из тех четырех членов Ц К., которые на Марсельском съезде подали в отставку, не будучи согласны с политикой Ц.К. (см. речь т. Троцкого: «Начало кризиса»).

Дюре. Ж. По образованию химик—вошел в раб.движение в начале войны, стоял на интернацион. позиции, примкнул к „Комитету III Инт.“, после Тура сорганизовал группу студентов-комсомольцев. Д. после III конгресса Коминтерна был в оппозиции единому фронту, участвовал в качестве делегата на IV конгрессе Коминтерна, присоединился вместе с тт. из его группы (Даниэль Рену и др.) к решениям конгресса, на котором Д. был избран членом И.К.К.И.

Жорес, Жан. Будучи профессором философии и истории тулузского университета, он выделился, как политический деятель в „дрейфусовский“ период, в течение которого Ж. выступил, как честнейший и вместе с тем обладавший огромнейшей эрудицией деятель в защиту невинно осужденного. С тех пор Ж. отдался целиком политической деятельности и выступал часто в парламенте, членом которого он постоянно переизбирался. Ж. примкнул вначале к радикальной партии, а затем, присоединившись к социалистам-реформистам, он сделался вскоре самым влиятельным вождем их. После создания объединенной Соц. парт. Ж. оставался бессменным партийным вождем правого крыла, объединившего реформистов всех толков, названных по имени их вождя „жоресистами“. Жорес был редкой честности человек и один из благороднейших противников марксизма, но вместе с тем глубоко уважавший все то, что им было усвоено от марксизма. Ж., основавший газету „Юманите“ (эта газета была центральным органом соц. партии и является теперь центральным органом Ф.К.П.), оставался бессменным редактором ее и одним из активнейших и плодовитейших сотрудников. Как оратор Ж. не имел себе равных во Франции и считался одним из величайших ораторов во II Интернационале, членом бюро которого он состоял в течение многих лет. В отношении ораторского таланта весь французский рабочий класс вполне заслуженно считал Жореса великим народным трибуном. Когда приближалась мировая война Ж. явился неутомимым борцом против войны, которую он надеялся предотвратить не революционным восстанием пролетарских масс против буржуазии, а переговорами с капиталистическим правительством и давлением, так называемого, общественного мнения на это правительство. Но и такое противодействие войне со стороны Ж. показалось неудобным Пуанкарэ, Леону Доде и всей черной сотне из французских биржевиков, подославших наемного убийцу, от преступной руки которого 1 августа 1914 г. погиб Ж., сраженный пулею наповал. (См. о Ж. статью: Ф.К.П. и ее предшественники).

Примечание: Убийца Жореса, некто Вилен, член организации французских монархистов, был оправдан „беспристрастным“ республиканским судом.

Жуо. Генеральный секретарь Всеобщей (или Генеральной) Конференции Труда (C.G.T.). До войны Ж. был антимилитаристом и революционным синдикалистом, стоявшим за активное и прямое действие масс против буржуазии. С объявления войны, Ж.—ренегат, патриот, изменяющий интересам рабочего класса и ревниво оберегающий интересы буржуазии, наемным агентом которого он является. Ж. занимается травлей коммунистов и прилагает все свои усилия, чтобы вытравить коммунистическую „крамолу" из профсоюзов. Ж. является заклятым врагом советской власти (см. статью: „Французский социализм накануне революции").

Журд, Антуан. Один из борцев Парижской Коммуны, примкнувший затем к Геду и являвшийся активным работником в „Рабочей партии". Ж. был избран в 1889 и переизбран в 1893 г. членом парламента.

Кабэ, Этьен (1788 г.—1856 г.). Социалист-утопист, пытавшийся осуществить свои утопии, изложенные им в романе „Путешествие в Икарию". К. совместно со своими приверженцами приобрел большую незаселенную территорию на берегах Красной реки в Техасе и образовал там коммунистическую общину, члены которой назывались „икарийцами". Посредством подобных общин „икарийцы" надеялись преобразовать угнетательское классовое общество в коммунистическое. Из этой затеи ничего, понятно, не вышло.

Кайо. Французский „радикал", был председателем совета министров и играл большую роль во французской политике. Незадолго до войны одна из французских бульварных газет „Фигаро" начала публиковать различные документы о романтических похождениях К. Жена последнего застрелила редактора газеты, создался процесс, который раскрыл всю грязь капиталистически-парламентских клик, к которым принадлежал К., лишившийся затем своего политического веса и сошедший с политической сцены.

Картье—рабочий, примкнувший во время войны к „Комитету возобновления международных сношений" (см. Комитет III Инт.), на марсельском съезде К. был избран членом Ц.К.Ф.К.П., участвовал в качестве делегата своей партии на расширенном пленуме И.К. К.И. в июне 1922 г.

Кашен, Марсель. Один из влиятельнейших вождей Ф.К.П. Кашен является старым учеником Геда и с самой юности своей принадлежал к марксистскому лагерю. Находясь в рабочем движении десятки лет, К. уже задолго до войны занял в нем значительное место, как пропагандист, парламентский оратор, марксистский журналист и т. д. Во время войны К. стал на точку зрения защиты „отечества" вместе с большинством фр. соц. партии. Но после войны, когда результаты „победы" ясно обозначились в версальском грабеже и разрушении Европы, К. вместе с другими своими единомышленниками, убедившись в ошибочности своей патриотической позиции, продвинулся значительно влево, вскоре начал приближаться к позиции Коминтерна и повел энергичную пропаганду за вступление французской партии в Коминтерн. Эта пропаганда привела к результатам Турского съезда (см.э.сл.) К. был несколько раз в России в качестве делегата Ф.К.П. на расширенном пленуме И.К.К И. и последний раз на IV конгрессе Коминтерна. По возвращении во Францию и развитии рурских событий К. вместе с другими франц. коммунистами повел борьбу против хищнической политики Пуанкарэ и прочих огол-

телых империалистов. За это К. обвиняется в „заговоре“, лишен депутатской „неприкосновенности“ и брошен в тюрьму, где находится еще и в настоящий момент (апрель 23 г.). К. является членом Ц.К.Ф.К.П. и главным редактором центрального органа партии „Юманите“.

Кер. На Марсельском съезде был избран членом Ц.К.Ф.К.П. и исполнял ответственную работу секретаря по международным сношениям Ц.К. Кер был делегатом на IV конгрессе Коминтерна, вернулся во Францию и попал в тюрьму по тому же делу о „заговоре“, как Кашен (см. э. сл.).

Киентальская конференция. Состоялась в апреле 1916 г. в Швейцарии в небольшом городке Киентале. В этой конференции принимали участие русские, французские, немецкие, итальянские, швейцарские и интернационалисты др. стран. Эта конференция дала большой толчок развитию революционного движения, заглохшего было в начале войны и уже ясно формулировала, что империалистская война неизбежно приведет к крупным классовым столкновениям и гражданским войнам.

Комитет III Интернационала. В 1915 г. группа французских социалистов и синдикалистов, относившихся отрицательно к социал-патриотической политике официальных органов партии и синдикатов, образовали „Комитет по возобновлению международных связей“. Этот комитет участвовал в конференциях в Циммервальде и Киентале и развил большую работу по пропаганде идей пролетарской солидарности. В мае 1919 г. руководители Комитета (Лорио, Монат и др.) преобразовали его в „Комитет III Интернационала“. После образования Ф.К.П. этот „Комитет“ был упразднен.

Конгрессы Коминтерна: I конгресс, на котором Коминтерн был основан, состоялся 2—5 марта 1919 г.; на этом конгрессе был рассмотрен проект устава, принят и опубликован манифест ко всем пролетариям. II конгресс состоялся в июле 1920 г. и в центре своих работ поставил выработку условий приема в Коминтерн; результатом этих работ явилось 21 условие. III конгресс состоялся в июне 1921 г.; из вопросов об отдельных секциях Коминтерна на этом конгрессе стоял вопрос о тактике Германской Компартии. IV конгресс состоялся в ноябре 1922 г.; на этом конгрессе по вопросу о тактике отдельных секций в центре внимания стоял вопрос о Ф.К.П. (см. доклад т. Троцкого на IV конгрессе). Все четыре конгресса состоялись в Москве и заседали в Кремле. На первом конгрессе председателем Коммунистического Интернационала был избран т. Зиновьев. Ему же международный пролетариат вручал этот мандат и на всех последующих съездах.

Лапорт. Активный партийный работник и секретарь Французского Коммунистического Союза Молодежи. Л. был делегатом на IV конгрессе Коминтерна и на расширенном пленуме, теперь в тюрьме за коммун. пропаганду.

„Ля Ви Увриер“ (La Vie Ouvrière). Группа революционных синдикалистов, сорганизовавшихся во время войны, стоящих теперь во главе В.О.К. Труда и идущих вместе с Ф.К.П. Их орган называется также „La Vie Ouvrière“ (т.-е. „рабочая жизнь“).

Лафарг Поль (1840—1911 г.). Один из лучших французских марксистов и ближайших единомышленников Геда по созданию „Рабочей партии“. Л., будучи исключен из парижского университета за

участие в демонстрации против монархии (в 1866 г.), переехал в Лондон и закончил там свое медицинское образование. Там же Л. познакомисля с Марксом и сдружился с семьею последнего (Л. женился на дочери Маркса). Лафарг был членом Генерального Совета Интернационала, организовал и участвовал в восстании на юге Франции в 1871 г., после подавления Коммуны бежал в Испанию, принимал там деятельное участие в социалистическом движении, вернулся во Францию после амнистии и был до конца дней своих одним из влиятельных вождей французского рабочего движения.

Лафон, Эрнест.—Адвокат, журналист, депутат, в рабочем движении со времен существования „Рабочей партии" (см. статью „Ф.К.П. и ее предшественники"). Во время войны Л. оставался на правом фланге французской социалистической партии и прилагал все усилия для победы буржуазии. В 1920 г. Л. „путешествовал" из Парижа в Варшаву, где он вел „дружеские" переговоры с Пилсудским, а затем приехал в Советскую Россию, откуда он через несколько дней был выслан. Л. вернулся во Францию и начал „леветь", а на турском съезде остался с большинством и вошел в Ф.К.П. После III конгресса Коминтерна Л. поддерживал „искусную" политику Фроссара(см. э. сл.)по отношению к Коминтерну; после IV всемирного конгресса Л. не желал подчиниться постановлениям Конгресса, в частности, по вопросу о профдвижении и был исключен из партии, а теперь он вместе с Фроссаром ведет атаку против коммунизма.

Лесьяг, Люси.—Член Ц.К.Ф.К.П., по профессии—стенографистка, состояла в течение 1922 г. членом президиума И.К.К.И. и была делегаткой от своей партии на IV конгрессе Коминтерна.

Ломбар. Один из основателей „Рабочей партии", вместе с Гедом и Лафаргом выработал программу „Рабочей партии", которая была окончательно проредактирована при участии Маркса и Энгельса (текст программы см. статью: Ф.К.П. и ее предшественники).

Лонге, Шарль (отец). В 1864 г. основал газету „La rive gauche", был членом I Интернационала и принимал участие во многих конгрессах его. Во время Коммуны он был редактором „Journal officiel", а 16 апреля 1871 г. членом Коммуны, после падения Коммуны бежал в Англию, вернулся во Францию после амнистии, принимал участие в деятельности „Рабочей партии" и редактировал ее орган „Egalité". Л. был женат на дочери К. Маркса.

Лонге, Жан (сын Шарля Лонге). Вождь диссидентов, депутат парламента. Во время войны Л. приличия ради становился временами в позу „оппозиционера", никогда и ни в чем не отказавшего правительству своего „отечества". После войны Л. целиком поддержал версальский „мир" на деле, иногда возражая на словах. Французские рабочие характеризуют Л., как политического деятеля, следующей краткой формулой: „маленький внук великого деда", т.-е. К. Маркса. (Подробно о Л. см. статью: „Жан Лонге").

Лонгетисты. Принадлежащие к группировке Лонгэ. Органом лонгетистов является ежедневная газета „Ле Популер" (Le Populaire").

Лорио. Был одним из первых французских социалистов, которые повели во Франции энергичную борьбу против империалистической войны. Л. принимал активное участие в „Комитете для восстановления международных связей" и затем был одним из руководителей „Комитета III Интерн" (см. э. сл.). В 1920 г. Л. был

брошен в тюрьму по обвинению в „заговоре". По выходе из тюрьмы Л. вместе с другими товарищами принимал активное участие в образовании Ф.К.П., был членом Ц.К. и представителем партии на III конгрессе Коминтерна. По болезни Л. отошел затем от всякой политической работы.

Лузон. Профессиональный работник, проведший долгий ряд лет в лагере революционного синдикализма, работал в Тунисе, где в последние годы развивал энергичную коммунистическую агитацию был за это выслан оттуда и отбыл в тюрьме шестимесячное наказание. Л. принадлежал к группе „La Vie Ouvrière", теперь вошел в Ф.К.П.

Марсельский съезд Ф.К.П. состоялся в декабре 1921 г. На этом съезде были приняты резолюции по след. вопросам: аграрному, об обороне страны, отношении к профсоюзам, избирательной тактике, организации женщин-коммунисток, прессе и кооперации. Во время Мар. съезда партия насчитывала 130.000 членов, а парламентская комфракция состояла из 13 депутатов.

Мартинэ, Марсель. Французский поэт, коммунист, получивший свое революционное воспитание в группе „Ля Ви Увриер" (см. э. сл.), написавший известную пьесу „Ночь". (См. статью: „Драма французского пролетариата").

Мерргейм. Секретарь реформистского профсоюза металлистов, входящих в Г. К. Труда (см. э. сл.). М. в начале войны был настроен оппозиционно и после Циммервальдской Конференции (см. э. сл.) примкнул к правому циммервальдскому крылу, а затем начал катиться к социал-патриотизму, докатился до полного ренегатства и ныне является ближайшим соратником Жуо и К° (см. статью: „Французский социализм накануне революции").

Мерик, Виктор. Журналист-юморист, бывший анархист, примкнувший к Эрве. М. во время войны примкнул к „Комитету для возобновления" (см. э. сл.), был затем за безоговорочное присоединение к Коминтерну до Тура, где вошел в Ф.К.П. и сотрудничал в „Юманите" (L'Humanité). После IV конгресса М. не подчинился решениям последнего, ушел с Фроссаром и теперь ведет отчаянную атаку против компартии и Коминтерна.

Мильеран. Бывший „социалист", благодаря своему ренегатству добившийся поста президента франц. республики, в каковой должности он сейчас и состоит. В 90 гг. XIX ст. М. был одним из основателей „независимой социал. партии", которую он организовал, для того, чтобы затем в качестве представителя рабочих взобраться по пролетарским спинам на вершину управления республикой банкиров и капиталистов. Как только М., этот не останавливающийся ни пред чем карьерист, правой рукой ухватился за кончик министерского портфеля, он левой рукой отшвырнул от себя и партию, и рабочий класс, обменив свой „социализм" на солидное содержание и превратившись в одного из яростнейших палачей рабочего класса.

Мистраль. Депутат, мэр города Гренобля, вошел в рабочее движение при организации „Рабочей Партии", членом которой он состоял, равно как затем и в „объединен. франц. партии". Во время войны стоял на половинчатой лонгетистской позиции, на Турском съезде (см. э. сл.). М. был во главе диссидентов и содействовал расколу. Теперь пребывает в „социалистической" партии.

Монат. Является одним из наиболее стойких вождей революционных синдикалистов. М. оставался во все время войны непоколебимым интернационалистом, был одним из инициаторов создания „Комитета для возобновления межд. связей", а затем членом „Комитета III Интерн." и в качестве такового был привлечен к ответственности по обвинению в „заговоре" и провел в тюрьме долгий ряд месяцев. М. является теперь одним из руководителей Всеобщ. Объед. Кон. Труда (C. G. T. U.). М. долго оставался вне партии, членом которой он стал в конце марта 1923 г. (о М. см. статьи: „Французский социализм накануне революции" и „Французский синдикализм и Сов. Россия").

Монмуссо. Генеральный секретарь В. О. К. Труда (C. G. T. U.). М. один из руководителей группы „Ля Ви Увриер". Вместе с Монатом и другими был привлечен в 1920 г. к ответственности по обвинению в „заговоре", так как М. был активным членом „Комитета III Интернационала". М. и сейчас (апрель 1923 г.) сидит в тюрьме, будучи снова обвинен в „заговоре" вместе с тт. Кашеном, Трэном и др. за то, что они вели коммунистическую пропаганду против захвата Рура. М. представлял C.G.T.U. на последнем (в ноябре 1922 г.) Конгрессе Профинтерна.

Моризэ, Андрэ. Был членом Ф. К. П. и недавно вышел из ее состава. М. является автором книги: „У Ленина и Троцкого". Характеристика М. дана тов. Троцким в предисловии к русскому изданию этой книги; из этого предисловия мы приводим здесь следующие выдержки:

„Моризэ—мэр одного из предместий Парижа—так можно охарактеризовать его не только в „служебном", но, так сказать и в политически-моральном смысле, ибо мэры рабочих предместий Парижа сложились в некоторую корпорацию с очень определенным обликом".

„Андрэ Моризэ был самой природой создан для поста социалистического мэра французского предместья эпохи парламентарного социализма. Моризэ—журналист, не лишенный дарованья, но без всякой глубины и даже без претензий на таковую". „В то же время Моризэ попечительный глава своего прихода и все вопросы Франции, в последнем счете, стоят для него под знаком Булонской мэрии".

„Бурное развитие событий после войны, приведшее к решительному сдвигу всей французской партии влево, сделало и Андрэ Моризэ—на время—членом III Интернационала. Эта эволюция была ему не вполне по душе, и он, в сущности, не скрывал этого: Моризэ вошел в III Интернационал вместе с большинством своей партии, как пленник этого большинства и и уж никак не инициатор новой ориентации. Симпатии его к русской революции были, однако, вполне искренни".

„Когда же оказалось, что коммунизм обязывает не только к сочувствию Советской России, но и к определенному образу действий у себя, во Франции, в Париже и в припарижской Булони,—тогда Моризэ вышел из коммунистической партии и тем самым из Интернационала".

Парижский съезд Ф. К. П. Состоялся в октябре 1922 г. Этот съезд является II съездом Французской Компартии и XX съездом с основания соц. партии, большинство которой вошло в Ф. К. П.

Перика. Старый революционный синдикалист, был одним из руководителей союза строительных рабочих. Все время оставался революционным синдикалистом, П. участвовал в „Комитете

III Интернационала". находился в нем на крайне левом фланге, пытался в 1919 г. организовать компартию. Своей коммунистической деятельностью привлек особенное внимание французской охранки, бежал от преследований в Италию, а затем сошел с политической сцены.

Пилло. Был членом Партии Коммуны 1871 г. и принадлежал к самым крайним. После разгрома Коммуны П. был приговорен военным судом к пожизненным каторжным работам.

Пиок, Жорж. Журналист-поэт, примкнул к рабочему движению, после войны присоединился к „Комитету III Инт.", вскоре после Тура был секретарем Сенской федерации, на марсельском съезде был избран в кандидаты Ц. К. партии. П. отличался своим толстовским „интернационализмом", последний год вел борьбу против красного „милитаризма", подлежал за свой „коммунизм" исключению из партии, но предпочел своевременно дезертировать вместе с Фроссаром из пролетарских рядов.

Питт, Вильям (1759 г.—1806 г.). Английский политик, являвшийся свирепейшим врагом французской революции. Питт не брезгал никакими средствами для достижения своих контр-революционных целей.

Прудон, Пьер-Жозеф (1809 г.—1865 г.). Был наборщиком и провел свои первые юношеские годы в крайней бедности. П. был предан ученью, много работал над своим развитием и, обладая редкими способностями, сделался впоследствии одним их влиятельнейших анархистов-утопистов. Утопии П. крайне наивны; напр., в январе 1848 г. он призывал рабочих основать свой народный банк. „Банк" был основан, но вскоре лопнул. Несмотря на подобные наивные забавы, прудонизм в течение многих лет и после смерти Прудона оставлял некоторые следы на франц. раб. движении. Одно из самых значительных произведений П. „Философия нищеты" было раскритиковано Марксом в его ответе „Нищета философии".

Ренодель. Старый товарищ Мильерана и Бриана, вместе с которыми Р. в 1898 г. основал „независимую соц. партию". Через некоторое время Р. разделил с Мильераном и Брианом общую работу по услужению буржуазии: Мильеран и Бриан вошли в правительство, а Р. вошел в „объединенную соц. партию", чтобы там служить буржуазии. Этот чуждый рабочему классу господин лез в „вожди", но оставался все время второстепенной величиной, так как рабочие никогда не любили Р., хотя он и терся постоянно около Жореса. После убийства Жореса, Р. мнил себя замещающим Жореса, но его посредственная личность, преданность буржуазии и ненависть к пролетариату столь обнажили предательство Р., что от него отшатнулись даже социал-патриотически настроенные рабочие и в большинстве передвинулись к лонгетистам (см. сл. Лонгэ). Теперь Р. находится на самом правом фланге фр. соц. партии, является ярым врагом коммунизма и лаятелем против Сов. России.

Рено-Жан. Один из активнейших работников Ф. К. П. и руководитель работой партии среди крестьянства. На марсельском съезде Ф. К. П. был избран членом Ц. К. партии. На IV конгрессе Коминтерна Р. Ж. участвовал в качестве делегата Ф. К. П. и был содокладчиком по аграрному вопросу.

Рену, Даниель. Активный партработник, выполняющий в партии журналистские функции. Р.—редактор партийного органа „L'Interna-

tionale", на Турском съезде был избран в члены Ц. К. и на Марсельском съезде снова вошел в состав Ц. К. партии, был делегатом на расширенном пленуме И. К. К. И. (в 1922 г.) и на IV конгрессе Коминтерна.

Росмер. Один из влиятельных деятелей французского профдвижения. С самого начала империалистской войны Р. оставался непоколебимым в своей революционной позиции и непримиримым в своей классовой ненависти к буржуазии. Р. был одним из активных работников в „Комитете для возобновления международных связей", а затем и „Комитета III Интернационала" (см. э. сл.). Когда, 1919—20 г.г. во французском пролетариате началось широкое движение в пользу создания Красного Профинтерна, Р. отправился в Россию, где он в июле 1920 г. в качестве представителя французского пролетариата был в числе основателей Красного Профинтерна. Р. оставался больше года в России, изучал организацию советского строя, присматривался к работе Р. К. П., анализировал ее роль в управлении государством, подверг глубокой критике отношение синдикалистов к партии и, вернувшись во Францию, первый из крупных руководителей революционного синдикализма (группы „Ла Ви Увриер") вступил в ряды Ф. К. П. Р., в качестве делегата участвовал в работах учредительного Конгресса Профинтерна (в июле 1921 г.), на II Конгрессе Профинтерна (в ноябре 1922 г.), а также в качестве делегата от Французской Компартии на IV конгрессе Коминтерна.

Садуль, Жак. Французский социалист, бывший в России среди французских отрядов во время войны. После Октябрьской революции С. немедленно стал на сторону пролетариата и с тех пор ведет активную коммунистическую работу. Тов. С. за свою преданность делу рабочего класса был заочно судим французскими империалистами за „измену" и приговорен к смертной казни. С. выступил в процессе эс-эров в качестве защитника одного из подсудимых той группы, которая отреклась от Ц. К. эс-эров. С. был делегатом на I съезде Коминтерна.

Самба. Был одним из руководителей фр. соц. партии, талантливый журналист и оратор, член парламента. С начала войны весь свой талант и всю свою энергию С. употребил на служение буржуазии. Будучи послан вместе с Гедом в правительство, С. принял портфель министра труда и „защищал" труд рабочих тем, что заставлял их работать до потери сил для производства орудий истребления во имя спасения „отечества". После войны С. поддерживал все грабительские мероприятия своего правительства.

Селье, Луи. Член Ц. К. Ф. К. П. и второй секретарь Ц. К. Селье—член парижского муниципалитета. В течение 1922 г. тов. С. пробыл несколько месяцев в России, участвовал в двух пленумах И.К.К.И. и представлял Ф. К. П. в И. К. К. И., членом президиума которого он являлся. С. теперь ведет большую работу в партии, руководя всем секретариатом Ф. К. П., так как генеральный секретарь, т. Трен, находится в тюрьме (вместе с Кашеном, Монмуссо и др.).

Суварин, Борис. Член Ц. К. Ф. К. П., редактор партийного еженедельника „Коммунистический бюллетень" („Bulletin Communiste"). С. является одним из активных работников партии, был в числе руководителей „Комитета III Интернационала", за что и сидел

вместе с другими (Лорио, Монат и др.) в тюрьме. С. участвовал в качестве делегата Ф. К. П. на III и IV конгрессах Коминтерна и в течение 1922 г. состоял членом президиума И. К. К. И.

Тан (Temps). Самая крупная буржуазная газета во Франции. Т. стоит близко к биржевым и правительственным кругам и является официозом этих кругов.

Тест, Шарль. Один из искреннейших коммунистов 30 г.г. XIX ст. Т. был преданным последователем Бабефа (см. э. сл.).

Томази. Член Ц.К.Ф.К.П., председатель союза шоферов и авиаторов, старый профессиональный работник, один из руководителей В.О.К. Труда. Т. был делегатом на III конгрессе Коминтерна.

Тома, Альбер. Член парламента, один из лидеров правого крыла фр. соц. партии, от имени которой Т. заседал во время войны в правительстве в качестве министра снабжения. Своей преданностью буржуазии он заслужил от последней особенную милость: когда империалисты состряпали Лигу Наций, то они открыли при Лиге бюро труда и для заведывания пригласили Т., потому что он является верным приказчиком буржуазии, и она может на него вполне положиться. Но одновременно Т. является одним из воротил и во II Интернационале иначе он не имел бы никакой цены для „бюро труда", созданного эксплуататорами.

Турский съезд. На Турском съезде фр. соц. партии, состоявшемся в декабре 1920 г., был поставлен вопрос о присоединении к III Интер. За безоговорочное присоединение высказалось 3.252 голоса (часть партии, шедшая за „Комитетом III Инт.") за присоединение с оговорками—1.082 (центр партии с Лонгэ во главе), воздержалось—397 (правая с Реноделем и Блюмом во главе).

Трен. Генеральный секретарь Ц.К.Ф.К.П., по профессии учитель, которого французское правительство уволило за активную коммунистическую деятельность. В настоящее время (апрель 1923 г.) Т. находится в тюрьме по обвинению в „заговоре" (вместе с Кашеном, Монмуссо и др.).

Фабр, Анри. Исключен из Ф.К.П. за его борьбу против Коминтерна и разложение, которое он стремился вносить в партийные ряды. Ф. использовал свою партийную принадлежность для борьбы с коммунизмом. Являясь предпринимателем издаваемой им газеты „Journal du Peuple" Ф. пользовался своей газетой, как орудием против пролетарской партии, т.-е. против пролетариата.

Фроссар. Бывший член Ф.К.П. и бывший генеральный секретарь ее. Фроссар был до Тура и в Туре одним из тех, кто понял, что если пойти против Коминтерна открыто, то масса того отшвырнет. Поэтому Ф. вошел в Коминтерн, чтобы бороться внутри него против Интернационала. За все время, что Ф. оставался секретарем партии и направлял деятельность ее, наблюдался полнейший саботаж всех существенных постановлений И.К.К.И. Фроссар горою стоял за Фабра (см. это сл.), потому что Фабр недалеко ушел от Фроссара. Как только пришлось применить на деле красноречивые обещания: „бороться", „быть верным солдатом пролетарской армии" и пр. обещания, которые с таким апломбом давал Фроссар и его теперешние единомышленники, он бросился бежать без оглядки. Фроссар дезертировал со своего ответственного поста в тот момент, когда империалистический

кулак французской буржуазии свирепо ударил по партии, заточив в казематы лучших борцов за коммунизм (Кашен, Трен и др.), с которым до тюрьмы вместе шел Ф. Теперь Ф. ведет борьбу против Коминтерна и против той партии, которую он недавно возглавлял.

Циммервальдская Конференция. По инициативе итальянских социалистов в Циммервальде (Швейцария), в начале сентября 1915 г. собралась конференция представителей различных стран, в которых к тому времени уже имелись сорганизованные группы революционеров-интернационалистов. Циммервальдская конференция выпустила манифест ко всем пролетариям и в этом манифесте призывала боровшиеся за империалистические цели армии начать брататься и повернуть оружие против внутренних врагов. Через два года лозунг, брошенный в Циммервальде, осуществился в России, а затем и на франко-германской границе. Из вождей Р. К. П. в циммервальдской конференции принимали участие т.т. Ленин, Троцкий и Зиновьев.

Эрве, Густав. Издатель и редактор черносотенного листка „Victoire" („Победа"). Эта „Победа" была в одну ночь одержана Эрве над его „социальной войной („Guerre Sociale"), которую он издавал до войны, когда он был анархистом „без отечества", как он подписывался („Sans patrie"). И вместе с переменой названия своего листка Э. переменил свой „революционный анархизм" на „республиканский" монархизм, воскликнув в первый же день объявления войны: „да здравствует царь"! С тех пор Э. опускался все глубже в черносотенную яму и в настоящее время представляет собою худший экземпляр французского Пуришкевича.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От издательства 7
Итоги законченного периода—вместо предисловия 11

I. ДО ОСНОВАНИЯ Ф. К. П.

Письмо к французским товарищам 23
Французский социализм накануне революции 26
Жан Лонгэ 37
К предстоящему конгрессу Коммунистического Интернационала 44
Письмо французскому синдикалисту о коммунистической партии 55
Вержа—Лепти—Лефевр 63

II. ОТ ОСНОВАНИЯ Ф.К.П. ДО НОЯБРЯ 1921 г. (ПОСЛЕ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА).

Тактика партии по отношению к левому блоку 69
Письмо товарищу Монату 80
Письмо Кашену и Фроссару 83
О центральном органе „L'Humanité", ... 86
Письмо И. К. К. И. Центральному Комитету Ф. К. П. . . 90
Французский синдикализм и Советская Россия 96

III. ГОД КРИЗИСА: НОЯБРЬ 1921 г.—НОЯБРЬ 1922 г. (ОТ III ДО IV КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА).

Письмо И. К. К. И. Марсельскому съезду Ф. К. П. 107
Единый фронт 113
О едином фронте 130
Начало кризиса 148
Письмо Моризэ 163
Коммунисты и крестьянство во Франции 166
Письмо И. К. К. И. Центральному Комитету Ф. К. П. . . 172
Кризис Франц. Коммун. Партии 180

Стр.

Письмо товарищу Росмеру. 207
Французский коммунизм и позиция т. Раппопорта. . . . 210
Письмо тов. Керу 214
Единый фронт и левый блок. 218
Резолюция расширенного пленума И. К. К. И. 260
Письмо товарищу Трену. 269
Письмо И. К. К. И. Сенской федерации 273
Письмо И. К. К. И. Парижскому Съезду Ф. К. П. 278
Письмо И. К. К. И. Парижскому съезду Ф. К. П. . . . 296
„Противоречия“ советской политики. 297
Драма французского пролетариата 304

IV. ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА.

„Коммунизм“ и... франк масонство 317
Ф. К. П. на IV Конгрессе Коминтерна 321
Резолюция IV Конгресса по франц. вопросу 363
Рабочая и боевая программа Ф. К. П. 372
Резолюция французской комиссии 378

V. ПРИЛОЖЕНИЯ.

Необходимое объяснение с синдикалистами—коммунистами 385
Ф. К. П. и ее предшественники 393
Пояснительный словарчик имен и событий 435

4р. 50к.